Санкт-Петербургский государственный университет

XXIX Открытая конференция студентов-филологов

20—25 апреля
2026 года

сборник тезисов

Санкт-Петербург, 2026
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Полина Игоревна Кондратенко, председатель, к. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии СПбГУ

Ксения Андреевна Пересыпкина, сопредседатель, магистрантка 1 курса

Екатерина Дмитриевна Волошенкова, секретарь, студентка 4 курса

Мария Алексеевна Филиппова, магистрантка 1 курса

Валерия Денисовна Исаева, студентка 4 курса

Савелий Алексеевич Цветков, магистрант 1 курса

Анна Дмитриевна Медведько, магистрантка 1 курса

Артем Викторович Андреев, выпускник кафедры математической лингвистики СПбГУ, ООО «ОКТЕТ Лабз» (по согласованию)

Сергей Александрович Белов, к. юрид. наук, проф. кафедры конституционного права СПбГУ

Любовь Дмитриевна Бугаева, д. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ, куратор направления «Кино|Театр|Текст»

Ирина Юрьевна Ганус, первый заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга (по согласованию)

Сергей Александрович Жилюк, к. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии СПбГУ, куратор направления «Романо-германская филология»

Максим Львович Кисилиер, к. филол. наук, доц. кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой СПбГУ, куратор направления «От классической филологии до неоэллинистики»

Юлия Юрьевна Мариничева, к. филол. наук, ст. преп. кафедры истории русской литературы, куратор направления «Литература и фольклор»

Ольга Владимировна Митренина, к. филол. наук, доц. кафедры математической лингвистики СПбГУ, куратор направления «Общее языкознание»

Александра Витальевна Тоичкина, к. филол. наук, доц. кафедры славянской филологии СПбГУ, куратор направления «Славистика»

Дмитрий Наилевич Чердаков, ст. преп. кафедры русского языка СПбГУ, куратор направления «Русский язык»

Редакторы: Волошенкова Е. Д., Киселева К. О., Кондратенко П. И., Пересыпкина К. А., Филиппова М. А., Фомич В. А.

(00 Nn) XXIX Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ, 20—25 апреля 2026 г., Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов, прозвучавших на XXIX Открытой конференции студентов-филологов, которая прошла в апреле 2026 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы объединены в восемь направлений: «Русский язык», «Литература и фольклор», «Общее языкознание», «Славянская филология», «Романо-германская филология», «От классической филологии до неоэллинистики», «Кино|Театр|Текст» и «Будетляне». Сборник адресован прежде всего студентам и аспирантам (филологам, лингвистам, фольклористам, антропологам, культурологам, киноведам и педагогам), а также широкому кругу читателей.
Языки тезисов: русский, английский.
Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

XXIX Open Conference for Philology Students at St. Petersburg State University, April 20—25, 2026: The Book of Abstracts.

This book contains abstracts of papers presented at the Open Conference for Philology Students, which was held in April 2026 at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. The

abstracts are organized under eight general thematic categories: «Russian language», «Literature and folklore», «General linguistics», «Slavonic philology», «Romanic-Germanic philology», «From Classical philology to Neo-hellenistics», «Cinema|Theatre|Text», «Budetliane». The collection is addressed primarily to undergraduate and graduate students (philologists, linguists, folklorists, anthropologists, cultural studies scholars, film scholars, and educators), as well as to a wide range of readers.
Languages of abstracts: Russian, English.
Abstracts are presented in the author's edition.

Подписано к использованию 00.00.2026
Издательство:
Тел./факс:
E-mail:

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ 2
СОДЕРЖАНИЕ 4
НАПРАВЛЕНИЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК» 6
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» 6
СЕКЦИЯ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА» 19
СЕКЦИЯ «ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА» 36
СЕКЦИЯ «АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА» 44
СЕКЦИЯ «КОЛЛОКВИАЛИСТИКА (АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ)» 52
СЕКЦИЯ «ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО» 64
НАПРАВЛЕНИЕ «ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР» 80
СЕКЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ» 80
СЕКЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА» 103
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР» 121
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РУССКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СТИХА» 141
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ» 146
СЕКЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ» 156
НАПРАВЛЕНИЕ «СЛАВИСТИКА» 167
СЕКЦИЯ «СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ» 167
СЕКЦИЯ «СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА» 176
НАПРАВЛЕНИЕ «РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» 178
СЕКЦИЯ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)» 178
СЕКЦИЯ «ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)» 191
СЕКЦИЯ «ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)» 196
СЕКЦИЯ «ДИСКУРС И ТЕКСТ» 212
НАПРАВЛЕНИЕ «ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ» 234
СЕКЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» 234
СЕКЦИЯ «БИБЛЕИСТИКА» 239
СЕКЦИЯ «БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА» 242
НАПРАВЛЕНИЕ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» 247
СЕКЦИЯ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» 247
СЕКЦИЯ «ФОНЕТИКА» 257

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛИНГВИСТИКА» 269
СЕКЦИЯ «КОМПЬЮТЕРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА» 276
СЕКЦИЯ «ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» 294
НАПРАВЛЕНИЕ «КИНО|ТЕКСТ|ТЕАТР» 304
СЕКЦИЯ «КИНО|ТЕКСТ» 304
СЕКЦИЯ «ТЕАТР» 318
НАПРАВЛЕНИЕ «БУДЕТЛЯНЕ» 323
СЕКЦИЯ «БУДЕТЛЯНЕ. ГИПОТЕЗА В ФИЛОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ БОИ» 323

НАПРАВЛЕНИЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК»

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Акимова Анастасия Олеговна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Канцеляризмы с компонентом «благо-» в деловом языке XVIII в. (на материале законодательных актов Петра I и Екатерины II)

В истории становления официально-делового стиля особое место занимает XVIII в. как эпоха формирования русского литературного языка и его функциональных стилей. Несмотря на то, что деловой язык как особый тип русского языка восходит к дописьменному периоду и развивается на протяжении XI—XVII вв., специфические для современного делового письма языковые черты формируются именно в документных текстах Петровской эпохи, когда происходит обновление делового языка и кодификация его норм. Новый — «канцелярский» — деловой язык должен был войти в систему функциональных стилей русского литературного языка и потому должен был соответствовать критерию «книжности». Славянизмы «переквалифицировались» в стилеобразующие средства нового делового языка, в котором получали новое лексическое значение и в дальнейшем закрепились в качестве канцеляризмов. В деловом языке Петровской эпохи активно использовались славянизмы с компонентом *благо-*, придающим документным текстам возвышенность и книжность. Кроме того, лексический состав делового языка этого периода пополнялся за счет создания новых слов, образованных по образцу славянских моделей и с использованием славянских компонентов, в т. ч. компонента *благо-*.

Научная новизна исследования заключается в анализе особенностей и путей формирования и развития канцеляризмов с компонентом *благо-*, что восполняет лакуну в области, посвященной механизмам функциональной адаптации славянизмов, освоению их деловым стилем. Отметим, что ранее специальные исследования канцеляризмов с компонентом *благо-* на материале законодательных актов Петра I и Екатерины II, которые послужили материалом исследования, не проводились.

Цель доклада — описать механизмы образования канцеляризмов с компонентом *благо-* и принципы их функционирования в текстах деловой письменности.

Были использованы следующие методы анализа: метод словообразовательного анализа для определения моделей словообразования, семантико-стилистический анализ для прослеживания изменения значений и функционирования слова в текстах разных функциональных стилей русского языка, функциональный анализ для определения роли канцеляризмов с компонентом *благо-*.

Исследование показало, что в законодательных актах Петра I канцеляризмы с компонентом *благо-* (*благоволить*, *благорассмотрение*, *благосоизволение*) использовались для придания новому деловому языку книжной окраски. Канцеляризмы с компонентом *благо-* в документных текстах Петровской эпохи были либо генетическими славянизмами, адаптированными для канцелярского слога, либо новообразованными словами, созданными по продуктивной словообразовательной славянской модели с компонентом *благо-*. В законодательных актах Екатерины II семантика слов с анализируемым компонентом, использовавшихся в документных текстах XVIII в., характеризуется устойчивостью, что проявляется в их функционировании в составе устойчивых этикетных формул (напр., *представить на благоусмотрение*), что свидетельствует о закреплении этих слов за формирующимся официально-деловым стилем.

Аксютина Анна Сергеевна
студентка 4 курса
Дальневосточный федеральный университет

Молитвенная стратегия в памятниках древнерусской книжности («Сказание отца нашего Агапия» и «Хождение Зосимы к рахманам»)

В исследовании представлен сравнительный анализ реализации молитвенной стратегии в текстах двух древнерусских произведений: «Сказание отца нашего Агапия» (XII—XIII вв.) и «Хождение Зосимы к рахманам» (XIV в., XVII в.). Тексты являются апокрифическими переводными произведениями, которые в результате рецепции на славянской почве были включены в корпус текстов книжно-письменной традиции Древней Руси и функционировали как компоненты церковно-религиозного дискурса.
Целью исследования является реконструкция коммуникативно-прагматических характеристик текстов данных произведений, в частности коммуникативных интенций древнерусского книжника-переводчика и способов их реализации с помощью текстовых и разноуровневых языковых средств.
Новизна и актуальность исследования обусловлены недостаточной изученностью самих произведений и применением коммуникативно-прагматического подхода для получения результатов.
Памятники имеют идейно-тематическое сходство и решают схожие прагматические задачи: объяснение религиозных догм, наставление читателя и приобщение к монашескому подвигу. Конечной коммуникативной целью авторов «Сказания» и «Хождения», согласующейся с глобальной дискурсивной стратегией, является наставление читателя на пути к спасению души, а молитва как текстовый элемент и способ воздействия — один из главных его инструментов и яркий маркер принадлежности к описываемому дискурсу.
В работе молитва рассматривается как вспомогательная стратегия, которая способствует реализации основной дидактической стратегии. Текстовая реализация молитвенной стратегии связана со структурированием повествования, а среди языковых средств оформления молитвенных речевых актов выявлено активное использование директивов (*Господи, съкажи ми*), повелительных конструкций (*да будеть с тобою*), перформативных глаголов (*молихся*, *прославлю*).
В. И. Карасик выделяет следующие виды молитв по их коммуникативной цели: прошение, покаяние, восхваление, благодарение [Карасик, 2002: 226]. В памятниках находят отражение все перечисленные интенции, а в тексте «Хождения» появляются молитвы с особенной интенцией ходатайства, т. е. заступничества за все человечество, что соответствует одной из фундаментальных задач монашества. В «Сказании» молитвенная стратегия связана с обучением правильному обращению с сакральным словом: ошибка отца Агапия в употреблении имени Господа без должной необходимости и исправление Илией Пророком служат уроком для читателя.

Литература:
Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Боева Екатерина Андреевна
студентка 4 курса
Курский государственный университет

Гидронимы правобережья Посемья в структуре культурного кода Курского региона (на примере потамонима Рогозна)

Гидронимы Посемья образовались много столетий назад. Они являются хранителями культурного кода наших предков. Каждый водный объект имеет свою историю, находящую отражение в языке. Гидронимическая сеть Курщины обширна, вариативна и представляет интерес с точки зрения этимологии и словообразования. По замечанию В. О. Ключевского, «почти все реки Европейской России берут начало в озерах или в болотах и питаются сверх своих источников весенним таянием снегов и дождями» [Ключевский, 1937: 50]. Ученый фиксирует специфическую особенность русской гидрографии: у «текущих в более или менее меридиональном направлении» рек «правый берег <...> вообще высок, левый — низок» [Ключевский, 1937: 51]. Объектом настоящего исследования стал гидроним *Рогозна́,* на примере которого рассматривается теория о различии речных берегов. Рогозна — правый приток Сейма. Она имеет два истока: один протекает в Октябрьском районе, севернее деревень Андриановка и Соколовка (Большая Рогозна), а второй — севернее деревни Пеньковой (Малая или Средняя Рогозна) и впадает в Рогозну на территории того же района (согласно Гидронимическому словарю Посемья под ред. А. И. Ященко).

Для этимологического анализа гидронима следует обратиться к корню *рог-*. В «Словаре народных географических терминов» под ред. Э. М. Мурзаева зафиксирована лексема *рог* с семантикой ‘мыс, коса; крутая меандра реки; горный отрог; неглавная гряда; овраг, отвершек балки; узкий залив; место слияния рек; стрелка’ [Мурзаев, 1984: 331]. Ранее указанная особенность русской гидрографии объясняется законом Бэра, который был сформулирован ученым-естествоиспытателем К. Бэром в 1857 г. в статье «Почему у наших рек, текущих на север или на юг, правый берег высок, а левый низмен?» [Бэр, 1857]. Согласно этому закону текущие в Северном полушарии в направлении меридиана реки подмывают свой правый берег, а в Южном — левый. Это обусловлено «силой Кориолиса, которая действует на всем протяжении течения реки» [Трунев, 2016: 2]. Исследование гидронимии Курщины позволяет глубоко погрузиться в географию, семантику и этимологию Посемья. Даже изучение одного имени собственного раскрывает целый комплекс лингвистических, культурных и географических особенностей, что является ключевым аспектом в сохранении истории родной земли.

Литература:

Бэр К. Почему у наших рек, текущих на север или на юг, правый берег высок, а левый низмен? // Морской сборник. 1857. Т. 27. Отд. 3. С. 110—126.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1. М., 1937.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Трунев А. П. Закон Бэра и гипотезы Эйнштейна о вихрях // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 133 (09). С. 1—23.

Величко Ульяна Андреевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лексические, словообразовательные и грамматические разночтения в разновременных списках проложных редакций Жития Дм. Прилуцкого

Житие Димитрия Прилуцкого — памятник, стоящий, наряду с Житием Дионисия Глушицкого, у истоков вологодской агиографической традиции. Несмотря на давнюю традицию текстологического исследования памятника, многие его редакции изучены далеко не полностью. К подобным относятся проложные редакции Жития, которым посвящен доклад.

Списки проложных редакций Жития Димитрия Прилуцкого включены в состав Прологов, Торжественника (РГБ, ф. 722, № 205), агиографических сборников, а также в состав дополнительных статей к рукописям конца XV—XIX вв. На сегодняшний день известны Первая и Вторая редакции Жития Димитрия Прилуцкого, которые были выделены С. А. Семячко. Как показывает исследовательница, их наиболее значительное структурное различие — «отсутствие сведений о главном подвиге преподобного Димитрия — основании им обители, в которой он упокоился и по которой получил свое прозвание» [Семячко, Панченко, 2018: 66]. Однако тексты проложных редакций этого агиографического памятника нуждаются в более детальном исследовании в типологическом, текстологическом и лингвистическом аспектах. Совместить эти задачи позволяет лингвотекстологический метод, целью которого является «восстановление истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника» [Панин, 1995: 101]. Анализу рукописных и старопечатных списков проложных редакций Жития Димитрия Прилуцкого посредством лингвотекстологического метода посвящен настоящий доклад.

В результате исследования избранного материала были выявлены лексический, словообразовательный, грамматический (морфологический и синтаксический) и графико-орфографический типы разночтений. Наибольшее внимание в рамках доклада уделено первым трем типам. В ходе исследования установлено, что лексический тип разночтений, являющийся наиболее распространенным, представлен следующими видами: заменой (замена стержневого компонента *санъ* в списках Первой проложной редакции на *даръ* во Второй проложной редакции) и ее синонимическим подвидом (*инок* и производные в рукописных списках и старопечатном Прологе до 1675 г. — *монах* и производные в изданиях старопечатного Пролога с 1675 г.), пропуском (отсутствие в списках Второй проложной редакции по сравнению с Первой сказуемого *дивлѧщесѧ,* однородного предикату *любѧщи*) и вставкой. Примером разночтения на словообразовательном уровне выступает употребление в старопечатном Прологе 1675 г. и в списке (РНБ., F.I.262) лексемы *трудолюбивыи*, которой в других списках памятника соответствует прилагательное *трудолюбныи.*

В рамках грамматического типа более частотным оказывается морфологический подтип, где основным видом трансформации является замена одного типа формы на другую (замена действительного презентного причастия на форму имперфекта) и грамматических показателей в рамках той же формы (замена грамматически неверной формы *любящи* в составе списков Первой и Второй проложных редакций на корректную *любяще* в старопечатном Прологе). Более редким типом грамматических разночтений является синтаксический подтип грамматического типа, который, наряду с причинами разночтений, подробно рассмотрен в докладе.

Литература:

Панин А. А. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.

Семячко С. А., Панченко Ф. В. Преподобный Димитрий Прилуцкий. Вологда, 2018.

Волкова Светлана Владимировна
магистр
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Текст, который мы читаем: как менялось «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (опыт составления орфографического комментария)

В настоящее время читатель знакомится с измененным текстом «Путешествия из Петербурга в Москву». Несмотря на то, что история редактирования произведения подробно описана исследователями, даже авторитетные текстологические публикации не указывают источники последних, в разное время «осовремененных» в соответствии с орфографическими и пунктуационными нормами вариантов радищевского текста. В настоящей работе мы не будем углубляться в текстологические исследования, несмотря на их обширность и значимость, так как «Собрание сочинений» 1938—1952 гг. до сих пор является наиболее авторитетным изданием произведений А. Н. Радищева. Автор и редакторы изданий 1790 и 1938 гг. хорошо известны, чего нельзя сказать о более поздних изданиях «Путешествия из Петербурга в Москву». Одно из самых известных сегодня (на которое мы будем опираться) — издание, подготовленное В. А. Западовым в 1992 г. Обращение к проблеме осовременивания текста и формирования принципов редактирования при издании классических текстов несомненно значимо, так как произведение Радищева входит в учебную программу высших учебных заведений и остается ключевым для изучения истории литературы, понимания основных контекстов эпохи. Так возможна ли реорганизация работы с текстом «Путешествия из Петербурга в Москву» в рамках учебной деятельности?

Для современного читателя язык радищевского произведения сложен из-за обилия церковнославянской лексики и архаических оборотов, поэтому в случае, когда исследователю или преподавателю необходимо сформировать представление об истории «Путешествия из Петербурга в Москву», уместно обратиться к орфографическому комментарию.

В процессе работы с произведениями XVIII в. вообще и с «Путешествием» в частности необходимо исследовать, во-первых, когда и почему они стали такими, какими их читают сейчас, важно ли смотреть на текст в оригинале, как это может помочь при изучении художественных особенностей произведения, во-вторых, как реализуется утвержденная в 1918 г. реформа в отношении изданий, написанных в дореволюционной орфографии, как влияют многочисленные дискуссии на количество и качество орфографических и пунктуационных изменений. Наконец, в более поздних вариантах текста интересно обратить внимание на изменение облика некоторых частей речи и форм слов, которое становится следствием закрепления норм правописания в середине XX в. Основой орфографического комментария может стать анализ грамматической структуры первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву», а также сопоставление с ним последующих официальных редакций произведения. Мы обратились к варианту текста, выпущенному в домашней типографии Радищева в 1790 г., тексту «Путешествия» в первом томе академического издания 1938 г. и изданию произведения в серии «Литературные памятники» 1992 г. под ред. В. А. Западова, чтобы посмотреть, как менялся текст под влиянием реформ и текстологических принципов издания классических произведений. Разработанный комментарий позволит учащимся, которые знакомятся с произведением впервые, обратить внимание на факты и изменения в области письма последних двух веков: отсутствие единой системы орфографических и пунктуационных правил, изменения употребления некоторых букв и буквенных сочетаний, а также утверждение «Правил орфографии и пунктуации» в 1956 г.

Ерышев Алексей Владимирович
магистрант 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лингвистический комментарий к надписям на иконе «Чудо Георгия о змие, с житием» XIV в. из коллекции Государственного Русского музея

Икона «Чудо Георгия о змие, с житием» из собрания М. П. Погодина, входящая в коллекцию ГРМ, представляет интерес для искусствоведов и лингвистов. Искусствоведами икона точно локализуется Новгородом. Датировка требует уточнений: в разных источниках время создания иконы варьируется от конца XIII до второй половины XIV в. [Смирнова, 1976: 193]. Лингвистические комментарии к этой иконе ограничиваются короткими замечаниями.

Доклад посвящен описанию лингвистических особенностей надписей на иконе «Чудо Георгия о змие, с житием» для введения памятника в круг эпиграфических источников по истории русского языка и письменности Древней Руси. В центре внимания графико-орфографические и палеографические особенности, а также некоторые лексические и грамматические характеристики текста на иконе. Кроме того, необходимо дать краткий текстологический комментарий.

Композиция иконы свидетельствует об ориентации иконописца на фольклорный сюжет [там же]. Это подтверждают и лингвистические данные. Надпись в среднике с указанием *града ракли* нестандартна: встречается похожий топоним только в духовных стихах, как и имя *ѥлисава* в среднике [Рыстенко, 1909]. Уже этих данных достаточно, чтобы утверждать, что писец мог быть не профессиональным книжником и ориентироваться на тот вариант легенды, который усвоил из духовных стихов. Это положение свидетельствует о некнижном характере текста.

Графико-орфографическая система подтверждает заявленный тезис. Самая яркая черта некнижной графико-орфографической системы — смешение в парах *ъ / о, ь / е* [Зализняк, 2004: 23]. Доминирующим на иконе является графический эффект *е* → *ь*: *е* меняется на *ь* в большинстве случаев; относительно регулярно *е* сохраняется только в формах имени *гєwргьи* и в качестве тематического гласного презенса. При этом эффект *о* → *ъ* можно надежно засвидетельствовать один раз (*пъськають*). Противоречит стандартной системе орфографии характерное для древненовгородского диалекта цоканье (*свецѧми, мьцьмъ*). Как и в берестяных грамотах XIV в., фонема /у/ на иконе передается только графемой *у* и в начале, и в середине слова (*удицѧми рвуть*). Встречаем также свидетельство отвердения конечного */м/* и, возможно, презенс без *-ть*.

При всем многообразии фактов некнижной системы начертания сопоставимы с рукописями конца XIV в., буквы соразмерные и почти не выходящие за пределы строки, что в т. ч. объясняется декоративностью иконных надписей. Более того, сохраняются некоторые архаичные начертания, напр., *ѥ* с перекладиной посередине.

Интересно, что грамматические черты свидетельствуют, скорее, об ориентации на книжную норму. Так, среди форм прошедшего времени регулярно используются аористы. Но фактов грамматики в тексте иконы недостаточно для однозначных выводов.

Результаты работы доказывают, что иконные надписи требуют дальнейших исследований и разработки специальных принципов анализа, так как могут занимать промежуточное положение между книжной и некнижной письменностью. Комплексное исследование памятников иконописи имеет большой потенциал для расширения нашего представления о бытовании библейских текстов в Древней Руси.

Литература:

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909.
Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976.

Зикеева Алина Алексеевна
студентка 4 курса

Курский государственный университет

Гидронимы Посемья как культурный код Курской земли (этимологический аспект)

Цель исследования — доказать на примере микрогидронимов *Пенка* и *Пена*, что сложившаяся в древности гидронимия отражает особенности природно-географических реалий в большей степени, чем многие другие разряды собственных имен. Впервые проводятся этимологический и этнолингвистический анализ микрогидронимов *Пенка* и *Пена.* Используются описательный, сопоставительный методы, этимологический анализ и этнолингвистический комментарий.
Посемье — историческая область в бассейне реки Сейм. Долина реки представлена низким, пологим левым берегом и высоким, крутым правым. Широкая левосторонняя пойма реки в некоторых местах сильно заболочена. Река Пéнка, левый приток Сейма, протекает по территории Льговского района Курской области.
П. Я. Черных дает следующее определение лексемы *пена*, *пенка*: «мелкопузырчатая масса, которую образует жидкость при сильном взбалтывании, брожении или щелочении» [Черных, 1999: 18]. В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) зафиксирована лексема *пена* в значении ‘волна’; *бить пеной (пенами*) — ‘пениться, пузыриться’ [СРНГ, 1990: 336]. Известно, что реки Курщины имеют медленное течение, обусловленное расположением области на равнине. Следовательно, версия происхождения названия *Пенка* от лексемы *пена* в значении ‘волна’ или ‘мелкопузырчатая масса, образуемая жидкостью при сильном взбалтывании’ не имеет связи с географическими данными.
В «Словаре народных географических терминов» под ред. Э. М. Мурзаева зафиксирована лексема *пéнус* в значении ‘болото с травянистым покровом’ и отмечены формы *пендус, пентус* [Мурзаев, 1984: 285]. *Пендус* — ‘топкий берег’; ‘топкое место’; *пентус* — ‘болотистое место, поросшее травой’ [СРНГ, 1990: 337].
С. А. Мызников анализирует предположение Я. Калимы о том, что слово *пéнус* восходит к кар. *painoš* ‘болотистое место между возвышенностями’. Главным в толкованиях данной лексемы Я. Калима считал «указание на ‘болото’, имеющее всякие разновидности и используемое в различных целях» [Мызников, 2019: 595].
Река Пéна, левый приток Псла, берет начало в селе Верхопенье Ивнянского района Белгородской области. Ее устье находится на территории Беловского района Курской области. В «Экономических примечаниях к планам дач генерального межевания, 1765—1843 гг.» говорится, что у Пены тихое течение, иловатый грунт. Вода реки зеленоватого цвета, болотистая, содержит тину и не годится к употреблению.
Из вышеизложенного видим, что реки с названием *Пена*, *Пенка* протекают по местности, где когда-то были или до сих пор есть заболоченные территории. Таким образом, можно допустить, что в данных гидронимах обнаруживается древняя мотивировка, связанная с географическими особенностями местности.

Литература:
Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М., 2019.
СРНГ — Словарь русских народных говоров: В 52 вып. 25. Л., 1990.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1999.

Колобродова Екатерина Александровна
асп.
МГУ им. М. В. Ломоносова; Институт языкознания РАН

Система значений единиц «даже» и «тоже» в древнерусском языке

Понятие аддитивных фокусных частиц в семантической типологии включает в себя два основных класса: частицы, подобные английскому *even* и русскому *даже*, называемые скалярно-аддитивными, и частицы, подобные английскому *also/too* и русскому *тоже*, обычно называемые просто аддитивными или нескалярными аддитивными [Konig, 1991: 60—65]. Этим единицам свойственны характерные сценарии многозначности — так, скалярно-аддитивные частицы в языках мира часто бывают связаны по происхождению с пространственно-временными показателями со значением предела [Eberhardt, 2022], а нескалярные аддитивные — с присоединительными союзами или с показателями тождественного способа или меры [Konig, 1991: 157].
Единицы *даже* и *тоже*, в современном русском языке не отличающиеся высокой многозначностью (классические словари выделяют одно-два значения, различающиеся с точки зрения теоретической семантики скорее сферой действия), на более ранних стадиях развития русского языка демонстрируют заметно более богатую картину полисемии — так, в словарях древнерусского языка единица *даже* зафиксирована, помимо соответствующих современным, в значениях временного союза *пока* (*не*), условного и целевого союзов, части составного предлога предела и составного союза предшествования, а единица *тоже* — в значениях временного показателя *потом* и *в то время*, коррелята в условных и временных конструкциях, противительного союза (см., напр., [СДРЯ, 1988]).
Наше исследование проводилось на материале древнерусского корпуса Национального корпуса русского языка. Были рассмотрены все вхождения в корпус лемм *даже* (132 примера из 28 текстов, девять из которых оказались ложными вхождениями) и *тоже* (126 примеров из 30 текстов, среди которых обнаружено одно ложное вхождение). В этих вхождениях нами была определена (по возможности) семантика и создана семантическая классификация употреблений, рассмотрены частота и временные рамки встречаемости значений. Для единицы *даже* самыми частотными оказались значения временного союза предела, части составных единиц с близкими значениями и значение условного союза, типологически близкое к временному, более редкими — значения скалярно-аддитивной частицы, показателя следования и конъюнкции, единичные вхождения причинного и целевого союза. Для единицы *тоже* заметно преобладают значения временного союза следования/одновременности и временного коррелята, реже наблюдаются присоединительный и противительный союз, условный коррелят и некоторые другие.

Литература:
СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1988.
Eberhardt I. From up-toning intensifying particle to scalar focus particle. A new developmental path // Particles in German, English, and Beyond. Amsterdam; Philadelphia, 2022. 25—67.
Konig E. The Meaning of Focus Particles: a Comparative Perspective. L.; N.-Y., 1991.

Лесняк Дарья Сергеевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности функционирования антонимической лексики в русской публицистике XVI в. (на материале посланий протопопа Сильвестра и Артемия Троицкого)

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к изучению языка как отражения идеологических и мировоззренческих установок эпохи. Публицистика XVI века, периода становления Московского царства и

острых церковно-политических споров, представляет уникальный материал для анализа использования языковых средств, в частности антонимии, для конструирования и различных картин мира.

Цель работы — выявить специфику функционирования антонимической лексики в публицистике протопопа Сильвестра и А. Троицкого и определить роль этих языковых средств в формировании индивидуально-авторских картин мира.

В текстах Сильвестра, представителя официальной церкви, доминируют узуальные антонимы. Такие пары, как *бог — человек*, *свет — тьма*, *добро — зло*, *праведный — грешный*, *православный — поганый/нечестивый*, формируют статичную, иерархически организованную картину мира, основанную на классических христианских оппозициях. Эти единицы преимущественно являются антонимами в узком смысле, их частеречная принадлежность совпадает, грамматически это прежде всего существительные и прилагательные. Ключевая сфера их применения — тема духовной жизни, взаимоотношения бога и человека, а также вопросы власти и социальной иерархии. Контекстуальные антонимы у Сильвестра немногочисленны (*осквернившееся — очистити*, *разгордиться — смиренный*). Они, как правило, выполняют вспомогательную функцию, детализируя процессы внутреннего, духовного движения (от греха к очищению, от гордыни к смирению). В данном случае имеет место антонимия основ (корней), контекстуальные антонимы часто являются межчастеречными и чаще включают глаголы, что привносит элемент динамики в статичный мир Сильвестра, но динамики, не выходящей за пределы традиционной нормы.

В текстах Троицкого, мыслителя нестяжательского круга, наблюдается противоположная тенденция. При сохранении общего христианского лексического фонда (узуальные пары *добрый — злой*, *свет — тьма*, *тело — душа*), значительную долю составляют контекстуальные антонимы. Артемий создает противопоставления, исходя из конкретной полемической или этической ситуации: *легко — горько*, *поститься — наслаждаться*, *дым — солнце*. Эти пары, часто глагольные, служат инструментом внутреннего анализа, критики внешнего благочестия и поиска истинной духовности. Артемий ярче, чем Сильвестр, разграничивает «своих» и «чужих», отделяя не только христиан от иноплеменных, но и мнимых христиан от христиан подлинных.

Сравнительный анализ выявляет принципиальные различия в языковых стратегиях авторов. Сильвестр, опираясь на узуальные антонимы, строит статичную, иерархичную и политизированную картину мира, ориентированную на утверждение нормы. Артемий, тяготея к контекстуальным противопоставлениям, создает динамичную, этически ориентированную картину мира, где главный конфликт разворачивается внутри человека. Полученные данные позволяют рассматривать антонимию не только как лексикосемантическое явление, но и как важнейший инструмент конструирования идеологического дискурса.

Марголина Виктория Алексеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности номинации вечера и сумерек в севернорусских говорах

В лексике севернорусских говоров ярко отражается представление о вечере и сумерках как об опасном, пограничном времени дня, что определяет интерес к изучению его номинаций. Для настоящего доклада из диалектных словарей севернорусских говоров было отобрано 154 ед., среди которых зафиксированы лексемы, номинирующие вечернее время, а также некоторые глагольные дериваты (напр., *повечерова́ть* ‘провести вечер’), выступающие в качестве вспомогательного материала.

Отобранный материал отличается высокой степенью мотивированности и разнообразием производящих основ, наиболее частотными из которых являются основы *вечер-*, *сумер(к)-* и *темн-*. Наряду с диалектными инвариантами лексем, встречающихся в литературном языке, а также субстантивными дериватами, образованными от общеупотребительных основ, в словарях севернорусских говоров зафиксированы единицы, представляющие особый интерес для мотивационного и этимологического анализа. В частности, рассматриваются лексемы, образованные от производящих основ, лексическое значение которых в литературном языке не связано с номинацией вечернего времени, напр., *суты́чки* ‘сумерки’. Отдельно проанализированы производные от основ, имеющих противоположную семантику, напр., *у́свет* ‘сумерки’.
Кроме того, в ходе анализа материала было замечено, что в словарях диалектной лексики нередко встречаются единицы, семантика которых связана с характерным вечерним «темпоральным поведением» [Рябцева, 1997: 84]. Проведенный в связи с этим анализ позволяет сделать несколько выводов, а именно: для темпоральной лексики русских говоров продуктивным оказывается метонимический способ деривации, связанный с переносом семантики действия на его время. С другой стороны, в отобранном материале встречаются контексты, актуализирующие характерный для традиционной культуры магический этикет, сопряженный с запретом на определенные действия в вечернее время.

Литература:
Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время / Ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997. С. 78—95.

Рябова Полина Антоновна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о классификации лексики узорного ткачества

Лексика узорного ткачества традиционно относится к терминологической лексике крестьянской неземледельческой трудовой деятельности. Вопросом классификации лексики ткачества занимались Ю. П. Чумакова [Чумакова, 1995], А. В. Громов [Громов, 2005], М. Д. Королькова [Королькова, 2018] и др. Однако в существующих работах мало внимания уделяется анализу наименований процессов и продуктов именно узорного ткачества. Очевидно, что этот процесс имеет свою специфику, особые инструменты, способы, отличающие его от тканья без узоров. В данной работе анализу подвергается материал «Словаря русских народных говоров» (СРНГ).
Исследуемые единицы, принадлежащие к группе имен существительных, разделяются на семантические подгруппы: наименования ткацких узоров (напр.: *крюкова́стина* ‘узор на ткани в виде косых линеек, елочки’), тканого полотна (напр.: *ря́день* ‘плотная грубая ткань рубчиком с узором в елочку’), нити (напр.: *перето́к* ‘поперечная нить полотна, уток другого цвета; узор, полоса ткани’), а также способов или видов тканья с узором (напр.: *бранье* ‘способ тканья, которым получают браную, узорчатую ткань’). Лексемы, являющиеся именами прилагательными, образуют семантическую группу со значением ‘узорный’ (напр.: *семике́пный* ‘вытканный узором в семь кеп’).
К основным способам мотивации исследуемой лексики относятся технология создания узора, техника тканья и визуальное сходство с тем или иным явлением, предметом. Значительное количество лексем первых двух групп мотивировано отношением к технике браного ткачества: *бра́нка* ‘тканый узор на домашнем холсте, полотне’, *перебо́р* ‘тканый узор; браная ткань’. По признаку подобия предмету или явлению выделяются названия узора в виде ромба, квадрата или круга, а также криволинейный узор, елочка, лапка, рубчик

или клетка, крестообразный узор. Помимо указанных ранее ядерных способов мотивации может быть выделена немногочисленная группа лексем, производная от цвета нити, которая в СРНГ исчерпывается тремя единицами (двумя именами существительными и одним именем прилагательным): *желтогла́зка* ‘узор — клетка с тремя желтыми нитями в середине’, *же́лчь* ‘узор юбки, с двумя желтыми окаймляющими полосами’, *золотня́ный* ‘золототканый, парчевый, шитый золотом’.

Кроме того, есть предварительные данные о территориальном распространении некоторых корней, относящихся к лексике узорного ткачества. Так, было установлено, что единицы с корнем *кип/кеп* характерны преимущественно для Новгородской и Псковской областей. Приведенные данные иллюстрируют семантическую специфику исследуемого материала, а также мотивировочных признаков и территориальной принадлежности.

Литература:
Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Кострома, 2005.
Королькова М. Д. Ремесленная лексика русских говоров Присурского Поволжья: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2018.
Чумакова Ю. П. Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань, 1995.

Фесенко Анастасия Павловна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Ранняя и поздняя редакция первой и второй сатир А. Д. Кантемира: сопоставительный грамматический анализ

В числе последствий петровских реформ в области культуры было восприятие традиционного книжного языка (церковнославянского) как «варварского, клерикального, невежественного» [Живов, 2017: 936]. Русский язык первой половины XVIII в. характеризуется началом формирования литературного языка нового типа, который должен был явить собой полную противоположность старому и «воплощать дискурс культурного господства секулярной власти» [там же: 992]. Языковые изменения, происходившие в эту эпоху, были главным образом обусловлены стремлением выработать новые нормы, оттолкнувшись от церковной традиции. Одним из авторов, чья эволюция творчества дает богатый материал для анализа таких изменений, является А. Д. Кантемир. Кантемир прославился прежде всего как сатирик. Первые пять его сатир известны в первоначальной (1729—1731) и окончательной (1743) редакции, значительно отличающихся друг от друга.

Цель доклада — сопоставление ранней и поздней редакции первой и второй сатир Кантемира с точки зрения морфологии и синтаксиса для выявления тенденций, характерных для него и других авторов первой половины XVIII в. Обратимся к некоторым результатам наших наблюдений.

Морфология поздней редакции рассматриваемых сатир отличается большей простотой, чем морфология их ранней редакции. Несмотря на присущую обеим редакциям варьируемость отдельных падежных форм (прежде всего им. и тв. п. мн. ч.), мы отмечаем превалирование проявлений *а*-экспансии в окончательной редакции: *презрен* ***именами*** [Кантемир, 1956: 68] (далее при цитировании этого издания указывается номер страницы), *добыту* ***трудами*** [70], ***права*** *… мнятся* [75], *добрыми… **делами*** [76]. В ранней редакции господствуют архаичные формы: *между* ***делы*** [363], ***делы*** *хвальными* [372], *с* ***хлопцы*** *ожидая* [373],

римские ***правы*** [там же]. Кроме того, в поздней редакции были устранены древние относительные союзы (*иже*, *юже*, *еже*). В некоторых стихах отдается предпочтение другим: вместо *Муж таков,* ***иже*** *делы род свой возвышает…* [376] находим *Муж таков,* ***кой*** *добрыми род свой возвышает / Делами...* [76]. Помимо этих союзов, был устранен книжный союз *аще*, присутствующий в первоначальной редакции: *…аще мы лишимся* [377]. В окончательной редакции сатир некоторые архаичные формы причастий (*спасл*) [там же] заменяются более поздними (*спас*) [77]. Во второй сатире исчезает звательная форма: вместо *друже мой* [369] в ранней редакции встречаем *дружок мой* [68] в поздней. Синтаксис окончательной редакции сатир, напротив, оказывается сложнее синтаксиса первоначальной редакции. Он изобилует инверсиями, напр.: *Но те, что стенах твоей на пространной салы / Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый* [73]. О латинизации и, как следствие, об усложнении синтаксиса поздней редакции свидетельствуют случаи употребления оборота Acc. cum Inf., иногда неверно трактуемого в изданиях сатир Кантемира: *...Грамота, плеснью и червями / Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель* [Николаев, 1995: 5].

Таким образом, в результате сравнения двух редакций первой и второй сатир Кантемира обнаруживаются тенденции к упрощению морфологии и усложнению синтаксиса.

Литература:
Живов В. М. История языка русской письменности. Т. 2. М., 2017.
Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л., 1956.
Николаев С. И. Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. Сб. 19 / Ред. Н. Д. Кочеткова. СПб., 1995. С. 3—14.

Хайдукова-Романова Надежда Владимировна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Образование терминов родства в русских говорах Николаевского района Ульяновской области

В настоящем докладе рассматриваются особенности образования диминутивных форм терминов родства, зафиксированных в русских говорах сел Николаевского района Ульяновской области. Материалом для исследования послужили полевые записи диалектной речи, сделанные в ходе экспедиции 2024 г. в рамках работы над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ), а также данные картотеки атласа. В данный момент ведется подготовка материалов для ЛАРНГ по теме «Человек». Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью русских говоров территории позднего заселения. В докладе рассматриваются ареалы распространения лексем со значением терминов родства на территории Ульяновской области. Говоры Поволжья формировались в условиях интенсивных и длительных межэтнических контактов, поэтому для них характерен финно-угорский субстрат. На территории Николаевского района, граничащего с регионами исконного проживания мордвы, исторически сложилась полиэтническая среда с преобладанием русского населения и значительной долей финно-угорского (эрзянского) субстрата.

Цель работы — выявить и охарактеризовать стратегии образования диалектных вариантов терминов родства на территории Николаевского района Ульяновской области, а также сопоставить полученные со словообразовательными моделями, доминирующими в соседних областях. В говоре исследуемого региона зафиксирована обширная группа терминов родства, демонстрирующая высокую степень вариантности. Помимо русских литературных форм (*мама*, *тетя*, *бабушка*) и эрзянских лексем (*ава* ‘мать’, *патей* ‘старшая

сестра’), особый интерес представляет пласт лексики, образованный по модели «корень + соединительный гласный + суффикс *-ка*»: *мамока*, *бабока*, *тятека*, *нянека*. Анализ материала позволяет предположить, что данная модель не является исконно русской. В литературном эрзянском языке и его диалектах широко распространены суффиксы субъективной оценки (*-ка*, *-ке*, *-не*/*-нэ*), придающие словам ласкательное значение. При присоединении этих суффиксов к основам, оканчивающимся на согласный, в эрзянском языке обязательным является использование интерфиксов (соединительных гласных *-о-*, *-е-*, *-э-*), выбор которых зависит от фонетического качества предшествующего гласного. Формы *мам-о-ка* и *баб-о-ка* демонстрируют применение этого эрзянского морфонологического правила к русским по происхождению корням (*мам-*, *баб-*). На территории Поволжья наблюдаются варианты интерфикса. Интерфикс *-о-* зафиксирован на территории Николаевского района Ульяновской области. На территории Алексеевского района Самарской области встречается лексема *мамика* с интерфиксом *-и-*. Однако наиболее распространенным является интерфикс *-а-*, встречающийся при образовании аналогичных форм во многих районах Самарской и Ульяновской областей. Таким образом, в ходе работы были выявлены ареалы распространения интерфиксов, используемых при образовании терминов родства по модели «корень + соединительный гласный + суффикс *-ка*». Интерфикс *-а-* оказался наиболее продуктивным для этой модели.

Цой Михаил Константинович
студент 3 курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Семантика лексем «правда» и «истина» в текстах XI—XII вв. (на материале «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, славянского перевода «XIII Слов Григория Богослова» и произведений К. Туровского)

Цель исследования — выявить особенности употребления и семантики лексем *правда* и *истина*, встречающихся в важнейших для изучения истории языка текстах XI—XII вв.: «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, гомилетическом творчестве Кирилла Туровского и переводном сборнике «XIII слов Григория Богослова». Новизна работы заключается в комплексном сопоставлении, охватывающем оригинальные и переводные тексты, что позволяет проследить особенности словоупотребления и семантики в зависимости от авторской задачи и жанровых особенностей произведений. Материалом послужили 103 контекста (74 для *истины* и 29 для *правды*), извлеченные методом сплошной выборки из следующих изданий: Иларион [Иларион, 1997], Кирилл Туровский [Еремин, 1989] и Григорий Богослов [Будилович, 1875]. Методология включает сравнительный, количественный и функционально-семантический анализ. Значения лексем устанавливались с привлечением греческого текста издания Миня [Migne, 1886] и данных словарей.

По результатам исследования обнаружен ряд особенностей словоупотребления и семантики. Основным значением лексемы *истина* во всех рассмотренных текстах является ‘божественная истина’ (29 контекстов из 74). Однако семантические поля не полностью совпадают. Так, у Илариона *истина* — строгий термин в триаде *Закон* (*стѣнь*) — *Благодать* — *Истина*, где последние две сущности составляют новозаветную полноту. *Правда* (ветхозаветная формальная праведность) противопоставлена новозаветному *спасению*.

В гомилиях Кирилла Туровского *истина* также функционирует в значении ‘божественная истина’, однако присутствуют и употребления с формированием оппозиции *правда* — *ложь*: *Понеже давъшаго мнѣ очи похулити нудите, льстите мя, акы безумьна, вашемь причаститися грѣсѣ, томите паче мучитель, отвергъше истину, глаголати лъжю*

[Еремин, 1989: 80]. Лексема *правда* употребляется в значении ‘справедливость’. В переводе Григория Богослова семантика лексемы *истина* остается сакральной (‘божественная истина‘), но не встроена в жесткую авторскую схему. Лексема *правда* реализует широкий спектр значений от ‘справедливости’ до ‘праведности’ (‘δίκαιος’), демонстрируя наибольшую вариативность по сравнению с текстами других авторов. Исследование доказывает, что круг значений лексем *правда* и *истина* в древнерусской книжности XI—XII вв. был достаточно широк. Семантика этих лексем варьировалась в зависимости от жанровых особенностей и авторской интенции: от строгой терминологической системы в оригинальном догматическом трактате до более гибкого и вариативного употребления в гомилетике и переводе патристики. Полученные результаты вносят вклад в историческую лексикологию и изучение богословия Древней Руси.

Литература:
Будилович А. С. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875.
Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. Berkeley, 1989.
Иларион. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26—61.
Migne J. P. Patrologiae cursus completes. Paris, 1886.

СЕКЦИЯ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА»

Анисимова Дарья Сергеевна
студентка 5 курса
Государственный университет просвещения

Символика серебра в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова

В романе «Герой нашего времени» функционирование лексемы *серебро* связано преимущественно с оппозицией «верх/низ», описанием пограничного состояния и отчуждения Печорина от мира других героев. Цель работы — исследовать роль и символическую значимость данной лексемы в художественном тексте.
В повести «Бэла» лексема *серебро* коррелирует с семантикой низа в структуре художественного пространства. Так, описывая Койшаурскую долину, автор стремится передать окрестности Кавказа, используя визуально-световую метафору: *а внизу Арагва, <…> тянется* ***серебряною*** *нитью и сверкает, как змея своею чешуею* [Лермонтов, 1957: 204]. Лермонтов не раз прибегает к описанию реки, которая подобна извивающейся змее, тем самым серебро включается в контекст нижнего, текучего, изменчивого пространства. В другой пейзажной зарисовке автор усиливает мотив раздвоенности, здесь серебро является маркером пограничного мира, лежащего ниже героя и отражающего его внутреннее состояние: *под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя* ***серебряными*** *нитями* [там же: 224]. Символическая функция лексемы *серебро* проявляется и в противопоставлении культурных миров. Знакомясь с Печориным, Бэла отмечает, что его золотые галуны отличаются от серебряных одежд джигитов: *Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них* ***серебром*** *выложены* [там же: 211]. Упоминание Максима Максимыча о том, что у Казбича *оружие в* ***серебре*** [там же], также подчеркивает связь металла с миром горцев, который для Печорина остается не только внешним, но и враждебным.
В сцене смерти Бэлы лексема *серебро* и ее дериваты (***серебряными*** *галунами*) актуализируются в семантически значимом контексте перехода: *я обил ею гроб и украсил*

*его черкесскими **серебряными** галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же* [там же: 237]. Здесь серебро, выступая в составе предметно-бытовой номинации, маркирует переход героини в инобытийное пространство, дистанцирование от Печорина и сближение с родовым началом.

В повести «Тамань» лексема *серебро* появляется в составе словосочетания *серебряная оправа* в описании предмета, принадлежавшего герою и утраченного им: *моя шкатулка, шашка с **серебряной** оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля — все исчезло* [там же: 260]. Возникающая лексическая оппозиция «серебро/золото» (*золотой отлив кожи* Ундины) формирует символическое противопоставление, лежащее в основе характеристики персонажей.

В повести «Княжна Мери» дополнительную символическую нагрузку получает образ росы, осыпающей героев по пути на дуэль: дериват лексемы *серебро* сопровождает движение к границе жизни и смерти, семантически соотносится с пространством низа и падением: *при малейшем дыхании ветра осыпали нас **серебряным** дождем* [там же: 323].

В повести «Фаталист» отсутствуют употребления лексемы *серебро* и ее дериватов, что представляется закономерным: конфликт переносится в абстрактную, неощутимую сферу судьбы, которая лишена зримых признаков.

Лексема *серебро* и ее дериваты в структуре романа последовательно сополагаются автором с мотивами отчуждения, нижнего пространства и пограничных состояний, а исчезновение символики серебра знаменует переход конфликта в нематериальную плоскость.

Литература:

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Собрание сочинений. Л., 1957. Т. 6. С. 202—347.

Барановская Дарья Александровна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Графическая языковая игра в заголовках, сгенерированных нейросетью

Технологии искусственного интеллекта постепенно становятся неотъемлемой частью функционирования медиа в сборе и обработке информации, генерации текстового и визуального контента, аналитике. Исследование компании Graphite (анализ 65000 статей на английском языке за период с января 2020 по май 2025 г.) показало, что доля материалов, созданных ИИ, составила 52 %, тогда как доля материалов, написанных людьми, — 48 % [Леви, 2025]. Сегодня творческий потенциал нейросетей является приоритетным направлением медиаисследований. Если генерация текстового контента частично изучена, то использование языковой игры при генерации заголовков определяет новую исследовательскую тему — оценку способности ИИ к лингвокреативности. Настоящее исследование сосредоточено на генерации креативных игровых заголовков. За образец были взяты заголовки газеты «Коммерсантъ». Нейросети «Алиса» и GigaChat на основе лидов генерировали заголовки, которые оценивались по следующим критериям: соответствие теме публикации, наличие языковой игры, вид языковой игры, обращение к прецедентам.

Анализ показал, что большинство сгенерированных заголовков соответствовало теме материала. Более того, обе нейросети вычленяли из предложенных промптов главную информацию и обыгрывали ее. В аспекте языковой игры нейросети демонстрируют тенденцию к использованию фразеологизмов в их канонической форме, инкорпорируя единицы в новостной контекст без модификации. Стоит отметить, что при анализе ИИ-заголовков была обнаружена графическая игра (*СОЮЗный рывок: 160 секунд, которые изменят космос* и *От Зенита до протона — один СОЮЗный шаг*, где заглавными буквами

выделено название ракеты из материала об испытаниях первой ступени «Союза-5»). Рассматриваемый вид языковой игры широко использовался средствами массовой информации в конце XX — начале XXI в., а в настоящее время встречается редко. Стоит отметить и способ построения заголовков нейросетями. В 40 из 129 случаев в заголовках зафиксировано наличие тире или двоеточия, которые делят заголовок на игровой компонент и фактологическую часть. Подобная конструкция в основном встречалась в текстах, сгенерированных нейросетью «Алиса», данная модель также выступает единственным источником заголовков с графической игрой.

Исследование показало, что современные нейросети способны генерировать тематически релевантные и креативные заголовки с использованием языковой игры для новостных материалов. В отдельных случаях ИИ демонстрирует более сложный, хотя и устаревший вид языковой игры — графический. Креативный потенциал искусственного интеллекта в области языковой игры в заголовках демонстрирует существенные ограничения, так как ИИ преимущественно внедряет фразеологизмы и устойчивые выражения в новый контекст, а не обыгрывает их. В то же время в ходе исследования установлено, что нейросетевые заголовки можно использовать в качестве источника идей.

Литература:

Леви А. ИИ-контент может достичь показателя в 90 % уже в 2026 году // Ежедневная деловая газета «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/8195202 (23.01.2026).

Волошина Варвара Алексеевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Смена дискурсивных регистров как прием организации художественного текста (на материале романа А. Г. Смирнова фон Рауха «Доска Дионисия»)

В современной лингвистике текста и стилистике наблюдается устойчивый интерес к явлениям текстовой гетерогенности, полидискурсивности и интертекстуальности. Художественная литература постмодерна активно совмещает различные дискурсы и функциональные стили речи, что делает структуру содержания многомерной. Основной целью работы является изучение стилевой смешанности в организации прозаического текста, а также выявление и описание механизмов функционирования стилистических маркеров как условных сигналов смены дискурсивных фрагментов в структуре романа. Актуальность темы мотивирована ростом интереса среди исследователей в области стилевой гибридности, взаимодействия разных стилей в рамках художественного текста. Роман А. Г. Смирнова фон Рауха «Доска Дионисия» представляет собой репрезентативный материал для изучения того, как смена стилистических регистров становится не фоновым явлением, а основным конструктивным принципом повествования, организующим нарратив и задающим векторы читательской интерпретации. Для достижения цели были решены следующие задачи: 1) выявить ключевые дискурсы внутри текста; 2) проанализировать стилистические средства (лексические, морфологические, синтаксические), маркирующие каждый из дискурсов; 3) установить характер взаимодействия различных дискурсов и их роль в формировании целостности текста. Материалом исследования является фрагмент романа Смирнова фон Рауха «Доска Дионисия». Основные методы исследования: описательный метод, лингвостилистический анализ, а также элементы контекстуального и критического дискурс-анализа. Проведенный анализ позволяет утверждать, что в романе «Доска Дионисия» стилистика дискурса перестает быть просто набором выразительных средств и становится текстообразующим фактором. Сама структура романа представляет собой

последовательность дискурсов, идентифицируемых читателем по их языковому стилистическому оформлению. Такой подход позволяет автору создать многомерную картину мира, где прошлое и настоящее, высокое и низкое, сакральное и материальное существуют в неразрывном единстве, а переплетение разных стилевых регистров, основанных на контрасте и противопоставлении, необходимо автору для более достоверного описания объективной действительности.

Глубоковская Карина Алексеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Портрет женщины в дневниках и письмах Н. Н. Пунина

Н. Н. Пунин с ранних лет был связан со словесной деятельностью, хотя никогда не был профессиональным литератором. Он оставил после себя не только критические и научные статьи, но и записи личного характера: дневники, письма. Современники отмечали особый дар слова Пунина, при этом его наследие никогда не подвергалось лингвистическому анализу и описанию. Обращение к текстам, прежде не рассматривавшимся в данном аспекте, обусловливает научную новизну исследования.
Образ женщины становится центральным в дневниках и письмах Пунина. Через соотнесение с этим образом рассматриваются многие категории, оказывающиеся важными для мировоззрения Пунина, напр.: любовь, религия и вера, добро и зло и др. Привлекают внимание записи, в которых искусствовед размышляет о своей жене А. Е. Аренс-Пуниной, А. А. Ахматовой, Л. Ю. Брик и подруге последних лет жизни М. А. Голубевой, дает их словесные портреты, аккумулирующие в себе особенности восприятия женщины автором. Эти фрагменты, которые можно отнести к речевому жанру портрета, представляют интерес с точки зрения соединения в них нескольких планов, определяющих индивидуальный стиль и отражение в нем личности Пунина. Соответственно, целью исследования является рассмотрение собственно языкового и мировоззренческого (личностного и профессионального) аспектов в манере письма искусствоведа, проявляющихся в данных записях.
В качестве материала выбраны высказывания и лексика, содержащиеся в рассматриваемых фрагментах. Источником является книга «Мир светел любовью: дневники, письма», наиболее полный на настоящий момент опубликованный корпус личных записей Пунина. Для рассмотрения собственно языкового аспекта проводится работа в первую очередь на уровне лексики с применением методов сплошной выборки, компонентного и контекстного анализа. Пунин использует характерные для своего тезауруса лексемы (*загадочный*, *таинственность*, *торжественный*, *добро, романтический*, *поиск*, *форма* и др.) и уникальные, повторяющиеся при упоминании только конкретных людей (*мягкий, расплывчатость*, *хорошо выраженный* и др.). Лексемы второго типа указывают на соотнесенность описания внешности и характера. Напр., в портрете Аренс-Пуниной оказываются контекстуально связаны овал лица и качества ума (в обоих случаях используется словосочетание *тончайшего психологического смысла*). Подобные повторы, как и лексемы, входящие в тезаурус, позволяют заметить, что даже в описание внешнего, объективного у Пунина включается личное восприятие. Автор конструирует женские образы. Во многом, описывая их, он описывает себя, раскрывает свое понимание женщины, романтическое по природе мировоззрение. На идиостиль Пунина оказывает влияние и его профессиональный искусствоведческий взгляд. В ряде записей он обращается к манере художников (*типы Леонардо или, по крайней мере, Луини*, *навязчивое сходство с Примаверой*), использует выражения терминологического характера (*не очерчен одной определенной линией*, *«сбит» в рисунке*).

В результате анализа обнаруживается, что идиостиль Пунина оказывается тесно связан с его мировоззрением и в личностном, и в профессиональном плане. В портретах женщина предстает как идеал, посредник, приближающий к истине. Кроме того, Пунину всегда оказывается важно подкрепить вербальное выражение визуальным. Возможно, эта особенность связана не только с отражением в языке его профессиональных интересов, но и с культурными тенденциями синтеза искусств рубежа XIX—XX вв.

Гумерова Мария Руслановна
студентка 1 курса
Иркутский государственный университет

Механизмы семантической эволюции пар «подписаться — отписаться», «подписчик — отписчик» в цифровой коммуникации

В русскоязычном интернет-дискурсе активно функционируют пары: *подписаться — отписаться* (антонимы); *подписчик — отписчик* (квазиантонимы — контекстуальные «приблизительные» антонимы [Львов, 1984: 26]).
Значения глагола *подписаться*: ‘поставить свою подпись где-нибудь’; ‘стать подписчиком чего-нибудь, например, журнала’ [Ожегов, 1986: 466]; ‘заключить условие на доставку, присылку печатного издания, внеся определенную плату’ [Ушаков, 1935: 425]. В словаре С. И. Ожегова указано, что *отписаться* — значит ‘формально отделаться отпиской’ [Ожегов, 1986: 410]. Эта же лексема в словаре под ред. Д. Н. Ушакова трактуется следующим образом: «1. Дать письменный формальный, не по существу запроса ответ. 2. Сняться с учета, ликвидировав приписку к какому-нибудь учреждению (простореч.)» [Ушаков, 1938: 964]. Лексема *подписчик* в словаре имеет одно точное значение: ‘лицо, имеющее подписку на какое-нибудь печатное издание’ [там же: 425]. Существительное *отписчик* не представлено ни в одном из рассматриваемых словарей.
В современной коммуникации отмечается семантический сдвиг: лексемы приобретают значения, связанные с цифровым действием «оформить/прекратить подписку на контент». Действие *подписи* (‘собственноручно написанная фамилия’ [Ожегов, 1986: 467]) переносится на цифровое действие — нажатие кнопки «Подписаться». Аналогично *отписка* переосмысляется как отмена подписки, а не ‘бессодержательный, формальный ответ на что-нибудь, не затрагивающий существа дела’ [там же: 410]. Исходные значения сужаются, формируется новое значение: *подписаться* — не ‘поставить подпись’, а ‘оформить цифровую подписку’; *отписаться* — не ‘ответить отпиской’, а ‘отменить подписку’.
На данный момент нет закрепленных в словарях примеров употребления слова *отписчик*, однако, если иметь в виду, что лексема является антонимом существительного *подписчик*, можно сконструировать следующий контекст: *Хейтеры не хотят становиться отписчиками, хотя концентрируют излишнюю активность в комментариях к постам блогеров*. При сопоставлении предложений с употреблением одних и тех же слов в разное время становится понятно, что эти лексемы — семантические неологизмы, т. е. слова, приобретающие новые значения [Крысин, 2007: 139].
Можно обозначить комплекс причин, способствующих интеграции новых значений в лексическую систему современного русского языка: частотность употребления в социальных сетях и мессенджерах (кнопки «Подписаться»/«Отписаться»); системность модели: префиксальные антонимы *под-*/*от-*; тенденция к сокращению, экономии речевых усилий: одно слово заменяет словосочетание (*отменить подписку — отписаться*). Таким образом, в парах *подписаться — отписаться* и *подписчик — отписчик* произошли семантические изменения; новые значения формируются с учетом существующих. Лексемы *подписаться* и *отписаться* образуют устойчивую антонимическую пару в

интернет-дискурсе, а лексемы *подписчик* и *отписчик* являются квазиантонимами с асимметричной закрепленностью в языке. Фиксация новых значений в лексикографических источниках отстает от реальной речевой практики, результаты исследования подтверждают необходимость обновления толковых словарей.

Литература:
Крысин Л. П. Современный русский язык. М., 2007.
Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
Толковый словарь русского языка / Ред. Д. Н. Ушаков. М., 1935. Т. 2; М., 1938. Т. 3.

Емельянова Алена Игоревна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Категория диалогичности сквозь призму новых медиа (на примере словаря ключевых слов DataSlov и ресурса о здоровье и качестве жизни «Купрум»)

Сегодня в условиях перенасыщенности информационного поля современным медиа становится все труднее удерживать внимание аудитории. Особенно актуальна эта проблема для научно-популярных проектов, которым важно не оттолкнуть читателя сложностью научного материала. В исследовании рассматриваются Telegram-каналы научно-популярных медиа — словаря ключевых слов DataSlov (https://t.me/dataslov) и ресурса о здоровье и качестве жизни «Купрум» (https://t.me/tolkosprosit). Выбор столь непохожих друг на друга проектов не случаен: цель работы — сравнить способы эффективного взаимодействия с аудиторией в разных по масштабу и тематике медиа. Кроссмедийный проект DataSlov первоначально был создан для обеспечения учебного процесса. Теперь это полноценное научное медиа. В Telegram-канале DataSlov очень востребован развлекательный визуальный контент в сочетании со средствами комического (карточки с иллюстрациями, мемы и дизайнерские рисунки), интерактивный контент (тесты). DataSlov стремится организовать постоянную двустороннюю коммуникацию с аудиторией. По этой причине в постах регулярно используются обращения и вопросы к читателям, а также приглашения к комментированию с использованием формы повелительного наклонения (*А какой вариант для вас главный? Делитесь в комментариях — интересно, совпадает ли народный рейтинг!*). Диалогичность обеспечивается и благодаря маскотам-антиподам с индивидуальной моделью речевого поведения — ежа Ёжки («правильного» студента-отличника, который контролирует свое речевое поведение) и обезьянки Безе (студента-разгильдяя, пренебрегающего элементарными правилами орфографии и пунктуации, употребляющего в речи разговорные слова). Маскоты формируют имидж проекта и обеспечивают дополнительное вовлечение читателей через простую форму, часто на основе контраста (как в диалогах, так и в индивидуальных рубриках).
Обратимся к Telegram-каналу «Купрума»: один из главных способов установления диалогичности здесь — визуализация контента. Зачастую «Купрум» помещает более длинные тексты в карточки, сопровождая их графическими рисунками в фирменном стиле. Герои иллюстраций (как люди, так и животные) узнаваемы: они обычно отражают эмоции, которые должен вызвать у читателя текст. Диалогичность у «Купрума» также обеспечивается использованием конструкций, которые призваны либо заинтересовать читателя посредством интертекстуальных включений и формой построения фразы (— *Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза? / — Это потому что попутчик <...> рассказал мне историю своей жизни, внученька…*), либо привлечь внимание за счет

стилистики, напр., использования сленга (*«Сигма»-подросток опять заруинил ваши родительские ожидания своими женоненавистническими вбросами?*). Нередко посты начинаются или завершаются вопросами-обращениями, вызывающими у аудитории сочувствие, призывающими высказать свое мнение или поделиться личным переживанием (*Знакомо? От рилсов действительно тупеют? Попробуем разобраться!*). Таким образом, современные научно-популярные медиа эффективно выстраивают диалогичность благодаря инструментам инфотейнмента. Основные используемые средства — актуальный медиаязык, упрощенные формулировки-обращения, визуализация контента, уникальный стиль и узнаваемые «лица» проекта.

Землянская Анна Ефимовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Средства создания образности в речевой репрезентации депрессивного состояния в специализированном издании

Депрессия является востребованной темой в медиасреде: по данным ВОЗ, в 2025 г. она была диагностирована у 5,7 % взрослого населения мира [Depressive disorder, 2026]. В специализированных изданиях частотно обращение к данной проблеме. СМИ, ориентирующиеся на массовую аудиторию, стремятся повлиять на повышение уровня психологической осведомленности населения.

Обращение к образности рассматривается как основополагающее средство воздействия на читателя. Одним из важнейших средств создания образности является метафоричность, которая, расширяя семантическую структуру слова, позволяет объяснить абстрактные понятия через простые ассоциации. Так, систематически воздействуя на эмоции читателя, издание может сформировать мнение аудитории о проблеме.

Цель исследования — анализ функционирования средств создания образности в речевой репрезентации депрессивного состояния в «Psychologies». Новизна заключается в выборе специализированного СМИ в качестве эмпирической базы. В работе использованы контент-анализ, а также лингвостилистический и структурно-типологический методы. Теоретическую базу исследования составили труды Н. Д. Арутюновой, В. П. Москвина, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, О. С. Матвеевой. Эмпирическую базу составили публикации онлайн-издания «Psychologies» с января 2025 г. по февраль 2026 г.

В ходе исследования были отобраны 46 статей — материалы, в заголовочном комплексе которых упоминалась депрессия. Среди них найдено более 130 метафор. Согласно семантической типологии Москвина, метафоры могут быть классифицированы по тематической принадлежности их вспомогательных субъектов [Москвин, 2006: 112—113]. Так, в числе проанализированных средств была найдена 21 пространственная метафора (*тащили на дно*). Частотно использование глаголов движения со значением перемещения вниз или внутрь пространства. Таким образом формируется образ болезни как жизненного этапа, подчеркивается достижимость ремиссии (*найти путь*).

Выделены 14 антропоморфных метафор, в которых депрессия сопоставляется с опасным человеком, что побуждает читателя серьезнее относиться к проблеме (*депрессия коварна*). Отметим, что в основе создания метафорических образов болезни лежат такие мотивационные системы, как цвета, неживая природа, время. Разнообразие классов вспомогательных субъектов позволяет создать более запоминающийся образ депрессии, побудить к прочтению материала.

Рассматривая метафоры с точки зрения степени смысловой удаленности основного и вспомогательного субъектов, подчеркнем, что вторая разновидность предполагает создание более «ярких» образов [там же: 122] и преобладает в анализируемых текстах. Так,

сопоставление депрессии (ментальная болезнь) со стихийными бедствиями (*водоворот*) объединяет разные семантические классы, что создает новую ассоциацию. В статьях было выявлено использование 12 мотивационных систем, лежащих в основе создания образа депрессии, среди которых преобладают пространственные метафоры. Большинство метафорических образов являются внешними и предназначены для сопоставления единиц из разных семантических классов, что способствует лучшему запоминанию.

Литература:
Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семантической теории. М., 2006. Depressive disorder (depression) // World Health Organization. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/depression (21.02.2026).

Левченко Мария
студентка 1 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Тарелочницы», «кружечницы» и «бокальницы»: семантические особенности современных номинаций женщин

В докладе рассматриваются особенности употребления единицы *тарелочница* как элемента новейшей гендерно маркированной лексики современного русского языка, сформировавшейся в русскоязычном интернет-дискурсе начала 2020-х гг. Лексема функционирует как оценочный ярлык, обозначающий женщину, воспринимающую свидания преимущественно как способ получения материальных благ за счет мужчин, и выступает инструментом социальной стигматизации в конфликтных обсуждениях гендерных ролей.

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 40 контекстов с употреблением лексемы *тарелочница*, отобранных из форумов (Woman.ru, Reddit), блогов (LiveJournal), социальных сетей (VK) за 2020—2025 гг. В работе используются описательный, контекстуальный, компонентный и словообразовательный анализ в сочетании с дискурсивным подходом, что позволяет связать семантику термина с коммуникативными установками говорящих и форматами цифровых платформ.

Семантически *тарелочница* представляет собой метафорическую вторичную номинацию: обозначение социального типа, поведение которого характеризуется потребительским отношением к свиданиям. В ряде контекстов лексема включается в словообразовательные ряды (*кружечница*, *бутылочница*, *бокальница*), объединяющие женские образы на основании семантики потребления еды и напитков в приватных и публичных пространствах (кафе, рестораны, бары).

Анализ эмотивной окраски высказываний показывает, что «тарелочницы» оцениваются говорящими негативно: в высказываниях мужчин на форумах такие женщины описываются как меркантильные, беспринципные и склонные к манипуляциям (в коммуникативных ситуациях обсуждения оплаты счета, ожиданий финансовых вложений и поведения на свидании), часто использующие внимание мужчин как ресурс. Вместе с тем в корпусе присутствуют рефлексивные контексты, где женщины оспаривают справедливость ярлыка и указывают на его мизогинный характер. С прагматической точки зрения лексема *тарелочница* выполняет прежде всего функцию стигматизации: она используется для маркировки «неправильного» женского поведения.

Полученные данные позволяют рассматривать исследуемую единицу как ключевой элемент современной «бытовой идеологии» ухаживания. Лексема фиксирует напряжение между традиционными ожиданиями галантности и новыми моделями экономического

равенства, позволяет выявить, как гендерные стереотипы и язык вражды воспроизводятся и нормализуются в интернет-коммуникации.

Маттис Александр Львович
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«И кюхельбекерно, и тошно»: эволюция лексемы «тошнить» и дериватов ее семантического древа в современном русском языке

Словари русского литературного языка фиксируют только два значения лексемы *тошнить*. Наиболее показательно в данном случае определение «Словаря современного русского литературного языка» в 17 т.: «Тошнить, -нит, *несов. перех. безл.* 1. О состоянии тошноты (в 1-м знач.). *Подле меня молодую женщину начинает тошнить; Это придает ее бледному лицу выражение томной нежности.* Пушк. Участь моя решена… 2. *Перен. Разг.* О чувстве отвращения, омерзения у кого-либо. *Да, и теперь, как вспомню я о вашей «Франции прекрасной», / Коробит и тошнит меня*» [ССРЛЯ, 1963: 378].
Однако анализ современного интернет-пространства позволяет дополнить эти лексические значения двумя новыми: Тошнить, -ю, -ишь, несов., непер. и пер. … 3. разг. Медленно ехать. *Уйди в право и тошни в праве и тошни там и не создавай проблем другим или хотя бы пропусти других кто едет быстрее.* Комментарий из чата в Telegram. 4. Надоедать, говорить о теме долго, нудно и скрупулезно, раздражая окружающих. *— Я с екатеринбурге, я все правила русского знаю. — Ну, если начать тошнить, то не совсем все правила: спряжения глаголов, падежные окончания и словарный слова откровенно хромают*. Комментарий из чата в Telegram.
Анализ региональных чатов Telegram за 2024—2025 гг. позволил методом частичной выборки найти 2339 случаев употребления слов с корнем *тошн-* с двумя новыми лексическими значениями. Методом лингвистического картографирования были определены два ареала, где наиболее часто встречаются указанные лексемы.
Первый по количеству — сибирский ареал, в который входят Красноярский край и Томская область, суммарно насчитывающие 884 случая употребления указанных лексем. Далее следует среднеповолжский ареал, объединяющий Татарстан и Ульяновскую область с 397 употреблениями. Между ними аномальной зоной выступает Свердловская область, где зафиксировано 109 употреблений искомых лексем.
Решая вопрос о прародине новых значений (3-е и 4-е соответственно) был сделан вывод о значительной степени вероятности их среднеповолжского генезиса. Именно там были зафиксированы живые процессы семантической деривации, в то время как в сибирском ареале лексемы практически полностью потеряли 4-е значение и в большинстве случаев употребляются в тематической сфере дорожного движения. Свердловская область выступила перевалочным пунктом на пути лексической миграции внутри русского разговорного языка.
В пользу предположения о среднеповолжской прародине также выступает богатая история машиностроения данного региона (КамАЗ, ЕлАЗ, УАЗ и др.), не имеющая аналогов в Красноярском крае или Томской области.
Обнаруженная корреляция между ареалами бытования 3-го и 4-го значений обнаруживает следующую закономерность: доминирование 4-го значения характерно для южных регионов (Крым, Донецк, Луганск), тогда как 3-е значение в них встречается в пределах статистической погрешности. Это указывает на связь генезиса 4-го значения с южным ареалом и на обособленность происхождения обоих значений.

Литература:
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. Л., 1963.

Мизитова Кристина Сергеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Семантика заглавия: «Удар крыла» В. В. Набокова

В центре внимания настоящего исследования находится язык рассказа «Удар крыла», впервые опубликованного В. В. Набоковым в 1924 г. в берлинском еженедельнике «Русское эхо» под псевдонимом В. Сирин. Вслед за многими исследователями творчества автора необходимо отметить мистическую природу рассказа (сюжет, поэтика, герои), типичную для раннего творчества Набокова. Новизна проводимого исследования определяется, во-первых, отсутствием обобщающих работ, анализирующих художественный язык Набокова в рассказах его русского периода (в т. ч. в рассказе «Удар крыла»), во-вторых, отсутствием работ, посвященных лингвистическому исследованию семантической связи заголовка и текста произведений Набокова.

В докладе предпринята попытка проследить семантическое развертывание заголовка «Удар крыла» в тексте рассказа — интенсификацию значений лексических компонентов заголовка. Так, семантика лексемы *крыло* раскрывается последовательным использованием лексических единиц, входящих в соответствующее семантическое поле: это может быть как глагольная группа лексики (*летит*, *пылает*, *отливает*), так и именная, представленная в первую очередь именами существительными и прилагательными, среди которых также отмечается однокоренная лексика (*пушистый*, *лоск*, *крылья*). Как всякое семантическое поле, поле «крыло» имеет как ядерный лексический состав, так и факультативный. К ядерному можно отнести лексику, метафорически сближающую крыло с плечом, рукой, ключицей (*И добавила, пригнув к столу прозрачное плечо, схваченное черной ленточкой…* [Набоков, 2004: 36]).

Кроме того, семантическое поле составляют и аллюзивные образы. Так, шестиярусная гостиница как бы предсказывает дальнейшее появление ангела, чей образ отсылает читателя к шестикрылому серафиму (*Весело и лазурно было перед шестиярусной гостиницей* [там же: 35]). С помощью лексем, входящих в семантическое поле «крыло», писатель сопоставляет образ героини (Изабель) с образом птицы: рот героини похож на клюв, пушистые глаза напоминают перья (*Облик у нее был легкий и стремительный, рот такой яркий, что, казалось, Творец, набрав в ладонь жаркого кармина, горстью хватил ее по нижней части лица. В пушистых глазах летала усмешка. Крылом торчал испанский гребень в крутой волне волос — черных с атласным отливом* [там же: 36]).

Лексика этого семантического поля насчитывает более ста единиц, что позволяет ограничиться рассмотрением развертывания только одного компонента *крыло*, дающего материал для наблюдений за «семантической сетью» текста рассказа, аккумулированного в заголовке.

Литература:
Набоков В. В. Удар крыла // Собрание сочинений русского периода. СПб., 2004. 1. С. 35—53.

Милосердова Яна Олеговна
студентка 5 курса
Государственный университет просвещения

Концепт «земля» с негативной характеристикой в произведениях В. С. Высоцкого

Концепт «земля» относится к числу универсальных культурных концептов, репрезентирующих языковую картину мира носителя. Согласно определению А. Е. Семенова, под концептом понимается «смысловое значение имени или слова; то, как мы мыслим данное слово» [Семенов, 2009: 13]. Языковая картина мира — это способ фиксации и хранения всей информации о мире, доступной народу.

В русской лингвокультуре концепт «земля» преимущественно осмысляется в положительном ключе, поскольку ассоциативно связан с понятиями *родина*, *дом*, *поле*. Вместе с тем данный концепт способен реализовывать и отрицательные коннотации, которые носят периферийный и окказиональный характер. Цель настоящей работы — рассмотреть подобные случаи на материале поэтических текстов В. С. Высоцкого.

В первую очередь, показателен пример из произведения «Серебряные струны» (1962): *Я зароюсь в землю, сгину в одночасье*. Устойчивое выражение *зарыться в землю* обладает нейтральной коннотацией, однако в контексте оно оказывается в одном ряду с однородным сказуемым *сгину*, что придает всему сочетанию негативную окраску.

К указанному выражению Высоцкий обращается неоднократно. Так, реализация рассматриваемой конструкции представлена в произведении «Простите Мишку!» (1963): *Друга Мишку не забуду и вас в землю всех зарою!* В данном контексте конструкция с семантикой угрозы приобретает отрицательную коннотацию.

В тексте стихотворения «Высота» (*Земля — как горелая каша*…) лексема *земля* реализуется в составе компаративной конструкции. Перенос цветовых и качественных признаков формирует негативную коннотацию, обусловленную военной тематикой текста.

В примере из произведения «В плен — приказ: не сдаваться!» (*в землю уткнувшись солдаты лежат*) оборот *в землю уткнувшись* является перифразой со значением ‘гибель, смерть’. Общеславянское представление о единении человека с землей при употреблении оборота в контексте описания военных действий подчеркивает масштаб потерь, чем и мотивирована отрицательная коннотация выражения.

Особого внимания заслуживает пример из песни «Напролет целый год — гололед»: *Круглый год на земле гололед*. Обстоятельственный детерминант *на земле* сам по себе не обладает негативной семантикой, однако главный член односоставного предложения (*гололед*) выступает репрезентантом ключевого мотива произведения — безысходности и однообразия. Так, пространственный компонент опосредованно участвует в формировании отрицательной оценки.

В другом тексте Высоцкого — «Про любовь в Средние века» — зафиксировано следующее употребление рассматриваемой лексемы: *Король сказал: «Он с вами справится шаля!» / И пошутил: «Пусть будет пухом вам земля!»*. Анализируемая лексема входит в состав фразеологизма *земля пухом*, который изначально не имеет негативной окраски, однако в приведенном контексте его использование включает сказуемое, выраженное формой личного глагола (*пошутил*), чем и обусловлен иронический оттенок значения фразеологической единицы. Так, значение фразеологизма с компонентом *земля* приобретает дополнительные коннотации.

Проведенный анализ позволяет заключить, что концепт *земля* в идиолекте Высоцкого может иметь реализации с отрицательной коннотацией, однако такие случаи носят частный характер и обусловлены спецификой контекстуального окружения.

Литература:

Семенов А. Е. Вербализация концепта ЗЕМЛЯ средствами русской фразеологии и лексикологии: дис. ... к. филол. наук. Челябинск, 2009.

Пустовалова Екатерина Игоревна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Научный идиостиль А. П. Доброславина: основные черты («Гигиена. Курс общественного здравоохранения»)

Доклад посвящен основным чертам научного идиостиля А. П. Доброславина на примере одного из его основополагающих трудов: «Гигиена. Курс общественного здравоохранения».

В российских медицинских образовательных учреждениях середины XIX в. гигиена изучалась крайне поверхностно среди общих медицинских предметов. Доброславин — один из первых русских ученых, кто поднял вопрос об углубленном изучении гигиены. Будучи одним из инициаторов открытия отдельной кафедры гигиены в Императорской медико-хирургической академии, Доброславин основал первую в стране лабораторию для проведения исследований в области экспериментальной гигиены.

Перед ученым, взявшим на себя труд разработать и ввести новый учебный курс в систему отечественного медицинского образования, неизбежно встал вопрос специальной терминологии. Создавая новый учебный курс, Доброславин стремился представить учебную книгу, соединяющую в себе теоретические и практические достижения в области мировой гигиенистики. Так создается фундаментальный труд ученого — «Гигиена. Курс общественного здравоохранения», основанный на прочитанных Доброславиным лекциях, обращенных к студентам медицинской академии. Книга сочетала в себе подлинную научность и известную публицистичность, так как была нацелена на изложение новой системы знаний, поэтому в лекциях Доброславина много выразительных риторических приемов — образных эпитетов, сравнений, метафорических структур.

Говоря о лексических особенностях стиля анализируемого текста, в первую очередь отметим неоднородный по происхождению состав терминов. Во-первых, неизбежно большое количество терминов заимствованных: *тинктура* (*лакмусовая тинктура*), *дезинфекция*, *пульверизатор*. При этом автор также использует слова общеславянского и собственно русского происхождения, выполняющие роль научных терминов: *двугорлый*, *произвол, преемник*. В тексте были зафиксированы как книжная лексема *дитяти*, так и популярное в то время слово *утилизированный*.

Во-вторых, автор активно привлекает терминологический аппарат уже существующих наук (физики, химии, биологии): *ацетилен*, *разрежение*, *белый перец (pipper album)*. Это, с одной стороны, подчеркивает междисциплинарный характер гигиенистики, с другой — свидетельствует о значительной роли гигиены в любой сфере человеческой жизни и о тесной связи новой прикладной науки со всем естественнонаучным знанием.

Отмечается общая образность, стилистическая выразительность учебного текста, достигаемая за счет использования метафорических структур (*человеческое тело есть самая совершенная из всех существующих до сих пор машин* [Доброславин, 1882: 7]), образных номинаций (*цвет rouge vineux)* и др. Специфической чертой можно считать частое использование диминутивов: *пылинки*, *пузырьки*, *частички*, *стеклышко*.

Среди грамматических особенностей можно отметить большое количество вопросительных предложений, конструкций связи (*посмотрим*, *нам и предстоит*, *перейдем).* В тексте присутствует авторское «я» (*я нахожусь*, *мне нужно*, *я не считаю уместным*).

Таким образом, научный идиостиль Доброславина характеризуется стилистической неоднородностью, яркостью и выразительностью изложения, использованием множества художественных средств, что особенно отличает его от стиля современных научных и учебно-научных текстов.

Литература:
Доброславин А. П. Гигиена. Курс общественного здравоохранения. Ч. 1—2. СПб., 1882—1884.

Сажко Дарья Сергеевна
магистрантка 1 курса
Тверской государственный университет

Некоторые способы рационализации эмоций в лирических произведениях (на примере произведений В. В. Маяковского)

Лирический текст транслирует внутреннее состояние субъекта, передавая его эмоции и переживания. Одна из целей автора текста заключается в воздействии на читателя путем трансляции эмотивных смыслов, что позволяет считать лирику наиболее эмотивным родом литературы, а средства репрезентации эмоций в ней — принципиально иными по сравнению с эпосом или драмой. В поэтическом тексте номинации эмоций не обладают той функцией, которая характерна для других родов литературы. Эмотивы в данном случае только помогают создать эмоциональную картину, в то время как ключевыми оказываются языковые формулы, в которые встраиваются единицы языка. Целью исследования является описание контекстов употребления лексемы *любовь* в лирическом тексте и выявление особенностей ее функционирования для репрезентации эмоционального состояния лирического героя. Новизна работы заключается в выявлении и типологизации механизмов рационализации эмоции «любовь» в лирике В. В. Маяковского. Для решения поставленных задач были использованы методы контекстуального анализа, сплошной выборки языковых единиц, компонентного анализа.

Наиболее частотным случаем использования номинации эмоции оказывается ее объективизация. Лирический герой наделяет существительное с абстрактным значением некоей вещественностью, в результате чего эмоция из элемента ментального мира становится частью мира материального. Подобные контексты можно разделить на две группы:

1. Эмотив становится субъектом: *Все равно / любовь моя — / тяжкая гиря ведь — / висит на тебе, / куда ни бежала б* [Маяковский, 1955: 107], *Любовь поцветет, / поцветет — / и скукожится* [Маяковский, 1957: 85]. Существительные, которые называют эмоцию, становятся реалиями вещественного мира, некоторые из них наделяются чертами живых существ, а некоторые представляют предметы материального мира, которые способны оказывать физическое воздействие на объект симпатии;
2. Эмотив становится объектом: *Завтра забудешь, / что тебя короновал, / что душу цветущую любовью выжег* [Маяковский, 1955: 108], *Любовь / в тебя — / богатством в железо — / запрятал, / хожу / и радуюсь Крезом* [Маяковский: 1957: 92]. Существительные, называющие эмоции, лишены денотата, однако в данных контекстах мы обнаруживаем, что лексема *любовь* приобретает конкретное значение, она становится «предметом», с которым можно взаимодействовать физически. Рассмотренные контексты показывают, что номинация эмоции нацелена на максимально точную репрезентацию переживаемого лирическим героем состояния.

Для точного выражения чувств лирическое «я» может прибегать к аналогии. Напр., в контексте *Если быка трудом уморят — / он уйдет, / разляжется в холодных водах. / Кроме любви твоей, / мне / нету моря, / а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых* [Маяковский, 1955: 108] контекстуальное соположение образов физического и эмоционального истощения актуализирует аналогию: любовное страдание приравнивается к изнурительному труду.

Таким образом, номинация эмоции в лирическом тексте не только передает информации о

состоянии героя, но и участвует в образовании определенных эмоциональных образов.

Литература:
Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1955; Т. 4. М., 1957.

Сизых Ульяна Александровна
студентка 4 курса
Государственный университет просвещения

Гиперклассы акустических ономатопов в поэзии А. Е. Крученых

В кубофутуристической поэзии, представителем которой был А. Е. Крученых, использование звукоподражательных слов во многом объясняется стремлением к воссозданию протоязыка. Его когнитивная примитивность и особая выразительность, достигаемые благодаря лежащей в основе звукоизобразительности устойчивой связи между фонемами слова и денотатом, отвечают попыткам авангардистов сформировать сходство между означающим и означаемым. Данное исследование посвящено изучению акустических ономатопов в поэзии Крученых. В качестве исследуемого материала были использованы произведения разных лет. Для рассмотрения гиперклассов звукоподражаний был применен метод фоносемантического анализа, предполагающий выявление звукоподражательных слов и их анализ по ряду семантических и грамматических критериев.

Акустические ономатопы представлены двумя гиперклассами: инстантами-континуантами и фреквентативами квазиинстантами-континуантами.

Гиперкласс инстантов-континуантов представляет собой удар с последующим или предшествующим неударом. При этом внутри гиперкласса выделяется несколько типов, различающихся характером акустических элементов. Наиболее распространены в творчестве Крученых чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты, представляющие собой «удар с последующим чисто шумовым неударом» [Воронин, 2006: 60]. Высокая частотность их использования объясняется особенностями структуры: сочетая кратковременное звуковое воздействие (удар) и шумовое звучание (чисто шумовой неудар), данный тип ономатопов передает сложный акустический денотат и характеризуется разнообразием обозначаемых звучаний, к числу которых можно отнести бросание (*бац!*), падение (*бух!*), выстрел (*пах!*), плеск воды (*плюх!..*), проч. Не менее употребительны чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты, которые обозначают «удар с предшествующим чисто шумовым неударом» [там же: 61]. Регулярность их использования обусловлена разнообразием потенциальных значений: от движения жидкости и хождения по грязи (*хлепа-хлеп*) до несильного удара (*хлопнуть*) или изображения щелкающего звука (*щелк!*).

Фреквентативы квазиинстанты-континуанты, составляющие второй гиперкласс, обозначают квазиудар (диссонирующий удар) с последующим или предшествующим неударом. Наиболее частотны в творчестве Крученых чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты, которые обозначают сильные раскатистые звуки: взрыв, падение, выстрел, обрушение, треск и проч. Практически все случаи использования чисто шумовых «послеударных» квазиинстантов-континуантов относятся к изображению грохота: *Под* ***грохот*** *молнии и серы…* («Из писем Наташи к Герцену», 1920), *Суровый идиот я* ***грохнулся*** *на стол...* («Суровый идиот я грохнулся на стол…», 1913). Встречается также употребление данных звукоподражаний для передачи звука скрежета зубов: *О, темный яд* ***грызущий*** *Корморан…* («Реквием», 1922).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в поэзии Крученых встречается два гиперкласса акустических ономатопов, использование которых

отвечает стремлению кубофутуристов утвердить примарную мотивированность языкового знака.

Литература:
Воронин С. В. Основы фоносемантики. М., 2006.

Фадеева Дарья Дмитриевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Система оценочных помет в словарях современного русского литературного языка: лингвоэкспертологический аспект

Количество обращений в суд по поводу оскорблений становится больше, а лингвисты-эксперты, анализирующие продукты речевой деятельности, сталкиваются с определенным кругом проблем при установлении в слове наличия/отсутствия негативной коннотации, степени ее интенсивности. В настоящем докладе анализируется комплекс помет, способных помочь лингвисту-эксперту в определении оценочной семантики конкретного слова в конкретном тексте. В докладе предпринимается попытка проанализировать оценочные пометы в словарях современного русского литературного языка как лингвоэкспертный инструмент.

В ходе работы были отобраны лексемы с оценочным компонентом, ставшие предметом исследования лингвистов-экспертов в уже состоявшихся экспертных заключениях, собранных в книге «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации». Таким образом, был сформирован корпус исследуемых единиц, а именно номинаций человека (12 ед.): *вор*, *мошенник*, *хам*, *предатель*, *спекулянт*, *мерзавец*, *жулик*, *палач*, *мясник*, *негодяй*, *хищник*, *свинья*. Исследование системы словарных помет, фиксирующих оценочное значение (окраску, коннотацию), потребовало обращения к лексикографическим источникам — «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, «Словарю современного русского литературного языка» в 17 т., «Словарю русского языка» в 4 т.

В центре исследовательского внимания оказались слова, оценочный компонент которых возникает лишь у одного или нескольких лексико-семантических вариантов либо выступает как непостоянный лексикографический маркер. Напр., слово *мошенник*, принадлежащее и литературному, и разговорному языку, при употреблении по отношению к конкретному лицу, как правило, носит оскорбительный характер. Однако оценочный комментарий с лексемой *мошенник* может квалифицироваться как выражение мнения. В таком случае юридически доказать факт оскорбления сложно. В ходе анализа словарей с точки зрения вариативности системы помет были выявлены возможные разночтения при экспертной квалификации слова. Слова *палач* и *мясник* являются нейтральными номинациями лица (по профессии), но в переносном значении приобретают резко негативную оценку. Ни в одном из рассматриваемых словарей лексема *палач* не сопровождается экспрессивно-оценочной пометой, а лексема *мясник* либо не сопровождается таковой, либо встречается с пометой «ирон.» или «презрит.». Даже обращение к академическому словарю не дает полной гарантии квалификации оценочности слова.

Таким образом, вариативность в системе предлагаемых помет, наблюдаемая в разных словарях при фиксации одного и того же слова, позволяет говорить о малоэффективности

использования существующих словарей современного русского языка в качестве надежного инструмента в ходе лингвистической экспертизы.

Фокина Мария Романовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Семантизация ключевого слова текущего момента в современном русскоязычном медиадискурсе

Современная лексическая система русского языка находится в состоянии динамического развития и активно реагирует на изменения социокультурной реальности. Одним из наиболее чувствительных индикаторов языковых изменений выступает медиадискурс. Средства массовой информации играют ведущую роль в появлении и распространении новых лексических единиц и актуализации уже существующих слов. Именно медиакоммуникация обеспечивает закрепление новых значений в массовом сознании. Особого внимания заслуживает процесс семантизации ключевых слов текущего момента (КСТМ) — языковых единиц, вызванных к жизни серьезными политическими или социальными потрясениями в отдельно взятом национальном сообществе или в мире в целом. Их значимость определяется частотностью употребления и тесной связью с социально значимыми событиями. В связке «событие — слово» лексема получает контекстуально обусловленную интерпретацию, что ведет к семантическому сдвигу. Семантические изменения ключевых слов могут реализовываться в разных формах: сужение лексического значения, уточнение лексического значения, метафоризация и др. Напр., до 2020 г. слово *пандемия* обозначало любую крупномасштабную эпидемию, с 2020 г. в сознании мировой общественности оно ассоциируется исключительно с коронавирусной инфекцией. Так происходит сужение значения, при котором слово закрепляется в узусе в связи с одним историческим контекстом.

Словосочетание *традиционные ценности* демонстрирует механизм семантического уточнения: при формальной лексической «прозрачности» компонентов их совокупное значение остается размытым и зависит от идеологического контекста. В медиадискурсе это выражение функционирует как система культурных представлений, основа национальной самоидентификации, закрепленная в РФ на законодательном уровне. В то же время слово *единство* в актуальном дискурсе получает дополнительную идеологическую нагрузку. В результате происходит смещение значения от нейтрального абстрактного понятия к контекстуально обусловленному символу ценностной риторики.

Отдельную группу составляют случаи метафорической семантизации. Так, во время эпидемии коронавируса лексема *корона* стала ассоциироваться с вирусом, а лексема *спутник* — с названием вакцины. В то же время слово *хлопóк* стало использоваться в медиа для обозначения взрыва.

Медиадискурс не только инициирует семантический сдвиг, но и закрепляет его благодаря повторяемости и интертекстуальности. Частотность употребления лексем в новостях, политической риторике и социальных сетях способствует легитимации новых значений. Таким образом, ключевое значение лексемы формируется при освещении значимого события в медиадискурсе, что позволяет КСТМ отражать динамику общественного сознания и историческую специфику эпохи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в рамках научного проекта «Традиционные ценности в ключевых словах текущего момента: реализованные и потенциальные возможности медиадискурса» (соглашение с РНФ № 25-28-01575).

Цзян И
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

Характеристики полных и неполных лексических омонимов (на материале «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова)

Актуальность исследования лексической омонимии обусловлена необходимостью теоретического уточнения ее границ, критериев выделения омонимов и востребованностью прикладных решений для лексикографии.
Объект настоящего исследования — типология лексической омонимии в современном русском языке, в частности — выделение полных и неполных омонимов как основных структурно-функциональных разновидностей. Предмет исследования — особенности полных и неполных лексических омонимов в современном русском языке.
Источником материала исследования выступает «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС). Научная новизна работы как раз определяется опорой на актуальный лексикографический источник: в отличие от ряда предшествующих исследований, в данной работе системный анализ лексической омонимии проводится на материале одного из наиболее полных и современных толковых словарей, отражающего текущее состояние лексической системы русского языка. Это позволяет проследить, как современная лексикография фиксирует и разграничивает лексические омонимы, и выявить тенденции в кодификации омонимии на рубеже XX—XXI вв.
Для формирования эмпирической базы использован метод сплошной выборки: из БТС были извлечены все зафиксированные омонимы, после чего проведена их классификация на полные и неполные. Для систематизации материала применялся классификационный метод.
Установлено, что лексические омонимы в современном русском языке представлены в трех частях речи: именах существительных, глаголах и именах прилагательных. Как полные, так и неполные омонимы обнаруживаются во всех указанных грамматических классах. При этом для имен существительных характерны специфические проявления неполной лексической омонимии: а) несовпадение словоформ в единственном и/или множественном числе; б) различие в ударении словоформ в отдельных падежах. Данные особенности обусловлены морфологическими свойствами имен существительных.
Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в преподавании лексикологии, культуры речи, а также при составлении словарей омонимов и справочников по русскому языку.

Шевелева Полина Игоревна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Особенности лексического значения глагола «проработать» в повседневном дискурсе

В докладе представлены результаты исследования современных контекстов употребления лексемы *проработать* с точки зрения ее лексических и прагматических особенностей. Контекстуальный анализ показал, что корреляция нового значения слова *проработать* с теми значениями, которые уже зафиксированы в словарях, отражает концептуализацию в языке нового опыта.
Материалом исследования послужили 344 примера употребления слова *проработать* из подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка, а также 50

примеров употреблений слова, извлеченных из интернет-источников. Центральное значение, которое требует лингвистического осмысления и, возможно, дальнейшей лексикографической фиксации, отражается в примерах типа: *Так что первый шаг — **проработать** принятие себя, с чем мы и стараемся помочь всем нашим моделям*; *Мы вместе **проработали** его эмоции, особенно те, которые подарили раннюю седину и «лужайку»*.

Данные словоупотребления не связаны со значениями, описанными в словарях. Напр., в Малом академическом словаре зафиксированы значения: *1. Провести какое-л. время, работая где-л.; 2. перех. Подробно изучить что-л., всесторонне ознакомиться с чем-л; 3. перех. Разг. Подвергнуть суровой или недоброжелательной критике* [МАС, 1984: 514]. В представленных ранее контекстах семантика лексемы *проработать* связана не с классическими словарными значениями, а со значением психотерапевтической интеграции опыта, которая заключается в осознании и реконструкции вытесненных причин травмы. Исследуемый глагол и в словарных значениях относился к глаголам ментального действия, но теперь можно заметить, что объектом осмысления становится внутренний мир человека: его эмоции, чувства, состояние.

Прагматически в повседневном дискурсе глагол *проработать* выполняет ряд коммуникативных функций, сопоставимых с самоподдержкой, коллективизацией опыта, самоидентификацией. Отличие подобных употреблений от употреблений лексемы в психотерапевтическом дискурсе проявляется, таким образом, на контекстуальном и функциональном уровнях. Если в первом случае слово употребляется в профессиональной среде с фокусом на процесс исцеления (*Иногда клиент приходит с запросом **проработать** прошлые травмы, травмы, которые были в детстве...*), то во втором случае возможности для использования глагола *проработать* существенно расширяются: лексема применима как для публичной фиксации личного опыта, так и для эмоциональной разрядки и характеристики человека как «эмоционально зрелого» (*Когда ты сам **проработан** и больше опираешься на себя, нет такой яркой потребности опираться на других...*). Бытование понятия из профессиональной среды в повседневном дискурсе можно объяснить повышенным интересом к психологии и тенденцией к саморефлексии, что отражает культурную норму и язык текущей эпохи. В докладе будет подтверждена незавершенность семантического сдвига: лексема в ее незафиксированном (в т. ч. в узкоспециальном дискурсе) значении активно используется в неформальных коммуникативных ситуациях, но не описывается в нормативных словарях.

Итак, анализ материала позволяет говорить о семантическом сдвиге: глагол *проработать* претерпевает семантическую трансформацию от термина психотерапевтического дискурса, обозначающего интеграцию опыта, до универсального маркера рефлексии в публичном дискурсе.

Литература:

МАС — Словарь русского языка в 4 т. Т. 3: П—Р. М., 1984.

СЕКЦИЯ «ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА»

Агаркова Мария Денисовна
магистрантка 2 курса
Донецкий государственный университет

Аббревиатурная группа атрибутивных слов (на примере абброгруппы «авто-»)

Работа посвящена рассмотрению аббревиатурной группы (далее — АГ) атрибутивных слов, в частности абброгруппы *авто*. Цель работы — определить и описать АГ атрибутивной аббревиатуры (далее — АА). Задачи: дать определение АА и охарактеризовать АГ, провести их формальный и ономасиологический анализ.
Актуальность определяется тем, что атрибутивные слова ранее не рассматривались учеными как аббревиатуры. «Аббревиатуры — это **существительные** (выделено нами — М. А.), состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное им словосочетание» [Белоусов и др., 1989: 84].
Материалом исследования послужило 231 прилагательное, отобранное из картотеки Толково-словообразовательного словаря сложносокращенных слов русского языка, составляемого в Донецком государственном университете. В ходе работы использовались методы сплошной выборки, формального и ономасиологического анализа.
АА могут выделяться только в синхронии, на диахронном срезе они являются квазиаббревиатурами. АА — прилагательные, включающие в свой состав абброконструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты (*авиаконструкторский > авиационный конструкторский*). Аббревиатурную группу определяют как «совокупность сложносокращенных слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [Рязанова, 2020: 114]. Напр., слова *автодилерский, автодорожный, автогаражный, автозаводный* и др. формируют АГ *авто*.
Для АА отмечается возможность объединения в АГ. По количеству текстовых эквивалентов аббревиатурную группу атрибутивных аббревиатур *авто* можно поделить на две подгруппы:
— имеющие один текстовый эквивалент: *автоводительский > автомобильный водительский*;
— имеющие два и более текстовых эквивалента: *автогоночный > автомобильно-гоночный, автомобильный гоночный; автодорожный > автомобильный дорожный, автомобильно-дорожный, для автомобильных дорог*.
Для АГ *авто* отмечаются следующие наиболее частотные формальные модели эквивалентности:
— **Прил1ед+Прил1ед=ЧоснПрил1ед+Прил1ед:** *автобатальонный > автомобильный батальонный;*
— **Прил1ед+Прил1ед=ЧоснНареч1ед+Прил1ед:** *автодетальный > автомобильно-детальный.*
Выделим основные ономасиологические модели АА группы *авто*.
Узуальные эквиваленты:
1. «квалификатив + инструменталис»: *автовесовой — автомобильный весовой*;
2. «квалификатив + локатив»: *автогаражный — автомобильный гаражный*;
3. «квалификатив + дестинатив»: *автовыставочный — автомобильный выставочный*;
4. «квалификатив + каузатив»: *автоаварийный — автомобильный аварийный*;
5. «квалификатив + делибератив»: *автоновостной — автомобильный новостной*.

Окказиональные эквиваленты:
1. «квалификатив + инструменталис»: *автогенераторный — автомобильный генераторный*;
2. «квалификатив + локатив»: *автоклубный — автомобильный клубный*;
3. «квалификатив + экспериенцер»: *автолюбительский — автомобильный любительский*.

Таким образом, была установлена возможность АА объединяться в АГ. В ходе работы было дано определение атрибутивной аббревиатуре и атрибутивной группе, а также представлены формальные и ономасиологические модели образования АГ *авто*.

Литература:
Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др. Краткая русская грамматика. М., 1989.

Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. Вып. 1. С. 114—122.

Алтухова Анастасия Андреевна
студентка 3 курса
Донецкий государственный университет

Эквивалентность инициальных и сложносокращенных онимов: сходства и различия

Цель исследования — сопоставительный анализ механизмов формирования и функционирования множественной эквивалентности у инициальных (далее — ИО) и сложносокращенных онимов (далее — ССО). Научная новизна работы заключается в системном выявлении и описании принципиального различия в природе эквивалентности данных типов аббревиатур. Материал исследования — 1578 аббревиатур, относящихся к русскому ономастикону. Методологическую основу исследования составили синхронно-эквивалентностный подход, сопоставительный метод, а также метод компонентного анализа.

ИО, как и инициальные апеллятивы, возникают вследствие реального сокращения компонентов мотивирующего словосочетания, а связь между аббревиатурой и ее эквивалентами носит характер формальной соотнесенности. Множественная эквивалентность ИО возникает в результате формирования нескольких альтернативных наименований одного референта, т. е. еще на этапе функционирования исходного словосочетания (*ЕФОВ — Европейская федерация по охране вод*, *Европейская федерация по охране водоемов*). Для ИО характерна ситуация, при которой появление у референта нескольких номинативных вариантов сопровождается образованием аббревиатур с вариативной структурой, отражающих последовательность компонентов нового наименования: *ПЕЛ — Партия европейских левых*, *ЕПЛ — Европейская партия левых*. Множественная эквивалентность ССО наряду с функционированием исторических вариантов в большинстве случаев обусловлена процессом псевдоунивербализации — вторичного развертывания уже существующей аббревиатуры в новое словосочетание, не совпадающее с официальной дешифровкой. Так, ССО *Роскомнадзор*, имеющий единственную нормативную дешифровку *Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций*, в современных текстах получает эквивалент *Российский комитет надзора*, структура которого изоморфна аббревиатуре. Кроме того, множественная эквивалентность онимов нередко формируется в результате создания дублетных форм наименований с различной степенью интеграции компонентов производящего словосочетания: *УВЗ, Уралвагон, Уралвагонзавод, Уральский вагоностроительный завод*.

Таким образом, инициальные и сложносокращенные онимы, имеющие различную структуру и способ образования, принципиально различаются и по характеру множественной эквивалентности.

Дементьева Василиса Максимовна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Решишь вопрос? Да не проблема!»: вариативность употребления лексем «вопрос» и «проблема» в узусе современного носителя русского языка

Доклад посвящен узуальному употреблению лексем *вопрос* и *проблема*. Эти лексические единицы в традиционном рассмотрении представляют собой неотъемлемые составляющие научного исследования. Цель настоящей работы — изучить слова *вопрос* и *проблема* в пространстве бытовой устной речи.

В ходе исследования были рассмотрены все значения исследуемых единиц на материале статей «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова. Особое внимание обращено на первое, третье и четвертое значения лексемы *вопрос* (‘Устное или письменное обращение к кому-либо… слова спрашивающего’; ‘Положение, дело, задача, требующие разрешения’; ‘Дело, обстоятельство…’) [БТС, 1998: 149] и первое значение лексемы *проблема* (‘Сложный вопрос, задача, требующая решения’) [там же: 998].

Поскольку ключевой задачей исследования стала работа с живой речью, был проведен опрос об употреблении анализируемых лексем и их сочетаемости среди учащихся старших классов петербургских школ, студентов филологических факультетов и научных сотрудников Института лингвистических исследований РАН. Говоря о разнице между двумя словами, респонденты давали следующие определения: «Вопрос — это вопрос “как таковой”, он может быть простым или сложным. Проблема требует более глубокого погружения и изучения». Ученым было предложено ответить на вопрос «В каких случаях при написании научной статьи Вы будете обнаруживать проблему, а в каких — формулировать вопрос?» Исследователи ответили, что при работе над научной статьей для них первична постановка проблемы или формулировка гипотезы.

Были проанализированы примеры, представленные в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (рассмотрено 2106 контекстов с лексемой *вопрос* и 1513 контекстов с лексемой *проблема*). Было выявлено, что слово *вопрос* чаще всего употребляется в сочетаниях с глаголами *улаживать*, *решать*, *изучать*, *давать ответ*. Лексема *проблема* в основном имеет отрицательную коннотацию.

В результате исследования на основании изученного материала Национального корпуса русского языка, словарных статей и проведенного опроса была разграничена вариативность употребления лексем ‘вопрос’ и ‘проблема’ и сделаны следующие выводы: слово *вопрос* предполагает получение недостающей информации и ориентировано на несколько вариантов ответа. Лексема *вопрос* употребляется в сочетании с глаголами *уладить* и *решать*. Слово *проблема* указывает на неприятности, трудности, некие препятствия или же ситуации, из которых нет очевидного выхода. Слово *проблема* является частотным при формулировке темы школьного сочинения и в научных исследованиях. В устном употреблении разграничиваются сочетания *без вопросов* и *без проблем*. Отсутствие вопросов говорит о том, что все ясно и пожелания собеседника приняты, при этом осуществление предполагаемого действия не обязательно является простым. Сочетание *без проблем* выражает готовность помочь и указывает на отсутствие препятствующих обстоятельств. При общности сочетаемости обеих лексем выявлено, что каждое из словосочетаний имеет низкую встречаемость в речи.

Литература:

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Инкина Мария Александровна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Личные местоимения в инаугурационной речи (на материале инаугурационных речей первого президента России)

Инаугурационная речь как жанр политического дискурса имеет целью создать образ реальности, являющийся отражением мировоззрения и идеологии политика и представляющий не только будущее, но и настоящее, где говорящий и слушающий едины в ценностном и деятельном плане. Важным инструментом для создания такого образа действительности являются личные местоимения, актуализирующие общий опыт адресата и адресанта речи.

Для анализа были выбраны инаугурационные речи первого президента России Б. Н. Ельцина в 1991 и 1996 гг. Теоретической базой работы послужили классификации модусов и модусных рамок [Арутюнова, 1988; Золотова и др., 2004], характеристики типов референтных и нереферентных местоимений [Гранева, 2022], особенности политического дискурса и инаугурационной речи [Шейгал, 2004]. В ходе анализа установлено, что в речи 1991 г. самым распространенным является местоимение *мы*. В тексте оно используется в референтном инклюзивном значении и позволяет сконструировать коллективную идентичность, при этом в нескольких случаях референция распространяется на граждан других республик, что повышает ценность появления института президентства в стране, хотя и является продолжением советского дискурса.

Референциальная неоднозначность местоимений свидетельствует о демократических принципах, которым следует говорящий. Местоимение *я*, представляющее субъект сознания, в тексте используется в модусах ментального плана, выражающих истинную оценку (*я убежден)*, эмотивного плана (*я переживаю*) и волитивного плана (*я готов*). Оба местоимения в абсолютном большинстве случаев употребляются в предложениях в качестве субъектов, что подчеркивает деятельную позицию акторов. В речи 1996 г. преобладает местоимение *я*, обозначающее говорящего как субъект сознания, речи и дейксиса, при этом оно помещается и в другие модусные рамки: реактивную (*я благодарен, я не против*) и ментальную со значением мнения (*я считаю*). Местоимение *я* в предложениях опускается, когда речь идет о результатах прошедшей работы, что может быть связано с его особой репрезентативной ролью в политическом дискурсе. В тексте также встречается местоимение *вы*, свидетельствующее о диалогизации речи. Местоимение *мы* в большинстве случаев обозначает народ и власть, при этом их единство дополнительно эксплицируется (*мы вместе*). Манипулятивный потенциал употребления местоимения заключается в использовании приема включения в коллектив (*Россия доказала всему миру, что она — демократическая страна, что мы верны своему выбору в пользу свободы и демократии*) и разделения ответственности (*Каждый из нас принимал решение сам, у каждого из нас был выбор. И мы сделали его. Мы сумели взять на себя ответственность за Россию*). Употребление личных местоимений позволяет реализовать декларативную и инспиративную функции инаугурационной речи.

Литература:

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.

Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. … д. филол. наук. Нижний Новгород, 2022.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Камишкерова Екатерина Владимировна
студентка 4 курса
Государственный университет просвещения

Глаголы пространственной локализации в «Рассказе о семи повешенных» Л. Н. Андреева

Анализ глаголов пространственной локализации в повести Л. Н. Андреева «Рассказ о семи повешенных» является целью настоящего исследования. Его новизна обусловлена рассмотрением локативных глаголов и выявлением особенностей их употребления в тексте произведения, которое ранее не было проанализировано в данном ключе.
Глагол — одна из наиболее лексически и грамматически разнообразных частей речи в русском языке. Как отмечает М. Ю. Сидорова, «сопряжение в составе модели предложения предметного имени и акционального глагола переводит глагол в разряд неакциональных — функтивных, локативных, авторизационных, каузативных» [Сидорова, 2014: 11]. О глаголах пространственной локализации принято говорить в связи с категорией пространства. Многие ученые делят такие глаголы на подгруппы в зависимости от их смысла и функции в предложении. Так, Л. М. Васильев среди предикатов бытийно-пространственной локализации различает следующие подтипы: абстрактно-локативные, передающие сему ‘находиться где-нибудь’; моторно-результативно-локативные — ‘появляться где-либо’; моторно-кратно-локативные — ‘посещать, наведываться’; предикаты конкретного местоположения — ‘размещаться где-нибудь (в чем-либо)’ и предикаты способа размещения в пространстве, т. е. локативы-квалификативы: *стоять, лежать, сидеть* [Васильев, 2000: 4]. Данная классификация основывается прежде всего на характере перемещения в пространстве: на пассивности / активности положения, на частоте повторения действия, на цели движения из одной точки в другую.
В «Рассказе о семи повешенных» Андреев стремился наиболее точно передать психологическое состояние совершенно разных по статусу, возрасту и социальному положению героев, оказавшихся между жизнью и смертью, — тучного больного министра и группы террористов, которая готовила на него покушение.
Интересен следующий пример: *Но камера была такая маленькая, что, казалось, не острые, а тупые углы в ней, и все толкают его* [Янсона] *на середину* [Андреев, 1994: 65]. В связи с особенностями внутреннего состояния реципиента окружающие неживые предметы его сознанием наделяются признаками человека, становятся активными субъектами и производят действия, фактически для них невозможные. Камера и ее углы *толкают его*, Янсона, *на середину*, т. е. в результате определенной подмены понятий тот, кто должен в соответствии со своим биологическим состоянием выступать в качестве субъекта, оказывается объектом, которым распоряжаются предметы. Предикат *толкают* может быть отнесен к моторно-результативно-локативным, так как предполагает в качестве результата перемещение объекта в пространстве.
Несмотря на крайне ограниченное пространство, автор активно использует локативные глаголы типа *стоять*, *поставить*, *приподняться*, *уйти, появиться*, *помещаться*; в качестве агенса в сочетании с локативными глаголами нередко выступают абстрактные субстантивы, для которых такая роль не является характерной; чаще всего встречаются моторно-результативно-локативные предикаты бытийно-пространственной локализации; глаголы пространственной локализации обычно сочетаются с локализаторами, выраженными формой предложного падежа.

Литература:
Андреев Л. Н. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1994.
Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2000.
Сидорова М. Ю. Функционально-семантическая классификация существительных, релевантная для задач коммуникативной грамматики // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 9—14.

Костина Лидия Леонидовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Парцелляция в художественном тексте (на материале романа Е. Г. Водолазкина «Авиатор»)

Современная лингвистика располагает инструментами для анализа текстов со сложной субъектной структурой, разработанными еще В. В. Виноградовым [Виноградов, 1936]. Особую роль в изучении нарратива играют достижения коммуникативного подхода в грамматике, в т. ч. понятие «эгоцентрического элемента языка» как языкового показателя говорящего [Падучева, 2010: 258]. В условиях субъектной многоплановости современных повествований понятие экспрессии расширяется на уровне синтаксиса [Акимова, 1990]. Парцелляция выступает одной из наиболее употребительных конструкций экспрессивного синтаксиса.
Настоящее исследование посвящено изучению парцелляции в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор». Парцелляция рассмотрена в следующих аспектах: количество парцеллятов; роль (новый/повторяющийся; для новых парцеллятов — структурно-облегченная/затрудненная); структурно-грамматический аспект; способ присоединения; степень связи (сильная/слабая); связь в сложноподчиненных предложениях. Функционально парцелляция выражает эмоциональное состояние, оформляет внутреннюю речь, передает фрагментарность сознания, создает ритм. Преобладают бессоюзные конструкции с глаголами, определениями, обстоятельствами, придаточными частями. Встречаются краткие и развернутые парцелляты, иногда вынесенные в отдельный абзац: *Речь пойдет не об индивидуальном — об общем. О том, что все воспринимают одинаково. Например, о комарах в Сиверской* [Водолазкин, 2024: 347]. «Рваный» синтаксис отражает героя, восстанавливающего личность. Так, парцеллированная конструкция может выступать в роли выразительного средства поэтики, связанного со временем, памятью, идентичностью, психологией. Таким образом, парцелляция у Водолазкина — многофункциональный прием с синтаксической выразительностью, когнитивной нагрузкой, концептуальной значимостью.

Литература:
Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М., 1936. Вып. 2. С. 74—147.
Водолазкин Е. Г. Авиатор. М., 2024.
Падучева Е. В. Язык художественной прозы как предмет лингвистики // Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010. С. 198—220.

Разумная Екатерина Витальевна
студентка 3 курса
Донецкий государственный университет

Типология графических универбализаций в русском языке

Целью работы является определение типов графических универбализаций в современном русском языке. Новизна исследования обусловлена малоизученностью путей формирования графических сокращений как средства экономии языковых средств. В

работе предложена многоуровневая классификация графических сокращений. Материалом для исследования послужила база данных «Словаря сокращений в русском языке как государственном».
«Графическое сокращение — это условное сокращение часто встречающегося слова или словосочетания, употребляемое только в письменной речи и расшифровываемое при чтении» [Ахманова, 2010: 439]. В отличие от аббревиатур они не являются самостоятельными единицами, не произносятся, а при прочтении текста разворачиваются в слова. Графические сокращения возникают в результате компрессии, которая «объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская, 1973: 120]. Основные механизмы создания сокращений: стяжение через усечение, инициализация и контрактура. В основе формирования графических сокращений лежат два типа компрессии: 1) графическая универбализационная компрессия, при которой сокращение возникает на базе словосочетания; 2) графическая вариантностная компрессия, при которой сокращение также возникает на базе словосочетания. Универбализационную компрессию можно сравнить с аббревиацией, а вариантностную компрессию — с усечением. Разновидности универбализационной компрессии: сигль, контрактуры, суспенсии (силлабограммы). При универбализационной компрессии возможны эллипсис предлога, эллипсис зависимого слова, эллипсис главного слова, нулевой эллипсис. Разновидности вариантностной компрессии: усечение середины слова, усечение конца слова.

Литература:
Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2010.
Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Чистоклетова Анна Валериевна
студентка 4 курса
Донецкий государственный университет

Аббревиатурная парадигма как инструмент определения эквивалентностных отношений

Целью работы является составление аббревиатурной парадигмы как инструмента определения эквивалентностных отношений между словами. Под аббревиатурной парадигмой мы понимаем «совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [Теркулов, 2017: 91].
Объектом исследования являются аббревиатурные парадигмы: *агро-сельхоз* (аграрный — сельскохозяйственный), *зоо-вет* (зоологический — ветеринарный), *авто-мото-вело* (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный) и *зам-пом* (заместитель — помощник), а также входящие в них аббревиатурные группы и сложносокращенные слова. Предмет исследования — семантические отношения между словами. Материалом для исследования стали 5732 аббревиатур.
Аббревиатурная группа (далее — АГ) — объединение сложносокращенных слов, имеющих одинаковый начальный абброконструкт (*автоавария, зоомагазин, сельхозоборудование* и т. п.). Сложносокращенное слово (далее — ССС) — аббревиатура, «связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [там же: 74]: *мототрасса* (< ‘**мото**циклетная **трасса, трасса** для **мото**циклов’) и т. п.

АГ, имеющие одну парадигму, входят в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле, понимаемое нами как объединение ССС, базисные компоненты которых относятся к одной лексико-семантической группе. Аббревиатурные группы *агро* (аграрный) и *сельхоз* (сельскохозяйственный) объединяют слова с синонимичными абброконструктами, выражающими принадлежность объекта номинации к сфере сельского хозяйства: напр., *агроавиация* — структурное подразделение агрохозяйства, использующее самолеты и вертолеты для выполнения разнообразных сельхозработ. Такое же значение имеет слово *сельхозавиация* — они употребляются в одном тексте как абсолютные синонимы. Одной из ключевых характеристик аббревиатурной парадигмы является синонимия входящих в нее слов. В рассматриваемых АГ отмечается большое количество пар слов, имеющих одинаковый базис (часть сложносокращенного слова, которая не соответствует абброконструкту). Наличие в этих словах абброконструктов, входящих в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле, дает основание предположить их синонимичность, что делает возможной их тождественную трактовку. К примеру, в паре *замначальника — помначальника* (базис *начальник*) оба слова имеют одно и то же значение — должность помощника руководителя организации, предприятия и др. Из этого следует, что между ССС, объединенными одной парадигмой и имеющими одинаковый базис, возможны отношения полной синонимии.
Таким образом, нами было установлено, что аббревиатурная парадигма представляет собой объединение ССС с синонимичными абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. ССС, входящие в одну аббревиатурную парадигму и имеющие одинаковый базис, могут трактоваться как абсолютные синонимы.

Литература:
Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. Вып. 6. С. 73—97.

СЕКЦИЯ «АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА»

Алексеева Юлия Олеговна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Эгоцентрические элементы лексико-семантического поля «температура» в аспекте субъективной модальности в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор»

Исследование посвящено анализу лексических эгоцентрических элементов в тексте романа «Авиатор». Вслед за Е. В. Падучевой эгоцентрики понимаются как элементы, «которые принимают непосредственное участие в референции — отождествлении лиц, предметов, временных интервалов и участков пространства» [Падучева, 2010: 258], иными словами, эгоцентрики маркируют точку зрения говорящего. Изучение маркеров субъектных планов оказывается принципиально важным для понимания «образа автора», описанного В. В. Виноградовым.
Методом сплошной выборки в тексте романа были обнаружены эгоцентрические элементы, семантического поля «тепло — холод»: тепло (*тепло(ый)*, *горячо(ий)*, *согревающий*, *печь*, *жар* и т. п.), холод (*холод(ный)*, *лед(яной)*, *переохладиться* и т. п.). При анализе учитывались и лексемы, имплицитно содержащие указание на температуру, напр. *лето*, *зима*, *июль*, *февраль*, *октябрь*.
Анализ эгоцентрических элементов в аспекте субъективной — авторской — модальности позволил говорить о целом ряде функций:

1) обозначение собственно физического ощущения;
2) обозначение желательности или нежелательности ситуации для субъекта речи;
3) маркирование нравственной оценки;
4) функция символизации.

Эгоцентрические элементы, обозначающие тепло, маркируют приятные для героя вещи, ситуации, которые говорящий оценивает положительно: напр., ранние воспоминания — относящиеся к счастливому детству, бабушке, живому отцу и матери вместе. Кроме того, подавляющее большинство событий детства относится к летнему времени года, которое подразумевает тепло. Чувства главного героя к Анастасии — самые счастливые воспоминания — также маркированы теплом, даже «жаром» (*жар на губах* [Водолазкин, 2025: 97]).

Более поздние воспоминания, напротив, маркируются эгоцентрическими элементами с семантикой холода. Пребывание героя на Соловецких островах многократно маркировано лексемами *снег*, *замерзать*, *холодный*, *лед*, *мороз*.

В моменты напряжения наблюдается контраст между высокой и крайне низкой температурой (ледяным холодом), т. е. во фрагментах присутствуют элементы, обозначающие и теплое, и холодное: *Ногами чувствую ледяной холод, остальным телом — жар* [там же: 185].

В символическом плане заморозка главного героя (период небытия) соотносима с участью насмерть замерзших арестантов. Пробуждение героя происходит зимой (через некоторое время дано указание — 9 февраля), далее, в соответствии со степенью освоенности в мире, приближается тепло — наступает весна. Сразу после пробуждения герой просит лечь медсестру рядом (*иначе я никогда не согреюсь* [там же: 20]), речь не о физическом ощущении тепла, а о полноценной жизни.

Таким образом, эгоцентрики двух описанных групп участвуют в реализации центральных противопоставлений романа: приятного, правильного, живительного и плохого, предосудительного, смертельного.

Литература:

Водолазкин Е. Г. Авиатор. М., 2025.
Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010.

Лимаренко Мария Руслановна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Речевые средства создания образа местночтимого святого в устных легендах Русского Севера (на материале архива СДК)

Народное православие (термин А. А. Панченко) [Панченко, 1998] — один из важнейших феноменов русской и всей славянской традиционной духовной культуры. Изучение лингвистической стороны данного феномена и его главной манифестации — мифологизированных образов местночтимых святых — представляет большую ценность для русской и славянской этнолингвистики. Цель настоящего исследования — описать и проанализировать в этнолингвистическом аспекте такие средства формирования образа местночтимого святого, как способы номинации. Под номинацией понимается, с одной стороны, процесс наименования, с другой — имя или словосочетание как результат этого процесса.

Новизна исследования определяется, во-первых, тем, что ранее номинации святых почти не изучались в этнолингвистическом аспекте, а во-вторых, впервые привлекаемым к научному изучению материалом, которым являются 88 фиксаций устных агиографических легенд, сделанных в Борисоглебском, Тутаевском, Любимском и Даниловском районах Ярославской области и вошедших в состав архива СДК. Под легендой, в свою очередь, понимается текст повествовательного характера и мифопоэтического содержания [Мороз, 2009: 17].

В ходе исследования анализировалось, какие языковые и внеязыковые явления имеют место при акте номинации святого и как они способствуют созданию его мифологизированного образа. Было установлено, что при наименовании подвижника может быть задействован любой из уровней языка: 1) фонетический: паронимические аттракции, напр., *Кассиан — косо — високосный* [год]; 2) морфемно-словообразовательный: диминутив *старичок* как маркер юродивости; 3) лексический: *революционеры* [Борис и Глеб] с мотивирующей семой ‘выдающаяся личность’ для создания образа культурного героя; 4) синтаксический: напр., позиция имени. Так, в качестве обращения подбираются имена, отвечающие ожиданиям молящегося: *Егорий Великомученик*; 5) стилистический: сочетание сниженного и высокого компонентов в имени *Блаженный Андрейка* как маркер амбивалентности образа подвижника. Выяснилось также, что семиотичность имени святого формируется благодаря внеязыковым факторам, напр., семантической горизонтали (термин Е. Л. Березович) [Березович, 2007: 60]: *Илья Одноглазый и Злой* (ср.: циклоп *Лихо Одноглазое*, кикимора *Одноглазиха*). Главный результат исследования — классификация номинаций святых по содержательному принципу с учетом того, какие лингвистические и экстралингвистические явления задействованы в акте наименования.

Литература:

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.

Мороз А. Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

СДК — архив записей полевых экспедиций кафедры русского языка ЛГУ / СПбГУ в районы Русского Севера (1984—2025).

Медведева Анна Дмитриевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Современные записи народных легенд: архаика в повседневности (этнолингвистический аспект)

Записи фольклора конца XX — начала XXI вв. представляют собой уникальный синтез современного речевого оформления с традиционной языковой картиной мира и типичными для нее механизмами культуры. Такая особенность присуща в первую очередь текстам несказочной прозы, не имеющей устойчивой формы, которая передавалась бы в неизменном виде [Чистов, 1964: 58—67]. В качестве материала исследования выбраны топонимические легенды Архангельской и Ярославской областей в записях Архива духовной культуры Русского Севера СПбГУ и архива Пропповского центра СПбГУ.

Топонимические легенды как тексты, направленные на интерпретацию топонимов, нередко дешифруют внутреннюю форму слова методами наивной лингвистики. Архаичными являются не только механизмы объяснения, но и слова-сигналы, распознанные

традиционным языковым сознанием. Так, в топониме *Лампожня* выделяются стимулы *лам+пожня*: *Я слышал такое, что был какой-то Евлампий <...> — он построил первый дом вот там… Это там почему называется Лампожня — это там пожни, это там луга, когда косили сено — пожня называется по-нашему, по северному. И вот на этих лугах был построен Евламием первый дом. И поэтому назвали ее Лампожня. Не Евлампиевна там, а Лампожня: Евлампий и пожня.* В легенде реализуется общерусская модель названия места в честь его т. н. культурного создателя (первопоселенца, хозяина): ср.: *Марьино, Ярославль, Ивангород.* Текст также включен в локальную традицию давать названия полям по имени работника: *<Как назывались поля в округе?> Ну, по-моему, поля назывались так: вот если хозяин, к примеру, Гуляев, так гуляевские поля. Там, Сирухин — сирухинские поля, по имени хозяина или вот по имени хозяйки*. Хотя *пожня* не отмечается современными словарями как устаревшее, оно эксплицирует архаичность легенды. Можно предположить, что топоним — полукалька, при этом вторая часть имени возникает при освоении пространства и названий области русскими, вероятно в средние века [Матвеев, 2001: 4]. *Лам* как личность возникает в рамках номинативной модели, которую формирует компонент *пожня* как знакомый стимул, своего рода топоформант. Лексический состав текстов, кроме слов-стимулов, вполне соответствует современной разговорной речи. Более того, информанты прибегают к использованию понятий, пришедших из научного обихода, когда речь заходит о коренном населении края. Учитывая плохую сохранность знания о чуди и легендарный статус этнической группы, рассказывающие опираются на новые понятия о народностях, полученные из книг: *Чучепала. А была Чудь, такая национальность как бы*; *Кромо*. *А это называется место, где сражались угро-финские племена с новгородцами*. Можно сказать, что народные легенды актуализируют прошлое и выстраивают локальную идентичность. Сохранение и передача традиционного знания происходит именно через язык и приобщение к вербализованным моделям освоения пространства.

Литература:
Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 1. Екатеринбург, 2001.
Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. 1964. С. 58—67.

Мельникова Полина Юрьевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Эгоцентрические элементы в искусствоведческом тексте (на материале альбома музея «Эрарта» «Образ жизни», 2010)

Текст, предметом описания в котором является произведение искусства, творчество художника или художественной школы, выставка (а автором текста чаще всего предстает искусствовед или художник), принято называть искусствоведческим. Интерес представляет субъектная структура текста, так как перед автором стоит задача создать описание произведения искусства, адекватное замыслу художника. Анализ ведется в русле коммуникативной научной парадигмы. Главным инструментом анализа становится понятие «эгоцентрический элемент языка», разработанное Е. В. Падучевой [Падучева, 1996]. Анализ грамматических единиц строится на достижениях коммуникативного подхода в грамматике Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой [Золотова и др., 2004]. Материалом для работы послужили тексты интерпретаций к картинам из альбома музея «Эрарта» «Образ жизни», опубликованного в 2010 г. Цель доклада — описать лексические эгоцентрические элементы и грамматические эгоцентрические конструкции в искусствоведческих текстах в аспекте субъектной многоплановости.

Падучева выделяет две разновидности эгоцентриков, маркирующие субъектные планы, и обе представлены в исследуемом материале. Первая разновидность — дейктические слова: ***Здесь*** *разворачивается действие невероятной значимости — эволюционная мистерия*; ***Этот*** *триптих — почти графика*. Вторая разновидность представляет собой показатели субъективной модальности и включает следующие лексические и грамматические единицы: 1) слова с оценочным значением и с эмоционально-экспрессивной окраской: ***необыкновенная гипнотизирующая*** *пластика линий*; ***живописные*** *развалины*; ***нахальный*** *лаконизм*; ***болезненный*** *фиолетовый*; ***всепожирающее чудовище*** *времени*; 2) неопределенные местоимения и наречия, оформляющие модальность неуверенности: *Белыми пятнами на мрачном фоне выглядят бутылка и* ***что-то*** *похожее на газету*; *Девушка с крупными, резкими чертами лица смотрит* ***куда-то*** *в сторону*; 3) модальные частицы: *Картина* ***как бы*** *проваливается в тупик*; 4) метатекстовые элементы: ***Впрочем****, топонимическая фиксация — только часть мифа*; ***напр.****, среди его работ есть немало завораживающих изображений водопадов*; 5) вводные обороты: *возможно*, *разумеется*, *кажется*, *видимо*, *конечно*; 6) конструкции с различным уровнем обобщения, выраженным грамматически с помощью обобщенно-личной субъектной модификации повествовательно-узуального типа (*Пустые глазницы — вот первое, что* ***замечаешь***) или семантически (***Большинство из нас привычно ищет*** *в произведении искусства след творца*); 7) предикаты со значением сходства и подобия и 8) предикаты внутреннего состояния с не выраженным эксплицитно субъектом сознания: *Лицо святого Хосе удивительно* ***напоминает*** *лицо персонажа картины Бакина*; *Пристальное вглядывание в картину* ***вызывает ощущение*** *наличия других лиц*.

Таким образом, материал представляет интерес как с точки зрения стилистики, так как содержит множество разностилевых элементов, так и с позиции коммуникативного подхода: авторы текстов, не эксплицируя субъективности своей точки зрения, стремятся убедить читателя в ее правильности.

Литература:
Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 1996.

Митрофанов Даниил Константинович
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Аспекты локализации русских культурных реалий в экскурсионных текстах для иностранной аудитории

В эпоху глобализации туристическая индустрия характеризуется усилением межкультурных контактов, что предъявляет особые требования к качеству передачи культурно-специфической информации иностранной аудитории [Бурняшева и др., 2025: 1]. Русская культура насыщена реалиями — явлениями и понятиями, не имеющими прямых аналогов в других культурах, — что делает проблему их локализации в экскурсионных текстах актуальной. Новизна исследования определяется тем, что локализация русских культурных реалий рассматривается не в рамках художественного или технического перевода, а применительно к экскурсионной деятельности как особой форме межкультурной коммуникации, предполагающей непосредственный контакт с объектами культуры и живой диалог с аудиторией. Цель работы — выявить и систематизировать стратегии локализации русских культурных реалий в экскурсионных текстах, а также

сформулировать рекомендации по оптимизации данного процесса. Материалами исследования послужили тексты экскурсионных программ, аудиогидов и музейные тексты, содержащие русские культурные реалии и предназначенные для иностранных туристов. Теоретической базой работы являются классификация реалий С. Влахова и С. Флорина, концепция доместикации и форенизации Л. Венути, положения, сформулированные В. Н. Комиссаровым и необходимые для выбора метода передачи содержания текста. В ходе исследования использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы и метод контент-анализа. Результаты исследования показали, что локализация русских культурных реалий в экскурсионных текстах существенно отличается от их передачи в иных типах текстов и требует комплексного подхода, учитывающего лингвистические и экстралингвистические факторы. Установлено, что выбор стратегии локализации определяется типом реалии, культурной дистанцией между исходной и целевой аудиториями и коммуникативной ситуацией экскурсии. Так, этнографические реалии, обозначающие предметы быта, — напр., самовар или матрешка — чаще передаются посредством транскрипции с пояснительным комментарием, что позволяет сохранить национальный колорит и обеспечить понятность для реципиента [Влахов, Флорин, 1980: 87—91]. Общественно-политические и исторические реалии — напр., опричнина или земство — требуют более развернутого описательного перевода, нередко в сочетании с функциональным аналогом, поскольку их содержание невозможно раскрыть без обращения к широкому историко-культурному контексту, так как он может отсутствовать в языке-цели [Комиссаров, 1990: 209—211]. Реалии, связанные с праздниками и обрядами, — напр., Масленица — при локализации зачастую передаются с использованием комбинированного подхода: транскрипция сопровождается развернутой культурной адаптацией, включающей параллели с культурным опытом целевой аудитории [Влахов, Флорин, 1980: 90—91]. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности экскурсоводов и гидов-переводчиков, а также при разработке методических материалов для подготовки специалистов в области туризма и межкультурной коммуникации.

Литература:
Бурняшева Л. А., Чухванцева Д. А., Камышова В. А. Туризм как мост культур: роль межкультурных коммуникаций в формировании поликультурного общества // Современные проблемы сервиса и туризма. 2025. Т. 9. № 3. С. 54—63.
Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.

Навасардян Александра
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Наименования лиц женского пола сквозь призму возраста: вариативность восприятия в перспективе антрополингвистики

Антрополингвистика изучает язык как культурную практику, реализуемую на трех уровнях: индивидуально-когнитивном, интерперсональном и социокультурно-институциональном [Foley, 2020]. Объект данного исследования — наименования лиц женского пола по профессии: *авторка, блогерша* и др., которые в западной и российской лингвистике [Кирилина, 2005] рассматриваются как инструмент преодоления асимметрии по половому признаку и индикатор языковых изменений.
Цель работы — выявить влияние возраста носителя языка на оценку приемлемости подобных наименований.
В вариационистской социолингвистике возраст выступает самостоятельной переменной:

парадигма apparent time позволяет сопоставлять данные разных возрастных когорт [Meyerhoff, 2018]; исследования фиксируют возрастные различия в лексике и эмоциональной вовлеченности [Barbieri, 2008]. Для стратификации выборки (N=132, 19—72 года) использована теория поколений, которая, несмотря на критику, применяется здесь как операциональный инструмент.

Методология включает контент-анализ десяти ведущих российских медиа (2019—2025) и социолингвистический опрос с оценкой 10 наименований по 5-балльной шкале.

Контент-анализ показал, что подобные наименования активнее проникают в материалы о новых и публичных профессиях (*блогерка*), тогда как для статусных сфер (*докторка*) они остаются редкими и стилистически маркированными. Частота употребления форм на *-к(а)* в медиа растет, но они нередко сопровождаются ироничной тональностью, тогда как лексемы на *-ш(а)* (*блогерша*) встречаются чаще, сохраняя разговорный оттенок. Медиадискурс, таким образом, выполняет амбивалентную роль, одновременно легитимируя одни единицы и стигматизируя другие.

Статистический анализ выявил устойчивую отрицательную корреляцию между возрастом респондентов и уровнем принятия подобных наименований. Коэффициент корреляции Пирсона (r) принимает значения от -0,24 до -0,51, что означает: чем старше респондент, тем ниже его оценка. Показатель значимости $p < 0,01$ для всех лексем свидетельствует: вероятность случайного возникновения связи составляет менее 1 %, что подтверждает высокую достоверность результатов. Наиболее выраженный разрыв фиксируется между когортой 18—25 лет (средний балл M=3,03) и всеми остальными группами (M=1,8—2,2). У респондентов старше 60 лет оценки гомогенны (SD=0,40).

Таким образом, восприятие наименований лиц женского пола выступает индикатором того, как языковая инновация на индивидуально-когнитивном уровне преломляется через накопленный опыт носителя.

Литература:

Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М., 2005. С. 7—16.

Barbieri F. Patterns of age-based linguistic variation in American English // Journal of Sociolinguistics. 2008. 12 (1). 58—88.

Foley W. A. Anthropological Linguistics // The Encyclopedia of Applied Linguistics. 2020. 1—6.

Meyerhoff M. Introducing Sociolinguistics. L.; N.-Y., 2018.

Сизых Анна Алексеевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Средства реализации стратегии разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации

Разъяснение представляет собой речевую стратегию, т. е. «комплекс речевых действий» [Иссерс, 2015: 57], цель которой можно описать как обеспечение правильного понимания уже известной информации. Стратегия разъяснения, как правило, используется в условиях устной коммуникации более осведомленным ее участником.

Целью предлагаемого доклада является анализ стратегий разъяснения в текстах постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ).

Верховный Суд — государственный орган, занимающий центральное место в судебной системе России. В полномочия Верховного Суда, в числе прочего, входит дача разъяснений по вопросам судебной практики. Разъяснения даются путем принятия Пленумом ВС РФ

постановлений, в которых разъясняются принципы правоприменения. Считается, что постановления Пленума ВС РФ основаны на статьях закона, на изучении и обобщении судебной практики, благодаря чему они помогают раскрыть содержание правовых норм и обеспечивают понимание закона участниками правоотношений. Целью постановлений является «обеспечение единообразия применения законодательства» [Чесноков и др., 2020: 387] за счет создания единого понимания норм права. Право Верховного Суда давать разъяснения имеет большое значение в рамках судебной системы, однако лингвистические особенности текстов постановлений ВС РФ и их влияние на реализацию стратегии разъяснения еще недостаточно изучены. Новизна исследования, таким образом, состоит в рассмотрении стратегии на новом материале (документных текстах, в частности текстах высших органов судебной власти), что дает возможность рассмотреть способы ее реализации, отличные от описанных ранее.

В докладе представлен коммуникативно-риторический анализ стратегии разъяснения в постановлении Пленума ВС, посвященного судебной практике по уголовным делам [Постановление, 2025], выделены и описаны основные тактики, среди которых толкование, комментирование, указание и установка. Толкованию подвергаются либо понятия (*Под участием в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 УК РФ) понимается…*), либо законы одной сферы применения. Комментируются чаще всего сложные явления с их частными случаями: *…выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)*. В случае, когда разъяснение дается в форме директивы (установки), объектами разъяснения чаще всего становятся ход разбирательства и процесс принятия решений: *Если указанные обстоятельства препятствуют постановлению приговора или иного итогового решения, то суд возвращает уголовное дело прокурору*. Предметом указания становятся новые или неизвестные ранее нормы. В тактиках используются в основном приемы синтаксического уровня, для директив основным является грамматический уровень.

Литература:

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2015.
Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8255/ (22.02.2026).
Чесноков М. В., Олейник Е. Н., Чесноков Д. М. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источник права // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 386—389.

Скогарева Анастасия Дмитриевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности высказываний с союзом «как» с семантикой сравнения в детской речи (на материале корпусных данных)

Предметом исследования является функционально-семантическая категория компаративности, которая различными средствами языка выражает идею сравнения одного объекта с другим по количественному или качественному признаку. Морфологическим ядром этой категории является сравнительная степень прилагательных и наречий, а синтаксические конструкции, в т. ч. конструкция со сравнительным союзом *как*, рассматриваемая в данной работе, относятся к области качественной компаративности, которая чаще всего выражается синтаксически.

Основным материалом исследования являются три корпуса детской речи из «Фонда данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А. И. Герцена»: корпус Ани, Вани и Кирилла. В речи

Ани конструкции с *как* появляются в первый раз в возрасте 2,6, Вани — в 2,02, Кирилла — в 2,04. Предметом исследования являются высказывания со сравнительным союзом *как*, потому что эта синтаксическая конструкция появляется в речи детей одной из первых и является одной из самых распространенных.

Актуальность исследования заключается в том, что оно проводится в рамках функционально-семантического подхода, предполагающего комплексное описание категорий.

Новизна проводимого исследования обусловлена привлечением нового языкового материала (корпусов «Фонда данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А. И. Герцена»). Ранее исследования по категории компаративности в детской речи на данном материале не проводились.

Целью работы является исследование особенностей высказываний с семантикой сравнения в детской речи. Для этого были использованы лексико-семантический и грамматический методы анализа.

В результате исследования были сделаны следующие предварительные выводы.

1. В детской речи часто одним из компонентов сравнительного оборота с *как* является личное местоимение, а другим — имя собственное (обозначающее чаще всего знакомого ребенку человека, родственника или персонажа книги/мультфильма). Они сравниваются по качествам, присущим их носителям, напр.: *и подрасту когда, буду как я Саша* или *Ваня: Ты просто не знаешь. // Мама: А-а. // Ваня: Как Незнайка.*
2. Встречаются также случаи, в которых объекты сравнения маркируются исчисляемыми существительными (чаще всего из лексико-семантической группы животные, выступающие как носители аналогичных признаков), напр.: *Акула как львенок рычит*. В некоторых случаях при сравнении признак может лексически не выражаться, а подразумеваться, напр.: *А у него похожий цвет, как у Рено.*
3. Ребенок может также использовать для сравнения два неодушевленных существительных, при условии, что они оба обозначают предметы, совпадающие по форме и названию, напр.: *носик [карандаша] как у мышки.* Окказиональное употребление слова *носик* дает ребенку основание использовать для сравнения существительные из лексико-семантических групп частей тела и частей предмета.
4. Реже встречаются случаи, в которых объекты сравнения маркируются исчисляемыми существительными разных лексико-семантических групп, напр., одно относится к группе растений, а другое — к группе букв. В этом случае сравнение происходит, вероятно, ассоциативно, напр. (разговор во время изучения написания ребенком буквы «д»): *Ваня: А «д» какая? // Мама: <…> Она на «а» похожа, да? // Ваня: Вот такая. Как листик.*

СЕКЦИЯ «КОЛЛОКВИАЛИСТИКА (АНАЛИЗ УСТНОЙ РЕЧИ)»

Андреева Софья Вадимовна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Описание картинки глазами экстраверта и интроверта (пилотное исследование на материале карикатуры Х. Бидструпа)

Известно, что психологические и социальные характеристики человека отражаются в его речи. Настоящее исследование посвящено анализу влияния психотипа говорящего на выбор речевой стратегии при построении монолога в жанре описания картинки. Стимулом для порождения монологов стала карикатура Х. Бидструпа «Эликсир для волос». Для проведения эксперимента был собран пользовательский корпус записей и расшифровок,

куда вошел материал из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» от 20 информантов и материал от 10 информантов, собранный автором настоящего исследования. Юноши и девушки, обучающиеся в университете, предварительно прошли анкетирование на определение психотипа (принадлежность к группе экстра- или интровертов без градации степени проявления признака) по методу Г. Айзенка. Выборка — частично сбалансированная: 15 юношей (восемь экстравертов и семь интровертов) и 15 девушек (семь экстравертов и восемь интровертов).

В ходе первичного анализа материала было выявлено, что в большинстве случаев интроверты преследуют цель как можно точнее передать содержание комикса, в то время как экстраверты стремятся создать наиболее выразительное высказывание, т. е. обогатить повествование описательными элементами. Под описательными элементами понимаются следующие явления:

1. Развернутые ряды однородных членов предложения, определений и сказуемых, используемые автором не столько для перечисления действий или признаков, сколько для создания эффекта градации (зачастую это подчеркивается также особой интонацией с повышением тона), расширения описательного контекста: *он расчесывает их расческой /* ***танцует / пляшет / улыбается*** */ смотрит на себя в зеркало* (И21).
2. Подробное описание комикса, а также упоминание деталей, характеристик героев и обстановки, не представленных на картинке: ***одним прекрасным весенним днем*** *⌊ а ⌊ жил мужчина / он средних лет ⌊ а ⌊ лысый / вот // и ему стало очень грустно что он такой лысый / девушки на него совсем не засматриваются* (И10).
3. Использование ярких образных сравнений: всего выявлено 33 контекста с такими единицами; в монологах экстравертов представлены 25 из них (76 %): *то есть он* ***такой шар // волосатый*** */ То есть раньше он <смех> был* ***шар просто такой бильярдный а теперь он // ну похож на / на шиншиллу*** *или на что-то* (И4).

Интровертам же, в свою очередь, свойственно стремление интерпретировать картинку, они стремятся порассуждать над ее значением: *⌊ во-от ⌊* ***вывод наверно такой / что лучше иметь честную прическу*** (И29). Всего было обнаружено пять контекстов такого типа, и четыре из них — в монологах интровертов, причем у одного из них рассуждение стало преобладающим типом речи.

Наиболее интересным представляется монолог одного из информантов — юноши-экстраверта. Запись была осуществлена во время живого диалога, влияние обстановки эксперимента на продуцируемый материал было минимальным, что, на наш взгляд, позволило раскрыть наибольшее количество характеристик речевого портрета экстраверта. Стоит отметить, что все основные социальные характеристики этого информанта, такие как возраст и уровень образования, совпадают с характеристиками остальных информантов (20 лет, студент третьего курса бакалавриата), что позволяет сделать вывод о том, что на результат эксперимента действительно в большей степени повлияла именно неформальная обстановка его проведения.

Атрохова Анна Михайловна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Об особенностях функционирования единицы «то есть» в русской устной живой речи

Единицы устной речи характеризуются существенным своеобразием по сравнению с элементами письменного языка. Слова зачастую лишаются привычных значений, приобретают новые функции и свойства.

Цель исследования — выявить особенности употребления в устной речи единицы *то есть*, которая традиционно описывается как союз, омонимичная ему частица [Словарь

служебных слов русского языка, 2001] или метаязыковой элемент разговорной речи в функции автокоррекции [Челяпина, 2023]. Источниками материала для анализа послужили корпус «Один речевой день» (ОРД), устный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), подкасты и голосовые сообщения (ГС), предоставленные авторами. Примеры-иллюстрации были извлечены методами целенаправленной выборки и скрытого наблюдения, а затем подвергнуты конверсационному и контекстному анализу.

Пояснительный союз *то есть* вводит вторую номинацию для уже указанного объекта. Установленное им тождество при этом не является полным, поскольку «повторная номинация привносит новую информацию об описываемом фрагменте действительности» [там же: 247]. Однако в живой речи данное положение нередко игнорируется. Так, союз может встречаться в тавтологичных пояснениях, где вторая часть не дает новой информации, а лишь повторяет первую: *у меня теперь появилась заложенность носа / **то есть** ну / у меня нос заложен* (ГС).

Недостаток вербальных средств сталкивается с желанием говорящего уточнить мысль, подчеркнуть важность сказанного. Обычной для конструкций с союзом *то есть* является следующая формула: <поясняемое + *то есть* + поясняющее>. Порядок компонентов может меняться, но их количество постоянно. В спонтанной речи правая, поясняющая, часть может отсутствовать: *может быть реально бело-зеленый / то есть практически пополам / а может быть весь зеленый / с белым / да / **то есть** ...* (ОРД).

Адресат не находит нужных речевых ресурсов или надеется, что слушающий в любом случае его поймет — и дополнительного разъяснения не требуется. *То есть*, будучи пояснительным союзом, должен запустить у собеседника механизм обдумывания сказанного. Одновременно с этим, в финальной позиции, *то есть* указывает на конец фразы и приобретает функцию прагматического маркера (ПМ). Эта единица может иметь только прагматическое значение, когда употребляется в качестве ПМ-навигатора, помогающего говорящему продвинуть монолог.

Пояснительная семантика является для *то есть* основной, но не единственной. С помощью эксперимента, в котором испытуемым предлагалось на месте пропущенного союза вставить подходящее слово, было установлено, что *то есть* употребляется в контекстах противопоставления, вывода и каузальности.

Главный вывод исследования таков: используя единицу *то есть*, говорящий выражает стремление быть понятым собеседником, общую интенцию к объяснению, при том что самого́ объяснения может и не последовать.

Литература:

Словарь служебных слов русского языка / Ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.
Челяпина Р. А. Союзы ТО ЕСТЬ, В СМЫСЛЕ как метаязыковые элементы в разговорной речи // Академическая публицистика. 2023. Вып. 11. № 1. С. 246—252.

Бабаева Анастасия Андреевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Чего мы не знаем? Прагматический маркер «(я) не знаю» и его «соседи»-хеджи

Особое место в устной спонтанной речи занимают прагматические маркеры (ПМ) — единицы, которые в ходе прагматикализации утратили (полностью или частично) свое лексическое и/или грамматическое значение и приобрели прагматическое [Богданова-Бегларян, 2014]. Одним из частотных, но пока еще недостаточно описанных русских ПМ является маркер *(я) не знаю*.

Его функции в повседневном дискурсе разнообразны: он может выступать в роли

хезитатива, метакоммуникатива и финального ПМ [ПМ, 2021: 206—208]. Как показывает анализ корпусного материала, часто рядом с конструкцией *(я) не знаю* в речевом потоке появляются единицы, которые помогают говорящему найти нужное слово, преодолеть речевую заминку. Это могут быть другие хезитативы, повторы, растяжки звуков, паралингвистические элементы. С помощью ПМ *(я) не знаю* говорящий вербализует свои затруднения в построении высказывания или выражает неуверенность, поэтому рядом с ним частотны и другие особые единицы устного дискурса — хеджи.

Хеджи — это «слова, значение которых подразумевает нечеткость, <…> чья задача — сделать вещи более или менее нечеткими» (перевод автора) [Lakoff, 1973: 471]. Стратегия хеджирования служит для говорящего своеобразной «страховкой», позволяя снизить его ответственность за категоричность высказывания, а также выразить степень уверенности в информации или свое отношение к ней. К хеджам относятся неопределенные местоимения (*кто-то*, *некоторый*), модальные частицы (*вряд ли*, *как бы*), вводные конструкции (*на мой взгляд*, *кажется*), эпистемические глаголы в форме 1 л. ед. ч. и др. Учитывая лексическое значение слова-прототипа, от которого произошел исследуемый ПМ — эпистемический глагол *знаю*, стоит обратить внимание на близость его природы к природе хеджей. Конструкция *(я) не знаю* в устном дискурсе нередко сопровождается сразу несколькими хеджами, что, с одной стороны, значительно усиливает нечеткий, размытый характер высказывания, а с другой стороны, воспринимается собеседником как точка перехода очереди в диалоге. ПМ *(я) не знаю* служит сигналом, что говорящего можно перебить и дополнить его речь, тем самым выразив интерес к обсуждаемой теме, поддержать беседу. Одновременно с этим средства хеджирования, эксплицируя неуверенность говорящего, дают свободу собеседнику продолжить мысль и сделать коммуникацию более успешной. Цель настоящего доклада — описать роль конструкции *(я) не знаю* и окружающих ее в речевом потоке хеджей в выражении говорящим неуверенности. Новизна работы заключается в сопряжении методов коллоквиалистики и теории хеджирования и, как следствие, в применении инструментов, используемых в этих областях лингвистики (квантитативный, описательный, структурный и конверсационный анализ материала). Источником материала исследования послужил корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (шесть диалогов).

Литература:

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7—20.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

Lakoff G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. 2. 458—508.

Загребельная Арина Сергеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Финальное «всё» в диалоге и монологе: функциональные различия

Анализ функционирования словоформы *всё* в устной речи позволяет выявить различные особенности ее употребления в диалоге и монологе. В ходе исследования были проанализированы: устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»

(САТ). В корпусном материале выявлено 50 контекстов со словом *все* в финале реплики (25) и монологического текста (25). Анализ показал, что для монолога любого типа характерно функционирование *всё* в роли прагматического маркера финала, с его помощью информант обозначает конец порождаемого текста [ПМ, 2021: 99], ср.:
1) *призываю / всех отдыхать / обязательно // *П вот ну // *П* ***ну всё*** (САТ, рассказ);
2) *собака стала медленно терять сознание так как видимо бы… было применено какое-либо средство (а-м) для наркоза //* ***всё*** (САТ, пересказ);
3) *в поле … в полях пахнет (а-а) пшеницей гречихой и … ну так далее /* ***всё*** (САТ, пересказ);
4) *потому что к несчастью это очень частая ситуация когда пытаются сделать то что в общем-то наверно не умеют //* ***наверное всё*** (САТ, пересказ).
В диалоге финальное *все* функционально более нагружено: оно дополнительно реализует либо речевой акт директива (РАД), либо этикетную формулу прощания (ЭФП), ср.:
5) *иди скорее сюда /* ***давай все / всё*** (ОРД, РАД);
6) *Ага / Ладно / Угу / Я / может быть / в среду тогда появлюсь / они мне седня скажут / когда будет съемка / я тогда позвоню тебе /* ***угу / хорошо / ну всё / пока*** (УП НКРЯ, ЭФП).
Эти две функции *всё* порой встречаются одновременно:
7) *тогда / я не знаю / вы завтра будете на празднике ? # П да // # а ну увидимся //* ***всё тогда / давайте / до завтра*** (ОРД).
В контексте (7) протяженная цепочка ЭФП выражает требование закончить разговор, поддержанное формой *давайте*.
Из контекстов видно также, что финальное *все* по преимуществу реализуется в составе именно таких цепочек — как просто финальных в монологе (*ну всё наверное*) (31,4 %), так и директивных (*ну всё / хватит*) (8,6 %) или прощальных (60 %) в диалоге (*ну всё / пока*). Изолированное *всё* встречается редко, в основном в монологе (86,7 %), где оно лишено какой бы то ни было эмоциональной окраски, тогда как в диалоге (13,3 %) изолированное *все* звучит, как правило, слишком резко, ср.:
8) *Люся, извини, ко мне домофон пришли …* ***всё !*** (ОРД).
В диалоге, особенно в директивных употреблениях, такая цепочка может включать многократное *всё*: ***всё****(:)мама !* ***всё*** *мама !* ***всё*** *мама !* ***всё всё всё*** *мама !* (ОРД).
Сделанные наблюдения могут быть полезны как в теоретическом отношении (дифференциация диалога и монолога в повседневной коммуникации), так и в прикладных аспектах (автоматическая разметка речевых корпусов, лингводидактика и практика перевода).

Литература:
ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

Каменская Александра Сергеевна
магистрантка 1 курса
Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Половозрастная и профессиональная специфика хореографического дискурса (на материале устной коммуникации педагогов-хореографов с танцовщиками)

Речевое поведение представителей творческих профессий вызывает интерес у лингвистов, поскольку формируется под влиянием специфических условий деятельности. Балетный класс как коммуникативная среда отличается жесткой иерархичностью, эмоциональным напряжением участников и требованием мгновенной передачи информации, что накладывает отпечаток на речевые стратегии педагогов. В данной работе рассматривается

речевое поведение двух педагогов-хореографов Мариинского театра, принадлежащих к одному поколению. Возможность выявления общих черт в их речевом поведении обусловлена схожестью коммуникативной ситуации — оба класса проводились перед репетицией, а адресатом выступала одна и та же балетная труппа. Различия продиктованы гендерным фактором и уникальностью речевого портрета каждой личности.
Первым звеном коммуникации становится обращение. Педагог-женщина чаще выбирает уменьшительно-ласкательные формы: *Шамочка*, *Викуля*, *Гришечка*. Мужчина использует сокращенную форму имени (*Даш / на мизинец*; *Катя / перед собой руки / и в пятую закрыли*) или обобщенно-личные формы (*Стоим тянем / тянем арабеск / и с другой руки*), воспринимая класс как единый организм. При коммуникации с концертмейстером оба используют уменьшительно-ласкательные формы (*Пожалуйста / Риточка / три длинных нотки*; *Легенько так / Геночка*), что создает камерную атмосферу.
Способ подачи материала различается. Мужчина называет элементы подряд, часто переходит на счет (*Крестиком по одному / два / и три / и четыре // Четыре в сторону / два / и три / и четыре*). Женщина задает ритм называнием элементов, заменяя счет междометиями (*и спокойно в первый арабеск встаем / встаем / встаем парам / и пройдем до четвертого арабеска / парам / пам-пам*) и позволяя танцовщикам адаптировать движения (*Четыре / погнулись. // Из первой позиции? // Как вам удобнее // Давайте через первую*). Общая особенность — повторное проговаривание комбинации с использованием терминов и опущение восполняемых лексических единиц (*И два / два ронда / гранд ронд на 90*; *Девушки / аллюнже / мужчины / круглые [руки]*).
Комментирование делится на голосовое сопровождение, указание на ошибку и похвалу. При сопровождении женщина тоном показывает музыкальный ритм, мужчина делает это громко. Указывая на ошибку, мужчина использует императивы (*Акцент! / От себя! / Плие! / Падебуре! / Ретире! / Пассе! / Стоим / Сняли!*), женщина — дополнительные частицы, смягчающие категоричность высказывания (*Настенька / деми плие глубокое такое не делай*; *И стопку-то тяни*; *Чуть активнее бросок сейчас / наверх / постояли*). В исключительных случаях оба используют метафоры (*Сева / так работает бетономешалка / у-у-у*; *И шене! // Рома / это че / вертолетик?*). Похвала у женщины индивидуальна (*Молодец / Мишенька / вот так музыкально красиво*; *Хорошо / Машенька // Правильно!*; *Викуля / идеально*), мужчина ограничивается общим *молодцы*.
Таким образом, речевое поведение педагога в балетном классе представляет собой сложный коммуникативный феномен, где переплетаются профессионально обусловленные речевые особенности, гендерные стереотипы и уникальные личностные характеристики. Оба педагога используют термины и эллиптические конструкции, ориентируясь на танцоров-профессионалов. Женщина создает эмоционально-насыщенную атмосферу, мужчина демонстрирует директивный подход. В общении с концертмейстерами во время проведения класса гендерные различия нивелируются.

Комарова Арина Александровна
студентка 1 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Не факт»: о двойной функции устойчивых неоднословных единиц

Предметом исследования является функциональное разнообразие выражения *не факт*, которое в устной речи может выступать в разных прагматических значениях: в роли формы-идиомы (ИД) и в роли речевой формулы (РФ). ИД — чаще всего словосочетание, обнаруживающее в своем синтаксическом и семантическом строении специфические и неповторимые свойства языка, или то же, что и фразеологическая единица [Ахманова, 1957]. РФ — сочетание, которое используется в переносном значении как реакция на

предыдущую реплику собеседника [Рахилина, Бычкова, 2021].
В рамках исследования были проанализированы результаты разметки 1 млн словоупотреблений в корпусе «Один речевой день» (ОРД), из которых для изучения были отобраны устойчивые неоднословные единицы (УНЕ) класса «формы-идиомы» (словник составил 162 ед.). Среди них было выделено 6 выражений (*не факт*, *без проблем*, *в порядке*, *с Х ли / с какого перепуга*, *в смысле*, *ни фига*), которые относятся сразу к двум классам УНЕ: ИД и РФ. Из перечисленных выше УНЕ была выбрана единица *не факт* для проведения подробного анализа.
В корпусном материале было выявлено восемь примеров использования УНЕ *не факт*, в шести из которых исследуемая единица играла роль ИД (*вообще **не факт** / что Евгения_Васильевна% откликнется, ну сейчас посмотрим / **не факт** / что это все будет, если у него есть ребро жесткости / это **не факт***), а две — РФ (*так он... стоя же наоборот лучше //*Н // # не знаю / **не факт**, "() два года дружить с Сережей% // *П что ? // **не факт***).
Стоит отметить, что УНЕ *не факт* в роли ИД часто используется с указательным местоимением *это*, в то время как в роли РФ такой особенности обнаружено не было. Согласно «Прагматикону» — лингвистической базе данных, посвященной дискурсивным формулам русского языка, — конструкция *не факт* в устной речи используется в функции неэкспертного отрицания. Это подтвердилось на примерах из ОРД, так как все выбранные контексты, независимо от того, какую функцию в них выполняет исследуемая УНЕ, обладали этим значением (*там / ей поставили / это **не факт** / что мне / это не шантаж, не знаю / **не факт***).
Опираясь на материалы ОРД, можно предположить, что роль УНЕ *не факт* не зависит от ее функции в тексте (неэкспертное отрицание), однако может быть связана с особенностями речевого окружения. Для более полной характеристики синтаксического и структурного своеобразия высказываний с выражением *не факт* необходимы дальнейшие исследования с использованием других корпусов повседневной устной речи.

Литература:
Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
Рахилина Е. В., Бычкова П. А. Речевые акты как лингвистическая категория. Дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. Вып. 2. С. 7—27.

Лавренова Екатерина Сергеевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Приемы перевода русского прагматического маркера «это самое» на английский язык (на материале речи персонажей художественных произведений)

Прагматические маркеры (ПМ) как функциональные единицы устной речи, результат прагматикализации полноценных слов [Богданова-Бегларян, 2026: 5], встречаются в речи говорящих на любом языке и употребляются на уровне речевого автоматизма. Писатели, создавая речевой портрет того или иного персонажа, пытаются зафиксировать эти единицы, что создает проблему для переводчиков: как передать функцию ПМ, чтобы читатель на другом языке правильно воспринял стилистику речи персонажа.
Цель доклада — описать приемы перевода ПМ *это самое* в речи персонажей русских художественных произведений на английский язык.
Материал — 15 контекстов на русском языке и их английские переводы из русско-английского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В 10 случаях (67 %) ПМ выступал в функции чистой хезитации, в 2 (13 %) — в функции хезитационного поиска, в 3 (20 %) — хезитации-навигации. Выявлены такие приемы

перевода: 1) опущение ПМ (8 раз; 53,3 %), 2) буквальный перевод компонентов ПМ (5; 33,3 %), 3) опущение ПМ с передачей его функции другими словами (2; 13,3 %). Пока не было найдено никакого соответствующего ПМ в принимающем языке — возможно, это произойдет при расширении материала исследования.

См. соответствующие примеры, а также дословный обратный перевод (Русско-английский параллельный подкорпус НКРЯ):

1) *Ведь страх-то какой, а? Значит, грех-то этот кто-то уж взял* ***за это за самое****?.. — Какой грех?*: *It's horrible, isn't it? Has anyone taken that sin upon himself? — What sin?* ('Это ужасно, не так ли? Взял ли кто-то этот грех на себя? — Какой грех?');

2) *Номер был, да помер он тогда же. Она сказывала: как привезли, а он и кончился. — Кто она? —* ***А самая, эта*** *женщина, в Скородном жила*: *Yes, there was a number, but the baby died, — she said. — It died as soon as she brought it there. — Who is she? —* ***That same*** *woman who used to live in Skorodno* ('Да, там был номер, но ребенок умер, — сказала она. — Он умер, как только она принесла его. — Кто она? — **Та самая** которая жила в Скородном');

3) *И вот таких психов у нас, в Сибири…* ***это самое****… таперича много, очень много…*: *These are the kinds of lunatics we have here in Siberia…* ***this, uh****… nowadays there are many, quite a few* ('Вот такие вот сумасшедшие у нас здесь, в Сибири… **таких, э-э**… сейчас их много, довольно много').

Видно, что анализ переводов русских ПМ на английский язык необходимо продолжать. Отказ от перевода таких, на первый взгляд, «незначительных» единиц, может привести к большим «потерям» на уровне стилистики, а иногда и к искажению смысла. Самым удачным способом перевода может быть использование соответствующего маркера в принимающем языке, который (которые) в английском еще предстоит найти.

Литература:

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской разговорной речи: проблема перевода на другие языки // «Слово и жест». Науч. конф. памяти Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). М., 2026. С. 5—14.

Русско-английский параллельный корпус НКРЯ. URL: https://ruscorpora.ru/corpus/para-eng (06.02.2026).

Мехдиева Сабина Арастуновна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Контактные глаголы в русской разговорной речи как маркеры скрытого речевого воздействия

Повседневная устная речь является основой межличностного общения. В устном дискурсе языковые единицы часто специфически функционируют, позволяя его участникам, вне зависимости от индивидуальных особенностей, достигать взаимопонимания и эффективно решать коммуникативные задачи. Изменения, происходящие с речевыми средствами на разных уровнях, обусловлены действием принципа экономии речевых усилий и спонтанностью речепорождения. Одним из таких средств являются контактные глаголы (КГ), т. е. глагольные формы с ослабленной семантикой, основной функцией которых является регулирование речевого взаимодействия между коммуникантами [Богданова-Бегларян, Маслова, 2019: 160]. В устной речи КГ могут выступать в роли вербальных хезитативов, маркеров старта, финала, ввода ренарратива, навигации и поиска. Главной функцией указанных единиц является метакоммуникативная; среди важнейших прагматических задач КГ — привлечение внимания адресата. Кроме того, эти формы способны регулировать очередность в разговоре. Все это дает достаточно оснований

считать указанные языковые единицы инструментами осуществления речевого воздействия или, иными словами, манипуляции.
В связи с тем, что КГ, как и иные прагматические маркеры, воспроизводятся говорящим на уровне речевого автоматизма, вербальное воздействие, оказанное с их помощью, может быть неочевидным как для адресата, так и для адресанта. В этом случае, при отсутствии уточняющих обстоятельств, справедливо называть совершенную манипуляцию скрытой, ср.: *а а а (э-э) в принципе понимаешь / после а после двенадцати ехать в город одну заявку сделать ну тоже* ***согласись***.
Цель настоящей работы — исследовать и описать на основе корпусных данных особенности функционирования в русской спонтанной речи контактных глаголов как средства речевой манипуляции. Новизна работы состоит в рассмотрении КГ в качестве инструмента осуществления скрытого, не осознаваемого самим говорящим воздействия. Источником материала стал корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». Для анализа было отобрано 63 контекста употребления КГ в форме императива; в список исследуемых единиц вошло 11 КГ: *прикинь*, *представь*, *слушай*, *глянь*, *глядите*, *смотри*, *согласись*, *пойми*, *посмотри*, *послушай*, *скажи*. В ходе обработки материала применялись описательный, контекстный, квантитативный и логико-дедуктивный методы. Анализ показал, какие КГ в форме императива являются наиболее употребительными (*прикинь*, *представь*, *слушай*, *смотри и др.*), позволил выявить, что на характер речевой манипуляции с использованием КГ может влиять целый ряд дополнительных признаков: тип осуществляемого речевого акта, грамматический статус единицы и наличие экспрессивной окраски.

Литература:
Богданова-Бегларян Н. В., Маслова Е. Р. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 15 (3). С. 158—184.

Птицына Зоя Васильевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Приемы перевода русского прагматического маркера «или там» на японский язык (на материале разговорной речи персонажей художественных произведений)

В докладе рассматривается функционирование прагматического маркера-аппроксиматора (ПМА) *или там* [Зайдес, 2021; ПМ, 2021] в разговорной речи персонажей русских художественных произведений и особенности его передачи в переводах на японский язык. Цель исследования заключается в выявлении функций данного ПМА в оригинальном тексте и анализе приемов его перевода в японских версиях произведений. Научная новизна работы состоит в том, что впервые осуществляется сопоставительный анализ функционирования сочетания *или там* и способов его перевода непосредственно на японский язык, а также выявляются средства японского языка, способные воспроизводить те же функции, которые выполняет данный прагматический маркер в русском языке. Объектом исследования является сочетание *или там* в русской повседневной речи, предметом — приемы его перевода на японский язык. Источником материала послужили семь художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и их японские переводы. В пользовательский подкорпус включено 11 пар контекстов на двух языках. В ходе работы были проведены: обзор литературы по проблематике прагматических маркеров, формирование параллельного подкорпуса, анализ функций маркера в оригинале и типологизация переводческих приемов.

Анализ показал, что сочетание *или там* функционирует как прагматический маркер в функции неточного поиска, совмещающего хезитацию и аппроксимацию. В японских текстах выявлены четыре приема перевода: 1) буквальный перевод компонентов ПМА — как правило, с искажением смысла фразы; 2) опущение ПМА; 3) замена ПМА хеджем; 4) опущение ПМА и передача его функции другими средствами. Наиболее частотной стратегией оказалось полное опущение ПМА (54,5 %), что свидетельствует о том, что переводчики считывают *или там* как десемантизированную единицу и просто не знают, что с ней делать.
Эквивалентных японских ПМ, воспроизводящих функции *или там*, выявить не удалось. Сопоставление полученных данных с результатами исследований перевода русских ПМА на китайский язык [Сян Янань, Богданова-Бегларян, 2024] демонстрирует некоторое различие стратегий: в японских переводах преобладает опущение, тогда как в китайских наблюдается более активная компенсация прагматических значений ПМА.
Полученные результаты позволяют уточнить закономерности передачи функций единиц, утративших лексическое значение, и могут быть использованы при разработке переводческих стратегий для передачи разговорной речи.

Литература:
Зайдес К. Д. Прагматический маркер ИЛИ ТАМ: свой среди чужих, чужой среди своих // Русская речь. 2021. Вып. 1. С. 22—36.
Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.
Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах) // Oriental Studies. 2024. Вып. 2. С. 427—440.

Резникова Дарья Андреевна
студентка 3 курса
Кубанский государственный университет

Лексико-семантические средства формирования речевого портрета книжного блогера (на материале постов в «Telegram»-каналах)

В современном научном дискурсе особую актуальность приобретает проблема соотношения содержания понятий «языковая личность» и «речевой портрет». Данное исследование посвящено анализу лингвостилистических особенностей и коммуникативных тактик книжных блогеров. В качестве теоретической рамки исследования использованы научные труды и публикации, посвященные теории языковой личности, работы В. В. Виноградова [Виноградов, 1953], Ю. Н. Караулова [Караулов, 2010] и др. Новизна и актуальность работы обусловлены тем, что изучение речевого портрета способствует развитию теории коммуникации, социолингвистики и антропологии языка.
Материалом исследования послужили посты шести «Telegram»-блогеров; выборка включала как профессиональные проекты (блог как работа), так и любительские (блог как хобби), что позволило выявить вариативность дискурсивных практик.
Анализ каналов (напр., «уютный домик кейт», 1600 подписчиков; «LovaGreen», 7000 подписчиков) показал, что в текстах блогеров активно используются экспрессивные словоформы, не фиксируемые нормативными словарями. Характерным примером является контекст с лексемой *книжуля* (*прочитала за один день книжулю… ну не знаю, как это происходит*). К средствам экспрессивизации текста относятся и синтаксические конструкции: риторические вопросы, синтаксическая редукция (незаконченные предложения) и парцелляция.

Важной чертой при коммуникации с аудиторией является использование аллюзий. Так, в посте одного из блогеров цитата из песни «Перемен» группы «Кино» В. Цоя подвергается иронической трансформации: сердце *требует порцию романтики и главного героя с томным взглядом*. Данный прием служит для реализации игровой стратегии, создания комического эффекта и укрепления общности фоновых знаний с подписчиками. Необходимо отметить, что рассмотренные авторы совмещают книжные рекомендации с элементами лайфстайл-блогинга (рассказы о личной жизни и учебе), что способствует повышению доверия и вовлеченности аудитории.
Перспективы исследования связаны с более глубоким изучением коммуникативных стратегий книжных блогеров, а также с анализом их влияния на читательские предпочтения в цифровой среде.

Литература:
Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М., 1953.
Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Ретуева Карина Михайловна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Согласитесь»: специфика функционирования глагольной формы в русской повседневной речи

Устная речь, являясь инструментом ежедневного общения, предоставляет современной лингвистике богатейший материал для анализа. Она служит не просто средством передачи информации, но и способом построения межличностных отношений, выражения эмоций, чувств и потребностей.
В настоящей работе анализируются употребления глагольной формы *согласитесь*, которая представляет собой яркий пример взаимодействия лексического значения с грамматической структурой и часто употребляется в речи в роли контактного глагола, с целью «привлечения внимания адресата к высказыванию» [Гришина, 2007: 150].
В пользовательский подкорпус вошли 240 контекстов с императивом *согласитесь* из устного (УП) и мультимедийного (МП) подкорпусов Национального корпуса русского языка.
Семантический сдвиг в употреблении данной формы обусловлен процессом грамматикализации, под которым понимаются «изменения, происходящие с лексическими единицами и конструкциями в определенных языковых контекстах, предполагающие выполнение грамматических функций» (Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge, 2003. P. 18; цит. по: [Зайдес, 2020: 95]; перевод К. Д. Зайдес). В результате единица десемантизируется и переходит «из области лексического» в «область грамматического».
Анализ корпусного материала выявил полифункциональность данной формы, которая может служить в повседневной речи прагматическим маркером-метакоммуникативом, маркером старта и финала, а также вводным словом, императивом или компонентом конструкций-коллокаций (*согласитесь сами*).
Форма *согласитесь* употребляется преимущественно в устной публичной речи (72 %):
1) *Конечно / у клуба есть и своя история / но /* ***согласитесь*** */ его достижения не идут в сравнение с признанными грандами нашего футбола* (УП);
2) *Потому что вот сила в руке есть. Простой человек не может /* ***согласитесь*** (МП).
Данная форма может служить и маркером передачи очереди говорения: *Много классики есть* (№ 7) // *Ну классика / я говорю / у каждого классика есть своя роль /* ***согласитесь*** (№

6) // *Конечно* (№ 7).
Полученные наблюдения важны в аспекте культуры речи, в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Литература:
Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2007». М., 2007. С. 147—156.
Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дис. … к. филол. наук. СПб., 2020.

Шапошникова Анна Андреевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Деепричастия в русском языке как источник грамматикализации (на материале разных типов устной речи)

Сегодня активно развивается теория грамматикализации, понимаемой как «процесс превращения неграмматической единицы языка в грамматическую или развитие у языковой единицы большего числа грамматических свойств» [Майсак, 2007: 615]. Этот механизм эволюции языка обеспечивает преобразование лексических единиц в грамматические или изменение их грамматических свойств.
Особенно интересны в этом отношении деепричастия, которые обладают высокой степенью функциональной подвижности и способны трансформироваться в служебные слова: предлоги (пропозиционализация) и союзы (конъюнкционализация).
В работе некоторые русские деепричастия (*несмотря*, *невзирая*, *благодаря*, *учитывая*, *не считая*, *спустя*, *включая*, *исключая*, *начиная*, *заканчивая*, *не доходя*, *судя*, *смотря*, *согласуясь*, *исходя*, *опираясь*) рассматриваются с точки зрения их соответствия критериям грамматикализации: «выветривание» лексического значения (метафоризация), нарушение связи с семантическим субъектом, морфологическая специализация по отношению к словам того же ряда и наличие морфосинтаксических вариантов. Результаты проведенного анализа показали, что все рассматриваемые деепричастия демонстрируют способность подвергаться грамматикализации. Ср.: пример, в котором предложная единица (*начиная*) соответствует всем четырем критериям: *Так, восприимчивость к инфекции, подчеркнул он, может определяться разными факторами,* ***начиная возрастом*** *и полом и заканчивая расовой принадлежностью* [Врач назвал срок, когда больные COVID-19 наиболее заразны, 2020]. Здесь хорошо видна утрата связи с семантическим субъектом и особое управление (более распространено <*начинать* + Вин. п.>).
Методом сплошной выборки из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) был сформирован пользовательский подкорпус: контексты и их параметры. Далее в работе рассматривались характеристики как самого текста (сфера употребления, тип, тематика), так и говорящих (пол, возраст, род деятельности). Все перечисленные параметры заданы в рамках поиска по корпусу. Гипотеза исследования состоит в том, что степень грамматикализованности единицы коррелирует с широтой типов дискурса, в которых она может встретиться. Принято считать, что деепричастия нечасто употребляются в устной речи по сравнению с другими формами глагола, в то время как предлоги и союзы являются неотъемлемой частью как устного, так и письменного модуса речи. Следовательно, переход деепричастия в функциональное поле служебных частей речи должен повлечь за собой его более широкую распространенность. Другой важной

характеристикой устного текста является степень его спонтанности. На крайних точках шкалы спонтанности располагаются абсолютно спонтанные (сделанные в непринужденной, неформальной обстановке, в ситуации бытового диалога) и квазиспонтанные (напр., речь кино) высказывания. Таким образом, исследование учитывает не только грамматические и лексико-семантические, но и дискурсивные параметры, что позволяет рассмотреть феномен грамматикализации более подробно.

Литература:
Врач назвал срок, когда больные COVID-19 наиболее заразны // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20201112/komarovskiy-1584391786.html (02.03.2026).
Майсак Т. А. Грамматикализация // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007.

СЕКЦИЯ «ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

Богданова Ксения Александровна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности семантики и функционирования глаголов «увидеть», «услышать» и «узнать»

Глаголы восприятия видеть, увидеть, слышать, услышать, а также глаголы знания знать и узнать относятся к числу наиболее частотных лексических единиц русского языка и входят в обязательный лексический минимум для уровня ТРКИ-1 (элементарный/базовый). Однако вопрос о статусе их видовой парности до сих пор вызывает дискуссии среди русистов и методистов. Предметом данного исследования являются семантические особенности, видовые характеристики и специфика функционирования указанных глаголов в современном русском языке. Материалом послужили аутентичные контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): фрагменты художественной прозы и устной речи. С помощью методов направленной и квотной выборки было отобрано 600 контекстных употреблений для каждого из глаголов.
Проведен комплексный анализ, включающий определение наличия/отсутствия видового коррелята, выявление основных и периферийных значений, а также изучение условий реализации того или иного оттенка значения. Для установления видового статуса глаголов применялись классические диагностические контексты, предложенные Ю. С. Масловым. Эти тесты позволяют различать значения «процесс/результат», «однократность/многократность». Глаголы «видеть/увидеть» и «слышать/услышать» прошли проверку в большинстве предложенных контекстов, что дает основание квалифицировать их как видовую пару в видовом значении «однократности/многократности». Глагол «узнать» обладает существенно более широкой семантикой: он охватывает не только перцептивные (визуальные и аудиальные) способы получения информации, но и чисто когнитивные процессы. В связи с этим «узнать» не проходит проверку по диагностическим контекстам Маслова, что делает его видовой статус спорным и требует отдельного теоретического обсуждения. Полученные результаты могут быть использованы при разработке методических материалов по РКИ, в частности при объяснении иностранным учащимся тонких семантических и видовых различий между глаголами, а также при составлении упражнений на различение видовых пар в перцептивной и когнитивной сферах.

Волкова Мария Андреевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Интонационное оформление эмоционального значения сомнения в русском языке

Эмоции могут выражаться средствами различных языковых уровней, однако особая роль в их оформлении принадлежит интонации.
Эмоциональная интонация является неотъемлемой составляющей любой языковой системы. С одной стороны, она обладает универсальными характеристиками. С другой, имеет специфику в каждом конкретном языке. В частности, это подтверждается трудностями, которые испытывают индивиды при опознании эмоциональных оттенков в иноязычной речи. В этой связи исследование особенностей интонационного оформления отдельных эмоциональных значений, таких как сомнение, способствует формированию целостного представления о системе эмоциональной интонации и расширяет понимание природы интонации как элемента языка.
Целью данной работы является выявление особенностей интонационного оформления эмоционального значения сомнения с учетом физических характеристик речевого сигнала и фонетического аспекта анализа.
Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания РКИ на таких уровнях владения, как ТРКИ-3 и ТРКИ-4, при составлении учебных пособий по интонации русского языка.
Теоретическую основу исследования составили труды Н. Д. Светозаровой, посвященные проблеме передачи интонации в художественном тексте; Э. А. Нушикян, в которых впервые комплексно рассматривается проблема эмоциональной интонации; И. Г. Никольской, изучавшей сомнение с точки зрения его лексико-грамматического выражения.
Материалом исследования послужили смоделированные высказывания типа *прямая речь героя — авторская ремарка*, начитанные девятью дикторами и записанные на цифровой носитель. Единицы различных уровней языка функционируют во взаимосвязи, поэтому в рамках данного исследования любые лексико-грамматические маркеры сомнения были исключены из примеров, предъявляемых дикторам для записи, чтобы изучить интонацию как самостоятельное средство передачи эмоциональных значений. Указание на требуемое эмоциональное значение содержалось исключительно в авторской ремарке.
Акустический анализ 72 реализаций проводился с использованием программы PRAAT 6.4.19. Результаты эксперимента представлены в относительных величинах.
В результате эксперимента было установлено, что акустическими характеристиками, значимыми для оформления эмоциональной интонации сомнения, являются: длительность ударного гласного ядерного слова; частота основного тона (ЧОТ) ударного гласного ядерного слова; величина перепада ЧОТ в пределах ядерного слова; а также общая длительность фразы.
Анализ контекстов Национального корпуса русского языка показал, что эмоциональное значение сомнения имеет выраженную тенденцию к реализации в вопросительных предложениях. Данные фонетического эксперимента позволяют предположить, что интонация сомнения в большинстве случаев не может быть естественно реализована в повествовательных предложениях при отсутствии лексико-грамматических маркеров, указывающих на соответствующее эмоциональное значение. Таким образом, интонация не всегда способна изолированно репрезентировать эмоции в речи: система накладывает определенные ограничения на ее функционирование.
На основании данных акустического анализа была определена медиана реализации интонации сомнения в общем вопросе: ЧОТ ударного гласного ядерного слова понижается

на 12 %; длительность ударного гласного ядерного слова увеличивается на 19 %; перепад ЧОТ в ядерном слове выше на 37 %; общая длительность фразы возрастает на 26 %.

Грищенко Екатерина Игоревна
магистрантка 2 курса
Новосибирский государственный технический университет

Паремии в современном медиадискурсе: методический ресурс для обучения РКИ

Современный медиадискурс выступает ценным источником аутентичного материала для преподавания РКИ, в т. ч. паремиологических единиц (пословиц, поговорок). Целесообразность их использования в лингводидактике является общепризнанным фактом. Согласно позиции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, эти единицы составляют один из ключевых объектов изучения в рамках лингвострановедческого аспекта [Верещагин, Костомаров, 1990]. Тем не менее в учебных материалах по РКИ содержится значительно больше конкретных лексем и свободных словосочетаний, чем паремий. Причины этого могут быть связаны с высокой контрастивной ценностью уникальных паремий, трудностью их понятийно-образного аппарата для носителей иной культуры, а также наличием среди паремий устаревших лексических и грамматических конструкций, не отвечающих принципу методической целесообразности.

Несмотря на существующие сомнения в необходимости комплексной регулярной работы с ними, паремиологические единицы обладают значительным дидактическим потенциалом. В паремиологии выделяется ряд типовых структурных схем, по которым могут строиться пословицы. Овладение этими схемами гарантирует распознавание и декодирование иноязычными учащимися смысла высказываний различного строения.

Умение считывать смысл паремий критически важно для формирования вторичной языковой личности, поскольку эти единицы являются неотъемлемой частью языкового сознания носителей. Они широко представлены в различных дискурсах: от живой речи до медиадискурса. Напр., паремия *Ехали прямо, да попали в яму*, зафиксированная В. И. Далем [Даль, 1989: 418], звучит в реплике персонажа сериала «Вампиры средней полосы» (Специальный новогодний выпуск). Интересен также феномен искусственного создания паремий, имитирующих устоявшиеся модели, как в веб-сериале «Внутри Лапенко» (*Был камыш, да сперла мышь*, *Тетерев не ястреб, кукурузу не рассыплет* и др.).

Отдельного внимания заслуживает употребление паремийных трансформов и окказионализмов. Они демонстрируют, как говорящий актуализирует и творчески видоизменяет известную структурную модель для новых коммуникативных задач. Яркий пример — окказиональное высказывание участника шоу «Титаны» А. Денисенко: *Это не петушки сосать на бабушкину пенсию* (3 сезон, 3 выпуск). Знание базовой модели позволяет иностранному студенту понять общий смысл даже при гипотетическом наличии незнакомых лексем.

Таким образом, систематическая работа с паремиологическими единицами на уроках РКИ не только обеспечивает лингвокультурологическое погружение, но и развивает навык считывания смыслов по структуре устойчивых словесных комплексов, позволяя студентам преодолевать коммуникативные барьеры. Усвоение моделей дает обучающимся ключ к интерпретации как классических паремий, так и их трансформов, активно используемых носителями языка в спонтанной речи и медиатекстах. Таким образом, анализ функционирования паремий в медиадискурсе подтверждает их актуальность и открывает новые возможности для интеграции аутентичного языкового материала в учебный процесс.

Литература:

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1. М., 1989.

Захарова Мария Юрьевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Парцелляция как графический маркер субъектной перспективы (на материале рассказа В. Свешникова «Компас»)

Парцелляция традиционно рассматривается как средство экспрессивного синтаксиса, однако в современных исследованиях акцент все больше смещается в сторону ее текстообразующих функций. В работах последних лет подчеркивается связь парцелляции с категорией персональности, связанной с репрезентацией субъекта речи и сменой повествовательной перспективы [Кузнецова, Петропольский, 2023]. Как отмечает Ю. В. Богоявленская, парцеллированные конструкции способны «эксплицировать субъективно-модальные значения, связанные с оценкой и интерпретацией сообщаемого» [Богоявленская, 2015: 132]. Изучение этих механизмов значимо для практики РКИ, поскольку понимание смены субъекта речи необходимо для интерпретации текста учащимися.

Цель настоящей работы — выявить механизмы маркирования субъектной перспективы парцеллированными конструкциями в рассказе В. Свешникова «Компас» и установить связь между их структурными типами и субъектными планами текста. Материалом послужили 16 парцеллированных конструкций, репрезентированные в тексте разными структурными типами: парцелляция сказуемого, подлежащего, дополнения, обстоятельства, сложного предложения. Анализ подтверждает, что распределение типов связано с субъектными планами повествования: авторским повествованием, внутренней речью ребенка (героя Вовки), прямой и косвенной речью взрослого (учителя Ван Ваныча).

В авторском повествовании доминирует парцелляция сказуемых. В сцене вызова ученика к доске выделение глаголов создает эффект замедленной съемки: *Топчется у карты. Погружается в размышления. Краснеет*. Здесь синтаксическая структура выполняет функцию «графической фиксации микроизменений в состоянии персонажа» [Кузнецова, Петропольский, 2023: 70]. При этом автор остается внешним наблюдателем: фиксирует внешние проявления, но не проникает во внутренний мир героя.

Во внутренней речи персонажа-ребенка ключевую роль играет парцелляция сложного предложения. В примере *Давно не смазывал маслом цепь на велосипеде. Заржавеет.* базовая часть содержит констатацию факта, парцеллят — прогноз, основанный на этом факте. Лексическое окружение (междометие *эх*, ремарка *с горечью*, эпитет *нудный дождик*) создает эмоциональный фон, позволяющий интерпретировать прогноз как субъективно-модальный, а не нейтральный.

В речи персонажа-взрослого частотна парцелляция обстоятельства и дополнения. Во фрагменте *Пассаты, муссоны, мистраль, сирокко. Ветры — это дыхание Земли. Без них мы задохнемся, умрем* выстраивается градация от конкретных названий к метафоре и экзистенциальному выводу. Здесь парцелляция актуализирует концептуальные доминанты, превращая нейтральное сообщение в личностно значимое. Другой пример: *Вернулся в свой деревенский домик. К своей метеостанции.* — через парцелляцию обстоятельства актуализирует важный для идентичности героя образ; предметное значение перерастает в символическое.

Итак, парцелляция выполняет функцию графического маркера смены субъекта речи; ее структурные типы закреплены за разными субъектными планами. Выводы могут

применяться в практике преподавания РКИ при обучении анализу текста.

Литература:
Богоявленская Ю. В. Парцеллированные конструкции как синтаксический экспликатор субъективно-модальных значений // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 130—136.
Кузнецова М. А., Петропольский Д. И. Парцеллированные конструкции как одно из средств выражения авторского текста // Наследие веков. 2023. № 3. С. 68—73.

Золотарева Дарья Александровна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Стереотипное представление о волонтере в русском языковом сознании

Доклад представляет собой комплексное исследование лексической единицы, актуальной для современного общества. В исследовании была поставлена цель выявить стереотипное представление носителя современного русского языка о волонтере. Алгоритм выявления стереотипного представления складывается из анализа лексикографических источников, контекстов употребления в тексте (данные Национального корпуса русского языка; далее — НКРЯ) и результатов цепочечного ассоциативного эксперимента, проведенного автором доклада.
На первом этапе были проанализированы дефиниции из толковых словарей русского языка с целью определить наиболее устойчивое понимание слова *волонтер* в русском языке. Затем для верификации полученных данных и их актуализации в условиях современного состояния языка нами были проанализированы контексты из НКРЯ (данные газетного подкорпуса за 2020—2025 гг.). В результате проведенного анализа было выявлено наиболее частотное окружение изучаемого слова, что стало основой для формирования стереотипного представления.
На третьем этапе работы был проведен свободный цепочечный ассоциативный эксперимент с участием трех групп респондентов: действующие волонтеры; люди, имевшие подобный опыт в прошлом; те носители языка, которые никогда не занимались волонтерской деятельностью. Полученные по итогам ассоциативного эксперимента реакции были классифицированы по тематическому признаку.
Итоговым результатом исследования в докладе выступает *стереотипное представление* («устойчивая в национальном языковом сознании “мыслительная картинка”, соответствующая мировосприятию данного фрагмента ЯКМ представителями лингвокультурного сообщества» [Зиновьева, Абыякая, 2013: 136]) в русском языковом сознании. При формулировке стереотипного представления учитывалась аксиологическая характеристика полученных ассоциатов, отдельно были выделены также прецедентные единицы, цитаты, различные типы устойчивых сочетаний (фразеологические единицы, паремии). Последнее особенно важно в связи с лингвострановедческой направленностью настоящего доклада, так как подобные особенности языковых единиц, а также культурно обусловленные ассоциации не зафиксированы ни в каких источниках, но в то же время ярко отражают культурную специфику конкретных лексем, что важно учитывать при работе с лексикой на высоких уровнях обучения русскому языку как иностранному.
Результаты каждого из этапов работы, а также сформулированное по итогам всего исследования стереотипное представление о волонтере и ценность данного исследования для РКИ будут представлены в рамках доклада.

Литература:
Зиновьева Е. И., Абыякая О. В. Стереотипные представления о мерзнущем человеке в

русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // XLII Международная филологическая конференция. СПб., 2013. С. 135—143.

Исроилова Гузаль Равшан кизи
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лексемы с корнем «-уч-», образованные путем аббревиации

В докладе рассматривается аббревиация как один из способов словообразования и продуктивный механизм развития современного русского языка. Исследование аббревиатур с корнем *-уч-* позволяет проследить не только языковые, но и социально-исторические процессы, происходившие в обществе в советский период. Особую значимость приобретает анализ функционирования данных единиц, их морфологическая адаптация и словообразовательная активность. В контексте преподавания русского языка как иностранного изучение аббревиатур имеет определенную ценность, поскольку они отражают специфику русской языковой картины мира и вызывают трудности при освоении языка. Понимание аббревиатур советской эпохи и их использование в речи способствует лучшему пониманию ряда исторических фактов, текстов XX в., речи представителей старшего поколения, а также пониманию менталитета советского человека. Цель доклада заключается в комплексном анализе лексем-аббревиатур с корнем *-уч-*, присущих им структурно-семантических особенностей, а также в выявлении закономерностей их функционирования в современном русском языке. В ходе исследования из словарей было отобрано 11 аббревиатур с корнем *-уч-*: *учком, учкомовец, учлет, учхоз, втуз (втузовский), втузовец, вуз, вузовка, вузовец, нот (нотовский), завуч*. Толкование данных лексем осуществлялось на основе материалов «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина, 1998].
В ходе исследования были получены следующие результаты. Проведена классификация аббревиатур, выделено 3 тематических подгруппы: аббревиатуры, обозначающие органы ученического самоуправления; названия учебных заведений; аббревиатуры, обозначающие участников образовательного процесса. Выявлено, что большинство исследуемых аббревиатур характеризуется высокой степенью морфологической адаптации: возможностью изменения по падежам, наличием форм множественного числа, способностью к дальнейшему словообразованию. Установлено, что некоторые аббревиатуры (напр., *вуз*) сохраняют высокую частотность употребления, в то время как другие (*втузовец, вузовка*) имеют периферийный характер. Определено, что словообразовательное гнездо с корнем *-уч-* отличается высокой продуктивностью, особенно в сфере образования слов с одной мотивирующей основой. Доказано, что, несмотря на историческую обусловленность большинства аббревиатур, они продолжают активно использоваться в современном языке, претерпевая определенные семантические и функциональные изменения.

Литература:
Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Калязина Ирина Алексеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Категория «прошлое» в русской паремиологической картине мира: лингвокультурологический аспект

Паремиологический фонд русского языка представляет собой коллективную память народа, кристаллизованную в устойчивых языковых формах. Пословицы и поговорки фиксируют ценностные ориентиры, модели поведения и представления о мире, характерные для определенной лингвокультурной общности. Категория «прошлое» занимает в этой системе центральное место, она осмысляется не как хронологический период, а как феномен культурной памяти, выполняющий функции наставления, предостережения и легитимации моделей поведения в настоящем. Методом сплошной выборки из словарей В. И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 2007] и М. А. Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки» [Рыбникова, 1961] было отобрано 127 паремий, вербализующих народные представления о прошлом. Проведенный анализ позволил выделить 9 тематических групп паремий, отражающих различные культурные установки по отношению к прошлому. Остановимся на двух самых многочисленных и важных для носителей русского языка группах с точки зрения русской языковой картины мира.

Наиболее репрезентативной оказалась группа «Недоступность прошлого» (45 ед.) (напр., *было, да сплыло; прошлого не воротишь*). Данная группа акцентирует необратимость времени и невозможность возвращения к прежним состояниям.

Второй по численности является группа «Ностальгическая идеализация прошлого» (22 ед.) (напр., *то было время, а ныне пора; встарь люди были умнее, а ныне стали веселее*), где благополучное прошлое противопоставляется трудному настоящему.

Таким образом, категория «прошлое» в русской паремиологической картине мира характеризуется аксиологической амбивалентностью: прошлое может оцениваться и как источник мудрости и образец для подражания, и как тяжелый груз, от которого следует освободиться. Доминирующей является установка на необратимость прошлого и невозможность его возвращения, что находит выражение в обширной группе паремий с семантикой безвозвратной утраты. Полученные результаты могут быть использованы в занятиях по лингвокультурологии, паремиологии и в практике преподавания русского языка как иностранного.

Литература:

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2007.
Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.

Крыжановская Анастасия
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Современная репрезентация образа зимы в языковом сознании: данные ассоциативного эксперимента и паремиологический контекст

В исследовании представлены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского языка разного возраста, проживающих в различных регионах Российской Федерации и представляющих разные профессиональные сферы (71 информант). Зафиксировано 880 реакций. Ассоциативный эксперимент рассматривается как метод выявления структуры языкового сознания и реконструкции семантического поля стимула [Караулов и др., 2002].

Ядро поля образуют две сопоставимые группы: природно-климатические реакции (217) и праздничная атрибутика (211). Тем самым зима осмысляется одновременно как природный

феномен и как культурно значимый период. Важную роль играет культурный компонент (96), представленный устойчивыми интертекстуальными образами («Ирония судьбы, или С легким паром!», «Морозко», «Один дома», «Щелкунчик», «Зима-холода» и др.), что свидетельствует о культурно-праздничной репрезентации зимы.
Распределение эмоциональных оценок показывает явное преобладание положительных реакций (95 против 26 отрицательных). Наиболее частотны радость, спокойствие, вдохновение; отрицательные реакции представлены преимущественно грустью и тревогой.
Паремиологическая компетенция информантов демонстрирует устойчивость прагматической установки: лидирует пословица *Готовь сани летом, а телегу зимой* (38 упоминаний). Результат коррелирует с ответами о подготовке к зиме (теплая одежда — 52; хозяйственные меры — 20).
Сопоставление с данными «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова показывает устойчивость в ассоциативном поле природного ядра (*холод*, *снег*, *мороз*), однако в современном языковом сознании усиливается культурно-праздничный и эмоционально-позитивный компонент. Паремиологический фонд фиксирует зиму прежде всего как период испытаний, тогда как современные реакции отражают ее восприятие как времени праздника, досуга и ожидания чуда.
В. А. Маслова определяет культурный стереотип как устойчивое представление, закрепленное в коллективном сознании и воспроизводимое в языке [Маслова, 2009]. Полученные данные позволяют говорить о сохранении базовых признаков зимнего образа при изменении его оценочной направленности: испытательный компонент отходит на второй план, уступая место празднично-позитивному восприятию.
Таким образом, сопоставительный анализ свидетельствует о преемственности традиционных представлений о зиме при изменении их оценки: природно-прагматическая основа сохраняется, однако возрастает роль культурно-праздничной и позитивной интерпретации.

Литература:
Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002.
Маслова В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 37—44.

Мысина Софья Андреевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Роль экспрессивного синтаксиса при интерпретации поэтического текста (методический аспект)

Изучение русского языка как иностранного на высоких уровнях (B2, C1) предполагает не только усвоение грамматических норм, но и формирование способности декодировать эмоционально-смысловые оттенки поэтических текстов. Конструкции экспрессивного синтаксиса (парцелляция, инверсия, риторические фигуры и др.) играют ключевую роль в передаче авторской интенции, однако их функционирование и прагматический потенциал не часто становятся предметом изучения в иноязычной аудитории. Обращение к поэзии Э. Асадова, чье творчество отличается особой эмоциональностью, позволяет создать эффективную методическую базу для решения этой проблемы.
Цель доклада — дать общее представление об особенностях экспрессивного синтаксиса в поэзии, а также предложить способы работы с выделенными единицами на уроках РКИ. Актуальность выбранной темы обосновывается тем, что поэзия как культурное явление,

насыщенное глубокими смыслами, всегда представляла интерес с точки зрения методики преподавания РКИ. Посредством изучения синтаксиса поэтических текстов можно не только дать более полное представление о возможностях русского языка как системы, но и обогатить лингвокультурный опыт студентов.
Задачи:
1. Определить круг синтаксических явлений в поэзии, доступных для анализа на разных уровнях владения языком (B2, C1);
2. Предложить пошаговую методику работы с поэтическим текстом, основанную на интерпретации синтаксических фигур;
3. Показать на конкретных примерах, как синтаксический анализ помогает раскрыть смысл и определить эмоцию стихотворения.
Материалом послужила выборка конструкций экспрессивного синтаксиса из поэтических текстов Асадова, отобранная в рамках магистерской диссертации. При работе с данным материалом на уроке предлагается следующая структура, совмещающая классические этапы работы с текстом и предлагаемые нами методические разработки: предтекстовый этап (введение в тему стихотворения, снятие лексико-грамматических трудностей, лингвокультурологический комментарий), притекстовый этап (поиск и анализ экспрессивных конструкций, моделирование нейтрального варианта стихотворения), послетекстовый этап (отработка изученного языкового материала, обсуждение особенностей стихотворения — сопоставление эмоциональной составляющей текста с грамматическими средствами создания образа).
В докладе подробно представлены варианты интерактивных заданий для работы с экспрессивным синтаксисом в поэтических текстах, напр.: «пропущенная строка» (задание на поиск авторского варианта с экспрессивной конструкцией), «грамматический портрет» (анализ использованных экспрессивных конструкций и сопоставление их с особенностями языковой личности лирического героя или героя стихотворения), «на месте поэта» (студентам предлагается самостоятельно из нейтрального варианта сделать экспрессивный, представить свой вариант группе, а затем сравнить с оригиналом), «восстанови порядок» (задание на определение порядка строк внутри строфы или строф внутри стихотворения).
Таким образом, экспрессивный синтаксис в поэзии Асадова в рамках уроков по РКИ может послужить базой для формирования у студентов навыков интерпретации поэтического текста. Выявление конструкций, затрудняющих понимание, и их функциональное описание позволят как снять трудности восприятия отдельных текстов, так и обогатить речь иностранных учащихся, а также расширить их представление о системе русского языка.

Нечаева Алена Игоревна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Русские прилагательные-паронимы (функционально-семантический аспект)

Доклад представляет собой комплексное исследование прилагательных-паронимов в функционально-семантическом аспекте. Предметом исследования являются семантика и особенности функционирования прилагательных-паронимов. Материалом исследования послужили адъективные паронимы, отобранные нами на основе лексического минимума уровня B2, а также методических пособий по лексике таких авторов, как О. В. Вишнякова, Э. И. Амиантова, С. И. Дерягина, Е. В. Мартыненко и Е. Р. Ласкарева. Теоретический анализ показал, что паронимия как лингвистический феномен характеризуется сложным взаимоотношением между формальной близостью и семантической дифференциацией. Паронимы представляют собой однокоренные слова, обладающие звуковым сходством, но отличающиеся лексическим значением и способностью к сочетаемости [Вишнякова, 1984:

16]. Их возникновение обусловлено морфологическими процессами, такими как суффиксация и префиксация, а также семантической эволюцией языка. Паронимы следует отличать от парономазии и синонимии, так как они имеют однокорневую основу и не обладают взаимозаменяемостью. В контексте преподавания русского языка как иностранного (РКИ) паронимы выделяются как зона повышенной интерференции, что требует целенаправленного методического подхода. Практическая часть исследования выявила несоответствие между представленностью прилагательных-паронимов в учебных материалах и их актуальностью для лексического минимума иностранных учащихся. Морфологическая классификация подтвердила преобладающее распространение суффиксальных моделей, что усложняет их различение. Результаты опроса иностранных студентов показали, что наибольшие трудности вызывают пары прилагательных с высокой степенью семантической близости. Напр., пары *вражеский* и *враждебный* вызывают 47 % ошибок из-за смешения признаков принадлежности и характера отношения; *явный* и *явственный* — 35,3 % ошибок из-за неразличения абстрактной и сенсорной очевидности; *лиричный* и *лирический* — 29,4 % ошибок из-за конкуренции между оценочным и терминологическим значениями. Функционально-семантический анализ выявил, что ошибки при использовании паронимов связаны с семантической диффузностью, контекстуальной вариативностью и влиянием интерференции родного языка. Сравнение ошибок иностранных студентов с ошибками носителей русского языка продемонстрировало универсальность данной проблемы, обусловленной сложностью семантических нюансов и недостаточной рефлексией над языковой нормой. Методические рекомендации включают интеграцию контрастивного подхода для сопоставления значений и сочетаемости паронимов, разработку контекстуальных упражнений, использование визуальных опор для акцентирования морфологических и семантических различий, а также внедрение мнемонических приемов для облегчения запоминания.

Литература:
Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

Садирова Маликабону Равшанбек кизи
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Функции тюркизмов в произведениях М. Ю. Лермонтова

Заимствования — важный аспект изучения как для носителей русского языка, так и для иностранных исследователей. Проблемой лексических заимствований занимались Л. П. Крысин, А. А. Леонтьев, Е. В. Маринова и др. Иноязычное влияние на русский язык в современный период более многообразно и интенсивно, чем в предшествующие десятилетия XX в., что требует детального изучения в их коммуникативной организации [Крысин, 2002: 28].

Однако воссоздать картину развития русского литературного языка, понять традиции и быт народа, определить роль заимствований помогает классическая литература. Изучение творчества М. Ю. Лермонтова актуально и показывает функции тюркизмов. Автор бывал на Кавказе и «с детства видел черкесов, скачки джигитов, огненные пляски, хороводы, праздник байрама, слышал горские песни, легенды, предания» [Джаубаева, 2008: 13].

Тюркизмы — это «заимствованные слова, которые проникли в русский язык из татарского, узбекского, азербайджанского, казахского, киргизского, башкирского, арабского, туркменского, таджикского, афганского, каракалпакского, турецкого и других языков» [Палванова, Бекчанова, 2017: 637].

В современной лингвистике выделяются несколько ключевых функций заимствований в художественном тексте: номинативная (лексическая), стилистическая (жанровая), эстетико-экспрессивная, культурно-идентификационная, символико-семантическая, прагматическая. Их функции определяются контекстом и задачами художественного произведения относительно эстетических и когнитивных установок автора.
В ходе исследования произведений («Бэла» и «Ашик-Кериб») удалось выделить семь групп лексических единиц, что позволило определить роль тюркизмов в художественных текстах и более полно раскрыть его индивидуальный стиль. Выяснено, что наиболее частотными являются слова с наименованием лиц (Ашик, джигит, кериб, Аяк-ага, Куршуд-бек, паша) и частей тела человека (башка, кулак). Затем следуют группы лексем «предметы быта» (бешмет, кафтан), «природа и животные» (туман, карагач, камыш), «жилище и пространство» (аул, караван-сарай, минарет). «Иноязычные вкрапления» (йок, селям-алейкюм, шинди-герурсез, ана), «действие и процесс» (караван, джигитовка, намаз), а также и «оценка» (яман, якши) имеют наименьшее количество лексем. Выявлено, что 74 % входят в активную лексику. Важно заметить, что в современном русском языке те же лексемы перешли в пассивную лексику, так как многие слова стали архаичными или малоупотребительными. Материалом для сравнительного анализа послужил Национальный корпус русского языка.
Язык Лермонтова точен, лаконичен и выразителен. При внешней простоте стиль насыщен символикой и национально-культурными смыслами, а тюркизмы усиливают этнографический и эмоциональный колорит, что позволяет приблизиться к изучению русского языка иностранной аудитории.

Литература:
Джаубаева Ф. И. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе: А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. Опыт словаря. Ставрополь, 2008.
Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27—36.
Палванова О. И., Бекчанова Д. Особенности тюркизмов в составе русских фразеологизмов // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 637—638.

Серпикова Полина Дмитриевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Тематический урок: развлекательное мероприятие или опора для изучения грамматики РКИ?

В современной методике преподавания РКИ существует несколько мнений относительно понятия «тематический урок» и его функций в образовательном процессе. Часть специалистов считает такой урок эффективным способом познакомить иностранных студентов с лексикой и лингвокультурными особенностями русского языка [Орехова, Труханова, 2020]. Существует группа исследователей, выражающая сомнение относительно практики проведения тематических уроков из-за их неэффективности для студентов начального уровня [Chevalier, 2025], а также субъективности в выборе тем и пропагандистской направленности, искажающей восприятие и отвлекающей от языковых задач [Pešková, 2016]. В настоящем исследовании, напротив, предлагается рассмотреть тематический урок в качестве инструмента фасилитации усвоения грамматического материала и доказать эффективность данной методики.
Цель исследования — разработка тематического урока для изучения глагольной формы

«Причастия» на базе темы «Русский цирк». В основе разработки лежит модель дедуктивного построения ассоциативных рядов: «Тематический урок — Содержание текста/примера — Понятие о грамматической единице», напр.: «Урок по теме “Цирк” — Наглядно семантизированные примеры “Гимнаст, делающий сальто” и “Гимнаст, сделавший сальто” — Разница между действительными причастиями настоящего и прошедшего времени».

Подобная подача материала позволяет направить эмоциональный потенциал тематического урока не на отвлечение от познавательного процесса, а на его акселерацию. Предполагается, что лучшее усвоение материала происходит в связке «эмоция — когниция».

Урок построен следующим образом: 1) теоретическая часть: объяснение грамматического материала с обращением к ассоциативным примерам; 2) практическая часть: задание на поиск причастий в предложениях и определение их типа, задание на вставку нужного причастия в предложения (все предложения в заданиях имеют смысловое ядро «цирк»), задание на просмотр видеофрагментов о советском и современном русском цирке и анализ увиденного по плану, текст о цирке в России для прослушивания, чтения и ответов на вопросы по содержанию.

Таким образом, в разработанном уроке реализуются следующие задачи: 1) усвоение грамматического материала; 2) отработка всех видов речевой деятельности (аудирование, чтение, письмо, говорение) благодаря работе с мультимедийными инструментами; 3) получение страноведческой информации о русском цирке и ознакомление с цирковой культурой родных стран учащихся.

Литература:

Орехова И. А., Труханова Д. С. Методические принципы организации занятий по РКИ с целью продвижения русского языка // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.; Пенза, 2020. С. 107—118.

Chevalier J. F. Content-based curriculum design for lower-level Russian language students: Theory and practice // Content-Based Teaching of Russian as a Foreign Language. London, 2025. 82—105.

Pešková M. Анализ текущих событий как составная часть университетской подготовки русистов: методические вопросы // Новая русистика. 2016. Т. 9 (2). С. 109—118.

Субиинуэр
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Русские устойчивые сравнения, характеризующие внешний вид и физические качества мужчины

Особую роль во фразеологии играют устойчивые сравнения, поскольку они представляют собой «сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в тоже время глубоко, точно, ярко, национально специфично» [Крылова, 2013: 58]. Утверждение о том, что устойчивое сравнение является лингвокультурологическим феноменом, т. е. относится как к языку и речи, так и к культурному пласту, дает возможность исследовать его как феномен, соединяющий национальные культурные стереотипы и национальный язык.

В докладе анализируется тематическая подгруппа устойчивых сравнений, репрезентирующая физические качества мужчины: физическую силу, здоровье и телосложение. Фактический материал включает, в частности, устойчивые сравнения со

значением общей телесной крепости *(здоровый как бык; здоровый как конь; здоровый как буйвол; здоровый как верблюд; здоровый как битюг)*, силы *(сильный, здоровый как медведь; сила как у медведя)*, гибкости и телосложения *(гибкий как хлыст; стройный, гибкий как юноша)*, а также внешних телесных маркеров и перцептивных характеристик *(ходить как журавль; выглядеть молодцом; выглядеть орлом; голос как иерихонская труба; голос как из бочки; глаза как у филина; глаза как у ястреба)*. Лингвокультурологический анализ показывает, что в рамках данной тематической классификации доминируют эталоны, связанные с наиболее узнаваемыми для традиционной картины мира сферами повседневности: прежде всего это зооморфные образы (крупные животные как мера здоровья/силы), а также предметные и природные эталоны (напр., хлыст как мера гибкости, дуб как символ крепости). В тематическом словаре устойчивых сравнений отмечается, что объектами сравнения часто становятся животные, растения и предметы быта — т. е. реалии, «привязанные» к жизненному опыту носителей языка и потому способные закрепляться как культурные меры признака. Актуальность исследования обусловлена потребностями практики преподавания русского языка как иностранного. Изучение устойчивых сравнений, характеризующих мужчину, позволяет иностранным учащимся декодировать культурные коды и национальные стереотипы, что необходимо для формирования коммуникативной компетенции. В результате делается вывод о том, что устойчивые сравнения подгруппы «физическая сила, здоровье и телосложение» формируют значимый фрагмент русской языковой картины маскулинности: они передают культурно важные признаки «настоящего мужчины» как крепкого, сильного, выносливого.

Литература:
Крылова М. Н. «Как рыба в воде» (Устойчивые сравнения: традиции и трансформации) // Русская речь. 2013. № 5. С. 58—64.

Сухарева Дарья Алексеевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровые средства обучения в практике преподавания РКИ

Актуальность исследования цифровизации преподавания русского языка как иностранного (РКИ) обусловлена развитием цифровой дидактики, в т. ч. в аспекте преподавания иностранных языков. В условиях цифрового общества информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) обеспечивают доступность образовательных ресурсов, индивидуализацию траекторий обучения и повышение мотивации обучающихся, трансформируя традиционные принципы дидактики в соответствии с цифровой образовательной средой [ЦП, 2020: 121]. Модель смешанного обучения, интегрирующая различные онлайн-сервисы, демонстрирует наибольшую эффективность в лингводидактике РКИ, предлагая различные вариации синхронного и асинхронного формата обучения [ЦТ, 2025: 15]. Для интеграции принципов цифровой дидактики предлагается ряд цифровых методических решений, являющих полноценные виртуальные образовательные (языковые) среды.
Виртуальные образовательные среды (ВОС), играющие центральную роль в цифровом обучении РКИ, определяются как «программно-телекоммуникационная среда, обеспечивающая ведение учебного процесса, его информационную поддержку и документирование в электронных сетях» [Азимов, Щукин, 2009: 38—39]. Ключевые элементы ВОС включают специализированные порталы РКИ, дистанционные курсы, электронные библиотеки, базы данных и средства коммуникации [ЦТ, 2025: 24]. Онлайн-

курсы представляют структурированную совокупность электронных ресурсов для формирования компетенций; симуляции (диалоговые тренажеры) создают коммуникативные ситуации для отработки речевых умений в приближенных к реальности контекстах [Овсий, 2024: 277].
Особое внимание в цифровой дидактике и при создании образовательных продуктов уделяется геймификации, влияющей на мотивацию обучающихся. Интеграция игровых элементов не только поддерживает интерес к учебному процессу, но и стимулирует развитие критического мышления, навыков командной работы и саморегуляции. Использование игровых технологий, в т. ч. в образовательных, минимизирует когнитивную перегрузку, снижает стресс и обеспечивает адаптацию к аутентичным ситуациям. Цифровые технологии позволяют решать такие методические вопросы, как отбор и презентация лексики, отработка языковых и речевых навыков, представление лингвострановедческого комментария и др.

Литература:
Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
Овсий Е. С. Симуляционные технологии при реализации коммуникативно-деятельностного подхода в обучении русскому языку как иностранному (уровень А1—А2) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 276—279.
ЦТ — Цифровые технологии в педагогической деятельности / А. А. Кузнецов, К. Е. Агафонова, К. Т. Юсупова, Е. М. Кичина, О. С. Гулегина, Л. Ш. Гамидов. М., 2025.
ЦП — Цифровая педагогика: технологии и методы / Н. В. Соловова, Д. С. Дмитриев, Н. В. Суханкина, Д. С. Дмитриева. Самара, 2020.

Фу Сяоси
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Словообразовательное гнездо с вершиной «земля»

Лексика современного русского языка демонстрирует системность через словообразовательные гнезда — группы слов, связанные общим корнем и производными отношениями. Их изучение позволяет понять и описать механизмы деривации, увидеть семантическую взаимосвязь слов. Цель доклада — анализ деривационных возможностей лексемы *земля* в функциональном аспекте на материале словарей русского языка А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой, А. Н. Тихонова, З. А. Потихи, Л. Н. Засориной и электронного ресурса Национальный корпус русского языка.
Слово *земля* имеет несколько значений: 1. Третья планета Солнечной системы. 2. Суша, противопоставленная водному пространству. 3. Верхний слой земной коры, почва. 4. В высоком стиле — страна, государство. 5. Территория с угодьями [Ожегов, Шведова, 2006: 216].
Рассмотрены способы словообразования и структурные особенности производных слов с корнем *-земл-/-зем-*. Дефинитивный метод позволил выявить их значение. Частотно-статистический анализ помог определить количественный состав подгрупп. О. С. Ахманова делит словообразование на глагольное, именное, инфиксальное, префиксальное, суффиксальное и др. [Ахманова, 1966: 413]. На основе частеречной принадлежности все производные слова с корнем *-земл-/-зем-* были разделены на четыре подгруппы: существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Количественный анализ выявил преобладание существительных и прилагательных. Из 89 ед. словообразовательного гнезда существительных — 51 ед.; прилагательных — 25; глаголов

— 10; наречий — 3. Существительные активно формируются с использованием суффиксов, охватывая различные области, включая бытовую, профессиональную, историческую и культурную сферы. Суффиксальные формы имеют один или два суффикса: *земля → землянка → земляночка*. Для образования слов используются суффиксы, передающие субъективную оценку и оттенки значения. Это суффиксы *-к-, -ищ-, -ишк-, -ищ-, -ин-, -очк-/-ечк-, -ок-*. Основным способом образования прилагательных также является суффиксация. Анализ словообразовательного гнезда с вершиной *земля* важен для изучения русского языка как иностранного. Он помогает учащимся расширить словарный запас, развить навыки языкового прогнозирования и глубже понять лингвокультурные особенности русской лексики.

Литература:
Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

Нечаева Алена Игоревна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет
Хуан Чжоюэ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Серия уроков «Санкт-Петербург по-русски» в рамках Методического клуба им. М. А. Шахматовой

Методический клуб РКИ им. М. А. Шахматовой Санкт-Петербургского государственного университета представляет собой открытую дискуссионную и практически ориентированную площадку для будущих преподавателей русского языка как иностранного и иностранных студентов, которые хотят улучшить свои знания в области русского языка и русской культуры. Цель клуба — обмен опытом, апробация новых форматов занятий и создание учебных материалов в коллективной творческой среде. В рамках осенне-зимнего семестра 2025—2026 учебного года студентами была разработана серия уроков «Санкт-Петербург по-русски». Представленная серия уроков стала продуктом работы клуба, объединившей усилия нескольких студентов бакалавриата и магистратуры. Уроки разрабатывались для иностранных обучающихся СПбГУ и других университетов Санкт-Петербурга, которые занимались в клубе очно, а также для студентов университета Зимбабве, которые занимались онлайн. Занятия проводились для уровней от А1 до В1. Обучающимися в методическом клубе были слушатели краткосрочных и подготовительных курсов, бакалавры и магистранты разных специальностей (в т. ч. не относящихся к филологии) из СПбГУ и других вузов (учащиеся из Европы, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки).
Цель уроков — улучшение навыков и умений в области грамматики, письма, аудирования, чтения и говорения, а также повышение уровня лингвострановедческих знаний о Санкт-Петербурге.
Уроки проводились по следующим темам:
А1: «Азбука Петербурга»; «Футбольный клуб “Зенит”»; «Питерская зима: что надеть в холодное время года»; «Все мое! (стихотворение «Золото и булат» А. С. Пушкина)».
А2: «Санкт-Петербург — это…»; «Метро Санкт-Петербурга: интересные факты»; «Зимний Петербург»; «Один день А. С. Пушкина».
А2+: «Путешествие по истории университета»; «Путешествуем по Петербургу на метро»; «Куда сходить в Петербурге зимой?»; «У лукоморья дуб зеленый...».

B1: «Происхождение названий аудиторий филологического факультета и скульптур во дворе»; «Петропавловская крепость vs Лахта Центр»; «Питер FM»; «Кто я: пессимист или оптимист? (по стихотворениям А. С. Пушкина)».

Работа велась в т. ч. над унификацией оформления раздаточного материала в целях дальнейшего оформления представленных уроков в пособие, которым могут пользоваться студенты-иностранцы и преподаватели РКИ.

В результате проведенных уроков, давших возможность дополнительной педагогической практики в области РКИ, были разработаны и проведены уроки по темам, не входящим в основную программу РКИ. Студенты научились анализировать свои занятия в форме дискуссий.

Практическая значимость работы клуба для иностранцев заключается не только в повышении их грамматических, лексических и страноведческих знаний, а также навыков говорения, чтения, аудирования и письма, но и в повышении интереса к изучению русского языка.

В процессе работы Методического клуба РКИ им. М. А. Шахматовой сформировалось сообщество студентов и будущих преподавателей РКИ, которые объединены общими интересами и желанием усовершенствовать навыки преподавания и углубить знания русского языка.

Перспективы развития клуба связаны с дальнейшей работой над планами к урокам по теме «Санкт-Петербург по-русски», презентациями к урокам и учебными материалами, созданием учебного пособия, которое бы объединило все разработки студентов по данной теме.

НАПРАВЛЕНИЕ «ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР»

СЕКЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ»

Балова Софья Сергеевна
студентка 4 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Из истории восприятия темы счастья в творчестве А. П. Чехова

Вопрос о том, как менялось восприятие творчества Чехова, до сих пор остается в поле зрения литературоведов. При жизни писателя за ним закрепилась репутация «пессимиста» и «художника тоски», но уже в советское время это мнение пришлось пересмотреть по идеологическим причинам. Сегодня исследователи все чаще обращаются к тому, как в разные эпохи по-разному читали одного и того же автора. Среди наиболее значимых работ последних лет — труды И. Н. Сухих, А. Д. Степанова, Л. Е. Бушканец, В. С. Зайцева. Объект нашего исследования — критические и литературоведческие работы о Чехове конца XIX — начала XXI в. Предмет — осмысление в них темы счастья и образа счастливого человека. Рассматривается, как эта тема возникала, развивалась или, наоборот, уходила на второй план в разные исторические периоды. Мы исходим из предположения, что громкая и во многом идеологически окрашенная постановка темы счастья в советском литературоведении (прежде всего в книге В. В. Ермилова) привела к тому, что позднее исследователи стали ее избегать.
Работа строится по хронологическому принципу и опирается на сравнительно-исторический метод.
Первый этап работы — исследование дореволюционной критики. Чехов воспринимался как пессимист, а его герои — как «средние люди» или «неудачники». Тема счастья в этот период практически не обсуждается.
Второй этап — обращение к советскому литературоведению. Перед литературоведами была поставлена задача превратить «певца тоски» в писателя, подходящего новой эпохе. Ключевую роль сыграла книга Ермилова «А. П. Чехов», а именно глава «Счастье — в будущем!». Чеховское счастье связывалось с борьбой, с будущим справедливым обществом и противопоставлялось «собственническому» счастью. За Чеховым закрепляется репутация обличителя буржуазного мира.
Третий этап — изучение современного чеховедения (с 1970-х гг.). Ближе к концу советской эпохи исследователи стали уходить от идеологических схем и сосредотачиваться на том, как устроен текст, как работает художественная система. Эта тенденция актуальна и в настоящее время, кроме того, ученые ищут новые пути исследований.
Итог нашего исследования — парадоксальный вывод. Масштабная постановка темы счастья в книге Ермилова не привела к ее развитию, а, напротив, оттолкнула от нее последующие поколения исследователей. Современное чеховедение оставило тему счастья на периферии, где она существует как фон, а не объект изучения. Сегодня, на наш взгляд, существует необходимость вернуться к ней, но уже без идеологических догм.

Барышникова Любовь Александровна
магистрантка 1 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Книга Б. Е. Гусмана «100 поэтов: Литературные портреты» (1923) как артефакт эпохи

Настоящий доклад обращен к мало отрефлексированным в научном дискурсе амплуа Б. Е. Гусмана и созданному им уникальному артефакту эпохи.

Гусман известен преимущественно как музыкант, композитор, музыкальный и театральный критик, однако в 1915—1925 гг. он также активно выступает как литературный критик: в 1915 г. печатает очерки в эгофутуристическом альманахе «Очарованный странник», в нижегородский период (1917—1923 гг.) работает в газете «Нижегородский листок», где выходит серия его текстов-портретов о В. В. Каменском, В. В. Маяковском, Е. Г. Гуро под рубрикой «Молодая Русь. Силуэты новой поэзии», публикуется в региональных альманахах как критик и поэт.

В 1923 г., переехав в Москву, Гусман завершает многолетний проект по формированию «портретной галереи» современников, начатый еще в 1915 г. в ховинском издании, и выпускает книгу «100 поэтов: Литературные портреты» [Гусман, 1923], в которую вошли сто очерков о поэтах первой четверти XX в. и библиографический указатель современной поэзии. Своим высказыванием Гусман встраивается в тенденцию, оформленную в 1922 г., — поэтический бум, оживление направлений и течений и, соответственно, выход большого количества авторских сборников. Именно в этот период автор впервые серьезно вступает в литературу с большой книгой, которая предлагает особую форму фиксации стремительно трансформирующейся культуры.

В центре доклада — ряд проблем, касающихся структуры и содержания книги Гусмана. Во-первых, часть очерков представлена вариантами из коллективных сборников и периодики разных лет. Как правило, новации и правки не были масштабными, но корректировали фактологию, оценки персоналий, учитывали изменения литературной ситуации (ср.: о Маяковском в 1918 г. «поэт-футурист» vs «поэт» в 1923 г.). Текстология, в свою очередь, помогает более объемно представить особенности мышления Гусмана как литературного критика.

Во-вторых, внимания требует принцип отбора имен в книге. Стремясь к всеохватности (от признанных авторов до начинающих), Гусман парадоксальным образом игнорирует целые ведущие литературные направления, в первую очередь символистов и акмеистов. Осмысляя авторский состав сборника-энциклопедии, структуру и особенности обращения к различным типологическим группам, в которые можно объединить заявленных поэтов, мы предпринимаем попытку ответить на вопрос, каким образом в кризисную эпоху автор работает с иерархиями и выстраивает собственную «портретную галерею» современности.

В-третьих, нам представляется необходимым вписать книгу в традицию литературных силуэтов-портретов писателей (см.: [Айхенвальд, 1906—1910], [Эренбург, 1922] и пр.). При вероятной близости содержательных установок — создать не критическое высказывание, а представить выбранную фигуру — формально Гусман не следует за уже созданными образцами и предлагает свою уникальную форму, в основе которой лежит монтажный принцип. Этюды в книге «100 поэтов» — живое перволичное высказывание, в котором слову поэта отведено не меньше места, чем слову критика. Это не монолог автора, а диалог автора и героя, читателя и автора, читателя и героя.

В совокупности эти наблюдения позволяют интерпретировать книгу как опыт построения альтернативного литературного канона, отражающий поиск новых критериев значимости в эпоху культурного перелома.

Литература:

Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1906—1910. Вып. 1—3.
Гусман Б. Е. 100 поэтов. Тверь, 1923.
Эренбург И. Г. Портреты русских поэтов. Берлин, 1922.

Басиева Тамара Викторовна
студентка 4 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Социальные маркеры в раннем творчестве Ф. М. Достоевского

Под социальными маркерами в описании литературного героя мы понимаем представленные в тексте указания на детали его бытовой, экономической, служебной или рабочей жизни, которые помогают читателю определить статус и положение персонажа как внутри текста, так и при соотнесении того с действительностью. В этой работе мы учитываем эксплицитно выраженные в тексте указания, т. е. то, что писатель посчитал необходимым сообщить читателю. При формировании терминологической и методологической основы исследования нами учтены работы И. Гофмана [Гофман, 2004]. Социальные маркеры в творчестве Достоевского никогда не подвергались пристальному изучению, их всегда рассматривали лишь опосредованно. Напр., так писал про социальное в текстах писателя М. М. Бахтин: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками, не как определенный облик, слагающийся из черт односмысленных и объективных, в своей совокупности отвечающих на вопрос “кто он?”. Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого. <...> Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [Бахтин, 1963: 135]. В некоторых современных статьях социальные маркеры все же исследуются как элемент художественного метода Достоевского. Напр., К. А. Баршт реконструирует «реальную» биографию Макара Девушкина с учетом социальных маркеров [Баршт, 2009]. В докладе анализируется корпус текстов, состоящий из пятнадцати произведений, написанных Достоевским в досибирский период. Мы использовали первые публикации 1840-х гг. без учета более поздних редакций ряда произведений, напр., «Двойника». Это необходимо для четкого и последовательного описания принципов работы Достоевского с социальным на раннем этапе. Мы выделили несколько типов социальных маркеров, проанализировали весь корпус текстов на предмет использования (количественно и качественно) этих маркеров, а также сопоставили отображение социального в ранних текстах Достоевского с историческими реалиями 1840-х гг., чтобы определить, насколько последовательно и точно он воспроизводит действительность. Так, напр., Достоевский уделяет внимание наличию паспорта, если герою нужно снять квартиру, а траты, упоминаемые мельком, исторически достоверны (если сравнить расходы героев с ценами на товары в XIX в., окажется, что писатель воспроизводит их очень точно). При этом, если герой богат, конкретные суммы перестают появляться в тексте, что говорит о нежелании автора писать о деньгах, если он не знает точно возможных цифр. Социальная иерархия, описанная в текстах Достоевского, соответствует реалиям первой половины XIX в., что указывает на активную работу писателя по созданию достоверной бытовой картины в своих произведениях, а для описания героев, принадлежащих к разным социальным слоям, применяются разные подходы и механизмы интеграции социального в текст. Изучается художественный метод писателя, разница в подходе к описанию героев, принадлежащих к отличающимся слоям общества.

Литература:

Баршт К. А. Чиновник 9-го класса Макар Алексеевич Девушкин. («Бедные люди» Ф. М. Достоевского. Дополнения к комментарию) // Новый филологический вестник. 2009. Вып. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chinovnik-9-go-klassa-makar-alekseevich-devushkin-bednye-lyudi-f-m-dostoevskogo-dopolneniya-k-kommentariyu (06.03.2026).
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

Блещавенко Анна Евгеньевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Спокойно ем, спокойно пью»: «Неверной» Д. В. Давыдова в контексте любовных посланий Н. М. Карамзина

В 1795—1796 гг. Н. М. Карамзин создает ряд посланий, адресованных женщинам и посвященных элегической теме любви и измены: «К неверной», «К верной», «Послание к женщинам», «Отставка». Они представляют собой преимущественно крупные по объему тексты, где любовная тема сочетается, с одной стороны, с дидактикой и патетическими монологами, с другой — с иронией, игривостью, чувственностью и остроумием. При этом любовные послания Карамзина остаются образцами салонной поэзии с присущей ей изысканностью выражений.

В. Э. Вацуро отмечал, что «корни давыдовской элегии уходили еще в доромантический период. Она создавалась не после “унылой элегии”, а параллельно с ней. <…> Поэтому источники и аналоги его элегиям обнаруживаются иногда за пределами элегического жанра» [Вацуро, 1984: 30]. То же самое происходит и с посланием Д. В. Давыдова «Неверной», впервые опубликованном в 1820 г. — через двадцать пять лет после появления текстов Карамзина. Вместо популярного во второй половине 1810-х гг. дружеского послания, поэт обращается к архаичной форме конца XVIII в. Жанр послания в целом обладает «особой динамической структурой, способной к отражению различной “материи” действительности, к синтезу разных стилей, к активному межжанровому взаимодействию» [Поплавская, 1986: 106]. Однако для понимания жанровой модели, на которую ориентируется Давыдов, принципиально важным оказывается сочетание именно любовного содержания со свободной формой.

Ориентируясь на послания Карамзина, Давыдов трансформирует исходную жанровую модель. Стихотворения Карамзина гораздо длиннее, из-за чего смена тем или интонаций оказывается не столь заметна и воспринимается менее отчетливо. Давыдову же на совсем небольшом объеме удается соединить три тематических пласта (элегический, эпиграмматический, анакреонтический). Карамзин, допуская иронию, все же остается в рамках галантно-шутливого тона. Интонация стихотворения Давыдова намеренно резка; поэт нарушает норму обращения к адресату, предполагающую строгое соблюдение приличий «между сочинителем и тем лицом, к которому он пишет…» [Остолопов, 1821: 402]. Так, если в «Отставке» Карамзина эпиграмматическое остроумие направлено на самого лирического героя, то в «Неверной» адресатом колкостей и насмешек становится героиня, которой посвящено стихотворение.

Давыдов, опираясь на поэтическую традицию XVIII в., радикально переосмысливает ее. Жанровые сдвиги мотивированы новым типом героя: это не галантный поэт, а гусар, пренебрегающий светскими нормами и свободный в выражении эмоций. Давыдов расширяет возможности карамзинской модели послания, усиливая интонационную резкость и стилистическую неоднородность.

Литература:

Вацуро В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 5—48.
Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1821.
Поплавская И. А. Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. 1986. Вып. 13. С. 104—119.

Бражникова Дарья Евгеньевна

магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Писатель-«марлинист»: оценка творчества П. П. Каменского в прижизненной критике

П. П. Каменский (1810/1812—1871) — малоизвестный писатель первой половины XIX в., редко обращавший на себя внимание исследователей (существует лишь одна статья, посвященная специально его творчеству, — это исследование Ю. Д. Левина о пьесе Каменского «Розы и маска» [Левин, 1977]; во всех остальных случаях произведения Каменского привлекаются как материал для сопоставления с работами других писателей или для полноты исторического обзора русской словесности). В научной литературе принято считать этого писателя подражателем А. А. Бестужева-Марлинского ввиду его чрезмерно усложненного, наполненного метафорами стиля, а также интереса к кавказской тематике и выведения в качестве главного героя страстной романтической личности ([Вацуро, 1964], [Петрунина, 1981], [Рейтблат, 1992]).
Целью исследования явилось сопоставить сложившееся у исследователей представление о писателе с оценкой его творчества в прижизненной критике и проверить, насколько постоянно в ней прослеживается соотнесение Каменского с литературным рядом романтиков-«марлинистов». В ходе исследования были собраны и проанализированы рецензии на произведения Каменского (роман «Искатель сильных ощущений», повести «Князь Александр Бекович-Черкасский», «Иаков Моле») в журналах и газетах 1830—1840-х гг. («Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Сын Отечества», «Северная пчела», «Литературная газета» и др.).
Результатом разысканий стало выявление следующих обстоятельств: большинство критиков из различных печатных органов видели главный недостаток сочинений Каменского в изысканной усложненности, «витиеватости» стиля; однако если в конце 1830-х гг. они объясняли этот изъян влиянием школы Марлинского, то в начале 1840-х гг. рецензенты начали уподоблять стиль писателя риторическому, возвышенному слогу дидактической прозы эпохи классицизма. Таким образом, предложенная в науке модель понимания творчества Каменского (сопоставительный ряд «Бестужев-Марлинский — Каменский») оказывается справедливой, но не учитывающей изменчивость оценки поэтики писателя среди его современников.

Литература:
Вацуро В. Э. Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814—1964. М., 1964. С. 341—363.
Левин Ю. Д. Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения. М., 1977. С. 184—194.
Петрунина Н. Н. Проза второй половины 1820—1830-х гг. // История русской литературы. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. Л., 1981. С. 501—529.
Рейтблат А. И. Каменский, Павел Павлович // Русские писатели. 1800—1917. Т. 2. М., 1992. С. 459—460.

Вышегородцева Полина Сергеевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Лови, лови покойника!»: ирония в «Сказке о мертвом теле» В. Ф. Одоевского

«Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» входит в цикл В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки» (1833). В научной литературе о сказке уделено большое внимание сатире на чиновничество, а также специфике фантастического. В нашем докладе, учитывая предшествующие изыскания, остановимся на ироническом модусе [Тюпа, 2008: 84—85] в тексте.

«Сказка о мертвом теле» может быть прочитана на фоне одного из сюжетных вариантов фантастической повести 1820-х гг. — повести о призраках и оживших мертвецах. Точнее, на фоне элементарного сюжета «нехорошее место» [Китанина, 2005: 587], ведь действие сказки происходит в «выморочной избе». Составляющие сюжета внешне совпадают, однако их функция меняется. Главным нарушением становятся равнодушная реакция Севастьяныча на явление призрака и отсутствие привычного «разъяснения» чудесного происшествия.

Абсурдность реакции героя и тональность его разговора с призраком «подготовлены» текстом. Гротескный мир уездного города явлен уже в экспозиции с помощью бюрократической формы — объявления. Оно переносит разговор о душе в сугубо формальную сферу канцелярского языка. Эта сфера привычна герою повести Севастьянычу, требующему от призрака правильно составленной просьбы. Но не только канцелярит становится объектом дискурсивной игры в тексте. Севастьяныч фантазирует о сюжетах лубочной литературы. Сказка насыщена бытовыми подробностями и причудливыми именами, топонимами. Все это переносится и в сцену явления призрака. В докладе прослеживается взаимосвязь двух планов: яви и сна. Так, рассуждения Севастьяныча о «заморских краях» переходят в сон, наделяя призрака «чином» иностранец и именем «Цвеерлей-Джон-Луи». Сон в случае «Сказки о мертвом теле» является логичным продолжением повествования и его кульминацией.

Заканчивается сказка, как часто это бывает в фантастических повестях, слухами о чудесном. Однако в сказке Одоевского есть добавление к этому сюжетному элементу: просьба мертвеца начинает «переписываться» и «украшаться». Явление чудесного вырастает в сказке из разного «сора» (быта, низовой литературы, воспоминаний Севастьяныча) благодаря иронии повествователя, открывающей неожиданные возможности смыслообразования. Смысл прихотливо выстраивается, а затем снова тает, превращаясь в предание Реженского уезда. Перед нами несоответствие «мнимой» интенции текста и тех действительных возможностей, которые он нам открывает.

В творчестве Одоевского тема смерти и жизненного итога обычно трактуется в ином свете, «Пестрые сказки» в этом отношении уникальны. В повести «Бригадир» (1833) фантастика становится «инструментом» осмысления человеческой судьбы в социальной действительности и ее противоречиях. Тем же отличаются повесть «Живой мертвец», незавершенный цикл «Записки гробовщика» и др. Все эти тексты принципиально непохожи на «Сказку о мертвом теле» как образом повествователя, так и эмоциональным тоном текста, его направленностью.

Таким образом, несмотря на ярко выраженный сатирический план, смысл текста оказывается значительнее социальной сатиры. Повествователь в сказке в первую очередь романтик — и лишь затем обличитель пороков заурядного чиновника.

Литература:

Китанина Т. А. Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники. 2005. Вып. 4 (43). С. 525—612.

Тюпа В. И. Ирония // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 84—85.

Грищенкова Ева Вячеславовна
студентка 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Неподцензурный Лермонтов в заграничной печати 1850—1860-х гг.

Цензурная история прижизненных и первых посмертных публикаций М. Ю. Лермонтова привлекала внимание комментаторов, однако российские подцензурные и заграничные бесцензурные публикации 1850—1860-х гг. до сих пор не становились предметом подробного изучения (ср.: [Эйдельман, 1966]). Между тем именно в этот период за границей и в Российской империи впервые были напечатаны важнейшие лермонтовские тексты, запрещенные или не печатавшиеся при его жизни.
На основе библиографического указателя К. Д. Александрова и Н. А. Кузьминой мы отобрали все публикации произведений Лермонтова, которые появились за границей в период с 1856 по 1862 г. [Александров, Кузьмина, 1936], — таких публикаций было не слишком много, однако именно заграничные издания стали местом публикации хрестоматийных «Смерти поэта» или поэмы «Демон». В альманахе А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Полярная звезда» впервые было полностью напечатано стихотворение «Смерть поэта» и затем перепечатано в той же редакции в «Русской потаенной литературе XIX столетия», а в газете «Колокол» состоялась публикация отрывка из «Примите дивное посланье…». За границей также были опубликованы восточные поэмы «Демон» и «Ангел смерти». Наиболее важным и популярным заграничным текстом стал именно «Демон», дважды изданный в Карлсруэ (1856, 1857) и трижды в Берлине (1856, 1857, 1858). По данным архивных документов, хранящихся в РГИА, эти заграничные издания не раз пытались ввезти в Россию, однако они запрещались цензурой, а в российских изданиях поэма «Демон» печаталась с исключениями части текста.
Карлсруйские варианты поэмы хорошо известны исследователям, о них подробно писал Б. М. Эйхенбаум в комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова [Эйхенбаум, 1935: 628—658]. Однако берлинские издания «Демона» редко рассматривались текстологами. Сравнив их между собой и с текстами, вошедшими в лейпцигские и берлинские собрания сочинений Лермонтова, мы установили, что текст берлинского издания 1856 г. наиболее близок к отрывкам из поэмы, напечатанным в «Отечественных записках» 1842 г. Кроме того, мы выявили возможные филиации между вариантами, установив связь между карлсруйским изданием 1857 г. и лейпцигским изданием 1861 г., а также между берлинским изданием 1857 г. и лейпцигской публикацией 1858 г. Если в России, по замечанию А. Н. Михайловой, «в основу последующих изданий обычно полагался текст первого и второго карлсруйских изданий, с предпочтением того или другого из них» [Михайлова, 1948: 11], то за границей, как мы можем заключить, текст «Демона» чаще всего печатался по второму берлинскому изданию с указанием в примечаниях вариантов карлсруйских публикаций.

Литература:
Александров К. Д., Кузьмина Н. А. Библиография текстов Лермонтова: Публикации, отдельные сочинения и собрания сочинений. 1824—1935. М.; Л., 1936. С. 13—349.
Михайлова А. Н. Последняя редакция «Демона» // Литературное наследство. 1948. Т. 45—46. С. 11—22.
Эйдельман Н. Э. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.
Эйхенбаум Б. М. Комментарии и варианты // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. М.; Л., 1935. С. 628—658.

Давыдова Полина Андреевна
студентка 4 курса
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

Современный взгляд на фигуру художника: диалог с традициями Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова в романе Р. Джафарова «Его последние дни»

В докладе анализируется трансформация образа творческой личности в современной русской прозе на материале романа Р. Джафарова «Его последние дни» (2022). Цель работы — определить специфику современного взгляда на фигуру художника через призму полемического диалога с классической традицией, представленной повестью Н. В. Гоголя «Портрет» и романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Новизна исследования заключается в выявлении смены парадигмы: трагический конфликт художника с миром подменяется прагматичным проектом, где пограничное состояние психики становится не роком, а запланированной частью творческого процесса.
Материалом для исследования послужила центральная сюжетная коллизия: главный герой, писатель, симулирует шизофрению, чтобы попасть в психиатрическую лечебницу и собрать фактуру для будущего романа. В ходе сравнительно-типологического анализа эта стратегия рассматривается как инверсия классических мотивов. Если в литературе XIX—XX вв. безумие постигало творца, то герой XXI в. сам конструирует его образ. Используемый автором прием «текст в тексте» и фигура ненадежного рассказчика необходимы для демонстрации того, как герой, фиксируя свои наблюдения, постепенно утрачивает способность отличать реальные события от написанных им же сцен.
Результаты исследования демонстрируют, что роман Джафарова вступает в диалог с повестью Гоголя «Портрет». Если безумие художника Чарткова трактуется Гоголем как расплата за духовное падение и профанацию таланта ради материальных благ, то герой Джафарова совершает акт профанации иного уровня — он превращает саму экзистенцию в инструмент для создания текста. В обоих произведениях утрата границы между искусством и реальностью ведет к распаду личности, однако у современного автора этот процесс лишен метафизического измерения и переведен в плоскость психопатологии и медийной игры.
При сопоставлении с романом «Мастер и Маргарита» выявлена кардинальная трансформация топоса психиатрической лечебницы. Если для булгаковского Мастера клиника («дом скорби») становится убежищем, спасающим творца от агрессивной социальной среды, то для героя Джафарова она превращается в лабиринт, где происходит окончательная утрата «Я». Нарративная стратегия ненадежного рассказчика, используемая Джафаровым, сближает текст с галлюцинаторным бредом Чарткова и субъективной реальностью Мастера, но приводит к иному финалу: текст не спасает автора и не гарантирует бессмертия, а поглощает его субъектность.
Таким образом, современная вариация образа художника демонстрирует игровое отношение к реальности: создаваемый текст начинает диктовать автору условия существования, делая невозможным возвращение к исходному «Я».

Емекеев Антон Павлович
асп.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«Преодолевший»: символистское жизнетворчество и футуристическое языкотворчество в «полной повести» Т. В. Чурилина «Конец Кикапу»

Повесть «Конец Кикапу» Т. В. Чурилина (впервые опубликованная в издательстве «Лирень» в 1918 г.) представляет парафраз одноименного стихотворения 1914 г. и в то же время мистическую автобиографию, организованную как интроспективное погружение в глубины авторского подсознания.
Для Чурилина этот текст запечатлевает важный переходный этап в творчестве («разрыв» с

символизмом и полный переход на позиции футуристов) и в личной жизни (в этот период поэт переезжает в Крым, где знакомится с будущей женой Б. И. Корвин-Каменской). Ощущая наступление «новой жизни», он чувствует необходимость вновь отрефлексировать свое прошлое и преодолеть его, выработав новый поэтический язык. Как отмечает исследовательница О. К. Крамарь, «Чурилин любил делить свою жизнь на этапы, причем каждый новый этап ассоциировался в его сознании с новым качеством жизни и новым качеством своей литературной продукции» [Крамарь, 2024: 129].
По сравнению с оригинальным стихотворением повесть «Конец Кикапу» содержит более глобальные проблемы. Теперь это не просто осмысление больничного опыта на грани жизни и смерти, а масштабная реконструкция всей биографии поэта в форме ритуально-театрального действа и попытка рассмотреть свою жизнь в перспективе мифа. Фактически перед нами неомифологический текст, который отчетливо демонстрирует неугасающий интерес Чурилина к символистской мифопоэтике. Тем не менее, вновь обращаясь к темам и мотивам своей дебютной книги стихов «Весна после смерти», Чурилин не пытается воспроизвести тот же самый материал в прозе. Его цель — ритуал «очищения» и обновления собственной поэтики, которая, подобно главному герою Кикапу, должна умереть и воскреснуть, но уже в новом футуристическом воплощении.
«Полная повесть» представляет собой текст, задуманный одновременно как окончательный переход в футуризм и как прощание с символизмом. При этом Чурилин, завершая свой условный «символистский» период, выбирает нестандартную стратегию «прощания». Вместо деструкции или пародийной перспективы он, наоборот, доводит до совершенства символистскую мифопоэтику «Весны после смерти», превращая оригинальное стихотворение в автобиографическую мистерию.
Одновременно с этим Чурилин разворачивает эксперименты с языком фонетической зауми. Пока что лишенная концептуальной мотивировки, асемантичная заумь в повести постепенно подготавливает будущее «обновление» в финале повести, где уход в абсолютную звукоречь символизирует окончательное преодоление прошлого и, в частности, прежнего поэтического языка боли, смерти, безумия. Цикл «смерти-воскресения» разорван, герои перерождаются, и их новым языком становится заумь, а именно: детский шаловливый напев «ля-ля-ля».
Таким образом, Чурилин в повести «Конец Кикапу» реализует идею о неразрывности жизнетворчества и языкотворчества (особенно важную для главного «кумира» поэта на тот момент — В. Хлебникова), но интерпретирует ее по-своему — соединяя символистское жизнетворчество с футуристическим языкотворчеством.

Литература:
Крамарь О. К. Творчество Т. В. Чурилина как литературный и культурный феномен. М., 2024.

Загоруйко Анна Эдуардовна
студентка 3 курса
Алтайский государственный университет

Аллюзии на творчество Ф. М. Достоевского в романе В. В. Ерофеева «Русская красавица»

Цель настоящего исследования — выявить и систематизировать аллюзии на произведения Ф. М. Достоевского в романе В. В. Ерофеева, определив их роль в формировании образной системы и нарративной структуры текста. Материалом исследования послужил текст романа «Русская красавица», а также диссертация Ерофеева [Ерофеев, 2023] и научные работы, посвященные поэтике Достоевского.

В образе главной героини Ирины Тараканової обнаруживается типологическое сходство с персонажами Достоевского. Подобно Раскольникову, Ирина одержима идеей «избранности»: сцена «бега в поле», где она решается на схватку с Дьяволом ради спасения России, становится аналогом преступления как проверки себя и своей миссии. В обоих случаях жертвенность мотивирована гордыней, однако если Раскольников ориентируется на фигуры мирового масштаба (Наполеон), то Ирина сужает миссию до национальных границ. Ее цель — «спасти Россию», стать «русской Жанной д'Арк». Поведение героини также сближается с Настасьей Филипповной из «Идиота»: иррациональный бунт (эпизод с апельсинами в театре), раздвоенность между подлинной глубиной и навязанным образом «блудницы» [Прохорова, 2010: 102]. Нарративная стратегия романа (форма дневника, близкая к «потоку сознания») обнаруживает сходство с поэтикой «Подростка», где хаотичность записей передает становление мысли [Ковалев, 2011: 160]. Эпизодическое появление персонажа с именем Федор Михайлович (гл. XXI) маркирует присутствие Достоевского как культурного кода в пространстве постмодернистского романа. Таким образом, Ерофеев не копирует Достоевского, но ведет с ним диалог: темы гордыни, жертвы, женской судьбы и бунта переосмысляются в контексте конца XX в., сохраняя связь с классической традицией. Интертекстуальные отсылки служат не только средством характеристики героини, но и способом рефлексии о месте русской литературы в современном культурном пространстве.

Литература:
Ерофеев В. Найти человека в человеке: Достоевский и экзистенциализм. М.; СПб., 2023.
Ковалев О. А. Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского. Барнаул, 2011.
Прохорова Т. Г. Диалог с Ф. М. Достоевским в романе Виктора Ерофеева «Русская красавица» // Ученые записки Казанского Государственного университета. 2010. Т. 152. Кн. 2. С. 110—113.

Илюхина Анастасия Сергеевна
магистрантка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Пересмешник, или Славенские Сказки» М. Д. Чулкова в литературном и идеологическом контексте 1760—1780-х гг.

Изучение политических и идеологических контекстов литературы — одно из важнейших и хорошо развитых направлений в изучении русского XVIII в., однако беллетристика, нарождающаяся повествовательная проза 1760—1780-х гг. сравнительно редко привлекала внимание в этом контексте. В докладе мы планируем обратиться к творческой деятельности М. Д. Чулкова и проследить важные, на наш взгляд, идеологические контексты, связанные с формированием протонациональной мифологии и языковыми спорами времени екатерининского царствования. В наибольшей степени эти контексты релевантны для Чулкова — составителя «Краткого мифологического лексикона» (1767), затем переработанного в «Словарь русских суеверий» (1782) и «Абевегу русских суеверий…» (1786), и издателя «Собрания разных песен» (1770, 1773—1774). Однако нам кажется важным привлечь к рассмотрению и беллетристику Чулкова, в т. ч. его сочинение «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766—1768), которое, как отмечали исследователи [Степанов, 1970: 227], тесно связано с более серьезными опытами писателя и журналиста. В центре нашего внимания будет прежде всего «Повесть о Силославе», помещенная в условную русскую древность, метакомментарии Чулкова, поясняющие те или иные (псевдо)мифологические и фольклорные отсылки, и другие паратекстуальные элементы «Пересмешника».
Реконструируя фон обращения Чулкова к славянским древностям, мы обратимся к

историческим, этнографическим и языковым сюжетам, описанным в работах Ю. В. Стенника [Стенник, 2004], В. М. Живова [Живов, 1996], Е. А. Вишленковой [Вишленкова, 2011] и покажем связь разработки национальных тем не только с нарождающимися идеями протороманической самобытности, но и с идеологическими установками империи. Обращение к прошлому Российской империи, необходимость конструирования истории как государства, так и народа, было важно для Екатерины II и интеллектуалов эпохи в т. ч. в общеевропейском контексте: Российская империя, как и другие империи настоящего и прошлого (Рим, Франция, Англия), нуждалась в собственной истории и в своем дохристианском пантеоне, соотносимом с античным. Менялось и положение русского языка в иерархии европейских языков. Живов пишет: «…рассматривая церковнославянский и русский как единые по природе, <...> Тредиаковский и Ломоносов вводят русский литературный язык в число древних и приписывают ему приличествующее “древним” языкам изобилие» [Живов, 1996: 320]. Обозначив эти контексты, мы обратимся к чулковскому «Пересмешнику», чтобы выделить в нем те элементы, с которых Чулков начинал свою работу по конструированию славянских древностей и фиксации реальных фольклорных текстов.

Литература:
Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение Российской империи, или Увидеть русского дано не каждому. М., 2011.
Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII—начала XIX века. СПб., 2004.
Степанов В. П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор XI—XVIII вв. Л., 1970. С. 226—247.

Кирочкина Полина Константиновна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. Ю. Лермонтов как продолжатель поэтической традиции Марциала

В контексте обсуждения творчества М. Ю. Лермонтова и влияния, оказанного на него другими поэтами и писателями, регулярно можно встретить имена А. С. Пушкина (в особенности в рамках произведений, написанных им в «южный» период, однако ими не ограничиваясь [Клычханов, Аманмухаммедова, 2024]), лорда Байрона и прочих представителей эпохи романтизма. Помимо этого, важную роль в поэзии романтиков и Лермонтова как одного из их представителей сыграли произведения античных авторов, чьи топосы и художественные приемы заимствовались романтиками для использования в собственных стихотворениях [Якубович, 1941]. И если о влиянии Горация, Пиндара, Сапфо и Катулла было написано множество литературоведческих работ, то роль Марциала в формировании романтической поэтики — и, в частности, поэтики Лермонтова — исследована практически не была. Это, в свою очередь, обосновывает актуальность нашей работы, в рамках которой мы изучили тематические параллели в лирике Лермонтова и Марциала.
Материалами для нашего исследования стали лирические произведения обоих авторов. В первую очередь мы рассмотрели такие стихотворения Лермонтова, как «Дума», «К Т***» и «Как часто, пестрою толпою окружен…». Кроме того, нами были проанализированы эпиграммы Марциала (Mart. 7, 76; 2, 88; 2, 42; 2, 18). Именно эти произведения поэтов являются наиболее репрезентативными в рамках нашей научной работы, так как иллюстрируют параллельные темы в творчестве Лермонтова и Марциала.

В процессе исследования нами были применены методы имманентного и сравнительного анализов. Во-первых, с целью в начале рассмотреть тематические особенности каждого текста индивидуально. Во-вторых, чтобы далее проанализировать сходства тематик в лирических произведениях Марциала и Лермонтова.
Благодаря анализу упомянутых ранее произведений мы сделали вывод, что тематическая схожесть в лирике Марциала и Лермонтова присутствует. Так, оба поэта посвятили множество произведений обществу, в котором жили. И в эпиграммах Марциала [Журавлева, 2014: 477], и в стихотворениях Лермонтова прослеживается негативное отношение к нравам окружающих их людей, в частности — к рабской покорности и душевной несвободе. Более того, благодаря проведенному анализу мы также выяснили, что ранняя лирика Лермонтова более близка поэзии Марциала из-за присутствия сниженной лексики и наличия насмешки [Черемовская, 2022: 386].

Литература:
Журавлева Н. А. Эпиграммы Марциала // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2014. Т. 4. Вып. 5. С. 477.
Клычханов Х., Аманмухаммедова О. Романтизм в творчестве Пушкина // Мировая наука. 2024. Вып. 5 (86). С. 200—203.
Черемовская Т. А. Метафора, метонимия, игра слов в эпиграммах Марциала (1.114; 1.62; 1.78; 1.101; 1.37; 1.47). Петрозаводск, 2022.
Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1941. Вып. 6. С. 92—159. URL: https://www.ruthenia.ru/document/527776.html#(*) (02.03.2026).

Ковылев Герман Дмитриевич
студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

От И. С. Тургенева к А. И. Эртелю: фаустианский сюжет в романе «Гарденины»

В романе А. И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889) столяр-сектант Иван Федотыч — автор устных вставных рассказов, среди них «О Фаустине Премудром, бесе Велиаре и Маргарите Прекрасной», где видоизменяется сюжет о Фаусте, известный прежде всего по трагедии И. В. Гете. В версии столяра Фаустин чувствует, что не смог найти человеческого счастья. Велиар предлагает Фаустину развлечения, но обещает забрать душу, когда Фаустин попросит продлить мгновение. По просьбе Фаустина Велиар совращает девицу Маргариту, и за убийство рожденного от Фаустина ребенка ее заточают в темницу. Фаустин приходит в темницу к Маргарите, видит ее безумие и просит «продлить день и час», чтобы «выпить до дна <...> горечь страдания человеческого» [Эртель, 1933: 417]. Однако Бог не дал Велиару забрать душу Фаустина: в Фаустине «воссияла» «искра Божия — любовь» [там же: 418].
Хотя рассказ Ивана Федотыча анализировался в исследованиях, нерешенным представляется вопрос, почему «Фауст» является единственным художественно-литературным источником среди других рассказов Ивана Федотыча — главным образом притч. Как кажется, вероятным посредником между Гете и Эртелем оказывается повесть И. С. Тургенева «Фауст» (1856), где чтение трагедии ломает жизнь Веры Ельцовой: «Она отождествляет себя с Гретхен (Маргаритой), вновь влюбляется в чтеца-искусителя, назначает ему ночное свидание в саду, и, подарив ему всего один поцелуй, умирает от тяжести содеянного со словами Гете на устах» [Сухих, 2016: 389].
Схожую сюжетную функцию имеет и рассказ о Фаустине. Импульсом для рассказа является осуждение неравного брака Ивана Федотыча с Татьяной, которая была у него на

воспитании. Рассказ о Фаустине может быть увиден как размышление Ивана Федотыча о первоначальной греховности этого брака и необходимости Божьей любви. Однако слушатели рассказа — Николай Рахманный и Татьяна — воспринимают его иначе и, взволнованные, соотносят себя с Фаустином и Маргаритой. По уходе столяра Татьяна отдается Николаю, к которому у нее назревали чувства, и, как и Вера Ельцова, впервые в жизни обретает субъектность; в результате у Татьяны родится ребенок. Столкновение с фаустианским сюжетом у обоих авторов заставляет персонажей нарушить супружескую верность.

Однако в произведениях создаются разные концепции любви. По В. М. Марковичу, в «Фаусте» «жажда абсолютного слияния “я” и “ты” наталкивается на сопротивление нравственного сознания любящих и обнаруживает безразличие к добру и злу» [Маркович, 2018: 480] — сталкиваются два «равнозаконных» побуждения, что и губит Веру Ельцову, а главного героя ведет к идее «отречения». В «Гарденинespecially» Иван Федотыч отказывается от убийства Татьяны, примиряется с Рахманным и уходит странствовать, чтобы Николай и Татьяна жили вместе, действиями утверждая индивидуальную концепцию «искры Божьей — любви».

Литература:

Маркович В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов: Предварительные замечания // Маркович В. М. О Тургеневе. Работы разных лет. СПб., 2018. С. 469—486.

Сухих И. Н. Иван Тургенев: вечные образы и русские типы // Сухих И. Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. М., 2016. С. 373—395.

Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. Т. 1. М.; Л., 1933.

Крутова Екатерина Андреевна
магистрантка 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сопоставительный анализ мотива отцеубийства в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и в романе А. Белого «Петербург»

Цель исследования — рассмотреть на материале романов «Братья Карамазовы» и «Петербург», как мотив отцеубийства и религиозно-философские идеи Ф. М. Достоевского перерабатываются в творчестве А. Белого. В работе используются следующие методы: сравнительно-аналитический, семантический и культурологический. Новизна исследования заключается в том, что впервые в рамках одной работы сопоставляется мотив отцеубийства в данных произведениях Достоевского и Белого. Теоретическая база: К. В. Мочульский, Л. К. Долгополов, Т. А. Касаткина, М. М. Бахтин.

В конце XIX — начале XX вв. творчество Достоевского имело серьезное влияние на развитие литературной и философской мысли. Полифоническая форма романов, открытые сознания героев в литературе XX в. выразились в расщеплении личности, игре подсознательного и многоголосье.

Белый был одной из наиболее значительных фигур в литературном процессе XX в. Его постоянное стремление к вечносущему сопровождалось обращением к опыту предшествующих эпох, в т. ч. к творчеству Достоевского. Своеобразный творческий диалог можно наблюдать при сопоставлении значимых романов — «Братья Карамазовы» и «Петербург». Сюжетным центром обоих произведений является отцеубийство, символизирующее уничтожение прежнего мира и создание бытия во главе с Человекобогом. Разложение отношений отцов и детей, внутренний и внешний хаос, идейное убийство, покаяние и очищение — все это становится связующим двух романов.

Мотив отцеубийства же выступает как сложная структура, включающая семантические варианты.

И в романе «Петербург», и в романе «Братья Карамазовы» семейный конфликт — это символ разлагающихся взаимоотношений в обществе, трагедия, в основе которой — отцеубийство. В разъединенных семьях Аблеуховых и Карамазовых особая связь с родителем болезненно переживается героями, поэтому убийство отца в помыслах совершается раньше физического преступления и является своеобразным бунтом против родства. Отцеубийство становится реальным и во внутреннем пространстве героев, и во внешнем, однако в романах идейный убийца (внутреннее пространство) и физический (внешнее пространство) — разные лица.

В обоих произведениях мотив отцеубийства также связан с проблемой России и Запада. В романе Достоевского проблема России и Запада является в виде оппозиции «самовластного индивидуализма» и «народной правды», а три брата становятся тремя ликами-символами. В «Петербурге» же проблема России и Запада представлена следующим образом: Россия на рубеже веков стоит на перепутье, и ее будущее — это не синтез Востока и Запада, а возвращение к национальным истокам, к той же «народной идее».

У Достоевского и Белого отцеубийство — это ритуальное убийство, ставшее действием, выполнение которого меняет природу человека и мира вокруг. В романе «Братья Карамазовы» идея Ивана о вседозволенности ведет к созданию мира без Бога, а совершенное преступление на земле можно трактовать как богоборчество. В романе же Белого Аполлон Аполлонович Аблеухов является частью старого дореволюционного мира, подлежащего уничтожению. Убийство отца, которое, не подумав, предложил совершить Николай Аполлонович, — это разрушение прежних основ, доказательство привязанности к новой идеологии.

Итак, проведя анализ двух произведений, можно сделать следующий вывод: Белый развивал идеи и мотивы Достоевского, перерабатывая их в соответствии с особенностями изменившегося мировосприятия в XX в.

Малиновский Ярослав Сергеевич
студент 4 курса
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Дуализм религиозного сознания на примере Мышкина и Жюстины в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастья Добродетели»

Актуализация проблематики осуществлена на материале анализа случаев обращения русского писателя к французскому автору в своих художественных (от «Униженных и оскорбленных» (1861) до «Братьев Карамазовых» (1881)) и публицистических текстах (от «Ответа “Русскому вестнику”» (1861) до записи в «Дневнике писателя» (1881)). Русская литературная традиция знала де Сада от современников А. С. Пушкина до В. В. Ерофеева, В. Климова и т. д. В ходе анализа были обнаружены явные схожие ситуации «необходимости Другого», разночтения «Я» в отношениях, выстраиваемых с «Другим», взаимовлияния и взаимообусловленности психологических механизмов и стремлений, основанные на изначальной связи с «садистическими» образами.

Материал конкретного компаративного исследования составили роман «Идиот» и роман «Жюстина, или Несчастья Добродетели». С применением культурно-исторического и психоаналитического подходов выявлены общность авторской идеи и проблематики, проведен типологический анализ образов главных героев — Льва Мышкина и Жюстины. Специфика взаимоотношений персонажей романов выстраивается через отнесение их к сферам «религиозного» и/или «садистического», которые в диалогической замкнутости с другими персонажами приводят к взаимообогащению и в то же время к указанию

неразрывности обозначенных категорий.
Финалы произведений интерпретируются через отнесение текстов романов к категории «воспринимаемого читателем», искусства, что лейтмотивом подчеркивается в обоих романах через включения элементов театральности, двоичности. Сама же судьба, итог пути и самореализации главных героев как у Достоевского, так и у де Сада, считывается как своеобразный «текст» для садистических героев (Рогожин и Жюльетта), что становится отправной точкой к изменению их положения в художественной действительности. Все это в совокупности позволяет авторам предоставить читателю возможность «прочитать» идею текста произведения в меру собственного мировоззрения.

Матвиенко Анастасия Игоревна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Датировка событий романа О. Д. Форш «Ворон» (материалы к комментарию)

Доклад является частью работы по творческой истории и комментированию малоизвестного и малоизученного романа О. Д. Форш (1873—1961) «Ворон» (1934), посвященного диалектическим взаимоотношениям поколений модернистов 1900—1910-х гг. и советской молодежи рубежа 1920—1930-х гг. На сегодняшний день удалось выяснить творческую историю романа; комментирование является следующим этапом работы. Задача эта непроста — в силу большого разнообразия реального, историко-литературного, философского, религиозного, интертекстуального материала, отраженного в «Вороне». Одна из первостепенных проблем при подходе к комментарию заключается в уточнении времени разворачивающихся в романе событий. Композиция «Ворона» построена на взаимодействии двух сюжетов: «модернистского» и «советского». Во всем тексте нет почти никаких прямых временных указаний, однако и важнейшие эпизоды, и мимолетные детали обоих сюжетов отсылают к реальным, вполне конкретным событиям: спорах об имяславии 1909—1913 гг., студенческой чистке 1929 г., закрытию Данилова монастыря в 1929 г., приходу А. Р. Минцловой на «башню» Вяч. Иванова и смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в 1907 г., перезахоронению Н. В. Гоголя в 1931 г. и т. д. При этом уверенная и однозначная датировка событий романа не всегда возможна, как, напр., в случае с «башней» или с временем действия первой главы «Ворона».
С одной стороны, Форш намеренно вводит в текст анахронизмы, «сплетает» разные годы и события воедино, стремясь представить перед читателем «экстракт» обеих эпох. Эта особенность поэтики романа наиболее отчетливо проявляется в «символистской» сюжетной линии. С другой стороны, ряд временных указаний, а также реальных и историко-литературных деталей свидетельствует о внешней обусловленности хронотопа, а именно — о влиянии на него длительного, многолетнего процесса работы над романом, сопровождавшегося различными поездками писательницы, биографическими перипетиями и параллельной работой над другими произведениями. Здесь — по понятным причинам — наиболее репрезентативной становится уже «советская» сюжетная линия. В таком случае генезис хронотопа «Ворона» приобретает двойственный характер.
Датировка событий «Ворона» не только дает возможность конкретизировать историко-культурные черты изображенных в нем двух эпох, обеспечить лучшее понимание текста широким читателем, но и в значительной степени облегчает дальнейшую комментаторскую работу, становясь ориентиром при поиске прототипов, цитат, уточнении реалий обеих эпох.

Мовчан Людмила Андреевна
студентка 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Трансформация сервантесовского мотива «стеклянности» в романе В. В. Набокова «Приглашение на казнь»

Фигура М. де Сервантеса всегда интересовала В. В. Набокова и как исследователя (лекции о «Дон Кихоте», прочитанные в Гарвардском университете), и как писателя. Исследователи неоднократно отмечали влияние «Дон Кихота» на его творчество, в частности на романы «Отчаяние», «Пнин» и «Подвиг» [Гусейнова, 2012; Калашникова, 2025]. Однако влияние «Назидательных новелл» на произведения Набокова до сих пор не было рассмотрено. В настоящей работе проанализирована связь новеллы Сервантеса «Лиценциат Видриера» с романом «Приглашение на казнь», обнаруживаемая в образах главных героев и системе мотивов.

Центральным мотивом становится (не)прозрачность. Цинциннат Ц. обвинен в «гносеологической гнусности», которая описывается через понятия непроницаемость и непрозрачность [Набоков, 2002: 87]. Он противопоставлен миру «прозрачных друг для дружки душ» [там же: 55], где прозрачность маркирует пошлость и искусственность. Лиценциат Видриера (от исп. *vidriera* ‘стеклянный’), напротив, воображает себя сделанным из стекла [Сервантес, 1961: 231]. Его безумие оборачивается небывалой остротой ума: «В стекле... душа работает гораздо быстрее и лучше» [Сервантес, 1961: 232]. Таким образом, метафора материала у Сервантеса выражает уязвимость и одновременно мудрость, а у Набокова непрозрачность становится синонимом подлинности и сопротивления.

С (не)прозрачностью связан мотив маргинальности. Оба героя — изгои. Видриера — городской сумасшедший, чье положение позволяет ему безнаказанно критиковать общество. Цинциннат — приговоренный к смерти преступник, чья «непрозрачность» не вписывается в рамки искусственного тоталитарного мира. Их безумие (мнимое у Сервантеса, метафорическое у Набокова) — это и клеймо, и форма свободы.

Третий общий мотив — театральность. Сервантес изображает безумие Видриеры как публичный аттракцион, где горожане выступают режиссерами и зрителями. У Набокова театральность приобретает тотальный характер: вся реальность романа — бутафорская декорация, а казнь — кульминационный спектакль. Единственным, кто осознает эту иллюзию и выпадает из нее, остается Цинциннат.

Различия проявляются в финалах. Видриера исцеляется и, сохранив иронический взгляд, интегрируется в общество. Цинциннат же обретает свободу только через разрушение самой иллюзорной реальности: декорации ветшают и рушатся, а герой уходит к существам, «подобным ему» [Набоков, 2002: 187].

Таким образом, Набоков радикально трансформирует сервантесовский мотив. Писатель переводит ренессансную/барочную метафору «мир-театр» в экзистенциальную плоскость: для модерниста единственный выход из кошмарной симуляции — метафизическое уничтожение вместе с ней.

Литература:

Гусейнова Э. Р. Владимир Набоков, автор «Дон Кихота» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. С. 68—73.

Калашникова А. И. Вечный сюжет о Дон Кихоте в романе В. В. Набокова «Подвиг» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2025. Вып. 1. С. 147—157.

Набоков В. В. Приглашение на казнь // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода. Т. 4. СПб., 2002. С. 44—187.

Сервантес М. Лиценциат Видриера // Сервантес М. Собрание сочинений. Т. 3: Назидательные новеллы. М., 1961. С. 223—253.

Савина Яна Олеговна
магистрантка 2 курса
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Между «Гением» и «Русским»: образ Петра в очерке М. П. Погодина «Петр Великий»

Начиная с XVIII в. образ Петра I является одним из ключевых в русской культуре, получая воплощение, в частности, в панегирической литературе и искусстве. В XIX в. интерес к личности Петра приобрел новые черты. Романтическая традиция обусловила внимание к истории, национальной самобытности и выдвинула на первый план образ исключительной личности. В эпоху романтизма (В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, К. Ф. Рылеев и др.) преобладал взгляд на Петра как на Гения, определившего судьбу России. При этом формируется, напр., в творчестве А. С. Пушкина, более сложный подход, повлиявший на позднейших авторов. Материалом настоящего исследования является малоизученный очерк М. П. Погодина «Петр Великий», ставший одним из программных текстов журнала «Москвитянин» в первый год его издания (1841), в котором соединяются элементы панегирика и романтического пафоса, а также оригинальность авторского замысла в контексте литературного процесса 40-х гг. XIX в. Метод концептуального анализа способствует определению двух доминант, находящихся в структуре образа в диалектическом соотношении. Прежде всего представляется значимым концепт «Гений», соответствующий эстетике романтизма в образном видении автора. Гениальность Петра утверждается за счет использования взаимосвязанных приемов гиперболизации и мифологизации. Первый прослеживается в описании внешних («исполинский рост») и внутренних («он видел все») характеристик императора, а также в оценке его преобразовательской деятельности, которая «охватывает пол-экватора и четверть меридиана» [Погодин, 1841: 22]. Финальная цитата из похвального слова Ломоносова углубляет мысль Погодина и представляет Петра вездесущим посланником Бога. Из этого вытекает прием мифологизации, что констатирует символическая деталь «волшебный жезл» и мифологизированный жест «он оборачивается, и силы прибывает, и время увеличивается» [там же: 7]. Интересно, что патетически восторженный нарратив постепенно снижается после введения критического элемента рассуждения. Главным антитезисом становится идея о парадоксальности образа Петра, выраженная в вопросе о цене преобразований — «поражении Русской национальности». Возникает напряжение между гением Петра и народной волей, формально соответствующее романтической антитезе «Гений vs толпа». Однако данный риторический прием служит лишь поворотным моментом в усилении комплекса аргументов. Как следствие возникает второй концепт «Русский», подчеркивающий связь Петра с национальной почвой, с историческими предшественниками (напр., Иваном IV и Борисом Годуновым) и с народом как опорой его преобразований. Психологический портрет Петра также состоит, по мнению Погодина, из «Русских добродетелей, страстей и недостатков» [там же: 19]. Кроме того, автор переосмысляет в рамках концепта «Русский» концепт «Гений». Суть преобразований состоит не в единоличной прихоти гениального самодержца, а в естественном ходе вещей и присутствии «десницы Миродержавной» [там же: 23], что коррелирует с религиозно-провиденциальным историософским обоснованием. В этой точке вся доказательная база становится более историчной и менее условной, одновременно выводя образ Петра за границы сугубо романтического ореола и синтезируя концепт «Гений» и концепт «Русский». Так рождается оригинальный образ Петра Великого — Русского Гения.

Литература:
Погодин М. П. Петр Великий // Москвитянин. 1841. Вып. 1. С. 3—29.

Свирина Мария Кирилловна
студентка 3 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Принципы композиционной работы Ф. К. Сологуба в черновой редакции романа «Мелкий бес»: от эпизода к главе

Работа Ф. К. Сологуба над романом «Мелкий бес» велась с 1892 по 1902 г. и была продолжена в период первой публикации в «Вопросах жизни» (№ 6—11) за 1905 г., прерванной из-за закрытия журнала. Анализ чернового автографа ранней редакции романа позволяет реконструировать логику композиционной правки, впоследствии реализованной в журнальной публикации.

Черновой автограф ранней редакции романа состоит из 34 тонких тетрадей в линейку, обложки многих тетрадей с номерами глав не сохранились. Текст черновика насыщен авторской правкой, представленной многочисленными зачеркиваниями и вставками на полях [ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96]. Последовательное деление на главы выдержано не на всем протяжении рукописи: на отдельных отрезках оно может пропадать и затем возобновляться. Кроме того, судя по цвету чернил, нумерация глав нередко вносилась на полях уже после написания соответствующих эпизодов, т. е. была вторичной по отношению к самому тексту (окончание сцены драки Валерии и Людмилы из-за Саши Пыльникова сопровождается пометой «конец XX главы»).

Сологуб работал не линейно, а использовал принцип «монтажной склейки» эпизодов, благодаря чему границы глав оказывались подвижными. Каждый эпизод создавался как автономная единица, отделенная пропуском строки в тетради, что позволяло автору свободно перегруппировывать фрагменты.

Наиболее яркий пример работы над текстом по принципу монтажа эпизодов — включение сюжетной линии Людмилы и Саши Пыльникова в уже сформированные первые двадцать глав. Отсутствие этой линии на раннем этапе соотносится с интерпретацией М. М. Павловой предварительных вариантов названия текста «Женитьба Пугаева» и «Облава» как способа актуализации бытового комедийного сюжета: изначально действие было сфокусировано исключительно на Передонове и его предполагаемом браке [Павлова, 2004: 747].

Сопоставление чернового автографа с журнальной публикацией демонстрирует, что в некоторых случаях несоответствие между границами глав вызвано исключением из текста романа целого ряда эпизодов [ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96; Сологуб, 1905]. В связи с этим происходило перемещение значимых для движения сюжета фрагментов в конец главы, что позволяло сделать на них акцент (после изъятия сцены порки Варвары и описания пути Передонова в бильярдную согласие Грушиной написать поддельное письмо становится смысловой доминантой III главы). Кроме того, перегруппировка эпизодов обусловлена общей тенденцией к символизации в романе (перемещение сцены пачканья ворот Вершиной дегтем в журнальной редакции из IX главы в XII помогает на бытовом уровне подчеркнуть первое появление недотыкомки как воплощения деструктивного начала).

Результаты исследования позволяют сделать следующий вывод: композиционная работа Сологуба в черновике «Мелкого беса» строилась по принципу «монтажной склейки» самостоятельных эпизодов. Этот принцип позволял свободно перегруппировывать фрагменты текста, что обеспечивало подвижность границ глав и создавало основу для трансформации замысла от бытового сюжета к символистскому роману.

Литература:

Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. К. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 643—757.

Сологуб Ф. Мелкий бес. Роман. Черновая редакция. 1892—1902 // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1—575.
Сологуб Ф. Мелкий бес // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 106—151; № 7. С. 52—83; № 8. С. 43—84; № 9. 61—125; № 10—11. С. 84—144.

Стародумова Ярославна Викторовна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Акафист Пресвятой Богородице: к вопросу о панегирических сочинениях К. Истомина

В 1695 г. Карион Истомин поднес царице Прасковье Федоровне благодарственный Канон с Акафистом «сиесть несѣдальное пѣние пресвятѣй и пречистѣй Дѣвѣ Марии древлнее, со иконами явление дѣйства, Богочеловѣка Господа нашего Иисуса Христа…». Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ. ОСРК. F.I.142), происходит из собрания П. П. Дубровского; описание рукописи было выполнено Е. В. Крушельницкой [Крушельницкая, 2005: 357—358]. Уже из названия следует, что это иллюминованная рукопись: Акафист Богородице проиллюстрирован рядом миниатюр и художественных инициалов.
Композиционно книга делится на три части: 1) прозаическое поучение-приветствие, обращенное к царице Прасковье Федоровне, царю Иоанну Алексеевичу и их дочерям (л. 2 об. — л. 20 об.); 2) стихотворный (силлабический) панегирик, обращенный к Прасковье Федоровне с акростихом, в котором читается имя автора — Кариона Истомина (л. 21—21 об.); 3) литургический текст — Канон с Акафистом после 6-й Песни (л. 23—65). Выполненные в иконописной манере миниатюры располагаются в рукописи начиная с л. 22 об., тем самым выступая в качестве визуального сопровождения тексту Акафиста; рядом с каждой миниатюрой находятся стихотворные подписи Кариона.
Несмотря на художественное своеобразие содержания рукописи, в трудах литературоведов встречаем лишь упоминания Акафиста Богородице в числе поднесенных членам царской семьи сочинений [Браиловский, 1902: 71; Сазонова, 2006: 78]. К рукописи обращались искусствоведы, как следует из листа использования рукописи (О. Р. Хромов, М. А. Алексеева), которых, вероятно, интересовало ее художественное оформление: миниатюры (всего в рукописи 25 рисунков), заставки и фигурные инициалы, прообразом для которых, вероятно, стали инициалы лицевого «Букваря» Кариона, поднесенного в 1693 г. Наталье Кирилловне Нарышкиной по случаю двухлетия царевича Алексея; также парадный экземпляр «Букваря» был поднесен Прасковье Федоровне. Однако упоминаний рукописи в работах искусствоведов почти нет. Таким образом, рукопись практически не была введена в научный оборот.
Основное внимание в докладе уделено анализу оригинальных текстов Кариона: прозаическому поучению, стихотворному панегирику Прасковье Федоровне и виршам к иконам.
Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что преподнесенная в виде книги похвала Прасковье Федоровне в составе благодарственного Канона с Акростихом Пресвятой Богородице может быть рассмотрена в контексте панегирической поэзии конца XVII — начала XVIII в., она является ярчайшим образцом книжной культуры барокко с его синтезом разных видов искусства: прозы и стиха, текста и миниатюры, слова и изображения, и подобное стремление к универсальности и ансамблевости в творчестве Кариона является характерной чертой не только произведений поэта, но и всей барочной литературы. Эта книга уникальна с точки зрения жанрового разнообразия: она включает в себя предисловия дидактического характера, стихотворного панегирика, литургического

произведения; хотя все тексты объединены одной темой — темой похвалы, славословия, что в более позднее время отразится уже в одической поэзии.

Литература:
Акафист Богородице // РНБ, ОСРК, F.I.142.
Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902.
Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006.
Крушельницкая Е. В. Русские рукописи из коллекции П. П. Дубровского // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 356—359.

Томчик Нора
магистрантка 2 курса
Католический университет Петера Пазманя (Будапешт, Венгрия)

Текст и герой: автокоммуникация и интертекстуальность в образе Ивана Карамазова

Герой романа Достоевского — это не просто персонаж, созданный писателем, но и совокупность уже написанных текстов, многочисленных культурных знаков, т. е. точка сгущения и генератор культурных кодов и литературных процессов [Лотман, 1992: 148—160]. В то же время герои Достоевского часто выступают в романе как авторы своих текстов. Создание текста как своеобразный поступок героя в романе Достоевского становится средством самопонимания и интерпретации мира — герой интерпретирует себя через созданные им тексты, а также подвергает анализу окружающий его мир. Создание текста может принимать различные формы: написание писем (Настасья Филипповна), статей (Раскольников), исповеди (Ставрогин, Ипполит), литературных текстов (Иван Карамазов), но туда могут быть отнесены и внутренняя речь или сны героев. В то же время тексты часто актуализируются в романе с помощью перформативного диалога: герой рассказывает или зачитывает свой текст кому-то другому. Произнесение текста является своего рода «продолжением» создания — автор текста во время чтения или последующего диалога осознает свои настоящие намерения и переосмысливает, т. е. преобразует себя. В данной работе саморефлексивная деятельность Ивана Карамазова исследуется на примере главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Условный диалог с чертом — наряду с поэмой «Великий Инквизитор» — является философско-метафизической и психологической кульминацией романа. В ней кризис, вызванный противостоянием рационализма «эвклидова ума» и совести, достигает своей конечной стадии и перерастает в безумие. Методологической базой для анализа служит модель автокоммуникации Ю. М. Лотмана. В процессе коммуникации по системе «Я—Я», в отличие от традиционной модели «Я—Он», происходит не просто передача информации, а ее качественная переинтерпретация и перекодирование [там же: 76—89]. Черт является искаженным, пародийным воплощением этих текстов и идей, выраженных Иваном.
В центре нашего исследования находится в первую очередь проблема этой семиотической смены кода — семиотического перекодирования не только в словах: особое внимание уделяется семиотике тела (вынужденный смех, хождение взад-вперед и т. д.). Эти соматические признаки фиксируют распад как субъекта, так и его автокоммуникации. В связи с этим важным аспектом является вопрос интертекстуальности, в частности влияние таких произведений Гоголя, как «Нос» и «Ревизор». Черт несет в себе черты «мелкого беса» Гоголя, превращая трагедию Ивана в пародию и гротеск [Бахтин, 2024].

Литература:
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб., 2024.
Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С.

148—160.
Лотман Ю. М. О двух моделях автокоммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 76—89.

Умрихина Мария Ивановна
студентка 4 курса
Дальневосточный федеральный университет

Реальность — иллюзорность в мифотворчестве Л. Белоиван (на основе сборника «Южнорусское Овчарово»)

Современная русская литература активно осваивает новые формы выражения, включая элементы магического реализма, и особое место в этом процессе занимает творчество Л. Белоиван, приморской писательницы, чьи тексты отличаются самобытным стилем, органично сочетающим реальное и иллюзорное.
Наша работа посвящена анализу процесса мифотворчества в цикле рассказов Белоиван «Южнорусское Овчарово», где автор конструирует уникальное художественное пространство, исследуя диалектическое единство реального и иллюзорного. Основным материалом исследования стал сам текст сборника, а также исследования других авторов (О. Ю. Багдасарян, Д. В. Плотниковой, А. С. Черепановой и А. В. Шаколо).
Метод исследования: анализ художественного текста.
Сборник «Южнорусское Овчарово» представляет собой яркий пример магического реализма в современной русской прозе. Белоиван сплетает воедино узнаваемые детали повседневности (город Владивосток, бытовые проблемы героев, сельские пейзажи, судебные процессы) с элементами иррационального и фантастического. Эта двойственность проявляется в различных текстовых аспектах, которые мы можем представить с помощью алгоритма:
1) какой дополнительный смысл придает образу деревни название («Южнорусское» — южные регионы России, Малороссия, гоголевщина (?); «Овчарово» — овцы, овчарка, жители деревни — овцы (?));
2) способы обозначения границ пространства (деревня изолирована — «сказочная», чтобы туда добраться, нужно пройти «испытание» («Эта объездная дорога способна вывести путника в центр Южнорусского Овчарова, но, говорят, еще ни одному новичку не удавалось достичь цели таким способом: все, кто пробовал, сгинули в пути» [Белоиван, 2023]));
3) история появления пространства (истории заселения в самом сборнике не приводится, но мы можем опереться на прототип Южнорусского Овчарова — поселок Тавричанку, основанную на угольных месторождениях в 1861 г. Позже, в 1890-х гг., поселок начал заселяться, как и многие населенные пункты тогда, бывшими жителями Украины. Название сборника (Овчарово) отсылает к реально существующим деревням в Украине и Болгарии);
4) пространственные ориентиры (стела на 5 километров до въезда в деревню; магазин «Антония»; плакат о спасении тюленей);
5) противоречия в образе деревни (реальное: Владивосток, Почта России, Сбербанк, судебные процессы; ирреальное: сгущенная тьма, дающая электричество, пять субмарин, существующих лишь в чертежах, но вынесенные цунами на берег, благодарные мертвецы, питающиеся свекольным соком, русалки, которых приводят в центр спасения тюленей);
6) способы восприятия пространства персонажами из разных «миров» (внешний (авторский) и внутренний (с точки зрения персонажа));
7) языковые средства создания реального и ирреального (гиперболизация («замок весом килограммов в двенадцать»), языковая игра (ресемантизация устойчивых выражений)).
Исследовательский интерес к творчеству Белоиван, в частности к «Южнорусскому

Овчарово», обусловлен уникальной возможностью наблюдать за процессом рождения нового мифа — конструирование целого автономного художественного мира, обладающего своей внутренней логикой и законами. В ходе работы мы разработали алгоритм анализа пространства и выявили особенности построения пространства у Л. Белоиван, а именно: она конструирует уникальное окружение, сочетающее диалектическое единство реального и иллюзорного.

Литература:
Белоиван Л. Южнорусское Овчарово. М., 2023.

Фэн Иань
студент 3 курса
Хэнаньский университет (Китай)

Коллективный «зритель» как структурный механизм социальной критики в повестях Н. В. Гоголя «Нос» и Лу Синя «Подлинная история А-Кью»

В докладе рассматривается функция «зрителя» как коллективного персонажа в повести Н. В. Гоголя «Нос» и в повести Лу Синя «Подлинная история А-Кью». Цель исследования — показать, что данные персонажи выходят за рамки вспомогательной роли и становятся структурообразующим элементом авторской критики общества. Новизна работы заключается в сравнительном рассмотрении поведенческих стратегий «зрителей» в разных культурно-исторических контекстах с привлечением понятий «овеществления» Г. Лукача [Lukács, 1974] и «взгляда» Ж. Лакана [Lacan, 1998].
Материалом исследования служат эпизоды, в которых реакция толпы определяет развитие действия: обнаружение носа цирюльником, отказ редактора в публикации объявления, «поимка» носа полицией; сцены публичного унижения А-Кью и его казни. Применяется сравнительно-типологический метод.
В «Носе» коллектив включается в абсурдную ситуацию через логику процедуры. Найдя нос в хлебе, цирюльник стремится избавиться от него, опасаясь обвинения. Редактор газеты отказывает Ковалеву, мотивируя решение заботой о «приличии» и репутации издания, тем самым исключая частную трагедию из публичного пространства. Полицейский же возвращает нос владельцу как «чиновника», действуя в рамках формального порядка. Сам нос, разъезжающий в мундире и заявляющий «Я сам по себе» [Гоголь, 1938], демонстрирует отчуждение личности в системе чинов. Коллективное поведение упорядочивает фантастическое событие, превращая его в административный факт.
В «Подлинной истории А-Кью» коллектив действует через механизм зрелищности. Когда А-Кью пристает к монахине, публика громко смеется, и герой, ощущая поддержку, усиливает грубость. В сценах избиения он прибегает к духовной победе, убеждая себя в символическом превосходстве, что соотносится с лакановским пониманием субъекта, формируемого взглядом другого. В финале, наблюдая казнь, жители выражают разочарование тем, что не стоило ничего ожидать: «Его так долго возили по улицам, а он не спел ни одной песни! Зря за ним ходили, только время потеряли…» [Лу Синь, 2025: 124], — отсюда человеческая гибель оценивается по степени зрелищного эффекта.
Сопоставление показывает общность механизма: в обоих произведениях «зрители» поддерживают социальный порядок, основанный на подмене сущности формой — чином или «лицом». Однако различается направленность критики. У Гоголя коллектив становится соучастником рационализированной системы, где абсурд легитимируется процедурой; у Лу Синя зрители воплощают зависимость субъекта от общественного одобрения, превращая страдание в объект потребления. Тем самым «зритель» предстает как носитель повседневного зла, реализуемого через социально санкционированные формы

коллективного поведения.

Литература:
Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. Повести. М.; Л., 1938.
Лу Синь. Подлинная история А-Кью / Пер. с кит. А. П. Рогачева, В. Н. Рогова. М., 2025.
Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. New York, 1998.
Lukács G. History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics // Philosophical Review. 1974. 83 (3). 419—424.

Чуканова Юлия Вячеславовна
студентка 4 курса
Воронежский государственный университет

Жанр святочного рассказа в творчестве А. И. Куприна

Святочный рассказ — одно из наиболее интересных и уникальных явлений русской литературы. Особое место он занимает в творчестве А. И. Куприна.

Исследователи традиционно рассматривают святочные тексты писателя в контексте существующей святочной традиции — произведений Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, Ч. Диккенса, Г. Х. Андерсена.

В своих рассказах Куприн во многом следовал принципам, перечисленным во вступительной части «Жемчужного ожерелья» Лескова.

Действие святочных рассказов Куприна происходит в канун Рождества, и писатель часто акцентирует на этом внимание. Он описывает более привычный и понятный ему мир городских святок, не противопоставляя их деревенским (как это делает, напр., Л. Н. Толстой). Однако упоминание Рождества далеко не всегда является предзнаменованием счастливого конца (как, напр., в «Чудесном докторе», «Тапере» или в сказке «Жизнь»).

Куприн чаще всего перечисляет все атрибуты Рождества, однако редко обращается к описанию обрядов. Исключение составляет рассказ «Бедный принц», в котором писатель рисует картину святочных гуляний и колядования сквозь призму детского восприятия.

Куприн сохраняет и такую черту святочного рассказа, как установка на достоверность, но реализует ее в каждом из рассказов по-разному: описанные события предстают то как воспоминание героя («Елка в капельке», «Миллионер»), то как история, услышанная от непосредственного участника рассказанных событий («Чудесный доктор», «Ужас») или от знакомых семьи («Тапер», «Серебряный волк», «Путаница»).

Нередко Куприн использует композицию «рассказ в рассказе», чтобы показать разные точки зрения на ситуацию («Серебряный волк», «Чудесный доктор»), или «рамочное» построение, помогающее продемонстрировать «совпадение» событий начала и конца произведения («Бедный принц»), при этом акцентируя внимание на том, какие изменения произошли в характерах героев вследствие случившегося.

В ряде рассказов Куприн развивает идеи, ассоциирующиеся в первую очередь с именем Л. Н. Андреева, использует открытый финал, чтобы показать, что даже в святочных текстах не всегда возможен счастливый конец. Так, герои рассказов «Путаница» и «Миллионер» в итоге сходят с ума, тем не менее писатель и им дает шанс обрести счастье, пережить рождественское чудо: «И, наконец, почему мы знаем? — может быть, безумцы иногда безмерно счастливее нас, здоровых людей?» [Кайманова, 2016: 546].

Куприн вводит особого персонажа, чтобы помочь героям решить их проблемы. Так, в рассказе «Чудесный доктор» проблемы семьи Мерцаловых решает профессор Пирогов, во многом являющийся авторским идеалом, в рассказе «Тапер» — композитор Рубинштейн. Однако у писателя есть рассказы, в которых «чудесный» помощник или «значительное лицо» своих функций не выполняет, как, напр., в рассказе «Путаница», где врач не спешит

на помощь больному, называя происходящее «трагикомическим происшествием» [Куприн, 1964: 183].
Продолжая традиции предшественников, Куприн вносит в святочный жанр индивидуально-авторское начало, исходя из своего мировосприятия и литературно-эстетических взглядов.

Литература:
Кайманова Т. А. Купринская энциклопедия. Пенза, 2016.
Куприн А. И. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1964.

СЕКЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА»

Батманова Алена Алексеевна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Роман В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»: опыт комментария к заголовочно-финальному комплексу

Доклад посвящен опыту составления комментария к заголовочно-финальному комплексу романа В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Актуальность выбранной темы заключается в отсутствии пристального внимания к ранним произведениям Каверина. Принимая во внимание, что ранее в романе была прокомментирована только система прототипов, как наиболее явная и эффектная особенность художественного мира текста как филологического романа, мы выполнили историко-литературный комментарий к заголовку, эпиграфам и подзаголовкам как наименее научно осмысленным элементам филологического романа. Заголовочно-финальный комплекс (подробнее о термине см.: [Кундаева, 2012]) рассматривается как паратекст, который «задает в кратком или развернутом виде программу чтения текста, его код» (см. подробнее: [Зенкин, 2018]).
Конструкция заглавия романа и его элементы — субъект действия и локус — сразу задают основную тему, тип героя и место действия романа. Так, «скандалист» становится не просто прямой отсылкой к В. Шкловскому, у которого было прозвище «скандалист» среди Серапионовых братьев, но объединяющим признаком для центральных героев. Привязка к месту действия и сама структура названия обеспечивают семантическую связь со сборником Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», а также формально обозначают пространственные границы.
Эпиграфы, выбранные автором, являются носителями дополнительных смыслов и моделируют восприятие читателя. Первый эпиграф, взятый из поэмы Б. Пастернака «Высокая болезнь», вводит тему интеллигенции и власти, которая позже будет отражена в некоторых подзаголовках к частям, а также определяет позицию автора по отношению к истории. Второй же эпиграф является цитатой из романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна», что, с одной стороны, акцентирует внимание на элементах игры с читателем в «Скандалисте», с другой — обращает внимание на присутствие сатирических элементов.
Интертекстуальность дальнейших подзаголовков, во-первых, обозначает горизонт читательских ожиданий от главы и задает определенный дискурс чтения; во-вторых, контекст прямых или косвенных цитат в подзаголовках дает подсказку к интерпретации событий, описанных в главе: надпись с таблички в ленинградском университете, цитата из стихотворения О. Мандельштама и т. д. Интересно, что в публикации отдельных глав романа в газете подзаголовки отличались от редакции, представленной позднее, и были

изменены на более цитатные.
Таким образом, рамочные элементы романа образуют собственную систему, которая не только формально обозначает границы текста, но и наполняет его новыми смыслами и ключами к его пониманию.

Литература:
Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М., 2018.
Кундаева Н. Н. Заголовочно-финальный комплекс как жанромаркирующий элемент в импрессионистском тексте // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Вып. 2. С. 16—25.

Герина Арина Романовна
студентка 4 курса
Южный федеральный университет

На границе исповедального романа и автобиографии: к вопросу о генезисе автофикшена

В основе доклада — гипотеза о том, что автофикшен не равен в жанровом смысле ни одному из уже существующих понятий. Но чем он, в таком случае, является? Современной моделью исповедального романа или автобиографической прозой, сформировавшейся на основе популярного non-fiction, или даже чем-то третьим? Этот вопрос еще предстоит решить.
Исследование проводится на материале тех текстов, которые обозначены авторами, критиками или издателями как автофикциональные, что предстоит доказать или опровергнуть. Среди них — преимущественно современный женский роман, представленный «Голодом» С. Павловой, «Дуа за неверного» Е. Джаббаровой, «Раной» О. Васякиной, а также рассказ «Тупик» А. Горбуновой.
Нашей основной задачей является поиск и аналитическое выявление ключевых отличий введенных в качестве рабочих понятий (автофикшен, исповедальный роман, автобиография). Наиболее перспективным мы считаем исследование в зоне таких формально-содержательных компонентов, как: а) автор и герой, их соотношение, б) событийная модель повествования. Предполагается, что принцип соотношения автора и героя окажется родственным тому, который обнаруживается в исповедальном романе, а именно — тот тип героя-рассказчика, которому свойственна раздвоенность сознания за счет усиления саморефлексии. В отношении событийности ставится следующий вопрос: обязательно ли объективированному герою оказываться в реально бывших обстоятельствах или они вполне могут быть вымышленными, сохраняя определенный заданный характер. Наконец, нас интересуют и стилистические особенности автофикшена. Среди них можно, несомненно, выделить свойственную постмодернистскому восприятию интертекстуальность. Мы полагаем, что именно она помогает авторам создать видимость объективности, реальности происходящего, выстроить художественную реальность. Тем не менее ее обилие в «дневниковом» тексте также ставит вопрос о том, не является ли такая манера повествования «минус-приемом», создающим иллюзию.

Годяева Екатерина Владиславовна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Трансформация образов цикла «Ведьмак» А. Сапковского в современной самодеятельной песне

Формирование фанатского творчества все чаще рассматривается как часть литературного процесса. Фанаты работают с чужими произведениями и воспроизводят текстовые закономерности оригиналов. Авторские песни (жанровая специфика определяется в соответствии с работой А. В. Кулагина [1986]) с литературной основой, рассматриваемые в нашей работе, позволяют изучить механику восприятия и последующей рецепции первоисточника благодаря сопоставительному анализу «фанатских» текстов с оригиналом.
В рамках нашего исследования проводится сопоставление цикла А. Сапковского «Ведьмак» и 51 авторской песни, собранной нами коллекции [Корпус]; рассматриваются образы героев, сюжета и особенности выстраивания хронотопа. В ходе работы мы обращались к сопоставительному анализу и к рецептивной эстетике.
В рамках нашего исследования выдвигается предположение о возможности реконструирования единой рецепции образов героев и сюжета, которая получает свою реализацию в авторских песнях.
Чаще всего упомянутые тексты концентрируются вокруг одной функциональной роли героев (для Геральта — это странник, для Цири — неопределенная динамичная роль, для Йеннифэр — любовница), в то время как в цикле Сапковского их образы не сводятся к одной функции. Кроме того, в авторских песнях возникают отличные от оригинала мотивные комплексы.
В основе ряда песен лежит пересказ каноничных сюжетов. Среди них есть тексты, которые сохраняют новеллистические элементы первоисточника. Отдельно выделяются песни, которые фокусируются на характере персонажей: внимание уделяется преимущественно не сюжету, а чувственным переживаниям героев, а сама история и возникающие в ней события отходят на второй план в большинстве песен. Важно отметить, что некоторые песни расширяют мифолого-историческую основу цикла.
Основываясь на концепции М. М. Бахтина [Бахтин, 1986], мы рассматриваем цикл Сапковского как соединение эпических и романных черт.
В «самодеятельных» песнях ярко выражается оценочный и идеологический план повествователя, который находится на минимальной дистанции с имплицитным автором. В то же время мотив «судьбы» приобретает черты эпического пророчества. Действительность же описывается в настоящем времени и, соответственно, является творящейся и ориентированной на будущее. В основу части песен положены сюжетные эпизоды первоисточника, которые получают статус события. Если песня направлена на осмысление истории мира ведьмака, то в ней эпические черты начинают превалировать, а выражение оценочного модуса минимизируется.
В авторских песнях мы выделяем лейтмотив судьбы, реализация которого отличается от реализации этого мотива в цикле «Ведьмак». Судьба показана через эпическую призму и сливается с эпическим пророчеством, в то время как в произведениях Сапковского видения будущего тяготеют к романным предсказаниям.
Таким образом, исследование показывает, что песни фанатов «Ведьмака» существуют в едином интерпретационном поле, в рамках которого происходит переосмысление первоисточника, с чем связаны сюжетные и мотивные особенности, выявленные в текстах песен.

Литература:
Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
Кулагин А. В. Барды и филологи: авторская песня в зеркале литературоведения. М., 2011.
Корпус — Коллекция самодеятельных песен по Ведьмаку. URL: https://disk.yandex.ru/i/so481vdRPO3PsQ (20.02.2026).

Губина Елизавета Александровна

магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема Я-нарратива в современной российской автофикциональной прозе

Современная литературная ситуация характеризуется смещением читательского интереса от фабульного вымысла к документу и «прозе пережитого», что подтверждается мировым успехом автофикшена. В России этот жанр, институционализировавшийся в конце 2010-х гг., становится доминирующим, требуя системного научного осмысления. В отличие от классической автобиографии, следующей «пакту правдивости» Ф. Лежена, в автофикшене Я-нарратив утрачивает функцию репрезентации готовой идентичности. Повествование от первого лица становится перформативным актом «самосочинения» [Левина-Паркер, 2010]: идентичность не отражается в тексте, а создается в самом процессе письма. Автор конструирует «аватар» — множественный и процессуальный образ себя, существующий в состоянии постоянного перехода между реальностью и вымыслом. Ключевой характеристикой автофикционального Я-нарратива выступает трансгрессивность [Муравьева, 2024] — пересечение границ между опытом и текстом, телом и вербальной средой. Это делает автофикшен наиболее адекватной формой для репрезентации травматического опыта, который не поддается прямой вербализации. В российской прозе (О. Васякина, А. Горбунова, С. Павлова) травма (утрата, болезнь, насилие) становится центральной темой, а письмо обретает терапевтическую функцию, позволяя не столько «излечиться», сколько встроить травму в структуру идентичности. Основным нарративным приемом, реализующим трансгрессивный потенциал жанра, является металепсис [Женетт, 1998] — нарушение границ между миром рассказывания и миром рассказываемого. Он создает онтологическую «неразрешимость», конститутивную для автофикшена, не позволяя читателю окончательно отделить автора от персонажа. В российской прозе металепсис проявляется в авторских вторжениях, персонажных прорывах и полном стирании уровней, формализуя телесный опыт и рефлексию о процессе письма. При укорененности в западной традиции российский автофикшен обладает национальной спецификой. Во-первых, он тесно связан с осмыслением коллективной травмы и исторического контекста. Во-вторых, для него характерна особая роль телесности как структурного принципа организации нарратива. В-третьих, российские авторы используют Я-нарратив для создания портрета поколения, совмещая предельно личную исповедь с обобщающим звучанием, что отражает кризис идентичности в условиях миграции и глобализации. Сравнительный анализ текстов Н. Мещаниновой (визуальность и документальность), О. Брейнингер (фрагментарность и языковая полифония), А. Горбуновой (мерцающая субъектность) и С. Павловой (совмещение серьезного и ироничного регистров) демонстрирует широкий спектр возможностей Я-нарратива. Этот спектр простирается от максимальной интимизации и исповедальности до сложных игровых стратегий, проблематизирующих саму возможность искреннего высказывания, что доказывает гибкость и эвристическую ценность автофикционального письма.

Литература:
Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. Т. 1—2. М., 1998.
Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. Вып. 3. С. 12—40.
Лежен Ф. В защиту автобиографии / Пер. и вступ. ст. Б. Дубина // Иностранная литература. 2000. Вып. 4. URL: https://clck.ru/3Rxa58 (02.02.2026).
Муравьева Л. Автофикшен — трансгрессивный жанр? // Журнал «Новое литературное обозрение». URL: https://clck.ru/3Rqox (02.02.2026).

Донцова Алиса Михайловна
студентка 3 курса
Дальневосточный федеральный университет

Особенности композиции стихотворения «Поездка в Загорье» А. Т. Твардовского

Композиционная структура произведения направлена на раскрытие внутреннего конфликта лирического героя. В стихотворении А. Т. Твардовского «Поездка в Загорье» впервые появляется антиномия «свой — чужой», ставшая ключевой для всего творчества поэта. Каждый раз приезжая на малую родину, лирический герой испытывает не только нравственную вину, но и стремление к самоопределению, находясь в поиске своего места в изменившемся мире.
Цель работы — выявление роли композиционной структуры и особенностей ритмической организации в произведении «Поездка в Загорье» Твардовского.
Прием диалогизации ярко раскрывает горечь лирического героя и стремление определить, кто он — «свой» или «чужой». Так, на крик «Саня!» лирический герой откликается и оборачивается, но понимает — так зовут не его, и ему вспоминается детство: «под именем этим // бегал <...> босиком». Эмоциональное состояние лирического героя также можно заметить, анализируя размер стихотворения «Поездка в Загорье». В стихотворении нарушается ритм, автор использует лишь яркую рифму. Это раскрывает взволнованность речи и душевное смятение лирического героя, когда он говорит о малой родине. Гармония метра наблюдается в изображении мыслей лирического героя, нарушения же отмечаются во фрагментах, когда лирический герой обнаруживает, что настоящая деревня отличается от хутора в его памяти. Более того, автор избегает ритма, когда вспоминает о прошлом и говорит о родном хуторе — он изображает Загорье родным и близким как для лирического героя, так и для читателя. При отсутствии рифмы автор побуждает читателя обратить внимание на другие особенности лексики, которые влияют на формирование метрического стиха. В данном случае вольный стих употребляется и для изображения тяготения к разговорному жанру, передает народный стих и речь. В XX в. отсутствие ритма было широко распространено с целью передать повседневную речь. Это помогает изобразить повседневную жизнь односельчан лирического героя.
Рассматривая особенности композиции «Поездки в Загорье» Твардовского, можно отметить, что в произведении переосмысляется не только чувство тоски лирического героя по малой родине, но и желание героя, который наделен автобиографическими чертами, достичь самоопределения. Кольцевая композиция и нарушение ритмики произведения связаны с поиском лирического героя своего места в мире и осмыслением своей принадлежности в период завершения деревенской жизни.

Золотых Валерия Александровна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Микрополиметрия в оригинальной лирике И. Г. Эренбурга

Корпус оригинальных лирических текстов И. Г. Эренбурга довольно велик — на сегодняшний день известно 711 произведений. Анализ метрико-строфического репертуара поэта показывает, что он являлся ярким экспериментатором со стихом. В числе наиболее оригинальных опытов Эренбурга — разработка микрополиметрии.
Термин «микрополиметрия» ввел М. Л. Гаспаров для характеристики «полиметрии с немотивированными сменами коротких отрывков» [Гаспаров, 2001: 139]. Микрополиметрии присущи следующие особенности: 1) смена метра возможна как на

границе строф, так и в пределах строфы; 2) возможно выделение метрически «однородных» фрагментов; 3) классические размеры «смешиваются» с чистотоническими. По наблюдениям исследователя, впервые микрополиметрия появляется в русской лирике в начале XX в. и на протяжении всего последующего времени остается в числе наиболее экзотических форм русского стиха.
На основе исследований Гаспарова петербургскими стиховедами были сформулированы более определенные критерии выделения микрополиметрии [Тверьянович, Хворостьянова, 2008: 37], в соответствии с которыми в рамках настоящего исследования были выявлены микрополиметрические стихотворения Эренбурга. Материал описан по наиболее полному собранию сочинений поэта [Эренбург, 2000]. В процессе исследования использованы статистический, типологический и сравнительный методы.
Эренбург экспериментировал с микрополиметрией с 1915 по 1921 гг. Доля микрополиметрических текстов в общем корпусе оригинальной лирики поэта крайне низка — 12 текстов — и составляет менее 2 %. Однако сам факт разработки микрополиметрии, в силу экзотичности данной формы, заслуживает специального исследования, которое до настоящего времени не проводилось.
В рамках доклада впервые определены особенности стихового строения микрополиметрических произведений Эренбурга. Их объем варьируется от 9 до 68 строк; в среднем стихотворения содержат 29 стихов, что в полтора раза превосходит средний объем лирических произведений Эренбурга. Все тексты рифмованы, 8 из них написаны нетождественными строфами, 4 — астрофическим стихом вольной рифмовки. На границах разноразмерных звеньев часто появляются строки, не поддающиеся однозначной квалификации, — «двуликие» стихи. В текстах заметна тенденция к «логаэдизации» — предсказуемости чередования размеров.
Динамика стиховой вертикали в микрополиметрических произведениях Эренбурга связана с развитием лирического сюжета (в частности, в ряде текстов изменения, происходящие на метрическом уровне, маркируют резкие сюжетные повороты).
Эксперименты Эренбурга с микрополиметрией проходили в русле опытов начала XX в. по поиску новых форм стиха, стоящих на границе между стихом и прозой. Большая часть микрополиметрических текстов стилистически ориентирована на русскую народную поэзию, поэтому, с нашей точки зрения, одним из источников этих экспериментов являются русские фольклорные тексты, в которых происходит постоянная смена параметров, соотносящих стихи друг с другом.

Литература

Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.
Тверьянович К. Ю., Хворостьянова Е. В. Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX вв. // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008. С. 11—63.
Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. (Новая библиотека поэта).

Игнатьева Полина Данииловна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дар, талант и бесталанность как ключевые мотивы/категории в романах «Защита Лужина», «Отчаяние» и «Дар» В. В. Набокова

В «Защите Лужина» мы можем атрибутировать дар/талант как фабулу. Ряд исследователей пишет о феномене Лужинского гения на фабульно-сюжетном уровне. Б. Бойд делит роман

на три смысловые части, которые сюжетно «зависят» от Лужинского гения: повествование в первой строится на феномене вундеркиндства Лужина, во второй — на развитии и расцвете его дара/таланта во взрослом возрасте, в третьей — на его отрицании [Бойд, 2010: 377—379]. Мотив Лужинского дара/таланта также тесно связан с идеей временной ограниченности, что отражается в высказываниях Валентинова: «Блещи, пока блещется», «а то ведь скоро конец вундеркинству» [Набоков, 2009: 358].

В романе «Защита Лужина» такие категории, как «мера, гармония, вечное равновесие» отличают одаренного героя от талантливого. Атрибуция дара/таланта как фабулы и лейтмотива помогает уточнить ключевую разницу между этими феноменами: в «Защите Лужина» дар связан с мотивом гармонии и идеей субъектности, талант — с феноменом вундеркиндства, лишением субъектности и мотивом безумия. Мотив бесталанности, поначалу связанный с такими мотивами, как пошлость и поддельность, переходит в мотив забытия.

В «Отчаянии» феномен дара/таланта влияет на фабулу произведения. Ключевое событие повести Германа — убийство им своего «двойника», бродяги Феликса, — не было бы совершено, если бы Герман не считал себя гением. Из-за наличия у Германа «писательской силы» убийство становится не только преступлением, но и, в его восприятии, произведением искусства.

Лейтмотив дара/таланта связан с целой системой мотивов. Мотив памяти — один из ключевых в произведении. Герой романа не раз подчеркивает, что он обладает прекрасной памятью. Однако Герман обманывает читателя: память подводит его чаще, чем он об этом говорит. С этим тесно связан мотив слепоты, который в повествовании Германа маскируется под истинную «зрячесть». По мнению Германа, только он способен увидеть настоящее чудо: сходство между ним и Феликсом. Зрячесть, которую он приписывает себе, оказывается ложной.

В романе «Дар» дар/талант главного героя, Федора Годунова-Чердынцева, становится фабулой произведения. В пяти главах развиваются две сюжетные линии. Первая из них — сближение Федора с его возлюбленной; вторая и, как отмечает Д. Джонсон, наиболее важная — «созревание художественного дара Федора, ведущее к созданию “Дара”» [Джонсон, 2011: 135]. Феномен дара/таланта также становится лейтмотивом. Он разбивается на систему мотивов, в которую входит мотив зрячести и памяти. Мотив бесталанности связан с категориями незрячести и «общих идей». Художник, не восприимчивый к окружающему его миру, обрекается на творческую и физическую слепоту. В свою очередь увлечение «общими местами» ведет к художественной деградации, которая карается смертью и забытьем.

Литература:

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. СПб., 2010.
Джонсон Д. Б. Миры и антимиры Владимира Набокова / Пер. с англ. Т. Стрелковой. СПб., 2011.
Набоков В. В. Защита Лужина / Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. Т. 2. СПб., 2009.

Квасия Дина Дмитриевна
студентка 2 курса
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Горское сознание в лирике Ф. Искандера

Настоящее исследование посвящено анализу особого горского мировосприятия в стихотворениях Ф. Искандера. О поэтическом наследии писателя на данный момент нет ни одной монографии, кандидатской диссертации, и существует менее 10 статей,

рассматривающих конкретно поэзию, что обуславливает актуальность проведенного исследования. Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить способы отражения национального нравственно-этического кодекса «Апсуара» и его влияние на поэтику лирики на примере стихотворного сборника произведений Искандера «Путь». В процессе были использованы такие методы исследования, как биографический, культурно-исторический, семиотический, структурно-семиотический. В ходе работы были проанализированы структурные связи между нартским народным эпосом, национальным нравственно-этическим кодексом «Апсуара» и стихотворениями Искандера. В процессе исследования проводилось сравнение эпического сказания «О сватовстве Нарчхьоу к Гунде-красавице» со стихотворениями из сборника «Путь».
Было замечено, что некоторые мотивы переходят из народных мифов в лирику автора и получают новую художественную обработку. Кроме того, было выявлено влияние аутентичной горской этики на творчество писателя: так, заимствуя сюжет из мировой литературы, автор преобразует его сквозь призму собственного национального мировосприятия. В результате исследования делается вывод о том, что поэтика сборника «Путь» Искандера строится на национальном нравственно-этическом кодексе «Апсуара». Лирический герой, объединяющий все стихотворения, постоянен, он не проходит путь духовного преображения, его взгляды и ценности остаются прежними от начала и до конца. Но то, что обозначено в названии сборника, это путь жизни героя, который он совершает, соотнося окружающее с тем, что он чувствует и осознает на бессознательном уровне, — с нравственно-этическим кодексом своего народа.
Таким образом, «Апсуара» напрямую влияет не только на крупные эпические произведения абхазской литературы, но и на лирику. Он формирует поэтику стихотворений, влияет на проявление черт национального самосознания, определяет траекторию движения лирического героя к постижению истины.

Козырева Ксения Дмитриевна
магистрантка 2 курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Комплексная жанровая структура романа Ф. М. Достоевского «Подросток»

Категория жанра организует вокруг себя все компоненты художественного произведения в цельную систему. Жанр романа примечателен тем, что он ярко демонстрирует ключевые особенности данной категории. Формирование сложной жанровой структуры романа Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875) стало возможным благодаря особенностям именно романного жанра. Роман является открытой жанровой структурой, а предметом его изображения является постоянно меняющаяся действительность, запечатленная в нестабильных формах [Бахтин, 1986: 393].
Фундаментом жанровой системы «Подростка» является роман воспитания. Сюжетообразующее значение для романа воспитания имеет процесс становления личности главного героя, наивного юноши, а также его борьба за высокий социальный статус, отстаивание своей индивидуальности и поиск путей ее реализации, в результате чего центральный персонаж взрослеет и приобретает опыт. В центре внимания автора романа — постепенно формирующийся характер Аркадия Долгорукого, преодолевающего юношеские соблазны. В финале произведения Аркадий предстает личностью, преодолевшей внутреннюю зависимость от авторитета своего биологического отца, Андрея Петровича Версилова.
Побочная сюжетная линия романа «Подросток» состоит из последовательности событий, объединенных общей интригой, которая возникла вокруг двух компрометирующих писем. Эта линия во многом соответствует схеме сюжета авантюрного романа, принцип

событийности в котором выдвигает случай в качестве главного сюжетного фактора. Герой авантюрного романа «не завершен и не предопределен своим образом», что позволяет ему «просачиваться» сквозь рамки фабульной событийности [Бахтин, 2017: 357]. Аркадий, незаконнорожденный сын дворянина, на момент действия романа находящийся в процессе взросления, является таким персонажем.

Мотивная система «Подростка» заимствует ключевые мотивные комплексы житийного и притчевого жанров. Макар Долгорукий, юридический отец главного героя, является носителем мотивов праведничества, странничества и проповедничества, являющихся ключевыми для всего романа. Образ Макара Ивановича также организует вокруг себя притчевые мотивы, так как он становится рассказчиком авторской притчи о купце Скотобойникове, занимающей не последнее место в идейном пласте романа. Важен для поэтики романа сюжет евангельской притчи о блудном сыне, трансформировавшийся в сюжет о «блудном отце», под которым подразумевается оторванный от родной культуры дворянин Андрей Версилов.

Отметим также, что в «Подростке» повествование ведется от первого лица (роман представляет собой записки Аркадия, в которых он описывает происходящие с ним события и искренне излагает свои мысли и переживания). В жанровой системе творчества Достоевского форма записок часто связана с жанром исповеди. Так, жанровая форма записок придает исследуемому роману исповедальный характер и становится отличным инструментом для анализа постепенно формирующегося сознания главного героя. Итак, усложненная жанровая модель романа Достоевского «Подросток», проявляющая себя на всех уровнях поэтики произведения, конструирует его хаотичную, многосоставную художественную реальность, что является возможным из-за структурных особенностей романного жанра, его чувствительности к влиянию других жанровых форм.

Литература:

Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 392—427.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 2017.

Лынова Алиса Александровна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Телесность в неоконченном романе Е. И. Замятина «Бич Божий»: индивидуальное и коллективное

Суть доклада будет состоять в анализе неоконченного романа Е. И. Замятина «Бич Божий». Будет рассмотрено, как автор размышляет о проблеме свободы личности, изображая взаимодействие человека с нормами конкретного общества. Анализ будет основан на обращении к понятию телесности. Ранее значение телесных образов для произведения не анализировалось достаточно подробно, а также не была доказана их роль ключевого текстообразующего аспекта для произведения. Значимым для обоснования исследования является тезис, выведенный из идеи Н. Н. Комлик: по Замятину, именно тело выражает индивидуальность человека или ее отсутствие [Комлик, 2014: 327].

В романе продемонстрированы два социума: варварское племя гуннов и жители Рима. Через описание тел членов каждого из обществ Замятин отражает нормы, которые являются абсолютными истинами в их рамках. Несмотря на то, что писатель противопоставляет эти общества, он также демонстрирует, что социумы похожи с точки зрения закономерностей действующих в них правил. При этом автор романа всегда выделяет главного героя, Атиллу, в период его пребывания в каждом из обществ. Телесность Атиллы всегда

проявляется отличным от остальных челнов социума образом. Методом исследования является анализ мотивной структуры романа, включающий в себя рассмотрение реализации эсхатологических образов в телесных метафорах. Одним из ключевых аспектов изучения текста также является рассмотрение изображения открытости границ человеческого тела, в частности включенности тела в пространство. Кроме того, текст изучается через обращение к тезисам из междисциплинарных исследований. Значимым для рассмотрения иерархической структуры представленных в тексте обществ и связанной с ней проблемы свободы личности является анализ отношения тела и власти в романе. Изображенные в романе общества также рассматриваются при помощи понятия «техника тела», выведенного М. Моссом [Мосс, 2011: 310]. В заключении доклада будут рассмотрены параллели романов «Мы» и «Бич Божий». Будет сделан вывод о том, что в последнем произведении писатель хотел продолжить размышления над вопросами, обозначенными в «Мы», показав условия становления независимой индивидуальности на примере Атиллы. Следовательно, «Бич Божий» должен был стать заключительным этапом размышлений писателя о проблеме отношений личности и общества.

Литература:
Комлик Н. Н. Телесный код в русской литературе и творчестве Е. Замятина // Е. И. Замятин: pro et contra / Сост. О. В. Богдановой, М. Ю. Любимовой. СПб., 2014. С. 320—339.
Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А. Б. Гофмана. М., 2011. С. 304—322.

Новопашина Карина Евгеньевна
студентка 4 курса
Тюменский государственный университет

Сюжет о русалке-утопленнице в драме А. Н. Островского «Гроза» и повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»

В традиционном литературоведении, вслед за Н. А. Добролюбовым, бунт главных героинь произведений А. Н. Островского «Гроза» и Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» интерпретируется как протест личности против патриархальных устоев купеческого «темного царства». Внешнее сходство нарративов (купеческий быт, замужество без любви, мотив губительной страсти) обнаруживает противоположную аксиологическую модальность финалов: трагедия Катерины Кабановой осмысляется современниками как нравственная победа, тогда как история Катерины Львовны воспринимается как криминальная хроника, лишенная катарсического начала. Причина этого противоречия, вероятно, не только в социальных условиях, но и в «русалочьей» природе женских образов. В «Грозе» Островского демонизация героини происходит в результате онтологического конфликта, который представлен как столкновение религиозного и народного сознаний. Характерен избранный Катериной топос молитвы: обращение к высшим силам происходит не в сакральных местах (храм или красный угол в доме), а в периферийном, природном пространстве сада, где ее религиозное переживание синкретически сливается с пробуждающейся стихией. Примечательно, что в переломные моменты она обращается к силам природы, равно как и к молитве, о чем свидетельствует ее ночное бегство к Волге как онтологической границе, отделяющей мир людей от потустороннего локуса.
Ключевым элементом мифологического кода становится самоотождествление героини с птицей; этот образ актуализируется в контексте ее признания Варваре о предчувствии греха, что придает метафоре амбивалентное звучание. В христианской антропологии душа

уподобляется птице, однако в фольклорной традиции переход в птичью ипостась трактуется как способность к оборотничеству, характерная для русалок, что сигнализирует об уже начавшейся, но еще не завершившейся метаморфозе.
В «Леди Макбет…» Лескова представлена уже свершившаяся метаморфоза. Стихийное начало выражается в отсутствии христианского сознания: дом Измайловых, обустроенный как «малая церковь», не служит для героини пространством молитвы и покаяния. Связь с потусторонним миром эксплицируется в тексте через прямые явления демонических сущностей (призрак кота, видение убитого мужа) и через подчеркнутую, «диковинную» физическую силу Катерины Львовны (Л. Н. Виноградова отмечает гипертрофированное описание внешнего облика мифологического персонажа). Ключевым «русалочьим» предикатом становится убийство племянника Феди, поскольку в демонологии русалки представлены как детоубийцы. Физическая гибель героини на переправе через реку (водная стихия как онтологическая граница) и финальное авторское уподобление ее хищной рыбе окончательно фиксируют зооморфную метаморфозу, реализованную задолго до биологической смерти персонажа.
Углубляя проблему, поставленную Островским, Лесков переводит ее из социального русла в метафизическое: человек несет в себе иррациональное зло, независимое от пространства и времени. Следовательно, «русалочья» природа предстает как онтологическая категория, позволяющей дифференцировать два типа женского бунта в русской литературе XIX в.: нереализованный, потенциальный (у Островского) и реализованный, актуальный (у Лескова).

Носков Павел Вячеславович
студент 4 курса
Тюменский государственный университет

Гамлетовский код в образе Антипова-Стрельникова в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»

В работе анализируется функционирование гамлетовского кода в системе персонажей романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Под гамлетовским типом понимается устойчивая культурная модель героя, основанная на конфликте рефлексии и действия, подлинного экзистенциального бытия и навязанной исторической роли.
Цель исследования состоит в выявлении семантических и структурных особенностей реализации этой модели в образе Антипова-Стрельникова. В XIX в. гамлетовский архетип осмысляется И. С. Тургеневым как один из типов поведения личности. А. П. Чехов трансформирует его в форму внутреннего надлома и «несделанной жизни». В романе Пастернака гамлетовский тип реализуется опосредованно, через чеховскую традицию. Образы Беликова («Человек в футляре») и Коврина («Черный монах») выполняют «посредническую» функцию. Беликов демонстрирует крайний вариант добровольной самоизоляции и подмены живого бытия нормативной формой. Коврин, в свою очередь, раздвоение сознания и гибель, связанную с идеей избранничества и исключительности. В обоих случаях гамлетовский конфликт редуцируется и превращается в форму личностного кризиса.
Научная новизна состоит в выявлении комплекса мотивов, не получавших системного осмысления: подчеркнутой театральности поведения героя, отчуждения от частной и коллективной сфер бытия, семантики самоубийства в контексте трансформации шекспировской модели в русской литературе. В отличие от исследований, трактующих конфликт героя преимущественно в психологическом аспекте, в настоящей работе он осмысляется как проявление культурной модели исторического действия. Основные методы, компаративный и историко-функциональный, позволяют рассмотреть образ героя

в соотнесенности с устойчивой культурной моделью европейской и русской литературы XIX в.
В ходе исследования установлено, что гамлетовский код актуализируется в образе Павла Антипова посредством комплекса взаимосвязанных мотивов, центральным среди которых является мотив раздвоения личности, конфликта между экзистенцией героя и навязанными моделями исторического действия. Существенным компонентом образа выступает мотив театральности. Стрельников конструирует собственную фигуру как исторический образ и знак, подменяя живое экзистенциальное присутствие навязанной ролью. Такое поведение сближает его с гамлетовской проблематикой соотнесения подлинного и сыгранного, однако, в отличие от шекспировского героя, рефлексия у Стрельникова подавляется ради действия. В этом проявляется чеховский взгляд на «русского Гамлета», в котором внутренний конфликт решается не мыслью, а вытесняется волевым усилием.
В романе Пастернака формируется Гамлетовский тип трагического сознания, где подавление рефлексии приводит к деформации этики действия. Мотив отчужденности героя как от частной человеческой сферы, так и от коллективного революционного пространства истории интерпретируется как следствие разрыва между экзистенциальным и историческим уровнями бытия персонажа.
Самоубийство Стрельникова интерпретируется как семантически предельный акт, фиксирующий окончательный разрыв между экзистенцией личности и исторической ролью. Возможность возвращения к «несделанной» жизни оказывается окончательно закрытой. Тем самым гамлетовский код в романе «Доктор Живаго» выполняет концептуальную функцию, обеспечивая осмысление трагедии субъекта, подменяющего внутреннюю нравственную рефлексию внешней исторической необходимостью.

Пахомова Лилия Сергеевна
магистрантка 1 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Специфика изображения городского пространства Таллина в сборнике «Компромисс» С. Д. Довлатова

Данный доклад посвящен исследованию одного из ключевых и наиболее известных текстов С. Довлатова — сборника «Компромисс». Сборник был впервые опубликован в эмигрантском издательстве «Эрмитаж» (США) в 1981 г. и впоследствии неоднократно переиздавался.
Сюжетную основу книги составляют одиннадцать новелл, действие которых разворачивается в Таллине и других частях советской Эстонии во второй половине 1970-х гг. Композиционно сборник выстроен как законченная повесть о пребывании героя-нарратора в «чужом» пространстве. В начале фабулы он по воле случая приезжает в Таллин, а в финале — покидает город, возвращаясь в Ленинград. Благодаря этому обрамлению весь текст предстает перед читателем как целостная модель нового и изначально чуждого главному герою пространства. Это не просто географическая среда, а особый культурный и семиотический ландшафт, который герою предстоит освоить и осмыслить, пропустив через призму своего восприятия.
Пространство Таллина в художественном мире данного сборника перестает быть простым фоном и становится значимым сюжетообразующим элементом. Оно активно влияет на развитие событий, формирует обстановку, в которой разворачиваются комические и драматические ситуации, и во многом обуславливает характеры персонажей. Жители эстонской столицы — коллеги по редакции, случайные знакомые, партийные функционеры — изображены через призму восприятия приезжего ленинградца, что создает дополнительный смысловой слой: взаимодействие «своего» и «чужого», русского и

европейского, советского и, по сути, до конца не советизированного.
В докладе подробно рассмотрена специфика моделирования городского пространства Таллина, который в тексте противопоставлен родному для автора Ленинграду. Хотя Ленинград мелькает в воспоминаниях героя и его разговорах, Довлатов сознательно избегает его развернутых описаний. Образ Ленинграда, безусловно, трансформированный и связанный с каноническим кодом «петербургского текста», не получает в «Компромиссе» такой же детальной проработки, как Таллин.
В отличие от Ленинграда, Таллин выписан с топографической точностью. В новеллах упоминаются реальные топонимические объекты: конкретные названия улиц, районы и пригороды, фигурируют названия культовых заведений и упоминаются достопримечательности. Все это создает для читателя убедительную картину реалистического города, который при этом живет по правилам, отличным от ленинградских и общесоветских. Таллин у Довлатова — это островок «заграницы» внутри советской действительности, где даже советская власть проявляет себя несколько иначе — медлительнее, педантичнее и оттого еще более абсурдно. В итоге Таллин предстает как самобытное и уникальное пространство, резко контрастирующее не только с Ленинградом, но и с общим контекстом «советскости».
В исследовании, помимо прочего, рассмотрены имагологические приемы, используемые автором для построения образа «чужого» города. Довлатов создает образ Таллина через призму восприятия аутсайдера. Он фиксирует особенности национального характера эстонцев, языковой барьер, создающий комические ситуации, и, наконец, саму архитектурную среду, которая своим западным обликом подчеркивает абсурдность советских реалий. Таким образом, город становится не просто местом действия, а полноценным литературным героем «Компромисса», без которого данный сборник утратил бы значительную долю своего неповторимого обаяния и смысловой глубины.

Прохорова Юлия Алексеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности поэтики в поэме О. А. Охапкина «Судьба Ионы»

О. А. Охапкин (1944—2008) — основоположник религиозного направления ленинградской неподцензурной литературы, написавший в 1975 г. поэму «Судьба Ионы». В основе поэмы лежит ветхозаветный сюжет о пророке Ионе, который часто связывают с прообразом смерти и воскресения Христа. Последнее было важным для Охапкина.
Впервые поэма была опубликована в сборнике «Возвращение Одиссея» (1994), композиция которого строится по «монтажному» принципу, соединяя разновременные пласты (история Руси, античный миф, Ветхий Завет). «Судьба Ионы» рассматривается в контексте стремления автора к преодолению временных границ.
Поэма посвящена няне поэта, Е. И. Горшковой, последовательнице Иоанна Кронштадтского. Посвящение отсылает к мифу о рождении Охапкина как «младенца ангельской красоты» [Дар, 1978: 43], призванного возвестить слово Божье. Для поэта образ Ионы автобиографичен и связан с темой Божьего призвания.
В тексте поэмы наблюдаются характерные для поэзии XVIII в. черты: повторы однокоренных слов, сочетание высокого и низкого стилей, обилие анафор. Тем самым Охапкин опирается на одическую традицию Г. Р. Державина (в финале появляется упоминание его «Реки времени»).
В первых частях текста формируется образ поэта-пророка, призванного для выполнения божественной миссии. В словах «Сбывается незримая страница // Из книги той, что жизнью это назовут» [Охапкин, 1944: 57] возникает библейский топос «бытие как книга», тем

самым судьба героя оказывается предопределена.
Образ Ионы в финале («Мы все сойдемся в языке / Бессмертном, как душа Ионы» [там же: 71]) становится объединяющим для поколения поэтов. И тут рассмотрение поэмы кажется важным в связи с концепцией «Бронзового века» — ключевой для понимания творческого пути Охапкина. Эта концепция разработана в его символическом календаре, где эпоха ленинградских неподцензурных поэтов (1956—2004 гг.) названа «Бронзовым веком». Для Охапкина она связана с весной, путем Христа («Это эпоха героев, миссия которых — воскрешение к жизни», как отмечает Ю. М. Валиева [Валиева, 2022: 386]).
Таким образом, в поэме «Судьба Ионы» Охапкин с помощью ветхозаветного сюжета пытается восстановить «времен разорванную цепь» [Лен, 2015: 92].

Литература:
Валиева Ю. М. Концепции периодизации «второй культуры»: Олег Охапкин — Константин Кузьминский (по материалам Amherst center for Russian culture) // На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его Антология. СПб., 2022. С. 377—433.
Дар Д. Я. Ленинград. Судьба. Поэт // Грани. 1978. Вып. 110. С. 43—51.
Лен В. К. Олег Охапкин в Москве // Охапкинские чтения / Авт.-сост. Т. И. Ковалькова. 2015. Вып. 1. С. 90—98.
Охапкин О. А. Возвращение Одиссея. СПб., 1994.

Симак Назарий Игоревич
студент 3 курса
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

«Избранник Солнца, гаснет с ним….»: концепт «солнце» в поэтике Ю. Балтрушайтиса и В. Иванова

Актуальность данной работы обусловлена приложением когнитивной теории к творчеству русских символистов, в частности Ю. К. Балтрушайтиса и В. И. Иванова, что дополняет концептосферу русского символизма в целом и творчества данных авторов.
Основа нашего исследования — теория концептуальной интеграции, разработанная М. Тернером и Ж. Фоконье. Она дополнена исследованиями З. Д. Поповой и И. А. Стернина. Таким образом, мы вводим понятие поэтического концепта — это концепт, который не имеет «системно обнаруживаемого номинативного поля», но который имеет «субъективные, окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта» [Попова, 2010: 67].
Мы сближаем понятия «образ» и «концепт», считая образ реализацией концепта в тексте, концепт — расщепленным на элементарные смысловые единицы, абстрагированным образом.
Образ «солнца» в «Гелиадах» отождествляется с образом Фаэтона посредством метонимии: отец — сын. Таким образом, все обнаруженные признаки у Фаэтона являются признаками «солнца» в поэтике Иванова.
Помимо этого, анализ обогащается исследованием Л. В. Павловой, которая утверждает, что «слезы дев Солнца, уподобляемые янтарю, — это световые блики; лучи, отраженные чистыми водами Эридана» [Павлова, 2009: 7], что увязывает янтарь с «солнцем». В свете работы Павловой обнаруживается новое отождествление: Гелиады — солнце. Детальное рассмотрение «янтаря» вскрывает схождение в устройстве мироздания с таковым у Балтрушайтиса: «небо (заря) — земная возвышенность (курган) — речная глубина (Эридан)» [там же: 8] — «трансцендентное» — грань между «трансцендентным» и «имманентным», где находится лирический герой, — «имманентное», так как основное

отличие устройства художественной действительности Балтрушайтиса — это деление на «земной» и «небесный» миры. Уже сам Иванов провозглашал, что поэзия Балтрушайтиса — это «один длинный монолог личности, обращенный к Богу, раскрывающемуся ей в явлении мира» [Иванов, 1915: 301]. В данном высказывании находятся корни художественного мироустройства Балтрушайтиса.

В результате исследования стало ясно, что в ядро структуры концепта «солнце» можно отнести следующие три основных элемента: обобщенность/конкретность (возникает девять раз), метафизическая причастность к имманентному/трансцендентному (возникает восемь раз), стремление к имманентному/трансцендентному (возникает шесть раз). К периферии — следующие: цель (пять раз), завершенность/процессуальность (четыре раза), замкнутость в имманентном/трансцендентном, константность/динамичность, забвение (по три раза), существование/несуществование, отнесенность ко времени, пассивность/активность, гармоничность/хаотичность, детерминизм, деятельность, тщетность (по одному разу).

Все структурные элементы, найденные в структуре концепта «солнце» у Балтрушайтиса, были обнаружены и у Иванова, но периодически с другим признаковым наполнением, обусловленным эстетическим выбором автора.

Литература:

Иванов В. И. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века (1890—1900) / Ред. С. А. Венгеров. М., 1915. С. 301—311.

Павлова Л. В. Янтарные слезы гелиад в лирике Вячеслава Иванова // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: материалы международной научной конференции. Ч. 2. Вып. 5. Смоленск, 2009. С. 5—12.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2010.

Цветков Савелий Алексеевич
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Энтомологические мотивы в сборнике А. А. Старобинец «Икарова железа. Книга метаморфоз»

Настоящий доклад посвящен анализу энтомологических мотивов и их роли в сборнике А. А. Старобинец «Икарова железа. Книга метаморфоз». Сборник рассматривается как единое художественное целое, в котором отдельные рассказы связаны не только повторяющимися сюжетными моделями и общей тематической доминантой метаморфозы, но и мотивной структурой. Энтомологические мотивы рассматриваются как сквозной семантический маркер, обеспечивающий внутреннюю логику сборника и направляющий читательскую интерпретацию.

Материалом исследования служат рассказы сборника, в которых образы насекомых, личинок, паразитов, а также прямые и косвенные отсылки к биологии и метаморфозу насекомых последовательно вводятся на разных уровнях текста — сюжетном, образном и дискурсивном.

В рамках доклада предпринимается попытка продемонстрировать, как энтомологический мотивный комплекс, появляясь в первом рассказе, постепенно аккумулирует негативную семантику, проходя через весь сборник. Он обнаруживает связь с метаморфозой и начинает выполнять функцию не просто маркера негативно семантизированных элементов, но и сам процесс утраты человеком собственной свободы и автономии. Так, напр., в рассказах «Сити» и «Поводырь» энтомологические сравнения и характеристики используются для описания пространства и логики дискурса, в который включается герой, постепенно

становясь его частью. Особое значение мотивный комплекс приобретает в рассказе «Паразит», в котором он получает сюжетную реализацию. В этом тексте образы, связанные с насекомыми, подрывают исходную этическую оппозицию текста, что в финале приводит к сюжетному «пуанту» и расхождению оценок рассказчика и читателя. В завершении доклада делается вывод о том, что энтомологические мотивы выполняют в сборнике функцию сквозного негативного маркера метаморфозы, обеспечивая не только тематическое, но и композиционно-смысловое единство цикла. Их последовательное развитие формирует внутреннюю логику сборника и способствует постановке центрального для прозы Старобинец вопроса — о размытости границ человеческого и нечеловеческого в условиях власти дискурса.

Шашкова Полина Максимовна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Онтология смерти: позиция вненаходимости в стихотворениях Г. Гора

О «блокадных» стихотворениях Г. Гора долгое время ничего не было известно — не только литературоведам, но и родственникам поэта, который никогда не показывал созданные им в эвакуации тексты. Случайно обнаруженные уже после смерти Гора рукописи были перепечатаны его дочерью и распространены среди знакомых, а в публикации они появились лишь в начале нашего столетия. Этот поэтический цикл представляет собой перспективное направление для анализа, поскольку позволяет расширить филологические представления о блокадной литературе. Поэт открывает новые возможности в изображении человеческого бытия, находящегося уже за гранью реальности. Личный опыт, полученный во время блокады, позволяет поэту зафиксировать онтологическую катастрофу, где смерть не отождествляется с концом, а становится одним из способов существования. В докладе будут рассмотрены особенности репрезентации категории смерти как формы бытия с учетом позиции вненаходимости лирического героя. Опираясь на философскую концепцию М. М. Бахтина, мы исследуем феномен вненаходимости, переосмыслив его в контексте катастрофы блокадного Ленинграда. Важной для нас оказывается идея о том, что взгляд на сознание или событие изнутри всегда будет недостаточен, для истинного постижения необходима позиция «вне»: «Человек никогда не найдет всей полноты только в себе самом» [Бахтин, 2003: 71]. Однако если для Бахтина вненаходимость — это продуктивная позиция, направленная на преодоление одиночества сознания, разрыва между «Я» и Другим, то в поэтическом мире Гора вненаходимость трансформируется в трагическое «вытеснение» лирического героя из привычной дихотомии «жизнь — смерть». В ходе анализа стихотворений, где представлено описание смерти лирического героя, демонстрируется, как Гор фиксирует «раздвоение» сознания: лирический герой, сохраняя способность к рефлексии, описывает гибель собственного тела и при этом осознает, что не находится ни в мире живых, ни в мире мертвых: *Нас несут в подвал. И я кричу: / — Живой! Живой! / Но мне не верят* [Гор, 2012: 32]. Нами проанализированы мотивы крика и молчания, столкновения объектов в пространстве, а также образы, связанные с исчезновением времени и разложением материи в блокадном городе. Итогом этих процессов становится онтологическое одиночество героя: гибель мира обнажает сознание, существующее в вакууме, лишенное какой-либо физической формы. Важнейшей особенностью цикла «блокадных» стихотворений становится позиция лирического героя. Он, будучи вовлеченным в хаос разрушающегося, умирающего пространства, сознанием оказывается как бы вне реальности. Поэтические тексты Гора поднимают вопрос о том, что есть смерть как бытие, вынесенное за пределы традиционной оппозиции жизни и смерти. Таким образом, стихотворения могут быть рассмотрены не

просто как хроника блокадного ужаса, но как осмысление места человека в мире онтологической катастрофы.

Литература:
Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2003.
Гор Г. С. Красная капля в снегу. Стихотворения 1942—1944. М., 2012.

Щербакова Анастасия Романовна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Неизвестный Катенин: басни «Топор» и «Предложение»

Традиционный литературоведческий подход к фигуре П. А. Катенина предполагает рассмотрение его как автора, творящего преимущественно в рамках балладного жанра. Кроме того, большая часть исследовательских работ о поэте носит компаративистский характер, что обусловлено его неоднозначной ролью в литературном процессе, полемичностью художественных трудов и своеобразием эстетической позиции, встречающих отклик со стороны современников. Блестяще решая вопрос о значимости Катенина в культурном контексте эпохи, многие ученые пытаются параллельно обозначить особенности поэтики автора. Тем не менее редкая работа направлена на изолированное решение данной проблемы.

Неучтенным вектором развития поэтической мысли Катенина, на наш взгляд, автономным и интересным, по сей день остается басенный жанр, промелькнувший в творчестве автора в 1835 г. Мы располагаем лишь двумя текстами — баснями «Предложение» и «Топор», которые послужили материалом настоящего исследования. Целью предпринимаемого нами анализа является рассмотрение опытов Катенина в обсуждаемом жанре как с точки зрения типичной басенной модели, так и в контексте поэтики автора. При исследовании мы во многом опираемся на структуральный метод, используя понятия точки зрения, предложенное Б. А. Успенским [Успенский, 1970], и нарративной структуры, освещенное в труде В. Шмида [Шмид, 2005], но не исключаем и спорадическое обращение к сопоставительному аспекту. Опорными трудами для реконструкции жанровых особенностей басни послужили работы Л. Ю. Виндт, посвященные данной теме [Виндт, 1926; 1927].

В ходе исследования была предпринята попытка анализа конституирующих элементов басни, таких как персонажное поле, основные структурные компоненты (мораль, pointe и т. д.), фигура нарратора и его речевое поведение. В ряду нетипичных жанровых решений оказалось отсутствие анималистических героев, исключительной аллегоричности образов и афористичности текста. Иллюстрацией отказа от изображения персонажей-животных, напр., является обращение поэта к человеческим фигурам неаполитанца и британца в «Предложении», помещика и батрака в «Топоре».

Тем не менее результаты обнаруживают довольно традиционное понимание басни Катениным и отсутствие серьезных нововведений в ее поэтике. Однако определение произведений как опытов в жанре, прецедентный характер текстов дают повод для закрепления за ними статуса специфических, вынуждают признать использование некоторых элементов нетривиальным авторским ходом в контексте первых басенных экспериментов.

Литература:
Виндт Л. Ю. Басня как литературный жанр // Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Л., 1927. С. 87—102.

Виндт Л. Ю. Басня сумароковской школы // Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Л., 1926. С. 81—93.
Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
Шмид В. Нарратология. М., 2005.

Юнусов Илья Альбертович
студент 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поэтическая книга В. Кривулина «Воскресные облака» как манифест неофициальной ленинградской культуры (на примере цикла «Ангел войны»)

Поэзия 1970-х гг. неизменно привлекает внимание исследователей В. Кривулина, во многом за счет институциональной значимости его как лидера ленинградского андеграунда в эти годы [напр.: Хайрулин, 2021: 16—95]. Вместе с тем недостаточно внимания уделяется бытованию стихотворений автора в контексте принципиальной для него формы поэтической книги, в то время как рассмотрение ее в аспекте запрограмированных циклообразующих связей (заглавия, общего композиционного принципа, развития темы) [Фоменко, 1990: 22] позволило бы увидеть, как в процессе оформления книги и составляющих ее циклов кристаллизуется авторское мировоззрение.
Нам представляется продуктивным применить данный подход для изучения поэтики и прагматики «Воскресных облаков», первой оформленной Кривулиным поэтической книги. Впервые напечатанная в 1972 г., она впоследствии была значительно переработана для публикации в качестве приложения к журналу «Часы» 1978 г., выход которого был приурочен к присуждению автору Премии А. Белого [Беневич, 2018] и должен был демонстрировать итоги подходившего к концу десятилетия.
Вследствие переработки первой редакции, в «Воскресных облаках» 1978 г. оформился сквозной сюжет о преодолении обремененности временем и восхождении в инобытие. В ходе развития этого сюжета лирический герой книги постепенно отказывается от «я» в пользу «мы», которое все более отчетливо осознается как «мы» поколения неофициальной ленинградской культуры. В этой связи особого внимания заслуживает цикл «Ангел войны», занимающий в книге предфинальное положение. В результате кумуляции образов, тем и мотивов предыдущих циклов в нем устанавливаются две ключевые и связанные друг с другом темы: смысл подпольной жизни и сущность истории.
В большинстве стихотворений «Ангела войны» в центре внимания оказывается лирический персонаж, сополагающийся с образом лирического героя и его поколения за счет позиции очевидца, обособленности от внешнего мира, прикрепленности к Петербургу/Ленинграду, функции писателя/летописца/пророка. Во всех случаях образ лирического героя соотносится с образом подпольного человека, наделяющегося ролью хранителя «последнего света». Его предназначение при этом осмысливается в исторической перспективе.
В исторических стихотворениях цикла упрочивается идея «Воскресных облаков» о слиянии с хором живших и живущих и преобразовании природы в культуру как факторах, необходимых для преодоления смерти. Апофеозом этой идеи становится предпоследнее стихотворение цикла, «Процессия», в котором именно подполье, культурное пространство, наполненное хором единомышленников и обеспечивающее преемственность поколений, становится инобытием.

Литература:
Беневич Г. И. О композиции, формировании и духе первой книги стихов Виктора Кривулина // НЛО. 2018. Вып. 4. URL:

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/152/article/20032/ (15.02.2026).
Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. … д. филол. наук. М., 1990.
Хайрулин Т. П. Литературная стратегия В. Кривулина 1970-х — нач. 1980-х: дис. … к. филол. наук. СПб., 2021.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР»

Данилова Ксения Станиславовна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Эмоциональная и временная дистанция как повествовательный прием в романе В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна»

В докладе анализируются особенности изображения временной и эмоциональной дистанции в романе немецкоязычного писателя В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» (1995). Под временной дистанцией подразумевается степень отдаленности повествователя во времени от объектов изображения, а также локализация событий романа в исторической перспективе и относительно друг друга. Эмоциональная дистанция — это отношение нарратора к изображаемым вещам и событиям, которое может проявляться в чувстве эмпатии и сопереживания или же, наоборот, в отчужденности. Анализ взаимоотношений между нарратором и объектами повествования позволяет определить способы формирования стиля писателя в изображении разрушения и иных травматических событий. Новизна доклада заключается в рассмотрении романа «Кольца Сатурна» через призму взаимоотношений между нарратором и объектами описания, а также использования временной и личной дистанции между наблюдателем и пейзажем для повествования о трагедиях истории. Кроме того, актуальность обусловлена насыщенностью текста Зебальда множеством интертекстуальных связей и культурных референций, которые увеличивают возможные варианты прочтения: благодаря этому сложно окончательно исчерпать все смыслы и аллюзии, заложенные автором. В докладе планируется закрыть некоторые лакуны среди фрагментов романа, которым не было уделено должное внимание исследователей. Кроме того, выходя за рамки исследования, я надеюсь привлечь внимание к фигуре Зебальда в русскоязычном академическом и читательском пространстве. С опорой на разработанное Дж. Хартманом понятие идентификации [Hartman, 1995: 545] и проблематику, поставленную рядом исследователей травмы (trauma studies) [Ward, 2012], ставится этическая проблема формирования языка описания катастроф. Повествование о травме зачастую непоследовательно и существует в лишь в отрывках воспоминаний, что находит отражение на уровне нарратива в романе Зебальда. Субъекту удается избежать отождествления с жертвами и в то же время сопереживать им.
В докладе утверждается, что сопричастность страданиям реализуется в поэтике на уровне сновидений и собственного опыта воспоминаний, которые, в силу своей фрагментарной природы, создают эффект призрачного присутствия. В докладе также рассматривается парадоксальное столкновение природы и разрушения в повествовании, сопоставимое с контрастом пессимистического содержания романа и ясного, прозрачного стиля. Повторяющиеся изображения садов и живописного ландшафта часто сопоставлены с нарративом об историческом упадке, насилии и войне; эти элементы сосуществуют в одном моменте повествования, не отделенные временной или исторической дистанцией. В работе предлагается интерпретировать подобные сопоставления как способ преодоления горя и потери через нарратив, соединяющий красоту и опустошение в моменте меланхолического

созерцания.

Литература
Hartman G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. 1995. 26. 537—563.
Ward L. A Simultaneous Gesture of Proximity and Distance: W. G. Sebald's Empathic Narrative Persona. // Journal of Modern Literature. 2012. 36. 1—16.

Дорошенко Ульяна Евгеньевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Художественные особенности философской лирики Х. И. де ла Крус

Актуальность исследования поэзии Х. И. де ла Крус обусловлена пристальным вниманием гуманитарных наук как к литературе барокко, так и к трансатлантическим исследованиям, а малая изученность творчества писательницы в отечественной научной традиции определяет его научную новизну.
В докладе представлен анализ трех сонетов де ла Крус. Выбрана философская лирика, так как она нагляднее всего отражает особенности стиля поэтессы.
Сонет «A su retrato» («Ее портрету») является обработкой стихотворения Л. де Гонгоры «Mientras por competir con tu cabello...» («Пока, с твоими волосами споря...»). Лирическая героиня де ла Крус порицает иллюзии и призывает к трезвому взгляду на жизнь. Desengaño — одно из важнейших понятий исп. литературы барокко. Это концепт отвержения ренессансного миропонимания, установление реализма, близкого к пессимизму, вызванного разочарованием исп. действительностью. Завершает сонет градация образов, иллюстрирующих конечность жизни: *es cadáver, es polvo, es sombra, es nada* ('это труп, это прах, это тень, это ничто'). Де ла Крус практически повторяет последнюю строку сонета Гонгоры — *en tierra, en humo, en polvo, en sombra, en nada* ('в землю, в дым, в прах, в тень, в ничто'). Но ее обработка отличается введением метафорического образа портрета, сменой перспективы лирического героя на перспективу героини, а также более мрачным настроением.
Сонет «Si los riesgos del mar considerara...» («Опасность моря рассчитав...») выражает идею тяжести выбора жизненного пути. Вероятно, его написание отчасти вдохновлено личным опытом де ла Крус — принятием монашеского пострига. Симметрия катренов создает строгую логическую структуру сонета. Предложения по форме напоминают пословицы. Они выражают общие жизненные закономерности, производя впечатление обезличенности высказываний. Если первая половина сонета содержит довольно обыденные описания земной жизни, то конец стихотворения при помощи античного сюжета выносится на небесный план. Сослагательное наклонение усиливает эффект аллегории, благодаря своей главной функции передачи нереальной ситуации. Иносказательность позволяет выйти за рамки обыденного языка и сузить круг читателей, поэтому является одним из основных инструментов барочной литературы.
Последний выбранный сонет «Aunque es clara del cielo la luz pura...» («Пусть ясен неба чистый свет...») построен на противопоставлении света тьме — метафоре знания и невежества. Для ее раскрытия де ла Крус использует мифологический образ Икара как символ философов, безуспешно пытающихся достичь истины. В стихотворении выражен традиционный для литературы барокко неоплатонический мотив стремления к высшему знанию.
Философские сонеты де ла Крус демонстрируют литературное мастерство и эрудицию поэтессы. При своей немногочисленности в сравнении с любовной лирикой они остаются

сложными для интерпретации. Однако в них обнаруживаются общие мотивы (напр. разочарование земной жизнью), частое обращение к античным сюжетам, повторяющиеся средства выразительности, обеспечивающие логическую стройность сонетов (синтаксический параллелизм, анафоры) и защиту от ответственности за вольные идеи (иносказание).

Журенкова Ксения Алексеевна
магистрантка 1 курса
Курганский государственный университет

Жанровое своеобразие романа К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»

Актуальность данной работы обусловлена особым интересом к категории жанра и интертекста в современном литературоведении, а также отсутствием комплексных исследований жанрового своеобразия романа «Пролетая над гнездом кукушки» (1962). Кратко докажем принадлежность романа К. Кизи к разным жанровым образованиям. Так, среди определителей антиутопии в исследуемом романе отмечены: замкнутый хронотоп; «идеальное» общество; стандартизация жизни пациентов; иносказание; тотальный контроль Большой Сестры и Комбината; «духовное убийство» членов общества через психологическое манипулирование; амбивалентность чувств членов социума перед Системой; традиционность антиутопической коллизии; победа системы над бунтующим героем.

Исследуемый роман написан в русле постмодернизма. Кизи включает в текст цитаты из других произведений. При этом он не иронизирует над стилем и идеями других авторов, а воздает «остроумное почтение» оригиналу, что характерно для пастиша. Он является механизмом интертекста, поэтому через книгу Кизи красной нитью проходят следующие аллюзии и реминисценции: библейский подтекст, «индейский бум» (сюрреализм, исследование особенностей мифопоэтического мышления индейца Бромдена).

В тексте Кизи присутствуют элементы романа-воспитания, изображающего развивающегося и меняющегося героя. Автор описывает жизненный путь Бромдена, нравственное и социальное формирование его личности.

Кизи отразил в романе основные принципы эстетики писателей-битников. Одним из источников их вдохновения был джаз, поэтому в тексте упоминаются названия музыкальных композиций, которые играют роль вызова системе.

Роману свойственна автобиографичность. Сам автор произведения говорил, что роман был продиктован ему, когда он находился в трансе. Кизи применяет присущую битникам постмодернистскую технику «потока сознания». Она проявляется во внутренней речи Вождя-Швабры.

Роман Кизи сопоставим с программным произведением битников — «В дороге» Дж. Керуака. Весь путь Вождя-Швабры и Макмерфи — метафора духовного путешествия к самим себе, символ свободы, ухода от традиционных американских ценностей и обыденности.

Обнаруживается ряд факторов, присущих пикареске: используется традиционная формула «безумец в трезвом, бесчеловечном мире»; хронотоп произведения — дорога (в метафорическом смысле); отражение картин социальной действительности («Пролетая над гнездом кукушки» — «социальный» путеводитель по Америке 1960-х гг.); по «большой дороге» движется не один герой, а нерасчленимая пара персонажей, которая образуется по принципу контраста (Макмерфи и Бромден).

Для понимания замысла автора важны аллюзии на роман Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». Они расширяют масштаб описываемых в романе событий до «надвременного» содержания и заставляют воспринимать роман как общечеловеческую притчу

экзистенциального содержания — повествование об отношении личности к проблемам свободы.
Наше исследование позволило расширить понимание жанровой специфики романа Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»: интерпретировать его как полижанровый. Характеристики отдельных жанров синтетично переплетаются в романе Кизи и образуют уникальное неразделимое единство.
По результатам исследования роман Кизи отнесен нами к постмодернистской литературе. В контексте этого найдены формальные приемы постмодернизма и проанализированы отдельные аллюзии, являющиеся наиболее важными для понимания замысла текста.

Золотых Алина Викторовна
студентка 2 курса
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Признаки латиноамериканского самосознания в поэтике сборника «Двенадцать рассказов-странников» Г. Г. Маркеса

Поэтика колумбийского писателя Г. Г. Маркеса соединила доколумбовы мифы, европейские литературные традиции и актуальные реалии латиноамериканской жизни и национального самосознания. Сборник «Двенадцать рассказов-странников» (1992) наглядно отражает и концентрирует основные особенности поэтики и идиостиля автора. Цель исследования — выявить признаки латиноамериканского самосознания в поэтике малой прозы Маркеса на примере сборника «Двенадцать рассказов-странников». Методы исследования: биографический, культурно-исторический, структурно-семиотический. Творческий путь Маркеса можно рассматривать как постоянное странствие между мирами: мифологическим Макондо и европейской реальностью. Сборник «Двенадцать рассказов-странников» становится концептуальным синтезом этой бинарности. Странничество здесь — это не романтическое путешествие, а состояние перманентного культурного и экзистенциального смещения. Герои Маркеса — латиноамериканцы в Европе — являются странниками в обоих смыслах слова: они путешествуют физически, но остаются чудаками, чье мировосприятие не вписывается в рациональную логику Старого Света. Напр., в рассказе «Святая» главного героя Маргарито отличает т. н. латиноамериканское мироощущение: герой воспринимает нетленность тела дочери, ее «святость» как нечто естественное, тогда как остальные итальянцы приходят от увиденного в ужас. Проявления чудесного у латиноамериканцев органично вплетаются в реальность, становясь ее неотъемлемой частью. Иллюстрацией мысли может послужить рассказ «Я нанимаюсь видеть сны». Удивительная способность Фрау Фриды видеть будущее во снах стала ее профессиональным занятием, таким же обытованным, как другие привычные человеку ремесла. В отличие от героя «Святой», героиня с ее особенным мироощущением нашла свое место в дали от дома, ее «особенность», продиктованная ее латиноамериканским происхождением, позволила ей органичнее существовать в европейской среде. Однако Фрау Фрида не стремится к полной ассимиляции, она остается отличной от других. Маркес внедряет компонент чудесного в реалистическое описание, не выдавая его за проявление чего-то сверхъестественного.
Через систему персонажей-«странников» Маркес конструирует модель самосознания, которое является пограничным, травматичным, но жизнестойким. В контексте творческой эволюции автора сборник знаменует переход от тотального мифа к диссонансу во взаимоотношении культур, где мотив «странничества» становится ключевым для выражения состояния культурного смещения и поиска идентичности в «чужом» мире. Пространственно-временная организация сборника формирует специфический хронотоп культурного несоответствия, где европейское рационально-линейное пространство-время

сталкивается с латиноамериканским цикличным, мифологизированным восприятием реальности. В этом столкновении и проявляются контуры самосознания, основанного на памяти, магическом мышлении и опыте отчуждения.
Таким образом, поэтика малой прозы Маркеса, что мы показали на примере данного сборника, оказывается не менее эффективным инструментом для исследования латиноамериканской идентичности, чем его масштабные романы. «Двенадцать рассказов-странников» — это художественное исследование того, как в условиях глобализации трансформируется культурное начало человека, чье сознание сформировано уникальным синтезом истории, мифологии и социальных явлений.

Калинкина Ульяна Вячеславовна
студентка 3 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Связь поэзии Р. М. дель Валье-Инклан с творчеством Гойи

Р. М. дель Валье-Инклан — один из самых ярких представителей испанского «поколения 98-го года». Его творчество можно условно разделить на три этапа: модернизм 1895—1905 гг., исторические романы и драмы в 1906—1919 гг. и гротеск после 1920-го г. На рубеже 1910—1920-х гг., после работы корреспондентом на фронте Первой мировой войны, революционных волнений и всеобщих забастовок в Испании, Валье-Инклан переживает духовный кризис. В интервью газете «ABC» Валье-Инклан сказал, что один из способов восприятия реальности — «смотреть на мир с высшей плоскости и рассматривать персонажей произведений как существ, низших по отношению к автору, с долей иронии <…> Этот способ является уже окончательным у Гойи» [Martínez, 1928]. Гойя, как и Валье-Инклан, работал в сложный для Испании исторический момент: оккупация войсками Наполеона, мадридское восстание 1808 г., война за независимость и реставрация — и его творчество также характеризуется обличительным пафосом. Они оба выбирают в качестве своих героев представителей социальных низов, а топосом оказываются цирк, ярмарка или кабак. В рамках доклада сближения на мотивном и образном уровнях будут подробно рассмотрены. Художника и писателя объединяет установка на субъективность и передачу реальности, будто отраженной в кривом зеркале. Образ сна (самый известный — офорт «Сон разума рождает чудовищ» из серии «Капричос») у Гойи продолжает литературную традицию сна как средства социальной сатиры (ср.: цикл памфлетов Франсиско Кеведо «Сновидения»). Одновременно с этим сон объясняет странность изображаемого. Стихотворение-манифест, открывающее сборник Валье-Инклана, задает тему сна — наркотического опьянения, заставляющего видеть все в видоизмененных, гротескных воплощениях. Творческое «я» в обоих случаях оказывается освобождено от обыденности и получает возможность взглянуть на реальность со стороны. В поэтическом сборнике прослеживается ориентация на передачу в первую очередь визуального впечатления. Так, на 11 стихотворений приходится 67 цветовых эпитетов. Композиционно многие тексты («Конец карнавала», «Цирк шапито», «Хаке из Мединики») строятся как нанизывание сценок-зарисовок, умещающихся в строфу и объединенных общей темой, благодаря чему появляется ощущение статичности. Установка на зрительное восприятие проявляется и в синтаксической организации: часто это ряд назывных предложений, которые дают возможность нанизывать детали и постепенно очерчивать изображаемую картину. Таким образом, на переходный в творчестве Валье-Инклана сборник «Трубка гашиша» оказало влияние художественное наследие Гойи, что проявилось в эстетических установках, на образном и синтаксическом уровнях.

Литература:
Martínez Sierra G. Hablando con Valle-Inclán. De él y de su obra // ABC hemeroteca. Madrid, 1928. URL: http://hemeroteca.abc.es/nav/Navigate.exe/hemeroteca/madrid/abc/1928/12/07/004.html (22.02.2026).

Ким Ирина Аркадьевна
магистрантка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Невозможность утопии: «другой» как изгой в романе Г. де Фуаньи «Южная земля»

Категория «другого» является особенно важной для жанра утопии, поскольку именно благодаря взгляду на нечто иное, отличающееся от существующего и установленного порядка, читателю в полной мере открывается несовершенство окружающего мира. В основе большинства утопий лежит сюжет, где герой, от лица которого ведется повествование, случайно открывает для себя идеальное государство — утопию — подробно описывает его, а также рассуждает о разнице между утопией и привычным европейским обществом, акцентируя внимание на недостатках последнего и размышляя о том, каким образом было бы возможно достичь идеала (и возможно ли это вообще).
В данном докладе рассматривается понятие «другого» в романе Г. де Фуаньи «Южная земля» (1676). Жак Садер, главный герой, обладает непростой судьбой: он родился гермафродитом, из-за чего его с детства презирают, его родители погибают в кораблекрушении, а после он претерпевает множество бед, после чего во время очередного кораблекрушения он оказывается выброшен на неизвестный остров — Южную землю, населенную австралийцами-гермафродитами, которые представляют собой идеальное общество — антипод Европы. Жители Южной земли являются совершенными существами, лишенными пороков и страстей, они не нуждаются в писаных законах и правилах, поскольку каждый находится в абсолютном согласии с каждым другим членом их общества: «Мы совершенны в том, чтобы быть равными во всем, наша слава заключается в том, чтобы везде казаться одинаковыми и воспитываться одинаково» [Foigny, 1990: 101], — а гермафродитизм лишь подчеркивает их совершенность, целостность, самодостаточность.
Однако сохранить этот идеальный, но хрупкий миропорядок возможно только благодаря жесткому разделению на «своих» и «чужих»: главного героя впускают в общество, поскольку он также является гермафродитом, но на правах «ребенка», который должен научиться соответствовать духовно, идеологически, что оказывается невозможно — разница в воспитании слишком велика и непреодолима. Героя изгоняют, он оказывается чужим как в своих родных краях (в Европе), так и среди австралийцев, что любопытно, поскольку часто в утопиях главный герой является одним из лучших, а потому способных оценить по достоинству совершенство государства-утопии, представителей своего общества.
Роман Фуаньи хорошо изучен в зарубежном литературоведении, но практически неизвестен в отечественном: он до сих не переведен на русский язык, а в научной литературе упоминается лишь вскользь в работах и статьях по утопии XVII в. или в контексте мифа о *Terra Australis Incognita* (‘Неведомая Южная земля’), что обусловило выбор именно этой утопии.
Таким образом, в романе «Южная земля» Фуаньи понятие «другого», столь важное для жанра утопии, раскрывается еще и в другом смысле: герой оказывается абсолютно «чужим», его не принимают ни в одном из «миров», а несоответствие заканчивается

трагическим изгнанием — идеал остается недостижимым.

Литература:
Foigny G. de. La Terre australe connue. Paris, 1990.

Кирленкова Дарья Михайловна
магистрантка 1 курса
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

От трагедии к фарсу: детрагизация трагедии мести на примере дуэли Гамлета и Лаэрта в бурлесках «Гамлета» викторианской эпохи

Проблема переосмысления шекспировской трагедии «Гамлет» является центральной для изучения викторианской театральной культуры. Бурлескные версии пьесы с начала XIX в. отражают жанровое преобразование оригинала, высвечивая художественные, социальные и политические «штампы» эпохи. Доклад анализирует лишение трагического пафоса через фарс и комизацию на примере дуэли Гамлета и Лаэрта в пяти бурлесках: «Hamlet Travestie» Дж. Пула (1810), «Hamlet the Dane» Ч. Бекингтона (1847), «Hamlet, Prince of Denmark» Дж. Э. Райса (1852), «Hamlet the Dainty» Г. У. Гриффина (1870) и «Hamlet Revamped» Ч. С. Соула (1879).

Бурлеск эволюционировал от античной пародии («Батрахомиомахия») и средневековой травести к расцвету в XIX в. в безлицензионных театрах. Лицензионный акт 1737 г. ограничил постановку известных классических произведений патентными сценами (Друри-Лейн, Ковент-Гарден), вынудив малые театры (Адельфи, Стрэнд) перейти к музыкальным пародиям, паттер-сонгам и фарсу для постановки классики. Закон о театрах 1843 г. отменил монополию, но бурлеск сохранил сатиру над «высоким» театром. Среди пьес Шекспира именно «Гамлет» был наиболее часто подвергнут бурлескной пародии за счет своей широкой известности (по данным Р. Шоха, на него приходится 60 % всех шекспировских бурлесков 1810—1880 гг. [Schoch, 2002]), что давало возможность иронизировать над культом Шекспира, тем самым иронически утверждая его.

В оригинале зеркальность Гамлета и Лаэрта — ключевая дихотомия: оба мстят за отца, но Гамлет рефлексивен, Лаэрт импульсивен. Дуэль — кульминация трагедии: хаос, который был создан Клавдием, может разрешить только неизбежный акт насилия героя-мстителя, которая влечет за собой смерть других персонажей. Окончательно трагедия приходит к логическому концу с появлением героя порядка (Фортинбраса).

Бурлеск стремится снять трагичность, убрать дихотомию хаоса и порядка. Различия героев гиперболизируются до гротеска, фехтование сменяется фарсом (бокс, стрельба), пафос — карнавалом. В «Hamlet, Prince of Denmark» дуэль — стрельба из лука; «смерти» фальшивы, герои оживают, обнимаются, толпа расправляется с королем. В «Hamlet the Dainty» король делает вид, что мирит дуэлянтов, но дальше следует бокс, а потом все приходит к хаосу с появлением призрака. В «Hamlet Revamped» Лаэрт отсутствует, все превращается в студенческий фарс. В «Hamlet Travestie» дуэль также представлена в виде бокса, Гамлет в конце убивает короля. В «Hamlet the Dane» бокс переходит в избиение друг друга плетками: все «умирают» в фарсе.

Анализ дуэли иллюстрирует инверсию трагедии мести в антитрагедию: возмездие становится карнавальным хаосом. Гиперболизация и замена оружия сатиризируют «высокий» театр и викторианский культ Шекспира. Детрагизация отражает эволюцию бурлеска от лицензионных ограничений к свободной пародии, усиливает актуальность оригинала, делая его доступным через социальные «штампы» эпохи. Бурлеск лишает пафоса, но парадоксально подтверждает универсальность «Гамлета».

Литература:
Schoch R. W. Not Shakespeare: Bardolatry and Burlesque in the Nineteenth Century. Cambridge, 2002.

Кошубин Александр Николаевич
студент 4 курса
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Особенности жанра «темная академия»: жанрообразующий канон и его трансформация (на примере романа Д. Хоупена «Пардес»)

Темная академия — жанр, сформировавшийся в связи с выходом романа Д. Тартт «Тайная история» в 1992 г. Роман Д. Тартт предъявляет новую жанровую модель, опирающуюся на два основания — университетский роман (англ. *campus novel*) и нуарный детектив. О. Ю. Анцыферова, характеризуя поэтологические особенности университетского романа, выделяет следующие принципиально важные элементы: университетское пространство (как главное место действия) с его законами и иерархией; главный герой — преподаватель-одиночка, «чужак», чья «инаковость» определена его особыми взглядами; академическая среда, характеризующаяся высокой концентрацией интеллектуальных дискуссий, научных споров и литературных аллюзий [Анцыферова, 2008]. Нуарный детектив, по мнению М. А. Жирковой, выделяют: наличие мрачной (нуарной) атмосферы, вариативность версий (повествование могут вести сразу несколько персонажей), главный герой — маргинал, который может быть как свидетелем, так и соучастником [Жиркова, 2017]. Роман «Тайная история» определил канон темной академии: университет и элитарная группа студентов (с характерным распределением ролей внутри), увлеченная изучением предмета, на почве которого возникает интеллектуальная одержимость и совершается преступление; герой-аутсайдер — маргинал, выполняющий роль ненадежного свидетеля и рассказчика, и др.
На сегодняшний день создано достаточное количество произведений, которые могут быть атрибутированы в русле темной академии. Следование канону, как правило, не предполагает принципиальной трансформации всей модели, а строится на вариативной замене отдельных смыслообразующих элементов. В первую очередь подобные изменения затрагивают основание, т. е. предмет профессионального интереса, формирующего интеллектуальную зависимость и профессиональную деформацию.
В романе Д. Хоупена «Пардес» (2020) — это иудаизм, рассмотренный как предмет изучения, предполагающий погружение в малоизвестный широкому кругу читателей мир иудаистского сообщества. Хоупен создает самобытную форму классического инварианта жанра «темная академия»: не отказываясь от традиционной сюжетной схемы, автор изменяет и корректирует сюжетообразующие элементы — основное пространство, персонажную систему, аллюзивный пласт и т. д.

Литература:
Анцыферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2008. Вып. 4. С. 264—295.
Жиркова М. А. «Крутой детектив», «черный роман», нуар и полар: немного терминологии // Царскосельские чтения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krutoy-detektiv-chernyy-roman-nuar-i-polar-nemnogo-terminologii (16.06.2025).

Кузнецова Дарья Андреевна
студентка 4 курса

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Мотив путешествия в романе С. Таубес «Развод»

С. Таубес — американская писательница венгерского происхождения. Дебютный роман Таубес «Развод» был написан в 1969 г.

Первоначальный вариант названия романа — «В Америку и обратно в гробу» («To America and Back in a Coffin»), точно отражающий сюжет произведения, а именно — путешествие Софи после собственной смерти, был заменен редакторами на «Развод». Мотив «путешествия» пронизывает весь роман как в прямом, так и в переносном смысле. В романе представлен синтез различных жанровых структур — некое «путешествие» Таубес по миру литературных жанров. В романе есть сцены драматического действия (эпизод суда над Софи), элементы эпистолярного жанра (письма Софи своему любовнику Айвану), небольшие заметки отца главной героини о собственном детстве и взрослении в еврейской семье, европейские сказки и еврейские анекдоты.

Характерным для романа Таубес приемом является фрагментарность. «Путешествие» Софи по собственному прошлому и прошлому своей семьи составляется из множества коротких эпизодов, начинающихся и заканчивающихся порой внезапно и нелогично. Так, за эпизодом, повествующим о реальном событии, может следовать эпизод сна, начало которого сливается с реальностью жизни Софи, и лишь к середине эпизода, в силу его гротескности, становится понятно, что Таубес описывает именно сон героини. Возвращаясь к «путешествию» по миру литературы и мотиву путешествия в целом, стоит отметить тесную связь между ними и писательством и литературным творчеством. Вечно бесприютная Софи, чья жизнь состоит из многочисленных переездов из одной страны в другую, видит некую «остановку» в литературном творчестве. Софи хочет написать книгу, считая ее стабильным и неизменным пространством, конец которого, в отличие от жизненного финала, можно предугадать. Мотив «путешествия» вводится в роман с первого же эпизода, описывающего момент осознания Софи собственной смерти. Софи открывает глаза и осознает новую действительность, как турист — пространство новой местности. Комната, в которой оказывается героиня, постоянно меняется, подобно виду за окном. Некий взгляд путешественника — то, к чему Софи за всю жизнь привыкла, начиная от переезда ее еврейской семьи из Венгрии в Америку, заканчивая переездом героини от мужа во Францию: *Комната снова переменилась, но Софи уже привыкла. Она привыкла к незнакомым комнатам. Она всю жизнь путешествует* [Таубес, 2024: 24]. Данный взгляд будет свойственен героине на протяжении всего романа. Любовь и взаимоотношения между мужчиной и женщиной в романе также изображаются как некое путешествие — как физическое (для того, чтобы поддерживать отношения с любовниками, Софи приходится летать в разные города и страны), так и метафизическое — путешествие Софи по собственным чувствам и осознание себя через романы и взаимоотношения с противоположным полом, освобождение от религиозных взглядов старшего поколения семьи и взгляда отца-психоаналитика на отношения, которые, несомненно, ограничивают женщину.

Таким образом, мотив «путешествия» проходит через весь роман Таубес, начиная с непосредственного описания путешествий Софи (как при жизни, так и после смерти), упоминаний различных топонимов, заканчивая описанием сознания Софи, которая воспринимает жизнь и любовь как путешествие.

Литература:
Таубес С. Развод / Пер. с англ. Ю. Полещук. СПб., 2024.

Кузьмина Лана Александровна

магистрантка 2 курса
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Рецептивная интермедиальность в малой прозе С. Вриланд

В докладе исследуется цикл короткой прозы С. Вриланд «Life Studies» (2005), в частности рассказ «Mimi with a Watering Can» («Мими с лейкой»), где ключевую роль играет отсылка к произведению искусства. Основное внимание уделяется не классическому экфрасису, а механизму рецептивной интермедиальности, когда анализ смещается с описания художественного объекта на нарративную репрезентацию субъективного акта его восприятия персонажем.

Анализ строится на выявлении функций интермедиальных аллюзий в тексте. Произведение искусства рассматривается как медиатор, выполняющий сюжетообразующую роль. В рассказе «Mimi with a Watering Can» образ картины Ренуара «Девочка с лейкой» возникает не через описание, а через культурную аллюзию. Для отца девочки, переживающего экзистенциальный кризис после смерти собственного отца, мысль о картине становится точкой опоры и способом заново выстроить отношения с дочерью. Искусство здесь служит инструментом осмысления личной травмы, становясь языком для выражения непроговариваемого опыта.

Встреча с художественным образом структурирует повествование, выступая катализатором внутреннего изменения персонажа. В других рассказах сборника отсылки к живописи выполняют сходную функцию: они не описываются детально, но их присутствие в сознании героев меняет траекторию сюжета, становится моментом принятия важного решения.

Центральным объектом анализа становится репрезентация процесса восприятия. Исследуется, как Вриланд вербализует аффективные и телесные реакции героев на мысль об искусстве — физиологические ощущения, поток ассоциативной памяти, эмоциональный отклик. Важно не то, как выглядит картина, а то, что происходит с человеком в момент воспоминания о ней. Это позволяет рассматривать интермедиальную отсылку как ядро камерного сюжета о преодолении.

Такой подход принципиально отличается от традиционного экфрасиса, где автор стремится создать у читателя иллюзию присутствия перед картиной. Вриланд отказывается от этой задачи в пользу исследования того, как уже существующий в культуре образ врастает в личную историю, становится ее неотъемлемой частью и меняет оптику восприятия реальности самим персонажем. Герои ее рассказов не столько «видят» искусство, сколько «чувствуют» его телом и памятью.

Таким образом, цикл «Life Studies» реализует стратегию рецептивной интермедиальности, где искусство предстает не объектом описания, а ключевым событием в частной жизни человека. Вриланд смещает фокус с вопроса «что изображено?» на вопрос «что происходит с человеком, когда искусство вторгается в его жизнь?», предлагая модель интермедиального письма, где главным становится не репрезентация, а рецепция.

Марышева Станислава Ивановна
студентка 4 курса
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Интерпретация образа Элеанор Ригби в романе Й. Шимманга «Новый центр»

Оригинальный образ Элеанор Ригби, созданный «The Beatles» в 1966 г., вошел в последующую художественную культуру на правах образа, вокруг которого выстраиваются новые сюжеты — как в литературе, так и в кинематографе.

Интерес как поклонников группы, так и других художников к образу героини обусловлен несколькими факторами: во-первых, недосказанностью текста песни, которая затрудняет понимание истории Элеанор Ригби; во-вторых, обращением авторов текста к слушателям, которое побуждает их поучаствовать в совместном творческом процессе и ответить на вопросы о судьбах одиноких людей («Откуда они берутся?», «Где их место в мире?»). Несмотря на различные интерпретации образа героини, он устойчиво продолжал связываться с темой одиночества. Однако немецкий писатель Й. Шимманг отходит от традиционного понимания образа героини и переосмысляет его в романе «Новый центр» (2011), который является материалом исследования.

Цель исследования — выявить характер трактовки образа Элеанор Ригби в романе Шимманга «Новый центр».

Методологически исследование опирается на имманентный подход (анализ), а также сравнительно-исторический и интертекстуальный анализ.

Роман «Новый центр» повествует о событиях 2029—2030 гг., когда Интернациональная комиссия под руководством англичан свергает в Германии власть хунты, правившей девять лет. Герои романа пытаются восстановить руинную территорию в Берлине, где прежде располагался правительственный квартал.

Сквозь призму восприятия рассказчика Ульриха Андерса мы узнаем характер его возлюбленной Элинор (в такой транскрипции имя героини фигурирует в переводе И. С. Алексеевой) Ригби и ее историю. Таким образом, читатель не может в полной мере понять поступки и чувства героини.

Элинор Ригби — системный архитектор компьютерной фирмы «Alice in Wonderland», находящейся на территории бывшего правительственного квартала.

С героиней «The Beatles» Элинор объединяет несколько черт: мечтательность, которая особенно ярко раскрывается в эпизодах, описывающих литературные предпочтения героини, и наличие тайны. Помимо этого, Элинор всячески «поддерживает образ», к которому отсылает ее имя.

В романе «Новый центр» главный герой Ульрих Андерс находится под влиянием стереотипа о поэтическом прототипе героини, поэтому он не может догадаться об измене с ее стороны и предвидеть опасность оружия «Белый мир», разработкой которого она занималась.

В трактовке Шимманга Элинор Ригби перестает быть романтической героиней. Наоборот, она предстает эгоистичной, готовой на все ради своей цели, даже если последствия ее решений нанесут вред другим людям.

В результате мы делаем несколько предположений о том, с какой целью автор присваивает героине такое имя.

Во-первых, упомянем версию О. Н. Турышевой, согласно которой данное переосмысление образа разоблачает сотериологию книги и библиотеки, а также указывает на несостоятельность литературоцентричного сознания Ульриха, поскольку он неверно интерпретирует аллюзию, заключенную в имени героини, отождествив характер Элинор с героиней песни «The Beatles». Для Ульриха попытка применить литературный опыт в собственной жизни оборачивается провалом, и он остается ни с чем [Турышева, 2018].

Во-вторых, изменение трактовки образа, вероятно, отражает абсурдность политической жизни в Германии, которая, как пишет М. Я. Ларина, не позволяет героям «упорядочить собственное бытие» [Ларина, 2021: 224].

Литература:

Ларина М. Я. Образ библиотеки как утопии культуры в русской и немецкой прозе 1990—2000-х годов // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX—XXI веков: литература, живопись, кинематограф. М., 2021. С. 220—230.

Турышева О. Н. «Библиотекари»: миссия невыполнима? (Мифология книги в современном массовом и интеллектуальном искусстве) // Культ-товары: массовая литература современной России: между буквой и цифрой. СПб., 2018. С. 97—110.

Немцева Олеся Николаевна
студентка 2 курса
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Зеркало конца XIX в.: проза М. Корелли как энциклопедия викторианских страхов

Роман М. Корелли «Скорбь сатаны» (1895) долгое время оставался вне академического канона, поскольку его статус бестселлера воспринимался как препятствие для серьезного научного анализа. Новизна предлагаемого научного исследования заключается в преодолении такого взгляда и гипотезе о том, что благодаря феноменальному успеху и популярности среди своих современников «Скорбь сатаны» может служить источником для изучения коллективного сознания и доминирующих социальных фобий конца XIX в. Цель работы — выявить основные викторианские страхи, перенесенные в сюжет, изучить систему персонажей и символику произведения. Материалом для изучения служит оригинальный текст, переведенный на русский язык, и исторические сведения, касающиеся 1890-х гг.

В ходе исследования было установлено, что центральным страхом является ужас перед разорением в эпоху непредсказуемого капитализма. Главный герой, Джеффри Темпест, олицетворяет собой викторианский кошмар «джентльмена без средств» — потерю социального статуса, ведущую к небытию. Сатана в романе искушает героя не столько властью, сколько безграничным достатком и признанием, давая понять, что деньги утратили связь с реальным трудом и превратились в мистическую, демоническую субстанцию, способную исчезнуть в одночасье, оставив после себя лишь хаос и разрушения.

Кроме того, роман показывает деградацию наследственной аристократии. Образы обедневших лордов, торгующих своими титулами ради браков с американскими миллионершами, отражают тревогу викторианцев по поводу утраты традиционной иерархии. На смену «старым деньгам» приходят «новые», лишенные морального фундамента, что порождает страх перед окончательным разрушением сословных границ и утратой национальной идентичности.

Объектом критики и одновременно источником ужаса для Корелли выступает декадентство и философия «искусства для искусства». В образе главного героя и в описаниях богемных салонов воплощается фобия викторианского обывателя перед интеллектуалами, отвергающими христианскую мораль. Автор романа «диагностирует» неприятие обществом того, что культура, отказавшись от этики, станет служить исключительно пороку и чувственным наслаждениям, что приведет к духовной гибели нации [Безкоровайная, 2024]. В эпоху торжества позитивизма и науки «Скорбь сатаны» выражает тоску по утраченной вере и страх перед пустотой, образующейся на месте религии. Герои пытаются заменить веру культом поверхностного искусства или чувственной любви, но каждый раз терпят крах. Роман становится манифестом страха перед миром, в котором Бог «мертв», а дьявол предлагает суррогаты счастья.

В заключение можно сделать вывод о том, что «Скорбь сатаны» представляет собой энциклопедию викторианских страхов, спроецированных на фантастический сюжет. Роман воспринимается как симптом общественного невроза, что объясняет его колоссальную популярность у современников, узнававших в «зеркале» собственные фобии.

Литература:

Безкоровайная Г. Т. Языковые маркеры концепта «викторианская мораль» как элемент национальной культуры британцев в зеркале реалистического романа XIX века // Вестник культурологии. 2024. Вып. 2 (109). С. 9—33.

Овчинникова Арина Андреевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Поэтика автофикшена в романе Я. Немеца «Возможности любовного романа»: лоскутное одеяло реальности

Работа посвящена исследованию романа Я. Немеца «Возможности любовного романа» (2019) как метатекстуального рассуждения о природе вымысла, в рамках которого утверждается несостоятельность и бессмысленность привычной оппозиции «вымысел/реальность»: *Вымысел — тоже часть реальности* [Немец, 2021: 189]. Это соответствует подходу автора термина «autofiction» С. Дубровски: «Моя жизнь является основой моего романа, мой роман является основой моей жизни» [цит. по: Алташина, 2014: 14].

Настоящий парадокс становится причиной онтологически нестабильного статуса творца, вечно балансирующего на грани между фикциональностью и действительностью, проживающего жизнь как одно из своих творений и тем самым разрушающего ее, что обусловливает трагический финал: *Или жизнь, или литература — никаких других возможностей у нас не было, Нина* [Немец, 2021: 496]. Как в знаменитом анекдоте У. Эко о затрудненности любовного высказывания в эпоху постмодернизма [Эко, 2025: 50], Немец исследует любовные отношения через призму постмодернистской эстетики. Так, фундаментальной, смыслообразующий категорией в романе становится типичный постмодернистский прием транстекстуальности, обусловливающий специфику реализации жанра автофикшен как «лоскутного одеяла», сотканного из множества смыслов и источников.

В рамках исследования прослеживается связь текста с категорией жанра как проявление архитекстуальности; рассматривается специфика функционирования интертекстуальных элементов, привлечение которых в художественной концепции Немеца становится полноправным творческим актом, в свою очередь опровергающим и переосмысляющим еще одну фундаментальную оппозицию аутентичного и заимствованного, своего и чужого. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современного литературоведения к природе автофикшена как пограничного жанра, совмещающего реальность и вымысел.

Литература:
Алташина В. Д. Autofiction в современной французской литературе: лего из эго // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. Вып. 3. С. 12—22.
Немец Я. Возможности любовного романа. М., 2021.
Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М., 2025.

Позднякова Алина Викторовна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Мотив сна в «Калевале» Э. Леннрота

«Калевала» — произведение исключительных художественных достоинств, которое удивляет необычайной широтой и живописностью изображения и знакомит читателя с особым карело-финским миросозерцанием.

Но чтобы суметь по-настоящему оценить достоинства «Калевалы», необходимо отказаться от привычной нам логики: здесь сложно обнаружить точность и соразмерность явлений, а противоречия возникают повсюду. Но, как отмечал Д. В. Бубрих, все это придает произведению особый колорит сна, который позволяет преодолеть столь естественные для нас мыслительные категории [Бубрих, 1933: XIX].

Так, целью данной работы становится исследование мотива сна — одного из ведущих в «Калевале»; сон — это хрупкое и многозначное средство хранения сведений [Лотман, 1992: 226], и анализ данного мотива позволяет лучше раскрыть идейный замысел финского эпоса. Объектом исследования выступает собственно «Калевала», а предметом изучения — конкретные формы реализации мотива сна в произведении. В работе применяется структурный метод, а также метод контекстного анализа.

Рассуждая о мотиве сна, мы должны понимать разницу между сном как фактом человеческой жизни и сном как фактом литературы, поскольку, с одной стороны, мы имеем дело с реальными народными представлениями древних финнов, а с другой — перед нами авторская интерпретация древних сказаний, принадлежащая Э. Леннроту. Как отмечал Д. С. Лихачев, внутренний мир художественного произведения, в отличие от действительности, имеет собственные закономерности и смысл [Лихачев, 1968: 76]. И в данном случае сон для нас важен в первую очередь как необходимый элемент художественной структуры, созданной Леннротом, который объединил разрозненные предания в единое целое.

Прежде всего в Калевале обращает на себя внимание оппозиция жизни и сна, где сон есть смерть (руны 15 и 16); отсюда близость мотива сна с мотивами старости и ветхости, но в тоже время и с мотивом покоя. Однако сон в «Калевале» — даже более широкое понятие, чем смерть: это некое изначальное состояние бытия (особенно это заметно в сценах сотворения мира в первых рунах эпоса). Кроме того, в «Калевале» нельзя обойти вниманием сон как божественное откровение (руна 5) и сон как предсказание будущих событий (руна 12); иными словами, здесь данная категория рассматривается как средство коммуникации. Наконец, в «Калевале» сон — настоящее оружие, с помощью которого можно усыпить врага и забрать себе желаемое (руна 42).

Так, данная работа поделена на 3 части: 1) сон как элемент, вписывающийся в бинарную оппозицию жизни и смерти; 2) сон как средство коммуникации и носитель информации; 3) сон как средство борьбы. Подобное деление позволяет рассмотреть исследуемый нами мотив сна в его многомерности и неоднозначности.

Таким образом, сон — сложная категория, роль которой весьма значительна в «Калевале». Это важный элемент структуры, который, вплетаясь в созданную Леннротом общую ткань повествования, с одной стороны, объединяет руны единым мотивом, но, с другой — раскрывается во всей своей многоликости.

Литература:

Бубрих Д. В. Из истории «Калевалы» // Калевала: финский нар. эпос. М.; Л., 1933. С. IX—XX.

Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. Вып. 8. С. 74—87.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

Разживина Анна Сергеевна
студентка 4 курса
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Утопизм как доминанта национального характера в трилогии Т. Стоппарда «Берег утопии»

Доклад посвящен исследованию репрезентации утопического мышления как доминанты русского национального характера в драматической трилогии Т. Стоппарда «Берег утопии» (2002).
Предпосылкой для создания пьесы послужило для драматурга знакомство с работами И. Берлина, в ходе изучения которых он увлекся конфликтом, на котором Берлин специализировался: вечной борьбой русской интеллигенции за свободу. Следует отметить, что на Западе, начиная с периода революции, утопизм считают чертой русского мышления. Стоппард в трилогии «Берег утопии» анализирует этап, когда в XIX в. общественное движение просветительства достигло России, российская эмиграция получила голос, появилось множество проектов переустройства общества, т. е. тех самых утопических мечт, о которых пишет Стоппард. Каждый из главных героев «Берега утопии» (А. Герцен, Н. Станкевич, В. Белинский, М. Бакунин и др.) воплощает определенную утопическую идею, захватившую русскую интеллигенцию в XIX в. Для Герцена утопия видится в победе либерализма, для Станкевича — в эскапизме, полном уходе от реальности (идеи Фихте и Шеллинга), для Белинского — в выведении русской литературы на ведущую роль в общественной жизни страны, для Бакунина — в социалистической революции. Само произведение построено как путешествие: на сюжетном уровне (русская интеллигенция стремится уехать за границу) и идейном (попытка достигнуть берега утопии). Стоппард показывает, что утопия становится для русских персонажей формой существования, способом осмысления мира. Однако их утопические идеи оказываются несостоятельными и обреченными на «кораблекрушение». Стоппард демонстрирует, как интеллектуальная теория «проигрывает» объективной реальности.
Настоящее исследование посвящено художественным стратегиям репрезентации и критики утопизма. В результате анализа делается вывод о том, что Стоппард критикует саму утопическую парадигму мышления. Таким образом, утопизм в трилогии интерпретируется не как индивидуальная черта, а как устойчивая культурная характеристика, определяющая траекторию русской общественной мысли XIX в.

Розова Татьяна Евгеньевна
студентка 3 курса
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Концепт перевода в романе Р. Ф. Куанг «Вавилон»: призма колониальных отношений

В центре внимания работы находится роман Р. Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» (2022), в котором «перевод» выступает ключевым литературным приемом для деконструкции колониальных отношений между Британией и Китаем в XIX в. Исследование опирается на теоретические работы Х. К. Бхабхи (в которых раскрываются и изучаются такие понятия, как: гибридность, мимикрия, «промежуточные пространства» культуры), Э. Саида (ориентализм как дискурс, формирующий знание и механизм осуществления власти), Л. Витгенштейна (идея о том, что границы языка человека — границы его мира) и К. Кэрут (травма и невыразимость опыта). Анализ романа позволяет выделить три взаимосвязанных уровня функционирования «перевода» в романе. Во-первых, перевод является основой фантастического мира: магия «серебряной работы» базируется на утраченных при переводе смыслах, а Оксфордский институт перевода (Вавилон) превращает знание языков колонизированных народов в инструмент имперской власти. Согласно Саиду, западное знание о Востоке служит не пониманию другого, а его

«фильтрации» и подчинению; в романе эта идея получает буквальное воплощение в магической системе.

Во-вторых, перевод функционирует как метафора колониального насилия и предательства. Главный герой, Робин Свифт, будучи сиротой, насильственно перемещенным из Кантона, вынужден постоянно «переводить» себя, чтобы соответствовать ожиданиям английского общества. Принудительная смена имени становится первым актом такого самоперевода, иллюстрируя концепцию мимикрии Бхабхи: колонизированный субъект становится «почти тем же самым, но не совсем», его присутствие всегда остается «частичным». Отказ от родного языка ведет к сужению границ мира персонажа, а невозможность выразить травматический опыт словами усугубляет его внутренний конфликт. Сцена на корабле, где Робин выступает переводчиком между английскими матросами и соотечественником, которому отказывают в посадке, становится ключевой: акт перевода превращается в акт предательства, порождая невыразимое чувство вины.

В-третьих, перевод определяет промежуточное положение героя между двумя мирами — Кантоном (Гуанчжоу) и Британией, ассимиляцией и сопротивлением. Дружба с Рами и встреча со сводным братом Гриффином актуализируют понятие «внутрикультурного доверия», которое вступает в конфликт с благодарностью, навязанной профессором Ловеллом. Лекция о теориях перевода провоцирует у Робина острый приступ вины, поскольку он осознает: его работа в Вавилоне — это ежедневное соучастие в колониальной эксплуатации. Кульминацией становится возвращение в Кантон в качестве переводчика британской делегации, где реальность колониального насилия становится неоспоримой. Финальное использование магической пары к лексеме *переводить* трансформирует концепт предательства: взрывая башню Вавилона изнутри, Робин обращает акт перевода против самой системы, превращая его в акт самопожертвования, и личная гибель обретает смысл высшей верности «своим».

Куанг показывает, как «промежуточные пространства» культуры становятся местом выработки новых стратегий идентичности, а колониальный перевод обнажает неразрывную связь между языком, властью и травмой. История Робина Свифта подтверждает, что утрата родного языка ведет к утрате части себя, а согласно концепции травмы, разработанной Кэрут, опыт миграции и колониального насилия создает «слепую зону» в нарративной структуре памяти — зону, принципиально не поддающуюся полной языковой репрезентации.

Стригина Алина Александровна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Имплицитные смыслы в рассказе Р. Брэдбери «Пешеход»: лексико-синтаксические и стилистические средства

Известно, что категория имплицитности является предметом многочисленных отечественных и зарубежных исследований XX—XXI вв., что свидетельствует об устойчивом интересе литературоведов к проблеме выявления скрытых смыслов художественного текста. Вопросы подтекста и импликации разрабатывались в трудах И. Р. Гальперина, Ю. М. Лотмана и других исследователей [Гальперин, 1981; Лотман, 1998]. Имплицитность определяется как важнейшая текстовая категория, обеспечивающая глубину интерпретации и расширение семантического пространства произведения. Особый исследовательский интерес представляет реализация имплицитных смыслов в жанре антиутопического рассказа, где авторское предупреждение нередко выражается не прямой оценкой, а посредством использования системы языковых средств. В этом отношении показателен рассказ «Пешеход» («The Pedestrian», 1951) американского

писателя Р. Брэдбери (1920—2012), в котором писатель воссоздает модель технологизированного общества будущего.

В центре повествования — образ человека, сохраняющего способность к свободному передвижению и размышлению в мире, погруженном в пассивное потребление телевизионного контента. Уже в экспозиции рассказа автором формируется семантическое поле пустоты и тишины: *empty streets*, *silent houses*, *graveyard*, *tomb-like buildings* (‘пустые улицы, безмолвные дома, кладбище, здания, похожие на гробницы’). Описание города, сопоставляемого с кладбищем, не содержит прямого авторского осуждения, однако при помощи лексических средств имплицитно создается образ духовно «мертвого» общества. Значимым элементом художественной структуры становится противопоставление природного и механического начал. Природный свет (*moonlit avenues*, *crystal frost* ‘аллеи, освещенные лунным светом, иней, словно хрусталь’) контрастирует с резким искусственным светом полицейского прожектора (*a fierce white cone of light*). Тем самым свет из категории естественного бытия трансформируется в инструмент контроля и подавления, созданного человеком.

Идея отчуждения реализуется за счет синтаксической организации диалогической речи в рассказе. Реплики полицейской машины номинативны и предельно лаконичны (*No profession*, *Not married*, *Walking!*). Подобная редукция отражает обезличивание героя, его уменьшение до некого набора данных для протокола.

Особого внимания заслуживает наименование учреждения, куда отправляют героя: *Psychiatric Centre for Research on Regressive Tendencies*. Лексема *regressive* маркирует искажение системы ценностей общества: способность мыслить и действовать самостоятельно трактуется как отклонение от нормы. Таким образом, через официально-нейтральную лексику создается скрытый антиутопический подтекст.

С целью выражения имплицитных смыслов автор использует лексический повтор (лексем *empty*, *silent*, *no one*), метафоры, зооморфные сравнения (*scarab-beetles*, *night moth*), а также контраст сенсорной образности (живое, чувственное описание природы и описание безжизненной, стерильной среды города).

В заключение скажем, что детальный анализ рассказа «Пешеход» позволяет утверждать, что имплицитность является ведущим принципом художественной организации данного текста. Антиутопическая модель будущего формируется не через прямую авторскую оценку, а посредством целой системы языковых средств.

Литература:

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста СПб., 1998.
Bradbury R. Twice twenty-two: The golden apples of the sun; A medicine for melancholy. Garden City (N.Y.), 1959.

Тоноян Амалия Акоповна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Техника монтажа в романе В. Вулф «На маяк»

В эссе «Кинематограф» (1926) В. Вулф выражает собственные впечатления о просмотре кино, рассуждает о феномене кинематографа и о языке, которым режиссер доносит до зрителя свои мысли и с помощью которого воздействует на его эмоции. Писательница отмечает, что, несмотря на то что пока кинематограф «паразитирует на литературе», язык кино в корне отличен от языка прозы и поэзии. Причиной этому служит использование визуальных образов, лежащих в его основе, внимание на которых в нужный ему момент на

протяжении сцены акцентирует режиссер и которые без слов, благодаря ассоциациям, доходчиво объясняют зрителю, что он должен чувствовать. Писательница приводит примеры декодировки подобных режиссерских приемов: «Поцелуй — это любовь. Разбитая чашка — ревность. Ухмылка — счастье. Катафалк — смерть» [Вулф, 2014: 17]. Наше исследование основано на гипотезе, что при написании романа «На маяк» Вулф использует принцип монтажа и «переводит» язык кинематографа на язык литературы, используя знаки препинания и синтаксические конструкции. Новизна исследования состоит в конкретизации синтаксических приемов, применяемых Вулф в романе «На маяк» для формирования эффекта, идентичного монтажной склейке в кинематографе. Главная цель данного исследования состоит в том, чтобы определить степень влияния техники монтажа на написание романа «На маяк» и те литературные средства, которые использовала писательница для воссоздания кинематографической техники в романной форме.

Методы исследования: интермедиальный анализ (сопоставление принципов монтажа с текстовыми структурами), дескриптивный анализ пунктуационных и синтаксических средств.

Материалом исследования послужили эссе Вулф, прежде всего — «Кинематограф»; научный материал о теории монтажа в кинематографе, жизни и творчестве Вулф и английском модернизме, а также текст романа «На маяк». В результате исследования был выявлен характер синтаксических и пунктуационных средств, лежащих в основе техники монтажа Вулф: паратаксис (бессоюзная связь), специфическое частотное использование точки с запятой, вставные конструкции, оформленные с помощью тире и скобок. С помощью данных средств автор создает эффект перехода от одного кадра к другому, обозначая границы фрагментов пунктуационно, нарушает ритм текста, вставляя авторские ремарки и комментарии. Специфика синтаксиса, как было показано на примерах, сопоставима с такими кинематографическими приемами, как монтажная склейка, субтитры, интертитр и закадровый голос, а также обозначения крупного и общего планов. Благодаря данной технике также реализуется «эффект Кулешова», согласно которому два соседних кадра складываются у зрителя в смысловую цепочку, а также усиливают эмоциональное впечатление от каждого из кадров соответственно. Две последовательно идущие части бессоюзного предложения также способны воспроизводить подобный эффект.

Литература:

Вулф В. Кинематограф. М., 2014.

Фадеева Марианна Максимовна
магистрантка 2 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поэтика пространства в книге рассказов Э. Хемингуэя «В наше время»

Для творчества Э. Хемингуэя принципиальное значение имеет категория времени, на что указывает, напр., название первой книги рассказов писателя — «В наше время» (1925). Книга состоит из 14 рассказов (один из них разделен на две части), каждому из которых предпослана главка, взятая из книги «В наше время» (1924). Категория пространства выполняет в произведении важную смыслообразующую функцию. Пространственная организация книги подчинена двойной логике: универсализации (мир как единое поле насилия, страдания и травмы) и отчуждения (невозможность для героя обрести «дом», быть на «своем» месте).

Категория пространства тесно связана с образом мира, отличающимся отсутствием

устойчивых и общепринятых ценностей. Чередование разнообразных географических локусов (напр., место действия первых пяти рассказов — Америка, а главок к ним — Европа и Малая Азия) не создает контраст, а, напротив, отвечает стремлению показать мир как некое целое.

Практически любое место «в наше время» опасно, почти нигде нельзя укрыться от насилия. Так, обычная городская улица может стать местом безнаказанного убийства (виньетка VIII), а дом становится местом конфликта полов. Яркий образ, иллюстрирующий последнее, содержится в главке VI: раненый солдат — Ник Адамс, чье «воспитание» завершается в этом эпизоде, видит упавшую розовую стену дома и свесившуюся кровать. Отметим, что арена корриды — пространство, связанное с насилием, с борьбой «жизни» (тореро) и «смерти» (бык), — представляется неким храмом. Коррида является искусством, на арене все превращается в спектакль, имеющий свои правила (в чем заключается притягательность данного действа для тех, кто вернулся с войны). Однако и здесь возможен «ужас», напр., в виньетке X бык (танатос) теряется перед чем-то устрашающим и не может решиться броситься на израненную лошадь. Итак, принципиальное отсутствие связи насилия с войной позволяет говорить о пространственной универсализации травматического опыта.

Любое новое место, в которое попадает герой, воспринимается им через призму предшествующего опыта, под влиянием «избытка» другого пространства (и времени). Представляется важным, что книга открывается рассказом «Индейский поселок», задающим некую матрицу — знакомство с рождением, смертью и болью, — которая впоследствии определяет восприятие нового опыта. В этом смысле пространство в цикле «В наше время» функционирует как палимпсест: сквозь актуальное пространственное измерение просвечивает иное, травматическое. Этим обусловлена невозможность героя быть «дома», в надежной системе пространственных координат.

Стоит отметить, что потерянность закрепляется и на уровне точки зрения. Пространственная позиция персонажа, нередко единственная его характеристика, становится маркером принадлежности к «своим» или «чужим», которыми как правило оказываются мужчины и женщины. Ярким примером является здесь рассказ «Доктор и его жена». Женщина — член Общества христианской науки, — чей взгляд направлен на то, что дорого именно ей, остается в доме, а мужчины (Генри Адамс и его сын Ник) уходят «туда», в место без женщин. Отметим и ироническое название рассказа «Дома», демонстрирующее парадокс: «свое» пространство оборачивается «чужой страной».

Таким образом, пространство в сборнике «В наше время» выступает не фоном, а ценной характеристикой, реализующей одну из ключевых тем — невозможность укорененности в мире, лишенном устойчивых ценностей.

Фомич Василиса Александровна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Мотив двойничества в романе Т. Френч «Сходство» («The Likeness»)

Детективный роман «Сходство» (2008) ирландской писательницы Т. Френч представляет читателю закрученный двойнический сюжет: главная героиня, детектив Кэсси Мэддокс, расследует убийство своего двойника, для чего под видом якобы выжившей жертвы внедряется в круг ее бывших друзей. Ситуация осложняется тем, что убитая девушка, о чьем существовании Кэсси никогда не подозревала, последние несколько лет жила под именем Лекси Мэдисон, личность которой Кэсси когда-то придумала для работы под прикрытием.

Цель настоящего доклада — рассмотреть мотив двойничества в романе в контексте конструирования образа протагониста, опираясь на теорию стадии зеркала Ж. Лакана. Ряд

исследователей затрагивали мотив двойничества в «Сходстве», однако некоторые аспекты данной темы, включая сложную систему двойников Кэсси, интертекстуальный фон и интерпретацию через теорию Лакана, не были раскрыты в полной мере, что мы и попытаемся восполнить в нашей работе.

Анализируя текст, мы обнаруживаем, что Кэсси окружает целое множество двойников: воображаемая сестра, которую Кэсси придумала после гибели родителей; личность, которую она создала для работы под прикрытием; наконец, жертва и ее версия Лекси. Все двойники обладают внешностью Кэсси и именем Лекси, но их личностные характеристики значительно отличаются. Лекси становится как бы пустым означающим, которому может быть присвоено любое наполнение. Неслучайно в «Сходстве» упоминается «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона: Френч продолжает традицию, заложенную в двойнических текстах викторианской эпохи, где фигура двойника выражала страх насчет множественности и подвижности идентичности человека [Byron, 2012: 193].

Эта подвижность в Кэсси, ее диссоциативное состояние вызваны пережитыми ею травмами — от гибели родителей до разрыва с напарником. В результате Кэсси как бы застревает на стадии зеркала. По Лакану, в ходе прохождения этой стадии ребенок, сталкиваясь с собой как с другим, запечатлевает (иллюзорно) целостный образ себя и учится постоянно переприсваивать его, что впоследствии оберегает человека от психотического неразграничения внешнего и внутреннего и фрагментации идентичности [Мазин, 2005: 143]. Отношение Кэсси к своим двойникам показывает, что она не смогла овладеть этими навыками. Так, работая под прикрытием, оба раза она не может провести четкую границу между собой и выдуманной личностью. Слияние ярко демонстрируют эпизоды, когда Кэсси, смотря в зеркало, видит там не себя, а Лекси, и переживает отчуждение от своего отражения.

В теории Лакана мы находим и схему противоречивых переживаний от столкновения с двойником [см.: там же: 100], реализуемую Кэсси в романе: страх и агрессия соединяются с влечением и острым процессом идентификации. С одной стороны, Кэсси видит в своем двойнике угрозу (ведь он «претендует» на ее место в мире), с другой стороны, надеется обрести целостность через его образ. Расследование становится для нее формой поиска собственной идентичности и в итоге помогает завершить прохождение стадии зеркала. Таким образом, через мотив двойничества Френч показывает хрупкость мнимого единства человеческого «Я» перед лицом травмы.

Литература:

Мазин В. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб., 2005.
Byron G. Gothic in the 1890s // A New Companion to the Gothic / D. Punter. Hoboken, New Jersey, 2012. 186—196.

Shrainer Iana Valerevna
Student
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Evolution of Humanity as a Literary Experiment in the Works of H. G. Wells

The research examines how evolutionary theory is transformed into a narrative principle in the works of H. G. Wells. The aim is to demonstrate that Wells constructs evolution as a literary experiment designed to test the epistemological and ethical limits of modern civilization. The novelty of the study lies in interpreting biological, technological, and social change as interconnected dimensions of a single experimental model.
The material includes «The Time Machine» (1895), «The Invisible Man» (1897), and «The Island

of Doctor Moreau» (1896). The methodology combines close textual analysis with historical-literary contextualization, particularly fin de siècle debates on degeneration and social Darwinism. In «The Time Machine», evolution functions as a speculative projection that exposes the hidden logic of social stratification. The division of humanity into distinct forms does not illustrate progress but radical specialization driven by economic structure. The narrative experiment demonstrates that social inequality, when extended historically, produces biological divergence. Evolution is thus reconfigured as a process of differentiation that destabilizes the progressive myth of unity and improvement.

Within «The Invisible Man», the experiment shifts to the level of the individual subject. Invisibility operates not as a fantasy device but as a theoretical abstraction: the removal of visibility eliminates the mechanisms of social regulation. Evolution here is displaced into the sphere of technological self-modification, revealing that emancipation from physical limits entails ethical regression. The novel tests whether scientific transcendence enhances or erodes human identity.

A more radical configuration of experimental evolution appears in «The Island of Doctor Moreau», where artificial transformation seeks to accelerate natural processes. The instability of imposed rationality and the repeated collapse of constructed order demonstrate that culture cannot permanently override biological impulse. Evolution is presented as reversible and contingent, undermining deterministic optimism.

The analysis confirms that Wells's scientific romances operate as a conceptual laboratory in which humanity becomes both object and subject of experimentation. Evolution, in this model, is a critical instrument that interrogates the coherence of progress and the stability of the modern human.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РУССКОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СТИХА»

Алехнович Дарья Юрьевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Поэтика модернизма в стихотворном сборнике К. Бойе «För trädets skull» (1935)

В 1935 г. выходит последний прижизненный сборник стихотворений шведской поэтессы К. Бойе (1900—1941) «Ради дерева» («För trädets skull»). В настоящее время этот сборник является эталонным наследием направления модернизма в шведской литературе. Творчество Бойе за пределами Северной Европы изучено крайне мало, лишь несколько лет назад на базе кафедры германской филологии и скандинавистики ПетрГУ были выявлены лакуны в переводе романа-антиутопии «Каллокаин» (1941). Поэтическому наследию Бойе также не уделено достаточно внимания в научной и переводческой среде. В то время как сборник «Ради дерева», помимо непосредственно скандинавских национальных корней, основан на осмыслении Бойе восточной и европейской философии и культуры, и требует рассмотрения как значимый элемент мирового историко-литературного процесса. Цель доклада — выявление характерных для литературного направления модернизма черт, присутствующих в стихотворном сборнике Бойе «Ради дерева». Основными источниками стали работы шведских литературных критиков и историков К. Эспмарка и Х. Олссона; публицистические статьи М. Парнера и У. Виттрока о рецепции психоанализа в Швеции и личных сессиях Бойе с психоаналитиком; литературоведческие исследования Г. Домеллеф и К. Бергстрем, посвященные творчеству Бойе.

В ходе исследования целостной композиции сборника и отдельных его стихотворений были выявлены многие черты эстетической системы модернизма. Бойе экспериментирует с пространственно-временной структурой стихотворения, то расширяя пространство до

пределов космической бесконечности, то заключая это бесконечное пространство под кожу лирического «я». Поэтесса применяет не только зрительные образы, но также и тактильные, вкусовые и звуковые, тем самым читательское восприятие переходит на особый синестетический уровень. Экспрессивные трансцендентные мотивы явно указывают на принадлежность поэтики Бойе к дионисийскому литературному началу, так же как и фрагментарность повествования, воспроизводимая путем резкого чередования различных лирических изображений. В сборнике проявляется и мотив двойничества, который является отчетливым маркером модернизма. В некоторых стихотворениях прослеживаются аллюзии на сюжеты из Библии, Корана и скандинавской мифологии.
Главная идея сборника — это духовное перерождение земли и возвращение к первозданному и природному образу человека. Эту мысль Бойе прежде всего передает за счет собственного поэтического языка. Поэтесса в своем творчестве полностью прервала традиции рациональной формы создания и понимания стихотворных текстов, диктующей монополию на интерпретацию образов. Поэтика Бойе строится на бессознательном и ассоциативном восприятии, что и является ее специфической формой модернизма.

Ембулаева Александра Александровна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Композиционная роль стиха в повести В. В. Набокова «Соглядатай»

Проза поэта представляет собой случай потенциальной бессознательной метризации: поэты, имея опыт написания стихотворений, могут привносить элементы стиха и в прозу. Объектом исследования является метризация прозаического текста, выраженная в «случайных» силлабо-тонических размерах (учитываются только синтагматически цельные стихоподобные фрагменты). Предметом исследования становится связь метризации с композицией и сюжетом. Цель работы — изучить метризацию в повести в связи с семантической динамикой и композицией.
Материалом исследования выступает повесть В. В. Набокова «Соглядатай» (1930). Научная новизна работы заключается в применении метрического анализа прозы к новому материалу. Хотя проза Набокова уже рассматривалась стиховедами, повесть «Соглядатай» становится объектом такого исследования впервые. Кроме того, настоящая работа предполагает поиск качественного компонента (семантической значимости) в количественном.
Для определения уровня присутствия стиха в тексте повести использовался точный стиховедческий метод. Поиск стихоподобных фрагментов осуществлялся с помощью специальной компьютерной системы «Прозиметрон», созданной В. Э. Вашченковым и Е. В. Казарцевым. Для того чтобы выявить связь между метризацией текста и его содержанием, применялся структурно-семантический метод.
По результатам работы было выявлено, что повесть отличается высокой степенью метризации (27,93 %). Были определены доли метризации каждой главы произведения и выделены три типа присутствия стиха в нем: случайные стихоподобные фрагменты, «сильно» метризованная проза, чужой «чистый» стих.
Проведенный анализ частично подтвердил гипотезу о том, что композиционно важные элементы текста выделяются усилением метризации. Большинство эпизодов текста, эксплицирующих изменения диегетического нарратора, маркируются стиховым присутствием, входя в состав сильно метризованных фрагментов, что позволяет говорить о тенденции писателя подчеркивать метром структурно важные элементы повести. Чужой чистый стих возникает только в речи персонажей-литераторов, где также встречается мотив музыки, и влияет на ритм всего высказывания говорящего. Таким

образом, стих объединяет литературу и музыку в повести. Анализ ритмики текста эпистолярного дневника Романа Богдановича и выдуманного рассказа Смурова выявил увеличение числа трехсложников по сравнению с устной речью этих персонажей. Это наблюдение приводит к выводу, что трехсложные метры используются Набоковым как маркеры литературных, «сочиненных» текстов внутри фиктивного мира повести.

Жаркова Елизавета Игоревна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ритмика прозы В. Кривулина

Наше исследование сосредоточено на творчестве В. Кривулина, поэта, ключевой фигуры ленинградского литературного андеграунда. Его поэтические тексты широко известны в кругах исследователей ленинградской «второй культуры», интерес к которой в последние годы резко возрос. Хотя сам Кривулин считал себя в первую очередь именно поэтом, он написал также несколько прозаических текстов, в число которых входит «Шмон» — постмодернистский роман, посвященный кризису «второй культуры», наступившему в начале 1980-х вследствие угроз со стороны властей и закрытия важных для андеграунда самиздатских журналов «37» и «Обводный канал». Несмотря на достаточную известность, этот роман практически не становился самостоятельным объектом исследования. «Шмон» — это экспериментальный текст с точки зрения структуры, он состоит из одного неоконченного предложения длиной в шестьдесят журнальных страниц. Подобная структура обусловлена попыткой имитации потока коллективного сознания. К моменту написания романа (точная дата не установлена, предполагаемый период — с 1981 по 1985 гг.) Кривулин был уже очень опытным поэтом со сформированным поэтическим стилем. Это дает основание предположить, что поэтический опыт Кривулина мог влиять и на ритм его прозы. Для подтверждения или опровержения этого предположения мы воспользовались стиховедческим инструментарием «русского» лингво-статистического метода, разработанного А. Н. Колмогоровым и получившего развитие в работах В. Е. Холшевникова, А. В. Прохорова и М. А. Красноперовой. На основе прозаического текста строится языковая (вероятностная) модель (ЯМ) и осуществляется поиск случайных ямбов — фрагментов прозаического текста, организованных по форме четырехстопного ямба. На основании стихотворных текстов (четырехстопных ямбов) и случайных ямбов прозы строятся речевые модели (РМ). Сравнение РМ синтагматически цельных случайных ямбов с ЯМ и моделями стиха позволяет определить степень «поэтизированности» прозаического текста автора, т. е. понять, проявляется ли его поэтический опыт при написании прозы.

Иванова Мария Владимировна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Elektriskblå poesi» ‘электрически-голубая поэзия’: словообразование как средство художественной выразительности в поэзии М. Струнге

Словообразование — одна из важных сторон поэтического языка М. Струнге, играющая важную роль в понимании его текстов, в которых выбор того или иного способа словообразования обусловлен поэтическими, в т. ч. и стилистическими, задачами автора.

Основная модель, по которой создаются окказионализмы в поэзии Струнге, — это основосложение. Автор использует окказиональные слова в контексте важных для его поэтики тем, таких как антигуманность жизни, связь микрокосма человеческого тела и макрокосма вселенной и иллюзорность сущего. Кроме того, при помощи неологизмов автор описывает цвета, составляющие палитру его художественного мира. Особенности мировоззрения автора, его социальный ракурс при взгляде на философские вопросы, находят свое отражение в употребляемых им композитах. Как основосложение, так и аффиксация используются Струнге как средства художественной выразительности. Словообразование помогает автору структурировать текст согласно его поэтическим задачам. Слова, образованные определенным образом, внутри одного текста приобретают уникальную, характерную только для этого контекста семантику. В контексте одного стихотворения словообразовательные модели могут маркировать определенную лексику, создавать систему оппозиций, комментирующую идейное содержание текста. Кроме того, словообразование применяется Струнге как инструмент интертекстуальности. Так, он использует основосложение, маркируя лексику, отсылающую читателя к творчеству Д. Боуи (чья музыка во многом повлияла на формирование идиостиля автора) и Шекспира. Основосложение также используются автором как модель, по которой создается «новая поэзия», становясь инструментом метакомментирования в текстах автора. Словообразование помогает также создать особый художественный мир рассмотренного нами поэтического сборника. При помощи этого грамматического (морфологического) средства автор связывает общей мыслью идеи из различных текстов. Слова, образованные по одной модели, являются связующим звеном между различными текстами и позволяют автору создать систему соответствий и противопоставлений различных идей и мотивов в сборнике.

Сабиров Дмитрий Викторович
студент 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Проза поэта: исследование случайных ямбов в текстах А. Вознесенского

Исследование акцентируется на анализе творчества самого авангардного поэта-шестидесятника и архитектора А. Вознесенского. В последнее время происходит постепенное осмысление его влияния на андеграундную среду, особенно на авторов, близких к московскому «Клубу Поэзии» под руководством И. Иртеньева и движению «метареализма» в позднесоветской литературе (Арабов, Парщиков, Еременко, Искренко и др.). Вознесенский на протяжении всей своей творческой жизни писал большое количество и стихов, и прозы различного рода (эссеистика, критические заметки, художественные повести). Для исследования решено было выбрать прозаические тексты о Б. Пастернаке, который был для Вознесенского чрезвычайно важен как фигура наставника (известный факт биографии Вознесенского составляет его раннее знакомство с Пастернаком в возрасте 10 лет и дружба с ним до последних дней его жизни) из ряда старших литераторов, хранящих в себе память о Серебряном веке и первых авангардистских практиках начала XX в. Задачами исследования являются ручная разметка стихотворений Вознесенского, написанных четырехстопным ямбом, и прозаических текстов «Мне четырнадцать лет», «Сосед», «Благовещизм поэта» и «Звездное небо» и построение языковой модели (ЯМ) прозы и речевых моделей (РМ) на основе стихотворного корпуса, состоящего из текстов, написанных четырехстопным ямбом, и случайных ямбов из прозы Вознесенского. Сопоставление РМ синтагматически цельных ямбов с ЯМ и РМ стиха позволяют нам определить, насколько прозаические тексты поэта подвержены или нет инерции поэтической ритмики и какие тенденции, подавляемые в поэтическом творчестве, могут

проявляться в прозе поэта. Теоретическим фундаментом исследования служит лингво-статистический метод, нашедший свое отражение в работах таких исследователей, как А. Н. Колмогоров, А. В. Прохорова, М. А. Красноперова и др. Помимо прозы о Пастернаке в текстовый корпус, составляющий основу работы, включены стихотворения и поэмы (а также фрагменты из них) Вознесенского, написанные четырехстопным ямбом и собранные на материале восьмитомного авторского собрания сочинений, опубликованного в издательстве «Вагриус» незадолго до ухода поэта из жизни.

Федорова Ольга Андреевна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Генеалогия полиметрического стиха Е. Шварц

Доклад посвящен изучению истоков поэтических форм Е. Шварц — андеграундной поэтессы второй половины XX в. Многие исследователи признают уникальность ее творчества (в т. ч. особое использование полиметрии) и вместе с тем отмечают его связь со стихотворным наследием Серебряного века. Кроме того, поэтесса сама рефлексирует о генезисе своей поэзии в дневниках и различных метатекстах (предисловиях, эссе, лекциях и др.). Однако отсутствуют специальные стиховедческие работы, анализирующие полный корпус текстов Шварц в контексте сравнения ее поэзии с предшественниками и современниками.

Данная работа сосредоточена на изучении генеалогии «шварцевского стиха». Особое внимание уделяется формальным характеристикам стихотворений Шварц (метрика, строфика, рифмика, каталектика). Так, объектом исследования становится полиметрическое стихосложение Шварц, а предметом анализа — заимствования стихотворных форм в полиметрических и гетероморфных формах ее стиха. Материал исследования делится на три типа. Первым типом стали эго-документы Шварц (дневники и эссе о собственном творчестве). Шварц росла в семье театроведа, с детства находилась в окружении передовых культурных и литературных деятелей, получила литературоведческое образование — по этой причине ее эго-документы и метатексты предстают релевантными источниками для анализа поэтики и формы ее стихотворных произведений. Второй тип материала представляет корпус полиметрических текстов Шварц за 1970-е гг. (расцвет раннего творчества). Корпус был проанализирован с помощью компьютезированного сбора данных в «Prosimetron» (метрика) и последующей ручной обработки в «Excel» (рифмика, строфика, каталектика). Третий тип материала — научные работы о текстах поэтов-предшественников. На основе изученного материала был определен ряд авторов, представляющих интерес для исследования потенциальных заимствований. Сравнительный анализ позволил разделить заимствования на две группы: а) аллюзии, отсылающие к другому автору (М. Цветаева и др.); б) сходства на уровне формы стиха (М. Кузмин, В. Хлебников и др.).

В ходе доклада внимание будет уделено конкретным примерам из каждой группы заимствований. В выводах будет охарактеризовано влияние, которое оказали перечисленные предшественники на формирование «шварцевского стиха»: это заимствование в полиметрических «маленьких поэмах» Шварц лишь частично упорядоченного метрического, строфического и рифменного устройства «маленьких поэм» Кузмина (напр., «Форель разбивает лед»); схожести в использовании микрополиметрии в произведениях Хлебникова и Шварц, а также некоторые другие результаты анализа.

Фролова Дарья Алексеевна

магистрантка 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О версификации сдвоенного пятисложника и его гибридной формы в творчестве С. Д. Дрожжина

Пятисложник (пентон) — особый неклассический метр: пятисложная строка с обязательным ударением на третьем слоге и факультативными — на первом и пятом слогах. Сдвоенный пятисложник — десятисложная строка с цезурой (слоговая комбинация 5+5), состоящая из двух изоморфных полустиший. Схема ударных констант имеет следующий вид: [- - / - - (||) - - / - -]. «Гибридная форма» сочетает десятисложные строки с пятисложными.

Генезис десятисложной структуры связывается с устно-песенной традицией. На возможность комбинации 5 + 5 в былинном эпосе и лирических песнях указывали, в частности, [Бейли, 2010: 219—267] и [Жирмунский, 1975: 221—228]. Однако в литературной практике XIX в. сдвоенный пятисложник получил ограниченное распространение и до настоящего времени остается недостаточно изученным. Фактически исследованы лишь пятисложники А. В. Кольцова [Беззубов, 1979: 329—354], но к этому размеру обращался не только он. Пятисложники широко представлены в текстах С. Д. Дрожжина, однако до настоящего времени они не становились предметом стиховедческого изучения.

Материал исследования составили 12 стихотворений Дрожжина 1871—1912 гг. [Дрожжин, 2015], написанные сдвоенным пентоном (9 текстов) и «гибридной формой» пентона (3 текста). Сдвоенный пентон у Дрожжина представлен в двух разновидностях: 1) без изменения числа слогов (6 текстов) — каждая строка строго соответствует схеме 5 + 5; 2) с изменением в числе слогов (3 текста) — в каком-либо из полустиший возможно варьирование в числе слогов, однако сохраняется общая слоговая симметрия, что свидетельствует о сознательном следовании модели 5 + 5.

Среди рассмотренных текстов преобладают астрофические. Астрофическим стихом написаны 8 текстов, содержащих сдвоенный или «гибридный» пентон. В 4 текстах использованы равнострофические формы.

По характеру рифмовки произведения делятся на три группы: написанные белым сдвоенным пентоном; сдвоенным пентоном с перекрестной рифмовкой (abab); сдвоенным пентоном с чередованием рифмованных и холостых строк (хаха). При этом в сдвоенном пентоне рифма выполняет особую организующую функцию, скрепляя протяженные десятисложные строки.

Выбор сдвоенного пентона Дрожжиным, с нашей точки зрения, не является случайным. «Гибридная форма», хотя и представлена ограниченно, демонстрирует переходные возможности метра.

Таким образом, обращение к творчеству Дрожжина дает новый необходимый материал для исследования пентона в истории русского стиха.

Литература:

Беззубов А. Н. Метрика и строфика А. В. Кольцова // Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 329—354.
Бейли Дж. Три русских народных лирических размера. М., 2010. С. 219—267.
Дрожжин С. Д. Собрание сочинений. Тверь, 2015.
Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»

Азимова Кристина Фикретовна
магистрантка 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О функции трансцендентного света в цикле стихотворений М. Волошина «Руанский собор»

Исследование посвящено анализу суждений М. Волошина относительно природы света, понимаемого им в качестве трансцендентного феномена. Целью работы является обобщение теоретических построений поэта, анализ их практической реализации в цикле стихотворений «Руанский собор». Ее новизна обуславливается систематизацией идей Волошина, выявлением круга мыслителей, чьи труды могли послужить теоретико-философской базой для конструирования его воззрений.
В ходе исследования была доказана связь суждений поэта с антропософским учением Р. Штайнера, его осмыслением концепции четвертого измерения: «...у света мы должны говорить о четвертом направлении» [Штайнер, 2007: 134]. Кроме того, выявлена рецепция поэтом идеи мыслителя о возможности наблюдения духовной реальности без помощи физического зрения. Параллельные размышления были найдены у П. Успенского. В данном контексте также установлена перекличка с представлениями М. Ларионова о внутренней жизни света. Кроме того, в докладе обосновывается связь построений поэта с учением розенкрейцеров, согласно которому «луч» соотносится с пониманием жизненного потока.
В процессе анализа были выявлены параллели с концепцией В. Кандинского о синкретизме световых и звуковых вибраций. Кроме того, рассматриваются пересечения с теорией цветописи И. В. Гете, идеями А. Белого, Вяч. Иванова, П. Флоренского. Показано, что их актуализация проявляется не только в прозе Волошина (эссе «О себе самом», «Символизм», статья «Чему учат иконы?» и т. д.), но и в рамках его поэтического творчества.
В ходе исследования выявляется практическая реализация теоретических построений поэта в цикле стихотворений «Руанский собор». Установлено, что стихотворения цикла Волошина идейным образом основаны на семи ступенях познания, которые выделяет Штайнер. Предполагается, что в рамках цикла «Руанский собор» трансцендентный солнечный свет высвечивает инобытийное пространство: *Но я молюсь лучам лиловым, / Пронзившим сердце вечных Роз* [Волошин, 2003: 82]. В процессе анализа устанавливается связь между световой и сакральной огненной стихией. Доказана рецепция поэтом идей, содержащихся в области оккультной литературы (учение Э. Леви, Парацельса, работы Е. Блаватской). В ходе работы также была рассмотрена актуализация поэтом в рамках цикла явления цветового протофеномена (построения Гете, Штайнера).
Таким образом, в результате проведенного исследования было доказано, что ключевой функцией трансцендентного света в «Руанском соборе» Волошина является установление связи между миром дольним и горним.

Литература:
Волошин М. Собрание сочинений. М., 2003. Т. 1.
Штайнер Р. Четвертое измерение. Математика и действительность. М., 2007.

Зильберт Виктория Максовна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Власть и колеблющиеся иерархии в трагедиях К. Марло «Эдуард II» и «Мальтийский еврей»

Доклад посвящен анализу репрезентации власти и функционирования иерархий в трагедиях К. Марло «Мальтийский еврей» и «Эдуард II». В контексте раннемодерной английской культуры, опирающейся на августинианскую модель мироустройства, социально-политическая иерархия выступает как самоочевидная структура, санкционированная божественным порядком. Однако трагедии Марло проблематизируют эту очевидность, превращая иерархию в динамический нарративный механизм, в котором личные и политические интересы тесно переплетаются, а формальные границы власти подвергаются постоянным испытаниям.

Цель исследования — проанализировать репрезентацию власти и динамику иерархий в названных трагедиях Марло и выявить, как драматург взаимодействует с социально-политическим порядком елизаветинской Англии. С помощью инструментария нового историзма и контекстуального анализа рассматривается, каким образом драматургия Марло одновременно деконструирует риторику установленного порядка и воспроизводит ее фундаментальные основания. Изменения в расстановке сил между персонажами — смещения, инверсии и временные нарушения иерархий — позволяют выявить скрытое напряжение между теологическими, правовыми и политическими дискурсами эпохи. Анализ динамики формальных статусов действующих лиц показывает, что в обеих трагедиях попытки нарушить или переосмыслить иерархию приводят лишь к временным успехам: в финале структура власти восстанавливается, а нарушители порядка погибают или теряют влияние. Обе трагедии также демонстрируют наличие «высшей» силы, которая ограничивает действия акторов и закрепляет конечное устройство иерархии.

Особое внимание уделяется тому, насколько устойчивыми в трагедиях оказываются формальные иерархии на фоне распада других социальных институтов — религии, семьи, конфессии. В этом смысле иерархия выступает не только объектом критики, но и формой знания о власти, фиксирующей границы допустимого в политическом воображении елизаветинской Англии.

Таким образом, трагедии Марло рассматриваются как пространство пограничья, в котором порядок обнаруживает следы искажения, а политическое высказывание возникает в напряжении между подрывом и утверждением господствующего дискурса, создавая поле для размышлений о природе власти.

Зуева Анастасия Игоревна
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

Способы выражения категории эвиденциальности в русскоязычном художественном дискурсе

Актуальность исследования обусловлена глобальной экологизацией гуманитарного знания и необходимостью комплексного лингвистического описания механизмов, формирующих экологическое сознание через художественный текст. В условиях острого экологического кризиса лингвистический анализ художественного дискурса позволяет выявить когнитивные модели освоения природной реальности в русском языке. Ключевая роль категории эвиденциальности в данном контексте объясняется ее способностью не только подтвердить, что используемая автором информация получена из достоверных источников, но и научно обосновать, каким образом субъективное восприятие экологических изменений трансформируется в тексте в объективированное знание.

При проведении исследования были использованы следующие методы: структурно-семантический (анализ синтаксических структур, в которых могут функционировать эвиденциальные маркеры; исследование взаимосвязи типов эвиденциальных значений); коммуникативно-прагматический (исследование коммуникативно-прагматической основы

эвиденциальной семантики и коммуникативно-прагматической и стилистической направленности маркеров эвиденциальности); сравнительно-сопоставительный (анализ средств выражения эвиденциальности в русском языке, выявление изоморфных и алломорфных черт, обуславливающих потенциальную способность к выражению категории); корпусный (анализ коллокации лексических единиц, которые играют роль в передаче эвиденциального значения, выявление закономерности их сочетаемости). В ходе исследования был проведен анализ 100 текстовых фрагментов русскоязычной прозы, от классической натурфилософии до современных антиутопий, который позволил эксплицировать уникальную лингвопрагматическую модель категории эвиденциальности в художественном тексте:

1. В художественном дискурсе категория эвиденциальности служит не просто для подтверждения фактов, а для создания эстетической иммерсии. Основным инструментом здесь выступает личный чувственный опыт субъекта, передаваемый через синестезию. Так, использование ольфакторных и тактильных маркеров («пахло гарью», «учуял я тогда») обеспечивает физическую достоверность ландшафта и эффект присутствия в зоне экологического кризиса.
2. В отличие от академических и публицистических текстов (в настоящей работе проводится анализ способов выражения категории эвиденциальности в т. ч. и в других типах дискурса), маркеры логического вывода в прозе утрачивают строгость и служат для образного осмысления аномалий: конструкции «казалось», «чудилось», «складывалось впечатление» репрезентируют природу как субъект, наделенный чувствами («обида», «месть», «агония» земли), переводя экологическую проблему в экзистенциальный план.
3. Наблюдается тенденция к фиксации деформации сенсорных каналов восприятия. Маркеры эвиденциальности в этом контексте подчеркивают разрыв между человеком и биосферой. Пример: описание подменной реальности через маркеры искусственности («синтетический воздух», «пластиковые цветы») эксплицирует утрату непосредственного контакта с живой природой.

Таким образом, результаты исследования показывают, что в художественном экологическом дискурсе категория эвиденциальности выполняет функцию феноменологической легитимации, а также трансформирует внешний экологический объект во внутренний субъективированный опыт, тем самым связывая физическую деградацию мира с духовным состоянием языковой личности.

Котлова Юлия Сергеевна
студентка 4 курса
Шадринский государственный педагогический университет

Проблема влияния литературы как учебной дисциплины на литературу как искусство слова (на примере драмы А. Н. Островского «Гроза»)

При исследовании литературы часто привлекают смежные науки: искусство, историю, социологию, культурологию и др. Однако не стоит упускать из виду одну из важных научных дисциплин, которая во многом определяет восприятие текста художественного произведения, — методику обучения. Именно она формирует устойчивые представления о входящей в курс школьной программы литературной классике. Среди таких закрепленных у множества поколений толкований, практически причисленных к общепринятым, можно отнести толкование драмы А. Н. Островского «Гроза», с которой читатель впервые знакомится в 10 классе.

Эта пьеса до сих пор изучается в русле интерпретации советской методики, опирающейся на концепцию Н. А. Добролюбова, что подтверждается анализом учебников по литературе с 1940 по 2024 гг. Ученикам не дается альтернативная точка зрения на образ Катерины. Она

рассматривается исключительно как «личность непосредственная», с «врожденной добротой» и «благородством души», помещенная автором в атмосферу «жалкого прозябанья» в «темном царстве» «в обмен на ее живую душу». Факт измены Катерины Тихону замалчивается, внимание на него могут обратить только вдумчиво читающие школьники. В сознании учеников, а потом и будущих учителей, навсегда остается антитеза жестокой Кабанихи и жертвенной, но сильной духом Катерины. Самоубийство героини драмы «Гроза» воспринимается как доказательство духовной силы Катерины, одержавшей победу над «темным царством», другие версии практически не рассматриваются. Из учебника 1940 г. эта версия перешла в учебники следующих десятилетий. Более того, она присутствует в итоговых сочинениях школьников XXI в.
Устойчивость однажды принятого на веру толкования пьесы Островского «Гроза» не поддается корректировке, даже несмотря на то, что школьная программа рекомендует обязательное включение критических статей Добролюбова и Писарева, взгляды которых расходятся в трактовке образа Катерины. К сожалению, ни наличие разных точек зрения среди современников Островского, ни разнообразие толкований авторского замысла в театральном искусстве не приводят к углублению анализа художественного мира драмы. Многочисленные в последние годы попытки скорректировать интерпретацию драмы с учетом требований к целостному анализу произведения в школьной практике не дают существенных результатов. Стремление приблизить литературу к жизни, закрепленное в ФГОС, приводит к неоправданному привнесению современной трактовки, основанной на популярных в бытовой сфере тенденциях. Замещение глубинного анализа драмы Островского «Гроза» формированием базовых устойчивых понятий становится основой для неприятия пьесы повзрослевшей аудиторией. Причины этого неприятия напрямую связаны со школьной практикой интерпретации художественного произведения: эпизодический анализ и акцент на воспитательной составляющей изучения драмы не дает возможности неоднозначно оценить поведение героев. Повзрослевший читатель, сталкиваясь с новыми для него противоречивыми элементами сюжета, воспринимает их как угрозу разрушения привычной нравственной трактовки. Это приводит к нежеланию дальнейшего вдумчивого чтения текста художественного произведения.
Таким образом, изучение литературы в школе сохраняет свою значимость, так как оставляет большой отпечаток на понимании художественного произведения; сформированные на уроках стереотипы сложно поддаются корректировке, формируя искаженное представление о литературе как искусстве слова.

Лашина Анита Юрьевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Конструирование образа А. А. Блока в советских учебных материалах 1950—1980-х гг.: опыт масштабируемого чтения

Изучение литературного канона в образовательной среде предполагает анализ списков текстов и механизмов, посредством которых школа воспроизводит культурный капитал и поддерживает репутацию автора. Главными инструментами этого воспроизводства выступают учебники и методические пособия, закрепляющие нормативные процедуры отбора персоналий, произведений и критериев проверки знаний.
Чтобы описать работу этих механизмов на длинном историческом отрезке, требуется совместить обзор больших массивов учебной литературы с внимательным чтением показательных фрагментов. Для решения этой задачи в исследовании апробируется метод масштабируемого чтения (scalable reading), позволяющий связать макроанализ корпуса с приближением к отдельным контекстам.

Кейсом служит школьная репрезентация А. А. Блока — автора, чья поэтика и биография в советском дискурсе часто оказывались идеологически амбивалентными. Объект исследования — конструирование образа поэта в учебных и методических материалах 1950—1980-х гг. Выдвигается гипотеза, согласно которой образ Блока собирается по модели «биографии-перехода» и задается как телеологическая траектория от «декадентских» заблуждений символизма и мистицизма через внутренний кризис к социально-исторической и революционной легитимации.
Эмпирическая база представлена пилотным корпусом фрагментов из учебных и вспомогательных изданий по русской литературе 1955—1988 гг. Тексты извлекаются и обрабатываются скриптом на языке программирования Python. Первичные результаты выделяют устойчивые узлы школьной репрезентации Блока: ранний символизм и мистицизм, социальное происхождение и критика аристократического мира, революционная легитимация. Институциональная оптика объясняет устойчивость этих тематических комплексов их практической функцией в школе: разнородные тексты выстраиваются в единую «траекторию» (ранний → поздний), ряд канонических произведений служит опорой для всего сюжета, а повторяемый набор признаков (напр., «особый ритм» или «музыкальность») обеспечивает единый шаблон анализа и проверки. Тем самым масштабируемое чтение демонстрирует эвристическую ценность как метод, снимающий разрыв между количественным обзором корпуса и качественным анализом его ключевых фрагментов; применительно к советской школьной программе оно выявляет структурированность канона и механизмы его воспроизводства.

Лопатин Дмитрий Ярославович
студент 4 курса
Челябинский государственный университет

Творчество И. А. Бродского в объективе польской литературной критики: сопоставительный анализ

И. А. Бродский — поэт наднационального масштаба, чье творчество формируется в активном межкультурном диалоге. Особый интерес представляет взаимодействие русской и польской культур с учетом их сложной истории, а также то, насколько историко-политический контекст влияет на восприятие русской поэзии польской критикой. Проблема рецепции Бродского в Польше освещалась исследователями в различных аспектах. М. Вуйчяк анализирует историю отношений поэта с Польшей и публикации 1960—1980-х гг., повлиявшие на литературную дискуссию [Wójciak, 2015]. И. Грудзинская-Гросс рассматривает восприятие Бродского в контексте польской и русской интеллектуальных традиций, прослеживая динамику рецепции от ленинградского периода до эмиграции и Нобелевской премии [Грудзинская-Гросс, 2013].
Однако сопоставительный аспект разработан недостаточно, что затрудняет обобщение тенденций польского восприятия Бродского в 1960—1980-е гг. Кроме того, отсутствуют русскоязычные исследования, специально посвященные данной проблеме. Важной задачей становится анализ влияния русско-польского культурного диалога на оценку русской литературы в польской критической среде, что определяет новизну работы. Цель исследования — проанализировать литературно-критические отзывы о Бродском 1960—1980-х гг, сопоставить их и выявить основные тенденции восприятия его поэзии в польской критике.
В основе анализа — работы Вуйчяк и монография Грудзинской-Гросс, а также статьи А. Дравича, Ч. Милоша, С. Баранчака и Т. Венцловы. Методологическую базу составляют сопоставительный, культурно-исторический и социологический методы.
Результаты свидетельствуют, что польские критики сходятся в признании преемственности

Бродского по отношению к поэтам Серебряного века и подчеркивают значимость его художественного метода. Различия касаются интерпретации источников его уникальности: Баранчак усматривает ее в «скептическом классицизме», Венцлова — в экзистенциальной и нравственной целостности, Милош — в индивидуализме и культурной миссии поэта. При этом тема русско-польских отношений специально не поднимается. Критики сосредоточены на универсальных аспектах его поэзии: взаимоотношении личности и государства, роли традиции, ответственности поэта. Это свидетельствует о стремлении рассматривать творчество Бродского вне политических стереотипов — в общеевропейском культурном контексте.

Таким образом, рецепция Бродского в польской критике 1960—1980-х гг. отличается многогранностью и подтверждает тесную связь его творческой биографии с Польшей и ее литературной традицией. Польский опыт восприятия демонстрирует продуктивность межкультурного диалога, реализующегося в сфере литературной критики и научного осмысления.

Литература:

Грудзинская-Гросс И. Милош и Бродский: магнитное поле. М., 2013.
Wójciak M. Hołd strumienia wobec źródła. Brodski i Polska — dzieje relacji i recepcji // Przekładaniec. 2015. 30. 125—139.

Манакин Юрий Сергеевич
студент 3 курса
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Сквозь призму частной жизни: рецепция истории в романе «Годы» А. Эрно

С. Майер отмечала: «Писать о жизни становится новым способом написать историю: поместить в нее индивидуальный женский опыт» [Meyer, 2020: 28]. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить, каким образом в романе-автосоциобиографии «Годы» конструируется особая модель исторического письма, основанная на включении частного женского опыта в пространство коллективной памяти.

Роман представляет собой попытку зафиксировать не индивидуальную судьбу, а коллективный опыт поколения, рожденного в 1945—1955 гг. А. Эрно сознательно отказывается от традиционного автобиографического «я», заменяя его трансперсональным «мы». Тем самым частная жизнь перестает быть исключительно личной и становится пространством проявления исторического.

Текст выстроен как коллаж из газетных заголовков, рекламных слоганов, названий фильмов и описаний фотографий. Так, героиня хочет быть похожей на М. Влади в фильме «Колдунья», а летние воспоминания сопровождаются музыкой из «Моста через реку Квай». История XX в. предстает не как последовательная хроника, а как поток культурных кодов, формирующих сознание поколения.

Материальная культура становится равноправным источником исторической памяти. Пылесос и электрический фен выступают не просто предметами быта, а символами социального продвижения и становления общества потребления: «они гордились умением пользоваться пылесосом и электрическим феном» [Ernaux, 2010]. Через вещи эпоха проникает в пространство жизни и формирует идентичность молодых женщин. Особое внимание Эрно уделяет иерархии значимости событий в женском сознании. В тексте перечисляются «великая железнодорожная забастовка», «поражение при Дьенбьенфу», «смерть Сталина», однако они воспринимаются фоном детства. Позднее убийство Кеннеди оказывается менее значимым, чем отсутствие менструации в течение восьми недель. Этот приоритет демонстрирует главный тезис романа: телесное и частное

заслоняют политическое.
Такой периферийный взгляд во многом предопределен самой социальной структурой общества. Как показывает П. Бурдье в работе «Мужское господство» [Bourdieu, 1998], гендерный порядок закрепляет разделение пространств и ролей: публичная сфера политики и власти традиционно ассоциируется с «мужским», тогда как дом и повседневность — с «женским». Однако к концу 1960-х позиция наблюдателя начинает трансформироваться. Массовые признания в нелегальных абортах, опубликованные в прессе, становятся шагом к легализации права на выбор. Тем не менее даже в момент коллективной мобилизации за публичной декларацией стоит память о личном страхе: «о зонде и крови, хлеставшей на простыни» [Ernaux, 2010].
Таким образом, «Годы» предлагают особую форму женской рецепции истории. Эрно создает текст, в котором историческая реальность раскрывается через частную жизнь, материальные детали и телесный опыт. История перестает быть чередой официальных дат и становится тканью повседневности. Именно в этом соединении коллективного и интимного рождается новый способ письма, позволяющий увидеть XX в. не через призму политических лозунгов, а через память женщины, живущей внутри своей эпохи.

Литература:
Ernaux A. Les années. Paris, 2010.
Bourdieu P. La domination masculine. Paris, 1998.
Meyer S. Écrire l’histoire au féminin: autour de The Years de Virginia Woolf et des Années d’Annie Ernaux. Strasbourg, 2020.

Мотренко Арина Анатольевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Память как форма сопротивления: политика и поэтика воспоминания в «Сентиментальном путешествии» В. Шкловского

В исследовании ставится цель выявить, каким образом поэтика воспоминания в раннесоветском тексте функционирует как стратегия дистанцирования от нормативной исторической телеологии 1920-х гг. Новизна исследования заключается в рассмотрении автобиографического письма В. Б. Шкловского не только в формалистском, но и в политико-культурном контексте memory studies: память анализируется как дискурсивная практика, способная противостоять унифицирующим моделям коллективной истории. Материалом исследования служит текст «Сентиментального путешествия» (1923) Шкловского и его композиционно-нарративная организация. В ходе анализа применяются элементы нарратологического подхода, а также исследование поэтики произведения (описание фрагментарной структуры, принципа монтажа, смены модальностей). Особое внимание уделяется способам организации автобиографического материала: разорванной композиции, ассоциативным переходам, отсутствию линейной причинно-следственной логики.
Революционные события в «Сентиментальном путешествии» представлены не как привычный раннесовесткому дискурсу героический нарратив, а как цепь случайностей, бытовых деталей, субъективных наблюдений и ярких иронических высказываний, что разрушает эпическую модель исторического повествования: «Город был обращен в военный лагерь. “Семишники” — так звали солдат военных патрулей за то, что они — говорилось — получали по две копейки за каждого арестованного, — ловили нас, загоняли во дворы, набивали комендантство. Причиной этой войны было переполнение солдатами вагонов трамвая и отказ солдат платить за проезд» [Шкловский, 1923: 9].

Устанавливается, что фрагментарность текста выполняет не только эстетическую, но и идеологически значимую функцию. Монтажная организация воспоминаний препятствует формированию цельной и телеологически выстроенной картины прошлого, тем самым дистанцируя автора от официального революционного мифа. Ироническая модальность и подчеркнутая «сентиментальность» текста создают эффект, позволяющий говорить о травматическом опыте без его героизации и без прямой конфронтации с властным дискурсом, что было важно для Шкловского в вынужденной эмиграции. Память в тексте предстает как способ сохранения субъективной множественности и внутренней противоречивости пережитого опыта, что вступает в напряжение с тенденцией к идеологической унификации исторического опыта в раннесоветской культуре. Таким образом, поэтика воспоминания в «Сентиментальном путешествии» функционирует как форма культурного сопротивления: через композиционный разрыв и отказ от эпической целостности нарратива утверждается право на индивидуальную версию прошлого. Эстетическая организация материала приобретает политическое измерение, а формалистская установка на «прием» [Шкловский, 1925] оказывается связанной с проблематикой памяти и власти, что позволяет увидеть под новым углом не только исследуемое произведение, но и формалистскую теорию Шкловского.

Литература:
Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания, 1917—1922. М.; Берлин, 1923.
Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. О теории прозы. М., 1925. С. 7—20.

Погосян Дарина Витальевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Методология исследования сказочного города в советской мультипликации (на примере мультфильма «Человечка нарисовал я»)

Сказочный город требует особенной целостной методологии.
Во-первых, важно обратить внимание на природу мультипликации. Первый шаг — текстологически верный выбор видеоверсии, максимально близкой к оригинальной цветопередаче и композиции кадра, так как при тиражировании пленки цвет и мелкие детали изображения могли искажаться. Кроме того, необходимо помнить о технологических особенностях рисованной анимации: упрощение форм и цветовой палитры диктуется производством, но не отменяет сознательного выбора художниками архитектурных прототипов. Именно через отбор и стилизацию формируется устойчивый образ сказочного города.
Во-вторых, следует обратиться к истории сказочного города и истории архитектуры. Устройство сказочного города в советской мультипликации закономерно связано с западноевропейским средневековым городом. Поэтому для анализа привлекаются труды по истории зодчества, напр., «Всеобщая история архитектуры» [1966]. Предлагается методика покадрового анализа: выделение зданий (дома, башни, ратуши) и отдельных элементов (ворота, хаусмарки, двери), их сопоставление с историческими прототипами и обоснование их места в композиции.
В-третьих, необходим целостный анализ, выходящий за рамки архитектуры. Важно понять, чем книжный сказочный город отличается от мультипликационного, а средневековый — от авторского. Ключевую роль играет социальный элемент: устройство города неразрывно связано с моралью и идеей сказки. Город становится полноправным участником повествования, и его устройство помогает раскрыть смысл произведения.

Материалом для реализации методологии выбран мультфильм «Человечка нарисовал я» (1960). Его особенность — отсутствие литературного первоисточника, восходящего к западноевропейской сказке, что ставит задачу выявить культурные корни визуального образа. Анализ показывает, что архитектура города тяготеет к североевропейской готике (Германия, Нидерланды XV—XVI вв.). Это подтверждает гипотезу о влиянии романтической традиции XIX в. на формирование сказочного канона в советской мультипликации.

Предложенная методология позволяет не только атрибутировать архитектурные элементы, но и выявить механизмы культурного заимствования и адаптации западноевропейских образов. Подход применим к анализу любых визуальных искусств с архитектурной составляющей — кино, книжной иллюстрации, живописи, мультипликации других авторов и культур.

Таким образом, методология дает ключ к пониманию того, как советская мультипликация создавала универсальный язык сказочного пространства, обращаясь к элементам европейского средневековья и адаптируя их для отечественного зрителя.

Литература:
Всеобщая история архитектуры / Ред. А. А. Губер. М., 1966. Т. 4: Архитектура Западной Европы. Средние века. URL: https://books.totalarch.com/universal_history_of_architecture_vol_4 (01.03.2026).

Эртман Злата Александровна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Трансмедиальность в поэтических и кинотекстах немецкого экспрессионизма

Несмотря на то, что главной предтечей немецкого кино в жанре экспрессионизма по праву считают экспрессионистскую живопись конца XIX — начала XX в., в кинематографе присутствует ряд топосов и приемов, которые не реализованы в визуальных образах, но имеют сходства с теми, что представлены в литературных произведениях. Поэзия немецкого экспрессионизма является более ранним искусством, чем экспрессионистский кинематограф, ее влияние на него изучено слабо и заслуживает более детального рассмотрения. Так, трансмедиальная составляющая экспрессионистского кино (напр., в культовых фильмах «Кабинет доктора Калигари» (1920), «Голем: как он пришел в мир» (1920) и «Носферату. Симфония ужаса» (1922), а также в менее известных произведениях), возможно, происходит именно из поэзии.

Наиболее значимыми для корреляции литературы и кино экспрессионизма являются такая категория, как unheimlich (‘жуткое’), и связанная с ним категория оккультного, которые не являются настолько существенными в живописи, но явно присутствуют в поэзии и выступают центральными в кинематографе. Помимо этого, общим топосом становится демонизированный город и его жители — подобный ракурс также отсутствует до появления экспрессионистских текстов (в антологии К. Пинтуса «Сумерки человечества» (1919) больша́я часть произведений посвящена «демонам большого города»). В кинематографе город как адское пространство представлен, напр., в «Големе», «Носферату» и «Голове Януса» (1920).

Примечательно также и то, что сугубо кинематографические приемы в немецкоязычном пространстве появляются сначала в экспрессионистских поэтических сборниках и только потом переходят на экран. Так, напр., симультанный стиль (reihungsstil), особенностью которого является компиляция не связанных между собой образов и который впервые использовал Якоб ван Годдис в «Конце Мира» (1911), предвосхищает главный прием

экспрессионистского кино, а именно частую монтажную склейку и галерею случайных образов. Можно заключить, что поэзия немецкого экспрессионизма оказалась более новаторской, чем кинематограф, поскольку заимствовала художественные элементы из визуальных медиа раньше, чем это сделали кинорежиссеры, которые при создании своих работ могли вдохновляться скорее эстетикой экспрессионистской литературы, нежели предыдущей кинематографической традицией.

Вторым значимым для искусства экспрессионизма приемом оказывается прием отчуждения. В отношении немецкой культуры рубежа веков стоит понимать отчуждение (verfremdung) как отказ от миметической природы искусства. Дискурс об отчуждении зарождается еще в среде художников-экспрессионистов, но только в экспрессионистской поэзии достигает своего апогея и приобретает форму очуждения (entfremdung). Так, экспрессионистский лирический герой оказывается расщеплен и оторван как от общества, так и от остального мира, однако находится с ним в динамическом синтезе. В поэзии ярким примером такого мотива становится гротескность нарратива, которая в то же время кажется обыденной и еще не перерастает в абсурд (как, напр., в «Сумерках» А. Лихтенштейна), а затем переходит в кино, напр., в «Кабинет доктора Калигари», в котором гротеск также оказывается неотъемлемой и привычной частью пространства.

Таким образом, анализируя мотивные комплексы, образы и художественные приемы, можно заключить, что экспрессионистский кинематограф в своей эстетике близок к поэзии немецкого экспрессионизма.

СЕКЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ»

Булгакова Анастасия Ильясовна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Плач в современной севернорусской традиции: анализ номинации

В ходе фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ в Лешуконском районе Архангельской области нас с коллегами удивило, что на фоне уходящих ритуальных практик похоронное причитание остается востребованным. Преимущественно мы записываем нарративы, в которых встречаются упоминания о том, как женщины причитают в современной деревне. Беседа с информантом, который отрефлексировал свой либо чужой опыт, дает возможность обнаружить новые особенности в севернорусском похоронном обряде через «эмные» номинации его ритуалов.

В современной деревне, в которой мы работаем, причитания встречаются гораздо реже в рамках похоронного обряда. Это обусловлено в т. ч. сокращением численности жителей. Тем не менее наши многочисленные интервью и редкие личные наблюдения обряда все же позволяют говорить, что традиция причитания сохраняется.

Материалом для моего исследования служат фрагменты интервью главным образом с женщинами, родившимися в послевоенное время. Лексическое поле обряда достаточно насыщенно [Толстая, 1999: 145]. Стало очевидно, что наши собеседницы проводят дифференциацию связанных с причитанием лексем, иногда противопоставляют их, употребляя различные производные слова и особые формулы. Напр., *голосить, причитать, слезно плакать, заплакивать, поголосить*. Мне представляется, что информанты подчеркивают специальным словом особенности: свое состояние (или слушателей), личное отношение к покойному. В отличие от деревенских жителей, мы не улавливаем разницы между действиями, которые обозначаются разными лексемам, но возникают в одном ритуале, в т. ч. потому, что мы не часто являемся свидетелями деревенского похоронного

обряда. Тогда как для деревенских жительниц, участвующих в похоронных обрядах, каждое слово семантически нагружено и не является синонимом, ведь даже привычное или повторяющееся высказывание обретает уникальный смысл в актуальный момент воплощения [Адоньева, 2019: 304—305]). Так, целью моего исследования является анализ лексики эмоций в севернорусском похоронном обряде.
В рамках доклада я остановлюсь на анализе конкретных слов, обозначающих исполнение обрядового плача. Изучение лексики, употребляемой носителями традиционной культуры, открывает доступ к внутренней логике обряда и системе категорий, в которых осмысляются смерть и горе.

Литература:
Адоньева С. Б. Похоронные плачи, структуры памяти и основания жизненного мира // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». М., 2019. Т. 2. С. 304—314.
Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и голоса в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 135—148.

Джалилова Камила Муродалиевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Места гуляний в севернорусской деревне (на примере анализа современных нарративов)

В ходе фольклорной экспедиции в июле 2025 г. в д. Вожгора Лешуконского района Архангельской области мои коллеги и я собрали корпус интервью, в которых наши собеседники часто употребляли лексемы *гулянье* и *гулять* в разнообразных контекстах. Традиционно в деревенской культуре гулянье — это «ритуализованная форма проведения холостой молодежью праздничного времени в весенне-летний период» [Мужики и бабы, 2005: 133]. В более широком смысле к гуляньям относили также осенние «беседы» и святочные игрища. Таким образом, этот период длился почти весь год от весны до зимы. Исследователи, описывая гулянья на Русском Севере, называют ритуальность их основополагающим свойством. Так, Т. А. Бернштам отмечает, что во время гуляний молодежь имела особый статус в деревенском обществе: она пребывала в своей специфической временной системе с различным соотношением праздничного и будничного и существовала обособленно от остальной части сообщества; при этом последняя не вмешивалась в деятельность молодежи в это время [Бернштам, 1988]. Перечисленные черты указывают на ритуальных характер поведения молодых людей в указанный период. В фокусе моего интереса — пространства гуляний, описанных в современных деревенских нарративах. Английский антрополог В. Тернер, описывая ритуал, указывал на его привязанность к определенному месту: «Ритуал — это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, *исполняются на специально подготовленном месте*... [курсив мой — К. Д.]» [Тернер, 1983: 32]. Напр., Бернштам указывает на то, что гулянья проходили всегда на главных улицах деревни и являлись публичными [Бернштам, 1988]. Однако в ходе общения с информантами становилось ясно, что контекст употребления *гулянья* и *гулять* отличается от ритуального: «<Ну вот, у меня такой вопрос про гуляние, получается, — как раньше гуляли? Вот, допустим, слово гуляние, что вообще подразумевается под тем, что люди гуляли?> А просто по деревне. <В смысле, просто по деревне гуляли?> Ну да. Или на танцы ходили. Вот. Или пойдем, скажем: «Пойдем гулять». Вот так и говорили. Ну к подружке придешь: «Пойдем гулять». Просто

ходить. <Ну то есть это с подружками именно, да, гулять?> Ну да» [ФА ПЦ: DTxt25-041_Arch-Lesh_25-07-13_KuzminaRV].
В деревенских нарративах гулянья — все еще особое время молодежи, имеющее относительную регулярность, подчеркивающее самостоятельность этой социальной группы. Тем не менее сложно конкретизировать места, где они проходят. В докладе будет представлено описание локации деревенских гуляний.

Литература:
Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.
Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
Фольклорный архив Пропповского центра (ФА ПЦ).

Корнеева Александра Олеговна
магистрантка 1 курса
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Эволюция интерпретаций легенды о Золотой Бабе в произведениях о Перевале Дятлова

Трагедия группы Дятлова, произошедшая в 1959 г. на горе Холат-Сяхыл, стала источником для многих художественных произведений, в которых писатели приводят версии произошедшего. Каждый автор по-своему интерпретирует причины случившегося и не только фиксирует в тексте реальные факты, но и отражает изменения, произошедшие в общественном сознании за время существования интереса к истории туристов — с 60-х гг. XX в. до наших дней. Изначальной версией гибели дятловцев стала идея убийства участников похода народом манси. Это натолкнуло исследователей на мысль, что причина трагедии может крыться в интересе дятловцев к народной культуре манси. В советское и постсоветское время были созданы несколько произведений, объясняющих данную версию. Целью работы является анализ двух произведений о трагедии на перевале Дятлова с точки зрения использования фольклора манси. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе художественной репрезентации мифологических элементов в произведениях о Перевале Дятлова разного жанра и разной эпохи. Материалом исследования стали повесть Ю. Курочкина «Легенда о Золотой Бабе» (1962) и роман А. Кирьяновой «Охота Сорни-най» (2005). Каждое из этих произведений интерпретирует трагедию дятловцев и предлагает свою версию произошедших событий.
В работе был применен метод сравнительно-сопоставительного анализа. В ходе исследования мы рассмотрели, как авторы вводят в художественное повествование легенду о Золотой Бабе. Особое внимание было уделено функции этого образа (элемент локальной мифологии, движущая сила сюжета), а также его роли в объяснении причины гибели персонажей обоих произведений. В результате было установлено, что авторы используют в произведениях похожие сюжетные схемы: 1) студент/группа отправляется на поиски идола; 2) студенты сталкиваются с опасностями; 3) студенты погибают. Но несмотря на некоторое сюжетное сходство и использование одной и той же мифологемы, авторы приходят к противоположным выводам о природе случившейся трагедии, что обусловлено целями создания произведений. Курочкин практически нивелирует сакральные элементы легенды о Золотой Бабе: в повести она служит лишь для создания локального колорита. Трагедия раскрывается на материальном уровне. Гибель героев объясняется природными причинами и человеческим фактором — тщеславием, жадностью, отвагой и

самопожертвованием. Повесть создавалась в парадигме социалистического реализма, что исключило возможность использования в повествовании элементов мистики. Кроме того, Курочкин стремился успокоить общество и перевести фокус внимания с загадочности обстоятельств на характерные для социализма идеи товарищества и самопожертвования. В романе Кирьяновой наблюдается противоположная тенденция. Образ Золотой Бабы намеренно помещен в центр повествования. Писательница развертывает мистическую версию трагедии и связывает гибель персонажей с нарушением определенной границы сакральной местности. Этим Кирьянова сознательно разрушает сложившуюся тенденцию идеализации и героизации дятловцев.
Таким образом, роман отражает глубинные изменения в постсоветском обществе. Возникшее на этом фоне ощущение хаоса жизни автор раскрывает через введение в сюжет иррациональной составляющей. Эволюция интерпретаций легенды отражает сдвиги в литературе конца XX — начала XXI вв.

Королева Ульяна Максимовна
студентка 2 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Водные духи в фольклоре Филиппин

Тип водных демонов (духов, связанных с водной стихией) является одним из архаичных и универсальных элементов мифологической картины мира. Представленный в фольклоре народов Европы, Азии и Океании данный тип персонажей обнаруживает как устойчивые типологические схождения, так и ярко выраженные локальные особенности. Объектом данного исследования выступают водные демонические существа в фольклоре Филиппин. Предметом исследования являются их характерные черты, номинация, атрибутика и функции. Цель доклада — выявление типологических особенностей филиппинских водных демонов путем сопоставления с образами западноевропейской и славянской мифологических традиций. Выбор данных традиций для сравнения обусловлен, во-первых, доминированием западноевропейского канона («русалки» в массовой культуре), оказавшего влияние на постколониальные нарративы, а во-вторых, близостью славянской традиции (в частности, образа «русалки-утопленницы») для российской аудитории, что позволяет задать корректную систему координат для анализа филиппинского материала. Анализ западноевропейской традиции (ундины, шелки, мерроу) показывает устойчивую связь персонажей с мотивами брака с человеком, дара/утраты магического покрова и предвестия беды [Баккилега, Браун, 2024], [Мелетинский, 1991]. Славянская традиция [Виноградова, 2000], [Рябов, 2024], в отличие от западной, акцентирует «заложный» (связанный с неестественной смертью) характер русалок, их календарную приуроченность и выраженную хтоническую природу (связь с плодородием, но и с вредоносностью для человека в «русальную неделю»). Филиппинская мифология представляет иную картину, имеющую как схожие, так и отличные черты. В докладе подробно рассматриваются следующие персонажи: катау, мамбубуно, сирена, сиюкой и угкой. В докладе будут представлены их анкеты, составленные по методологии Л. Н. Виноградовой [Виноградова, 2000], на базе которых будет удобно представить сравнительную характеристику филиппинских водных демонов и их западноевропейских и славянских аналогов.

Литература:
Баккилега К., Браун М. А. Мифы о русалках. От сирен и Мелюзины до нинге и Ариэль. М., 2024.
Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
Мифологический словарь. М., 1991.

Рябов В. Русская фольклорная демонология. От оборотней и мертвецов до русалок и огненного змея. М., 2024.

Кузьменко Дарья Владимировна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Сомнение, переживание и выбор в женских нарративах о замужестве

В докладе представлен нарративный анализ устных рассказов женщин о добрачных взаимоотношениях и о замужестве. Цель анализа — представить тему переживаний, которую собеседницы стараются избегать.
Материалами послужили записи фольклорного архива Пропповского центра (далее — ФА ПЦ), который представляет собой собрание текстовых расшифровок, аудио- и видеоинтервью, записанных во время студенческих фольклорно-антропологических экспедиций на севернорусских территориях с конца 1970-х гг. по настоящее время. Для доклада мною были отобраны устные рассказы, в которых женщины 1930-х гг. р. вспоминают свое прошлое: истории о своем девичестве, свиданиях, ухаживаниях и о первых романтических отношениях. Следуя концепции американского лингвиста У. Лабова, я называю такие рассказы биографическими нарративами, а для их исследования я использую метод нарративного анализа [Labov, 1967]. В докладе будут представлены его структурные элементы (ориентация, усложнение, разрешение, оценка и кода), замеченные в выбранных текстах. В ходе анализа я попытаюсь выявить, каким именно образом собеседницы рассказывают свою личную историю. Напр., какие эпизоды биографии считаются для них значимыми или как та или иная последовательность событий приводит, с их точки зрения, к браку или, наоборот, к прекращению отношений? Делясь такими историями, женщины зачастую делятся и своими переживаниями. Вслед за психологом Ф. Е. Василюком, я буду понимать переживание как особое отражение мира субъектом с точки зрения предоставляемых этим миром возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта [Василюк, 1984: 6]. Женские переживания и являются предметом моего доклада. Говоря о переживании, важно отметить, что в качестве его «исполнителя» могут выступать различные психические функции: мышление, эмоция, восприятие, внимание и др. [там же] Меня преимущественно интересуют первые две, так как в ходе анализируемых нарративов собеседницы рассуждают о событиях своей молодости и дают эмоциональную оценку событиям. Мышление как форма осмысление своего опыта позволяет собеседницам рационализировать его (напр., женщина может объяснять свое прежнее отношение к замужеству молодостью и/или отсутствием приданого). На уровне же эмоций в анализируемых нарративах собеседницы вспоминают страх перед телесной близостью, стыд из-за потенциального осуждения со стороны окружающих, обиду, вызванную невниманием понравившегося парня, и пр. Эмоция, по мысли Василюка, выражает противоречие между тем, что существует в действительности, и тем, что должно быть согласно представлениям о норме [там же: 10].
Таким образом, в докладе будет представлен анализ субъективного опыта собеседниц, вербализованного посредством нарратива. Моя гипотеза заключается в том, что женщины, рассказывая биографические истории о своем опыте романтических отношений, вместе с тем и рефлексируют, особым образом осмысляют принятые ими в прошлом решения.

Литература:
Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts. 1967. 12—44.

Кузьмина Ирина Николаевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Бабушка-задворенка: между былиной и былью

Бабушка-задворенка — персонаж русских сказок и былин. Бабушки-задворенки встречаются в таких сказочных сюжетах, как «Василиса Прекрасная», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» и др.; в таких былинах, как «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Алеша» и др. Зачастую они действуют подобно сказочному помощнику, а также лечат героев с помощью заговоров. Несмотря на то, что задворенки не родные главным героям, они воспитывают их, собирают в дорогу, благословляют, что в обычной жизни делают родители.

На сегодняшний день образ бабушки-задворенки мало изучен этнографами и фольклористами. Напр., В. Я. Пропп упоминал этого персонажа как возможного дарителя в одном ряду с Бабой Ягой [Пропп, 1928: 100]. В диалектологических словарях «задворенку» обычно определяют как старушку, живущую без семьи, или же добрую колдунью. В названных значениях обнаруживается связь как со сказочной и былинной реальностью, так и с устройством деревенского сообщества.

В современной севернорусской деревне до сих пор можно встретить подобных «бабушек»: одиноких пожилых женщин без семьи, к которым можно обратиться за магической помощью или просто присмотреть за детьми. При записи интервью мне казалось, что почти каждая из наших собеседниц хоть раз в жизни так поступала. В повседневности же они старшие подруги, соседки, родственницы, но не «знающие», как обычно называют деревенских магических специалистов. Таких деревенских помощниц, как и задворенку, называют именно «бабушкой»: «баба Маша», «бабушка Марина» и др. В своих воспоминаниях собеседницы описывают их отношения как близкие и родственные, напр., «бабушки» регулярно ходили к ним в гости: «Вот никто не болел, нас двое было. Люба была Семенова и я. Заболели мы фурункулами, фурункул один пройдет — другой начинается. Один пройдет — другой начинается. Вот. А у нас ко мне ходила бабушка Марина Рюмина» [ФА ПЦ: DAu24-019].

Когда лично я обращаюсь к человеку «баба»/«бабушка», то обычно это значит, что я нахожусь с ним в кровном родстве. Но для моих деревенских собеседниц речь идет об иных отношениях: так называют не только родственниц, но и тех, кто оказывает магическую помощь и к кому они готовы обратиться в критические моменты жизни. Этих женщин не связывало кровное родство, но благодаря личным взаимоотношениям появлялось ощущение доверия, а благодаря доверию — некая новая форма отношений, символическое «свойство». В отрывках интервью из работы «Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики» [Голубева, Куприянова, 2022: 149] и авторского подкаста «Тело и речь» [Адоньева, 2024] эта форма отношений обозначалась собеседниками как тепло, как «к родному».

Как мне кажется, за номинацией «бабушка», уже вне фольклорного текста, часто стоит пласт народных представлений, который можно увидеть и в текстах былин. В своем докладе я постараюсь, ориентируясь на тексты севернорусских былин и фольклорный архив Пропповского центра, описать это «поле смыслов», стоящее за номинацией «бабушка».

Литература:

Голубева Л. В., Куприянова С. О. Материнство в советской деревне: Ритуалы, дискурсы,

практики. Т. 1: Исследование. СПб., 2022.
Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.
Тело и речь // Подкаст Pragmema Project. URL: http://www.pragmema.ru/ru/telo-i-rech (20.02.2025).
Фольклорный архив Пропповского центра (ФА ПЦ).

Лощилин Алексей Сергеевич
студент 3 курса
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Образ гаучо между фольклором и модернизмом

В статье рассматривается образ гаучо в аргентинской литературе XIX — начала XX в. Гаучо занимает центральное место в аргентинской культурной мифологии, выступая не только как литературный персонаж, но и как символ национальной идентичности. Его формирование тесно связано с фольклорной традицией, где гаучо репрезентируется как носитель коллективных ценностей, воплощение свободы, автономии и органической связи с пространством пампы.
В классической литературе XIX в. этот образ приобретает мифологизированный характер, становясь частью национального эпоса. Показательным в этом отношении является поэма «Мартин Фьерро», написанная Х. Эрнандесом в 1872 г. В поэме гаучо представлен как фигура сопротивления, маргинальности и одновременно как архетипический герой народной культуры. Фольклорная модель образа строится на эпических принципах репрезентации: герой соотнесен с коллективным опытом, его судьба типизирована, а конфликт носит социально-исторический характер. Гаучо выступает как медиатор между природным и культурным мирами, а пампа функционирует как мифологическое пространство, задающее структуру повествования.
Литература модернизма радикально переосмысляет данную модель. В романе «Дон Сегундо Сомбра», написанном Р. Гуиральдесем в 1926 г., образ гаучо утрачивает однозначную эпическую функцию и приобретает черты эстетизированной, философски нагруженной фигуры. Герой перестает быть исключительно представителем коллективного мифа и становится объектом рефлексии, символом утраченного мира и культурной памяти. Модернистский дискурс смещает акцент с социальной проблематики на внутренний опыт, субъективность и эстетическое измерение повествования.
Существенным оказывается изменение мифологической функции образа. Если в эпической традиции миф закрепляет устойчивые культурные значения, то модернизм демонстрирует процесс его переинтерпретации. Гаучо начинает восприниматься как знак переходности, фигура культурного разрыва между традицией и модерностью. Пампа при этом трансформируется из пространства действия в пространство ностальгии, символ утраченной гармонии. Свобода, ранее имеющая преимущественно социальный смысл, приобретает эстетический и экзистенциальный характер. Таким образом, модернизм не разрушает фольклорный миф о гаучо, а осуществляет его сложную семиотическую переработку. Образ сохраняет архетипическую основу, но включается в новую систему культурных значений. Эта трансформация отражает более широкий процесс переосмысления национальной идентичности, где традиционный герой становится объектом художественной и философской рефлексии.

Мельникова Ксения Олеговна
студентка 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

«Расклевить» и «ослезить»: кому и для чего причитают на похоронах?

Устройство деревенских похорон значительно отличается от устройства городских. В частности, на них женщины до сих пор могут причитать. Похоронное причитание как ритуальная практика является формой выражения и переживания горя, которая культурно обусловлена и поддерживается традицией [Василюк, 1991].

В причитании предметом высказывания зачастую является личное горе плакальщицы, оно же является и его причиной, поскольку непосредственно личный опыт утраты открывает возможность плакальщице запричитать:

«Просто мне… мама не учила, она просто. ‘‘Как, мама, плакать?’’ Она вот мне и ответила: ‘‘А горе заставит. Плачь и говори словами, че у тебя на твоем сердце. Че оно у тебя наболело. Чем тебя он обидел’’» [ФА ПЦ, Леш17а-146].

Кроме того, своим плачем причетница может оказывать непосредственное влияние на эмоциональное состояние слушателей:

«Ездила к подружке на участке, рубили лес. Все сидят-посиживают, родня сидит, не плачут, слезинки не выронили. Как заплакала я, сколько было народу — все обливаются. Вот <нать?> как покойник, надо по покойнику поплакать.

<А если вот не поплачешь?>

А если не плачешь, так что, не жалобный, значит, человек» [ФА ПЦ, Леш17а-68].

В своей статье исследовательница М. Шеер формулирует свой подход к изучению истории эмоций, выделяя четыре типа эмоциональных практик: мобилизующие, именующие, сообщающие и регулирующие [Scheer, 2012]. Опираясь на концепцию Шеер, в своем докладе я рассматриваю похоронный плач в качестве мобилизующей эмоциональной практики. Мобилизующие эмоциональные практики направлены на вызывание эмоций в том случае, когда человек по той или иной причине их не испытывает, а также на изменение испытываемых эмоций или даже избавление от них.

Плач — это возможность причетнице высказать собственное горе, а через высказывание открыть этот опыт всем присутствующим. В диалектных словарях встречается глагол *расклевить* (‘заставить плакать’). Схожий по семантике глагол *ослезить* (‘вызвать слезы’) звучит в нарративах женщин о причитании:

«<А плачут, когда причитают?>

Плачут. Плачут.

<Сильно плачут, да?>

Сильно. У покойного, у которого плачут, вот ить, может весь народ **ослезить**. Не умеешь, да заплачешь. Заплачешь и все. Слезы так сами и пойдут» [ФА ПЦ, Леш17а-85].

Моя гипотеза состоит в том, что исполнение причитания предполагает определенный диапазон чувств, испытываемый слушателями. Одной из задач плакальщицы, таким образом, является вызывание у присутствующих конкретного эмоционального состояния. Материалом для доклада послужили записи интервью из фольклорного архива Пропповского центра, собранные в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области в период с 2007 г. по настоящее время. В докладе я анализирую нарративы о похоронном причитании и воспоминания о личном опыте как собственного публичного исполнения, так и присутствия при ритуальном плаче.

Литература:

Василюк Ф. Е. Пережить горе. М., 1991. С. 230—247.

Фольклорный архив Пропповского центра (ФА ПЦ).

Scheer M. Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A bourdieuian approach to understanding emotion. // History and Theory. 51 (2). 2012. 193—220.

Попова Елизавета Павловна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Отвально», «привально» и «проводины»: проводы в солдаты в советской деревне как обряд перехода

Во время экспедиции на Пинежье в июле 2025 г. мне и моим коллегам удалось записать рекрутские песни и рекрутский причет, что в последнее время происходит крайне редко. Такая «фольклорная удача» привела к вопросу о том, почему у современных деревенских жителей до сих сохраняется память о традиционном обряде проводов в солдаты, хотя сам обряд утратил свою актуальность? При этом свежие воспоминания о действительно проводившемся ритуале вступают в противоречие со степенью научной разработанности этой проблемы. Рекрутский обряд начала XX в. подробно описывала и анализировала Ж. В. Кормина в своей монографии [Кормина, 2005], основанной на диссертации конца 1990-х гг. и изданной в 2005 г. Работы других исследователей о более позднем состоянии ритуала сфокусированы либо на других территориях, либо на отдельных элементах обряда. Отсутствие полного описания более поздней формы обряда доказывает актуальность выбранной темы.

В докладе я представлю описание обряда проводов в армию 50—80-х гг. XX в. на территории Архангельской области. Под обрядом, вслед за американским антропологом В. Тэрнером, я понимаю «стереотипную последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [Тэрнер, 1983: 32]. Тэрнер развил теоретические идеи А. ван Геннепа, выделившего обряды перехода — последовательности церемоний, «сопровождающих переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) — в другой» [Геннеп, 1999: 15]. Проводы в солдаты являются как раз таким ритуалом, состоящим из обрядов отделения («отвально», «проводины») и обрядов присоединения («привально»). Между этими двумя этапами, пребывая на службе, посвящаемые («рекруты») находятся в промежуточной (лиминальной) стадии. Родители призванного, другие родственники и деревенская молодежь же становятся посвящающими. «Отвально» включает в себя застолье с песнями, вручением подарков «рекруту», произнесением напутствий, благословением рекрута и проводы его до края деревни. «Привально» происходит по прибытии «рекрута» домой и обычно описывается информантами как такое же застолье, только менее масштабное. Частью обряда проводов также становятся табу, связанные с уязвимостью посвящаемого в лиминальной стадии: напр., нельзя подметать дома неделю, пока призванный не доберется до воинской части, и т. д.

Так, обряд проводов в солдаты даже в советской деревне все еще сохранял свои функции поэтапного изменения социального статуса посвящаемого. Материалом для моего исследования послужили фрагменты интервью из папки «Обряд проводов в солдаты, причет» Мезенского и Лешуконского собрания Архангельской коллекции фольклорного архива Пропповского центра [ФА ПЦ]. Архив представляет собой сгруппированные по территориальному и жанровому признаку фрагменты глубинных интервью, записанных с 1980-х гг. по настоящее время.

Литература:

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005.
Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Фольклорный архив Пропповского центра (ФА ПЦ).

Сметанина Мария Михайловна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Причитание и воспоминание: как взаимодействие речевых жанров меняет прагматику плача

В докладе на материале современных экспедиционных записей рассматриваются причитание и воспоминание как речевые жанры, обслуживающие сферу памяти и говорения об умерших. Внимание сосредоточено на фрагменте интервью с В. М. Минаевой (1935 г. р.), уроженкой и жительницей деревни Заозерье Мезенского района. В. М. вспоминает о том, как причитала ее мама, и воспроизводит ее плач, сопровождая его рассказом о жизни семьи в военные и послевоенные годы.
Мы сталкиваемся с ситуацией, в которой создатель плача, его исполнитель и пациенс — не одно и то же лицо. Известны случаи, когда «профессиональная» причетница в ритуале, реально происходящем или предполагаемом, плачет от лица одного из его участников — здесь имеет место несовпадение пациенса и автора-исполнителя. В рассматриваемом нами случае исполнительница воспроизводит чужой плач, т. е. говорит чужими словами о чужих переживаниях. При этом сохраняется референция текста — две исполнительницы оплакивают одну жизненную ситуацию, одних людей, но с разных позиций.
Исполнение и осмысление дочерью причитания матери является примером коммуникативной памяти — это вид коллективной памяти, описанный А. и Я. Ассман. Она охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым, те, которые человек разделяет со своими родственниками [Ассман, 2004]. Она «возникает в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний» [Ассман, 2014: 22].
А. Ассман пишет, что воспоминания «сами по себе фрагментарны, т. е. ограничены и неоформлены. Лишь повествование придает воспоминанию задним числом форму и структуру; эти факторы дополняют воспоминание и стабилизируют его» [там же: 21]. Грамматика глагольных форм и неоднократное повторение помогает выделить в рассказе В. М. изначальный образ: это картина того, как мама приходила после работы, садилась на порог и плакала голосом. С нее начинается высказывание. Далее к первичному визуальному образу прилагается сам текст причитания, как цитата маминых слов, и рассказ об условиях жизни, для мамы мотивирующих плач.
Причитание, сохраняя свои лексико-грамматические и ритмические особенности, становится частью другого речевого жанра — воспоминания. Изменения происходят на прагматическом уровне. Для матери В. М. основная цель причитания — это психологическая разгрузка, оплакивание близкого и установление связи с умершим. Исполнение причитания самой В. М. мотивировано запросом собирателя и желанием рассказать о матери-причетнице, продемонстрировать ее искусство. В отличие от матери, для В. М. условия жизни не являются мотивом и стимулом причитания. В ее высказывании они остаются как его логическое объяснение. Установление связи с умершими перестает быть первостепенной целью. Помещенное в рамки рассказа-воспоминания, причитание меняет свои функции и перестраивается в прагматическом аспекте на реального присутствующего слушателя. Ведущей становится цель эстетическая, демонстрация художественных способностей создательницы текста.

Литература:

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

Снеткова Анна Александровна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Стратегии фольклорного брендинга городской среды: литературные и гастрономические легенды в Санкт-Петербурге

В докладе планируется рассмотреть стратегии фольклорного брендинга городской среды на материале литературных и гастрономических легенд, функционирующих в текстах меню, концепциях и маркетинговых описаниях заведений общественного питания. Особое внимание будет уделено практикам, связанным с использованием литературного наследия в формировании городского образа на примере Санкт-Петербурга как пространства, где литературный дискурс является значимой частью городской идентичности. Материалом исследования станет корпус из 57 текстов, собранных на основе меню и концептуальных описаний ресторанов и кафе (напр., «Литературное кафе», ресторан «7sedm», бар «Dead poets», кофейня «Буше»), апеллирующих к литературным именам, персонажам и биографическим сюжетам.
В ходе анализа предполагается показать, что в коммерческом дискурсе литература функционирует не только как культурный капитал, но и как источник сюжетов, трансформирующихся в квазибиографические и гастрономические легенды. Теоретической рамкой исследования послужат работы по городскому брендингу и фольклорному конструированию территории, в частности подход к «фольклорному брендингу» российских территорий, разработанный Н. Петровым [Петров, 2018: 71]. Если в существующих исследованиях преимущественно анализируются институциональные формы брендирования (музеи, фестивали, памятники), то в данном докладе внимание будет сосредоточено на коммерческих городских практиках, где фольклорные и литературные сюжеты целенаправленно конструируются и адаптируются под задачи маркетинга. Особое место в докладе займет вопрос о трансформации литературного канона в гастрономическом контексте. Будет показано, каким образом биографический материал писателей, образы персонажей и мотивы произведений переводятся в язык меню и описаний блюд, а также какие нарративные и стилистические стратегии при этом используются: историческая стилизация, включение в описание блюд цитат из художественных произведений русской классики, пересказ биографических сюжетов про писателей и поэтов, упоминание вкусов литературных персонажей и др. Кроме того, будет предпринята попытка определить функции подобных легенд в формировании образа города и его бренда, а также показать, что современная городская среда становится пространством активного взаимодействия литературы, фольклора и коммерческого дискурса, где культурное наследие не только сохраняется, но и переосмысляется в новых условиях.

Литература:
Петров Н. В. «Фольклорный брендинг» российских территорий // Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / Сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2018. С. 70—87.

НАПРАВЛЕНИЕ «СЛАВИСТИКА»

СЕКЦИЯ «СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Айхенвальд Павел Романович
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Магический реализм в творчестве О. Токарчук

О. Токарчук — выдающаяся польская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (2018). Ее творчество, отмеченное «энциклопедической страстью» и уникальным воображением, предлагает глубокое переосмысление реальности через призму мифа и фантазии. Термин «магический реализм», введенный искусствоведом Фр. Рохом в 1925 г. для характеристики живописи, был вскоре адаптирован литературой. В европейском варианте (итальянский nouvecentismo, немецкая проза 1940-х гг.) он означал проникновение в ткань реальности иррационального, сновидческого начала, скрытого за повседневностью. В латиноамериканской традиции, благодаря А. Карпентьеру и Х. Л. Борхесу, он обрел черты «чудесной реальности», основанной на сплаве индейской мифологии и колониальной истории. В восточноевропейской, и в частности польской, прозе магический реализм обретает собственную специфику. Здесь он используется не столько для демонстрации экзотического колорита, сколько для осмысления травматического исторического опыта, переосмысления национальных мифов и каталогизации уходящей культуры пограничья. В творчестве Токарчук этот метод становится способом существования, где мифологическое мышление не противопоставлено реальности, а является ее фундаментальной основой, что позволяет говорить о постколониальном прочтении польской истории. В романах Токарчук магический реализм реализуется через ряд устойчивых художественных решений. В «Правеке и других временах» центральное место занимает мифологизированное пространство — вымышленный городок Правек — существующее одновременно в реальном, историческом времени и в циклическом, сакральном времени мифа, где у каждого объекта (напр., у божьих коровок) есть своя история. В «Доме дневном, доме ночном» реальность сплетается из снов, легенд, кулинарных рецептов и житий святых, создавая эффект двоемирия, где сны и видения служат переходом из рационального в иррациональное. В «Пути Людей Книги» присутствуют аллюзии на «злые силы» и рок, а само повествование подчинено не столько линейной логике, сколько мифопоэтическим законам, где библейские и каббалистические мотивы переплетаются со славянским фольклором.

Данная работа представляет собой попытку систематизировать художественные приемы, формирующие магический реализм в прозе Токарчук. Анализ материала позволяет выделить несколько ключевых стратегий: во-первых, специфическая организация хронотопа (сосуществование циклического мифологического и линейного исторического времени, доминирование пространства над временем); во-вторых, «онтологизация» слова, когда язык и повествование буквализируют метафору, превращая ее в факт реальности; в-третьих, использование пограничных состояний сознания для демонстрации взаимопроникновения миров; и наконец, включение фольклорных и мифологических архетипов в структуру характеров и событий.

Таким образом, магический реализм в творчестве Токарчук — это не просто набор стилистических приемов, а целостная философско-эстетическая система. Она позволяет автору, с одной стороны, преодолевать жесткие границы исторических и культурных нарративов (в т. ч., доминирующий дискурс о «возвращенных землях»), а с другой —

воссоздавать утраченную целостность мира, где человек, природа и сакральное существуют в неразрывном единстве.

Артемьев Петр Валерьевич
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Рецепция поэтики Вс. Некрасова в Чехии на примере публикаций в журнале «Tvař»

Вс. Некрасов (1934—2009) — поэт «Второго русского авангарда», участник неформального литературного объединения поэтов и художников, сложившегося во второй половине 1950-х гг. около железнодорожной станции Лианозово, ставшей одним из очагов неофициальной культуры Москвы того времени. Поэтику Некрасова можно соотнести с экспериментами в рамках европейской конкретной поэзии. Благодаря переводческой и редакторской деятельности чешского поэта А. Броусека, Некрасов получает возможность публиковать свои стихотворения в чешских периодических изданиях. Интерес Броусека к творчеству Некрасова объясняется инаковостью поэтики «лианозовца». Броусек делает упор на этическую (политическую) составляющую поэта «Лианозовской школы». Интерес к литературным экспериментам и непринятие доктрины соцреализма стали отправными точками для сотрудничества Броусека и Некрасова. Публикация Броусека 1964 г. стала первым официальным переводом Некрасова на чешский язык. Художественный и общественно-критический ежемесячник Союза чехословацких писателей «Тварж» («Tvař») выпускался издательством «Чехословацкий писатель». Журнал просуществовал до 1969 г., был закрыт в связи с начавшейся политикой «нормализации». С первых выпусков «Тварж» устанавливает ориентацию на поиск нового поэтического метода существования в рамках нового литературного пространства, что позволяет провести параллель с теоретическими построениями Некрасова относительно современной ему литературной реальности. Поэтика Некрасова рефлексирует над проблемой кризиса поэтического языка, отказываясь от футуристического принципа «активного словотворчества». По мнению Некрасова, стихотворение появляется как результат «сверхобостренного слуха» автора на конкретный речевой факт. Поэт неоднократно подчеркивал ускользающую природу своих стихотворений, находящихся на границе реального речевого факта и стихотворного произведения. Броусек чувствует эту «обманчивую простоту» поэтики Некрасова, однако перевод чешского поэта нельзя назвать удачным. С начала 1990-х гг. начинается активное исследование наследия поэтов «Лианозовской школы». Среди работ, анализирующих поэтику Некрасова, выделяется статья чешского филолога и переводчика А. Махониновой, посвященная анализу чешских переводов поэта-лианозовца в журнале «Тварж», вышедшая в 2021 г. в издательстве «Новое литературное обозрение».

Бондарь Яэль Олеговна
магистрантка 1 курса
Российский государственный гуманитарный университет

Мотив травмы как рефлексия о распаде Югославии в хорватской прозе 2010-х гг. (На примере романов «Снесла Баба Яга яичко» Д. Угрешич и «Поймать зайца» Л. Басташич)

Распад Югославии стал одной из самых больших травм конца XX в. для всех народов бывших социалистических республик. Описание и осмысление событий тех лет нашли свое место в литературе писателей из стран бывшей Югославии. Им посвящали целые романы,

напр., «Смерть Вронского» Н. Фабрио, «Сараевский Мальборо» М. Ерговича. По мере увеличения исторической дистанции меняется и взгляд на 1990-е гг. В 2010-х гг. писатели обращаются уже не к описанию самих событий и реалий, а к последствиям военных действий и проработке травматического опыта. Авторы скорее рефлексируют над прошедшими событиями. В этот период романы и рассказы пишут уже представители как старшего, так и молодого поколения. В докладе рассматриваются произведения хорватских писательниц разных возрастных групп. Романы Угрешич и Басташич затрагивают не один конкретный регион: в них показаны разные территории Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, их состояние после войны. Романы принадлежат к разным направлениям: «Снесла Баба Яга яичко» — постмодернистский роман, а «Поймать зайца» — метамодернистский, однако у них много общего. Наличие равно значимых художественного и документального начал в романах, рефлексия над событиями 90-х гг. и их последствиями, тема попытки начать жизнь с чистого листа, тема женской телесной травмы и телесности — эти черты объединяют непохожие романы, посвященные травме. Обе писательницы пережили войну в Югославии, находясь в самой стране, и обе не причисляют себя к представителям определенной нации. Так, напр., Басташич представляется и хорваткой, и сербкой, и боснийкой. Угрешич также не акцентировала внимание на своей национальной принадлежности. Сходство личных позиций и текстового своеобразия обусловило выбор авторов. Таким образом, цель работы — выявить особенности художественной репрезентации травмы в текстах молодого и старшего поколения писателей. Анализ произведений направлен на выявление образных и композиционных особенностей текста о травме. Главная задача исследования — анализ нарративных особенностей в романах «Снесла Баба Яга яичко» и «Поймать зайца». При выделении схожих и различных черт устанавливаются особенности репрезентации травмы у писателей молодого и старшего поколения; анализируется появление нового героя, тропы, связанные с телесной травмой, телесность вообще, рефлексия героев над событиями 1990-х гг., фольклорные мотивы и композиция. Анализ и сравнение двух романов дают возможность утверждать, что в современной постюгославской прозе есть особый подход к репрезентации травмы, который строится на рефлексии, особом типе героя и телесной образности.

Горбик Мария Владимировна
магистрантка 2 курса
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Возникновение межъязыковой омонимии и полисемии на примере русской и сербохорватской лексемы *жир*

Общеславянская лексема *жир* происходит от праславянского **žirъ*, восходящего к глаголу *жити*, к корню которого прибавляется словообразующий суффикс *-р-*. Слово *жир* имеет богатый арсенал лексических значений благодаря широкому распространению среди славянских языков. В этой работе мы ставим своей задачей проследить хронологию приобретения/утраты лексемой *жир* значений в рамках русского и сербохорватского языка с целью прояснить вопрос межъязыковой омонимии и полисемии применительно к исследуемому слову через семантико-этимологический подход. Новизна работы состоит в сравнительном анализе эволюции семантики русской и сербохорватской лексемы *жир*, в ходе которого устанавливается, есть ли между этими словами что-то общее, помимо пракорня (сербохорватская лексема *жир* имеет значение ‘желудь’).
В ходе исследования были использованы русские и сербохорватские этимологические, историко-этимологические и толковые словари. Для установления хронологии был задействован панхронический корпус в НКРЯ. Рассматривались временные диапазоны XI—XVII вв. и XVII—XXI вв.

Самые ранние значения русской лексемы *жир*: ‘корм’, ‘пища’, ‘пастбище’, ‘богатство’, ‘довольство’, ‘избыток’, ‘излишек’ — как прямые, так и условные переносные — начинают появляться с XI в. и успевают закрепиться в языке еще до XIV в. Они являются основными только до XVII в., так как с этого столетия *жир* начинает обозначать ‘органическое соединение, нерастворимое в воде маслянистое вещество, содержащееся в животных и растительных тканях’. Благодаря частой реализации это значение постепенно вытесняет предыдущие, которые в XXI в. реализуются полностью или частично только в устойчивых выражениях (напр., *с жиру беситься*), производных словах (напр., *жировать*) и сленговых употреблениях (напр., *жир* как выражение приятных эмоций).
В сербохорватском языке у лексемы *жир* к XI в. произошло сужение значения до ‘корма для свиней и кабанов’, т. е. ‘желудь’, и эта семантика остается неизменной до XXI в. Существовало также значение ‘общего названия фруктов’, но в современных толковых словарях о нем уже не упоминается.
Таким образом, мы приходим к таким выводам: до XVII в. сербохорватское слово *жир* воспринимается как лексико-семантический вариант русского слова *жир* с прямыми его значениями ‘корма’, ‘пищи’, ‘пастбища’, а т. н. метафизические ‘богатство’, ‘довольство’, ‘избыток’, ‘излишек’ к ‘желудю’ и ‘фруктам’ отношения не имеют. Так что в данном случае можно говорить о межъязыковой полисемии, просуществовавшей до XVII в. и объединившей по семантике прямые значения. С появлением привычного нам определения ‘маслянистого вещества’ сербохорватскую и русскую лексему *жир* стоит разделить на межъязыковые омонимы, поскольку здесь уже присутствует существенная разница в семантике и дистрибуции. Надо упомянуть, что в XVII в. на небольшой срок появляется русская лексема *жир/жира*, которая значит ‘жилье’, ‘надстройку’ и серьезно расходится по смыслу с другими значениями лексемы *жир*, что с точки зрения синхронии начинает походить на омоним как межъязыковой, так и в рамках одного языка. Некоторые русские толковые словари XX и XXI вв. выносят лексему *жир* в отдельную словарную статью в значении наименования карточной масти, что дает основание думать о еще одном омониме, но снова с позиций синхронии, поскольку анализ исторических словарей заставляет сомневаться в этимологическом расхождении.

Кайгородов Ярослав Олегович
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности темпоральной лексики тимокских говоров сербского языка

Категория времени — одна из важнейших в восприятии мира человеком. Особый интерес для выявления особенностей интерпретации времени говорящими представляет лексика с темпоральным значением. Большое значение для изучения языковой репрезентации представлений о времени имеют данные диалектов, наиболее тесно связанных с традиционной культурой народа. Для исследования выбрана лексика тимокского говора как части призренско-тимокской диалектной зоны сербского языка в восточной Сербии (район реки Тимок). Этот говор отличается архаичностью, проявляющейся в фонетических, морфологических и лексических особенностях.
Само понятие времени для носителей говора обладает многосторонним характером, что проявляется в полисемичности обозначающей его лексики: *добо* ‘эпоха’, ‘годы жизни человека’, ‘момент’ [Динић, 2008].
Лексика с темпоральным значением, как свидетельствуют лексикографические источники, включает в свой состав названия частей суток, в частности *дан*, *ноћ*, *вече*, в т. ч. в более архаичных формах *јутром*, *вечер* [СДС, 1905], *вечером* [Динић, 2008]. Здесь следует отметить наличие лексем, используемых для актуализации положения времени суток на оси

времени (*ноћашњи*/*ночьшьњ* ‘этой ночью’ [СДС, 1905]; *јучерашњица* ‘вчерашний день’; *ичернавечер* ‘позапрошлым вечером’).
Широко представлена в исследуемом говоре календарная лексика, т. е. обозначения месяцев, фенологических сезонов, праздников, составляющих основу системы счета времени: *вебрувар* ‘февраль’, с народным синонимом *мали сечко* [Динић, 2008]*; летњи светац*, *зимсћи светац* [СДС, 1905].
Находит отражение в диалектной лексике влияние природных условий на характеристику периода: *лебородна година* ‘урожайный на хлеб год’ [Динић, 2008]. Отмечены наименования сельскохозяйственных циклов, представляющих собой систему исчисления времени: *брање* ‘период сбора плодов’ [там же].
Значительную часть темпоральной лексики составляют наименования различных периодов времени, удаленных в прошлое или будущее от актуальной временной точки, соотносимой с понятием ‘сейчас, теперь’, т. е. передающих значения ‘завтра’, ‘вчера’ и т. п.
Проведенное исследование показывает, что темпоральная лексика тимокского говора демонстрирует архаичность и сохранение старых форм, живые словообразовательные процессы, связь с традиционной культурой и аграрным календарем, отражение народного циклического восприятия времени, развитие полисемии на базе темпоральных понятий.

Литература:
Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
СДЗ — Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905.

Конькова Кристина Андреевна
магистрантка 1 курса
Российский государственный гуманитарный университет

Лексические квантификаторы в хорватском языке в сопоставлении с русским (на материале корпуса параллельных текстов InterCorp)

В докладе исследуются хорватские лексемы, которые в исходном значении называют конкретные предметы, но в генитивных конструкциях получают сдвиг значения, частично грамматикализуются и становятся квантификаторами. Примерами таких слов являются *more* (*more ideja* ‘море идей’), *gomila* (*gomila ljudi* ‘куча людей’), *bujica* (*bujica misli* ‘поток мыслей’). Рассматривается также их сочетаемость с другими лексемами.
Мы не обнаружили ни одной работы, полноценно описывающей эту лексическую категорию в хорватском языке и определяющей, какие именно слова могут быть отнесены к этой группе. В имеющихся исследованиях [Badurina, Pranjković, 2015; Bušelić, 2015] рассматриваются только счетные слова, числительные в целом или собирательные числительные.
Целью работы стало составление списка наиболее частотных хорватских квантификаторов и описание их сочетаемости с другими лексемами. Для этого мы использовали корпус параллельных текстов InterCorp, разрабатываемый на платформе Чешского национального корпуса ([Český národní korpus]). Из корпуса была выгружена случайная выборка (n = 10000) конструкций типа *Сущ. N1 в любом падеже + сущ. N2 в род.пад. мн.ч.*. Из них были отобраны примеры с квантификаторами (n = 624). Затем квантификаторы (n = 9) были распределены по метафорическим группам, а далее была определена степень их грамматикализации. В завершение исследования мы обозначили широкую вариативность переводов хорватских квантификаторов на русский язык.
В результате анализа квантификаторов в хорватском языке сделаны следующие выводы:
1. В хорватском языке существует категория лексических квантификаторов.
2. В составе таких именных конструкций — предметное имя, которое в генитивных конструкциях с другими именами претерпевает семантический сдвиг, после чего обретает

значение большого количества.
3. Хорватские квантификаторы необходимо отличать от конструкций, обладающих признаками, сходными с квантификаторами.
4. Хорватские квантификаторы могут сочетаться с любыми группами существительных (конкретными, абстрактными, одушевленными и неодушевленными), однако у разных квантификаторов наблюдается разная сочетаемость с этими группами.
5. При распределении хорватских квантификаторов по метафорическим группам [Лингвистика конструкций, 2010] некоторые группы оказались ненаполненными, так как наша выборка продемонстрировала небольшое число хорватских квантификаторов по сравнению с числом описанных квантификаторов в русском языке.

Литература:
Лингвистика конструкций / Ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.
Badurina L., Pranjković I. Kvantifikacija u imenskim skupinama // Jezikoslovlje, 2016. 17 (1—2). 89—100.
Bušelić P. Brdo problema: iskazivanje količine nebrojivoga u hrvatskome: Diplomski rad, Zagreb, 2015.
Český národní korpus. URL: https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=intercorp_v16_hr (15.02.2026).

Куимов Иван Ильич
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

От названий улиц до лимнонимов: о проблеме терминологического аппарата в топонимике русского и польского языков

Урбанонимы как вид топонимов — один из наиболее исследуемых элементов в современной ономастике. Большинство работ в данном направлении посвящено частным элементам городской среды конкретных населенных пунктов. В то же время сохраняется структурная неопределенность в классификации урбанонимов, особенно при сравнении данного аспекта в разных языках. Русский и польский языки, являющиеся представителями группы славянских языков, наиболее ярко иллюстрируют различия в номинации терминов. Цель представленного исследования — установить, возможно ли создание универсальной классификации урбанонимов для русского и польского языков на современном этапе развития.
В первую очередь, в качестве материала исследования были отобраны фундаментальные труды и дидактические работы, непосредственно фиксирующие актуальную дифференциацию урбанонимов в рассматриваемой паре языков. На основе материалов современных русских и польских исследований в области ономастики проведен лексический анализ актуального использования авторами терминов, обозначающих подвиды урбанонимов: названий улиц, площадей, мостов, районов и пр. В ходе исследования был использован сравнительный метод, а также классификационный и типологический анализ.
Таким образом, проведенное исследование фиксирует текущий срез используемой классификации урбанонимов в польском и русском языках. В частности, установлено, что русскоязычные исследователи активно используют устоявшиеся в русскоязычной ономастике термины, определяющие подвиды урбанонимов на основе заимствований из греческого языка (напр., агоронимы, годонимы, экклезионимы и др.), в то время как в польскоязычном пространстве устоявшаяся классификация в настоящее время отсутствует. Помимо этого, созданию универсальной классификации урбанонимов для польского и

русского языков на современном этапе препятствуют различия в способах терминообразования и расхождения в семантике понятий. напр., как отмечает А. Мышка [Myszka, 2015], в польском языке сам термин «урбаноним» возможен к употреблению как в значении обозначения названий всех объектов на городской территории, так и в более узком значении названий исключительно улиц и дорог, что в русском языке соответствует категории годонимов. Отдельной проблемой, существующей вне сравнительного контекста, является иерархическая неопределенность части географических категорий, в частных случаях попадающих в пространство урбанонимикона, при этом являясь подвидом иных топонимических видов (напр., лимнонимы — названия озер и прудов, являющиеся гидронимами, но часто расположенными в городской черте).

Литература:
Myszka A. «Mieszkała na ul. Polnej na Pobitnie, tuż obok Kopca Tatarskiego» — głos w sprawie wewnętrznych podziałów urbanonimów // Onomastica. 2015. 59. 209—221.

Прилепская Яна Валерьевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Ст. Пшибышевский и журнал «Życie»

Предметом исследования является деятельность крупнейшего представителя польского модернизма Ст. Пшибышевского (St. Przybyszewski, 1868—1927) в качестве главного редактора краковского журнала «Życie». Журнал издавался с 1897 г., он сыграл важную роль в формировании нового идейно-художественного течения, получившего название «Молодая Польша». В журнале публиковались переводы произведений западноевропейских писателей-модернистов, статьи, посвященные современному искусству и литературе. Пост главного редактора Пшибышевский занял в 1898 г. и немедленно развернул на страницах журнала острую дискуссию, посвященную пониманию новой литературы, целей и характера нового искусства, формированию новой эстетической концепции. В докладе рассматривается опубликованный в журнале эстетический манифест Пшибышевского «Confiteor», ставший одним из важнейших программных текстов польского модернизма. В этой публикации Пшибышевский постулировал идею о необходимости освобождения искусства от какой-либо связи с обществом и его ценностями, о том, что новое искусство должно быть самоценно. Эту мысль Пшибышевский развивал и в других эссе, опубликованных в журнале. В докладе прослеживается становление Пшибышевского как предводителя культурного движения «Молодой Польши». Рассматривается роль журнала в качестве ведущей трибуны для представителей «Молодой Польши» в культурной и литературной жизни на рубеже XIX и XX вв. В журнале публиковались произведения современных польских авторов: Я. Каспровича, К. Пшервы-Тетмайера, С. Выспяньского, Е. Жулавского; было представлено творчество европейских писателей: Ш. Бодлера, П. Верлена, С. Малларме, Г. Флобера, М. Метерлинка, А. Прохазки, И. Карасека. Исследуется содержание журнала, его наполнение, направление публиковавшихся в нем произведений зарубежной и отечественной литературы. В исследовании также идет речь о художниках и писателях, принявших непосредственное участие в деятельности журнала, и о проходивших на его страницах дискуссиях о новом искусстве.

Ушакова Валерия
студентка 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Обзор исследований по проблемам морфологии чешского языка по материалам чешской и российской научной периодики первой четверти XXI в.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым развитием исследований в области чешской морфологии в первой четверти XXI в., что нашло отражение в многочисленных публикациях чешских (М. Докулил, Р. Адам, М. Вондрачек, Я. Хасил и др.) и российских авторов (Е. В. Петрухина, А. И. Изотов, Д. К. Поляков и др.). Данное исследование является попыткой систематизации и осмысления общего массива исследований по чешской морфологии первой четверти XXI в. Обращение к материалам как чешской, так и российской научной периодики позволяет представить целостную картину современных тенденций в изучении морфологического строя чешского языка. Период с 2001 до 2025 гг. характеризуется активным внедрением корпусных методов, развитием сопоставительных исследований и интересом к грамматической вариативности. В области именной морфологии в центре внимания находится вариативность падежных окончаний, в компаративистском аспекте — асимметрия в лексико-грамматических разрядах существительных, в системах словообразования и в категории одушевленности/неодушевленности, а также зоны межъязыковой интерференции при обучении чешскому языку носителей русского. Глагольная система изучается в нескольких ключевых аспектах: функционирование вида и времени, а также изучение продуктивности словообразовательных и формообразующих частей слова, напр., отглагольных существительных на *-ní/-tí* или глаголов с приставкой *před*. Особое внимание уделяется изучению служебных частей речи и динамических процессов транспозиции, в ходе которых происходит переход единиц из полнозначных классов в категорию служебных слов. Исследования предлогов концентрируются на конкуренции пространственных форм (*v*/*na*) и проблеме падежного управления. Анализ частиц фиксирует появление новых модификаторов (*normálně, jako*) и их грамматикализацию. Процессы адвербиализации демонстрируют подвижность границ между знаменательными и служебными частями речи. Таким образом, современное проблемное поле чешской морфологии характеризуется интеграцией корпусных методов с традиционным структурно-семантическим анализом, особым вниманием к вариативности и активным развитием сопоставительных исследований, позволяющих выявить как сходство, так и различия близкородственных языков.

Фостик Анастасия Ивановна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Произведения К. И. Чуковского для детей на фоне восприятия русской детской литературы в Чехии в XX в.

Произведения русских авторов всегда были для чехов примерами литературного мастерства и отражения национальных идей. В начале XX в. такая позиция укреплялась из-за историко-политических событий. Она распространялась и на детскую литературу, которая стала объектом интересов чешской правящей партии. В периодических изданиях, напр., «Hlídka Času» за 1909 г. или «Národní listy» также за 1909 г. упоминаются работы К. И. Чуковского. В начале XX в. министерство образования Чехословакии выпускало списки рекомендуемой литературы для детей разных возрастов, среди которых упоминались стихотворения Чуковского. Большая часть переводов русских детских произведений в Чехословакии приходится на вторую половину XX в. С конца 40-х гг. активно публикуют

Н. Н. Носова. В 1949 г. выходит сборник рассказов «Тук-тук-тук» («Ťuk-ťuk-ťuk»). В качестве переводчика указан М. Айваз. В середине XX в. в Чехословакии также активно переводятся социалистические авторы. Переводчица А. Новакова знакомит детского читателя с писателями: А. Гайдаром «Дальние страны» («Daleké kraje»), В. Голявкиным «Мой добрый папа» («Můj táta»). В 1955 г. на чешском выходит повесть Гайдара «Чук и Гек» («Čuk a Gek») в переводе О. Птачковой-Махачковой. Этот перевод неоднократно переиздавался. Переводчица также адаптировала и повесть Гайдара «Р. В. С.» («Poselství R. V. S.») в 1960 г. В 1964 г. публикуется сборник рассказов В. Драгунского под названием «Вверх, вниз и поперек!» («Nahoru, dolů a ještě krážem»), за основу которого были взяты произведения из цикла «Денискины рассказы». Выбором и переводом рассказов занимался М. Корейс, чешский автор произведений для детей. Интерес к циклу Драгунского «Денискины рассказы» не угасал и в начале 70-х г..: в 1971 г. вышел сборник «Слон и радио» («Šestitranzistorový slon»), над которым работал Й. Микса. В 1967 г. выходит знаковый труд «Теория и история русской литературы для детей и подростков» («Teorie a historie ruské literatury pro děti a mládež») М. Генчиовы — чешской переводчицы и литературоведа. Перевод русской детской литературы продолжался в 70-е гг. Переводчица Птачкова-Махачкова адаптирует произведения А. Г. Алексина: в 1978 г. публикуются переводы рассказов «Мой брат играет на кларнете» («Trápení s klarinetem»), «А тем временем где-то…» («A někde zatím…»), «Звоните и приезжайте» («O naší rodině»), «Поздний ребенок», («Opožděné dítě»). В 80-е гг. литературный мир Чехословакии открыл для себя творчество Д. Хармса: в 1983 г. В. Данек переводит сборник стихов для детей «Что это было?» («Všecko lítá, i co peří nemá»). В конце XX в., несмотря на политическую ситуацию Чехословакии и СССР, продолжают публиковать произведения советских писателей, но реже. Выходит сборник рассказов «Доброе утро, добрый день!» («Dobré ráno, dobrý den»), адресованных детям от пяти лет. Из русскоязычных писателей чешских переводчиков продолжал интересовать Драгунский и Ю. Коваль. Одним из самых часто переводимых и публикуемых был Чуковский. В течение XX в. было опубликовано приблизительно 11 переводов его произведений, среди которых «Доктор Айболит» (вышло 4 перевода в 1946, 1969, 1974, 1976 гг.), «Мойдодыр» (2 перевода в 1950 и 1961 гг.), «Муха Цокотуха» (1950) и несколько сборников его стихотворений и сказок для детей. В качестве переводчиков выступили В. Данек, И. Свобода, Т. Гашкова, В. Соботкова.

Чуванова Ульяна Андреевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Русские реалии в переводах рассказов А. П. Чехова на чешский язык

Творческое наследие А. П. Чехова внесло значительный вклад в развитие литературы и театрального искусства как в России, так и за рубежом. Несмотря на то, что сам Чехов никогда не был в Чехии, его произведения неоднократно переводились на чешский язык. Кроме того, писатель находился в переписке с чешскими переводчиками. Впервые же чешские читатели познакомились с переведенными на чешский язык работами русского автора еще в 1886 г. («Пассажир 1-го класса» был опубликован в газете «Moravská orlice»). Так, творчество Чехова хорошо знакомо чешскому читателю и занимает устойчивое место в контексте чешской переводной литературы, однако вопрос передачи национально-культурных особенностей его малой прозы на чешский язык до сих пор освещен недостаточно. Целью исследования является выявление и описание способов передачи русских реалий и воссоздания национального колорита в чешских переводах рассказов Чехова, а также оценка способов сохранения функционально-эстетического воздействия оригинала. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу переводческих

решений, принятых в разные исторические периоды, и их оценке в степени сохранения семантической полноты и функционально-эстетического воздействия чеховского текста, что позволяет проследить эволюцию подходов к передаче русских культурных реалий в Чехии и определить уровень адекватности используемых трансформаций в контексте межкультурной коммуникации. Для реализации поставленных задач — уточнения терминологического аппарата (понятия «лингвокультурология» и «реалия»), изучения истории перевода чеховской прозы на чешский язык, анализа стратегий передачи лексики, отражающей культурную идентичность России XIX в., и сопоставления текстов — применялись дескриптивный, сравнительный и лингвокультурологический методы анализа. Материалом исследования послужили оригинальные тексты рассказов Чехова и их соответствующие переводы, выполненные в разные периоды, в XX в. и первой половине XXI в. Актуальность работы обусловлена отсутствием сопоставительных исследований переводов рассказов Чехова на чешский язык, выполненных разными переводчиками в разные годы. В заключении доклада обобщаются основные выводы проведенного исследования.

СЕКЦИЯ «СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА»

Горева Надежда Александровна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Стихотворение В. Шимборской «Речь в бюро находок» и его переводы на немецкий и русский языки

Один из приемов, характерных для творчества польской поэтессы В. Шимборской (1923—2012) — широкое использование фразеологических единиц, а также их окказиональных трансформаций.

Для переводчика передача фразеологизма всегда представляет собой особую задачу, так как значение устойчивого выражения не выводится из значений его компонентов, а полные фразеологические эквиваленты не всегда имеются в языке перевода. Тем временем фразеологизм всегда имеет экспрессивную функцию, а трансформированные фразеологические единицы в особенности являются ярким стилистическим средством, и эффект, который они производят, желательно воспроизвести в переводе.

Основные подходы к переводу фразеологизмов, описанные в литературе, — перевод фразеологический и нефразеологический. Первый подразумевает перевод фразеологизма фразеологизмом — эквивалентом или аналогом, а второй — такие приемы, как калькирование, лексический или описательный перевод [Влахов, Флорин, 2012].

В стихотворении Шимборской «Речь в бюро находок» («Przemówienie w biurze znalezionych rzeczy») представлен ряд фразеологических единиц, из которых некоторые имеют эквиваленты в русском и немецком языках, некоторые же не имеют. Часть из них также подвергнута таким окказиональным трансформациям, как замена компонента или расширение компонентного состава фразеологизма.

В докладе рассматривается один перевод данного стихотворения на немецкий язык и три перевода на русский язык, приводится анализ фразеологических единиц, представленных в стихотворении, и их воспроизведения на языке перевода. Среди приемов, которыми пользуются переводчики, обнаруживаются как фразеологические, так и нефразеологические способы перевода — в частности, на немецкий язык многие единицы переведены дословно, т. е. методом калькирования. При этом стоит отметить, что фразеологический перевод (как на немецкий, так и на русский язык) не всегда оказывается

точным, так как в переводе выступают единицы, не синонимичные по значению единицам исходного языка.

Литература:
Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 2012.

Демина Елизавета Федоровна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Ода Гельдерлина «Heimat» в чешских переводах

Творчество Ф. Гельдерлина в XX в. вышло за пределы Германии. После публикации его произведений Н. фон Хеллингратом в 1916 г. началась активная европейская рецепция его творчества.
В Чехии первый переводческий сборник был выпущен в 1944 г. к столетней годовщине смерти поэта с комментариями издателя. В сборнике содержатся переводы на чешский язык романа «Гиперион» Фр. Врбы, фрагментов трагедии «Смерть Эмпедокла» и стихотворений в переводе И. Гайека и Б. Новака. Впервые чешский читатель познакомился с лирической одой «Родина» («Domov») из сборника од, написанных еще во время проживания поэта во Франкфурте в доме своей возлюбленной С. Гонтар.
Более чем через 30 лет знаменитый чешский переводчик В. Микеш опубликовал сборник «Světlo lásky» с переводом оды «Родина» («Domov»). Обоим переводчикам удалось сохранить размер оригинального произведения, написанного асклепиадовой строфой. Оба перевода также содержат в себе все строфы немецкого оригинала.
Однако переводы по-разному передают образность гельдерлинского стихотворения. Гайек работал над переводом стихотворения в первой половине XX в., поэтому его язык более возвышенный и приближенный к пафосу оригинального произведения. Перевод Микеша 1977 г. стремится к большей простоте и психологической достоверности.
Гайек создает динамичную картину окружающего пейзажа. Мифологические образы природы Гельдерлина точно были переданы чешским переводчиком.
Вариант Микеша изображает статичный, классический пейзаж. Природа предстает спокойным и умиротворенным местом, в то время как в поэтике Гельдерлина природа является прежде всего живым одухотворенным существом.
Однако Гайек в своей версии перевода совершает самое сильное отступление от немецкого оригинала. Появившийся образ оков он опускает и сосредотачивается на целительной силе родных пейзажей и семейного дома. Его образ — мягкий и даже сентиментальный. Перевод 1977 г. возвращает жесткость оригинала. Слово *pokořila* ‘смирила/усмирила’ вместо *heilen* ‘исцелила’ меняет смысл оригинального произведения: тоскующая душа должно не столько выздороветь, сколько стать смиренной.
Стилистически перевод 1944 более достоверный. Напр., использованный переводчиком глагол *žhnout* ‘пылать/жечь’ в переводе 1944 г. передает трагизм стихотворения и контекст его написания. Метафора огня отображает страдания лирического героя, причиняющие боль и терзающие душу уже долгое время. В то время как в переводе 1977 г. используется глагол *nevystonám* ‘не вылежусь / не выздоровею от’. Это бытовой глагол, связанный по смыслу с телесной болезнью. Он снижает пафос стихотворения, но метафорически не изменяет тон стихотворения, как перевод Гайека.
Оба варианта стремятся сократить повтор глагола *heilen* в строфах, чтобы избежать повторения.
Таким образом, оба перевода сохранили метрический строй немецкой оды, но стилистически по-разному передали настроение лирического произведения.

НАПРАВЛЕНИЕ «РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

СЕКЦИЯ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)»

Андреева Екатерина Петровна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Семантическая эволюция и функционирование лексемы *preux* во французском языке в период с XIX по XXI вв.

Актуальность исследования обусловлена интересом к особенностям семантики лексического состава языка. Анализ семантической эволюции слова в диахронии дает возможность выявить некоторые социокультурные процессы, отразившиеся в его значении. Данное исследование рассматривает семантическую эволюцию и функционирование лексемы *preux* на материале корпуса французского языка [Frantext]. Лексема *preux* является синкретичной единицей и входит в концепт, связанный с образом рыцаря. Описывая неотъемлемые характеристики одной из ключевых фигур периода Средневековья, *preux* входит в число слов, соотносящихся с социально значимыми понятиями.

В старофранцузский язык прилагательное *preux* пришло из позднелатинского *prode* ‘полезный, выгодный’. В Средневековый период оно получило значение ‘доблестный, храбрый’, вероятно, пройдя эволюцию от ‘полезный’, ‘выгодный в битве’, ‘приносящий успех, победу’, ‘отважный’ и став важным для средневековой культуры понятием. В примерах XII—XIII вв. прослеживается особенность синкретичной лексики: *Ert Gauveins novelmant venuz, Chevaliers* ***preuz*** *et coneüz* (‘Говэйн вскоре пришел, Рыцарь **отважный/знатный/доблестный** и известный’) — в примере лексема реализует сразу комплекс значений, связанных с концептом рыцарства. В романтических текстах XIX в. *preux* в функции прилагательного употребляется в прямом историческом значении ‘доблестный, храбрый, славный’, как в примере: *le dernier représentant de la table ronde, le* ***preux*** *Roland* (‘последний рыцарь круглого стола, **доблестный** Роланд’). В текстах XX в. прилагательное *preux* приобретает ироничный оттенок или употребляется клишированно, с отсылкой на исторические образы.

В функции существительного основное значение *preux* — историческое ‘рыцарь’, реализуемое в качестве прямого в текстах XIX в. и как клишированное в более поздних, а также значения ‘герой’, ‘воин’, ‘храбрец’, обладающие более широкой семантикой и продолжающие развиваться в XX в.: *Que nous les* ***preux*** *ayions pour fils eux, les poltrons!* (‘Да чтобы у нас, **храбрецов**, сыновья были трусами!’). В процессе семантической эволюции существительное приобрело больше вариантов значения, реализуемых в зависимости от контекста, напр., ‘подвиг’, ‘слава’, ‘защитник’. Некоторые из них, такие как ‘богатырь’, ‘феодал’, ‘отпрыск знатного рода’, представляют интерес с точки зрения поиска эквивалентов при переводе. В качестве существительного *preux* реже используется в ироничном значении, что может быть вызвано более поздним закреплением в языке субстантивированной лексемы.

Еще один наследник старофранцузского прилагательного *preux* вошел в состав лексемы *prud’homme*, ранее обозначавшей благородного, честного человека, и используемой в текстах XIX и XX вв. в социально-ироническом значении: ***Prud’homme*** *universitaire, il a l’air d’un marabout sur le fauteuil de Voltaire* (‘Университетский **мудрец**, он похож на марабу в кресле Вольтера’). В современном языке лексема входит в состав юридического термина *Conseil de prud’homme*s, называющего судебный орган, решающий трудовые конфликты. На примере анализа лексемы *preux* видно, как единица синкретичной лексики приобретает в процессе эволюции оттенки значения, подчеркивающие ее многозначность и

обеспечивающие возможность вступать в различные синонимичные парадигмы. *Preux* и *prud'homme* расширяют свое употребление и уходят от первоначального исторического значения.

Литература:
Frantext. URL: https://www.frantext.fr (15.02.2026).

Бойцова Полина Александровна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие концепта «еда» в русских и английских фразеологизмах

В современной лингвистике изучение языковой картины мира через призму фразеологии является одним из наиболее актуальных направлений. Фразеологический фонд языка хранит в себе многовековой опыт народа, его систему ценностей и особенности менталитета [Шмелев, 2002: 18]. Важное место в формировании языковой картины мира занимает гастрономический код. Пища, будучи базовой физиологической потребностью человека, становится основой для метафорического осмысления окружающей действительности.

Цель данного исследования — выявить сходства и различия в восприятии действительности сквозь призму еды носителями русского и английского языков. Материалом послужили фразеологические единицы (ФЕ) английского и русского языков, содержащие наименования продуктов питания, блюд и процессов приема пищи.

Необходимо отметить, что концепт «еда» — сложный тематический концепт, он включает в себя целую группу других концептов, таких как «горькое» и «сладкое» и др. [Карасик, 2002: 132]. Вкусовые ощущения универсальны, поэтому в обоих языках наблюдается сходство в оценке некоторых явлений. Так, сладкий вкус ассоциируется с удовольствием, лестью и комфортом (англ. *sweet tooth, sweet dreams*; рус. *сладкие речи, сладкая жизнь*). В свою очередь, горький вкус символизирует разочарование и обиду (англ. *a bitter pill to swallow;* рус. *горькая правда*).

Однако при более глубоком анализе выявляется ярко выраженная национально-культурная специфика. В английской лингвокультуре особую значимость имеют концепты, связанные с традицией чаепития и десертами. Выражение личных предпочтений часто передается через идиому *not my cup of tea* 'не в моем вкусе', а лучшая часть чего-либо описывается как *the icing on the cake* 'вишенка на торте'. Прагматизм носителей языка отражается в мясных и овощных метафорах: *meat and potatoes* 'основа, суть', *bring home the bacon* 'обеспечивать семью' [Алефиренко, 2009: 215].

В русской лингвокультуре ядром гастрономической метафоры выступают традиционные продукты крестьянского быта: хлеб, каша, щи. Сакральное отношение к хлебу породило множество ФЕ, отражающих гостеприимство и социальные связи (встречать хлебом-солью, отрезанный ломоть). Процесс приготовления пищи (каши) метафорически переносится на создание сложных, запутанных ситуаций: *заварить кашу, расхлебывать кашу*. Кроме того, в русском языке еда часто выступает гиперболизированным символом достатка или крайней нужды (*как сыр в масле кататься, класть зубы на полку*) [Телия, 1996: 214].

Таким образом, концепт «еда» является мощным инструментом создания экспрессивности речи. Несмотря на наличие универсальных когнитивных моделей, английские и русские гастрономические фразеологизмы демонстрируют существенные различия. Они обусловлены историческим развитием, бытовым укладом и традициями, уникальными для каждой нации.

Литература:
Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология. М., 2009.
Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М., 2002.

Гемуева Танзиля Руслановна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Структура полисемии прилагательных *ardent*, *fervent* и *zealous*: корпусный анализ

Словарные статьи прилагательных *ardent*, *fervent* и *zealous* в словарях Cambridge, Merriam-Webster и Collins имеют ряд проблем, соотносящихся с общими трудностями описания синонимов в лексической семантике. Синонимы объединяются концептом, содержащим общее для всех синонимов ядро значения, но различаются по семантическим, оценочным и синтаксическим параметрам [Kearns, 2006]. Эти различия не всегда находят отражение в лексикографических описаниях. Прежде всего, словарные статьи ограничены и не отражают полноту значения этих слов. К примеру, каждая из статей в Cambridge Dictionary предлагает по одной краткой дефиниции, частично соответствующей одному из значений каждого из прилагательных, в то время как анализ конкретных высказываний позволил выявить по крайней мере три значения для *fervent* и *zealous*, и четыре — для *ardent*. При этом в словарях Merriam-Webster и Collins эта проблема усугубляется тем, что в статьях представлены дефиниции, не соответствующие ни одному из значений, наблюдаемых в конкретных высказываниях. Так, статьи для *fervent* и *ardent* включают в себя дефиниции ‘very hot, glowing’ и ‘fiery, hot’, ‘shining, glowing’, отсылающие к латинской этимологии рассматриваемых прилагательных. Анализ данных корпуса, в свою очередь, показал, что в современном английском языке эти значения не реализуются. В то же время иносказательное значение прилагательного *ardent*, применяемое для описания алкогольных напитков (*ardent spirits*), полностью отсутствует во всех рассматриваемых словарях.
Другую проблему представляют перекрестные дефиниции. К примеру, в словаре Collins *zealous* определяется как ‘filled with or inspired by intense enthusiasm or zeal; ardent; fervent’. В свою очередь, основная дефиниция для *fervent* — ‘intensely passionate; ardent’. Таким образом, складывается представление о взаимозаменяемости *ardent*, *fervent* и *zealous*.
В ходе анализа языкового материала (выборка из 300 случайных примеров из корпуса COCA) были выделены основные значения каждого из прилагательных, а также описаны механизмы семантической деривации, формирующие структуру их полисемии. Так, основным значением для *ardent* является ‘emphatically manifesting one’s devotion to something’, для *fervent* — ‘exhibiting great intensity of feeling’, а для *zealous* — ‘characterized by intense belief readily channeled into action’. Все три значения характеризуют интенсивность переживаемого субъектом опыта, однако же фокус значения различен в каждом из случаев: в случае *ardent* подчеркивается направленность эмоции по отношению к объекту преданности; *fervent* акцентирует внутреннюю интенсивность эмоции, без обязательной ориентации на действие; *zealous* же подразумевает переход от убеждения к действию, что дает обоснование нередко наблюдаемой в материале негативной оценке, закладываемой в это слово. Таким образом, корпусный анализ позволил уточнить структуру полисемии указанных прилагательных и выявить различия в структуре их значений. Полученные результаты ставят под сомнение представление о взаимозаменяемости этих лексем, формируемое перекрестными дефинициями, а также подтверждают необходимость более точного лексикографического описания синонимов.

Литература:
Kearns K. Lexical semantics // The handbook of English linguistics. Malden, 2006. 557—580.

Карпова Евгения Михайловна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ лексических особенностей рунглиша на материале газеты «Р. Реклама»

Активное взаимодействие различных культур и языков способствует возникновению новых диалектов и вариантов языка на территории США, одним из которых является русско-английский макаронизм, смешение в речи русского и английского — рунглиш, используемый в ряде русскоязычных общин в США. Рунглиш можно рассматривать как разновидность английского языка, используемую русскоязычными мигрантами за рубежом и отражающую их способ языковой адаптации. Широкое распространение получили англицизмы — заимствованные слова или выражения из английского языка, которые адаптируются и используются в повседневной речи носителей другого языка. Исследование языковых особенностей, характерных для современных мигрантов, помогает понять, как языковая политика и социальные условия влияют на сохранение языка. Новизна исследования заключается в анализе характеристик современного рунглиша, используемого русскоязычным сообществом в США.

Цель исследования — выявление лексических особенностей в речи современных русских мигрантов, проживающих на территории США. Метод исследования — описание по лексико-семантическим группам, лексический анализ. Материалом исследования послужили рекламные объявления русскоязычной газеты «Р. Реклама», которая является первой в истории русскоязычной иммиграции в Америке информационно-коммерческой газетой, издаваемой еженедельно на территории США. В качестве корпуса для анализа нами были отобраны 116 объявлений различной направленности, включая коммерческие предложения, рекламу услуг, вакансии, объявления о продаже и аренде недвижимости. Наше исследование охватывает шесть тематических групп объявлений, относящихся к: юридической сфере (23), медицине (15), образованию (6), трудоустройству (36), недвижимости (11), ремонту (25). В ходе исследования были проанализированы 137 случаев использования английских заимствований. Было выявлено преобладание неадаптированных англицизмов и частое использование английских аббревиатур авторами объявлений. Полученные данные свидетельствуют о достижении русскоязычным сообществом стадии языковой адаптации, когда профессиональные термины сохраняют оригинальные формы (*physical therapy* ‘физиотерапия’, *legal separation* ‘юридическое раздельное проживание’), а наиболее употребительная лексика бытового общения постепенно ассимилируется в русскоязычную систему (*билдинги* ‘дома’, *иншуренс* ‘страховка’). В текстах объявлений наблюдается тенденция к дублированию профессиональных терминов на русском и английском языках, что способствует более успешной ориентации в новой лингвокультурной среде. Активное употребление англоязычных аббревиатур, отражающих реалии жизни в США, без русскоязычных эквивалентов свидетельствует о профессиональной адаптации русскоязычных иммигрантов в англоязычной среде (*USCIS* ‘Служба гражданства и иммиграции США’).

Нами были обнаружены следующие закономерности использования имен собственных:
1) При указании адреса в объявлениях авторы используют как русские, так и английские обозначения (*E12 str. (угол Kings Hwy) 2-й этаж, Brooklyn*).
2) Большинство географических названий авторы объявлений указывают на английском языке (*Florida, Daytona Beach*).

3) Авторы объявлений часто дублируют имена специалистов на русском языке (*Law office of Gennady Yankevich, Геннадий Янкевич*).
Проведенное исследование выявило ключевые лексические особенности языка рунглиш, что отвечает поставленной цели и дает материал для дальнейших исследований.

Московкина Мария Михайловна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Иносказание как способ объективации звуковых эффектов в англоязычной профессиональной коммуникации звукорежиссеров

Целью данного исследования стало проведение когнитивно-семантического анализа слов, используемых звукорежиссерами в профессиональной коммуникации для объективации звуковых эффектов. Новизна работы определяется тем, что в ней впервые предпринимается попытка описать один из способов словесного моделирования звуковых эффектов в речи профессионалов с точки зрения когнитивной лингвистики. Анализ лексики был проведен на материале пяти экспертных интервью со звукорежиссерами, обладающими многолетним опытом работы, из сборника B. Owsinski «The Recoding Engineer's Handbook», 2009. Мы находим этот материал интересным для изучения с позиций лингвистики, поскольку заготовленные интервьюером вопросы задают структуру коммуникации, а также ракурс размышлений и соответственно речевой деятельности профессионалов.
Анализ материала показал, что основным словесным механизмом описания слуховых впечатлений в исследуемых текстах является иносказание. Под иносказанием вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном мы понимаем описание одной сферы опыта в терминах другой [Lakoff, Johnson, 1999]. Основные коммуникативные усилия звукорежиссеров уходят на то, чтобы как можно более объективно и понятно описать эстетические и функциональные характеристики звуковых эффектов. Для реализации этого коммуникативного намерения специалисты используют лексику из разнообразных тематических сфер, напр. описывают звуковые впечатления в терминах размера физического объекта (*big sound)*, толщины (*paper-thin sort of sound)*, качества поверхности (*even sound on the drum*), пространства (*roomy sound*), жесткости/мягкости (*The 421 is much harder-sounding*), сухости/влажности (*sloppy drum track*), температуры (*a warm sound*), яркости (*murky sound*), насыщенности (*fat sound*), объема (*dead kind of sound*), естественности (*real-sounding drums*), воздействия на объект (*hollowed-out sound*), производства музыки (*the two mics together really make the snare drum sound),* речевой деятельности (*what the song said to the drummer and Mark and myself)* и социальных взаимодействий между людьми (*a different microphone will marry better to a different person's voice*). Таким образом, звукорежиссеры, стремясь представить свои впечатления от прослушанного как объективную информацию, с помощью иносказательного использования лексики объединяют в характеристике звукового эффекта разнообразные сферы повседневного жизненного опыта и звукорежиссерского профессионального опыта. Это позволяет создать более дифференцированную характеристику**,** более понятную для эксперта-собеседника.
Данная работа демонстрирует, что исследование лексики с позиции ее иносказательного употребления является продуктивным, поскольку позволяет более детально изучить процесс словесного моделирования и принцип, лежащий в основе этого процесса — сходство оценки опытов.

Литература:
Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. New York, 1999.

Петрова Юлиана Романовна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лексические трансформации при передаче историзмов из текста пьесы Ф. Шиллера «Дмитрий Самозванец» и ее переводов на русский язык

После Французской революции 1789 г. на рубеже XVIII—XIX вв. европейские писатели нередко обращались к таким темам, как право народа на вооруженное сопротивление диктату властей и роль отдельной личности в судьбе нации и страны. Возможно, поэтому феномен Смутного времени в России и личность Дмитрия Самозванца были освещены как в русской литературе (самый известный пример — трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»), так и в зарубежной. Если для Пушкина этот исторический материал был частью родной культуры, то для Ф. Шиллера, замыслившего написать трагедию «Дмитрий Самозванец» («Demetrius»), работа с историческими источниками представляла в известной степени серьезный вызов. Научный интерес представляет изучение передачи автором историзмов и реалий чужой для него культуры, а также трансформации, которые использовали переводчики пьесы на русский язык для воспроизведения этих реалий. Перевод «Дмитрия Самозванца» осложнен именно тем, что для русской культуры многие упомянутые автором реалии являются родными. Цель доклада — выявление слов-реалий, которые Шиллер использует для создания исторического колорита эпохи Смуты, и определение наиболее частотных трансформаций, использованных для передачи этих лексем в русском переводе. В работе проводятся тематическая классификация историзмов и их систематизация по способам передачи на русский язык. Анализ показал, что для явлений русской культуры доминируют транслитерация (*der Kosak ‘*казак’*)*, транскрипция (*der Diak ‘*дьяк’) и калькирование (*der Witwensitz* ‘вдовий удел’). Особое место в русских переводах занимают стилистические специализация (*der Zeuge* ‘послух’*)* и нейтрализация *(das Kleinod ‘*крест’). При этом для воспроизведения реалий польской истории наиболее частой стратегией является экспликация (*edler Herr* ‘пан’, *der Adel* ‘шляхта’). Отдельного внимания заслуживает передача онимов: топонимы архаизируются *(Pleskow* ‘Псков’) или уподобляются немецким (*Sewerisch Nowgorod* ‘Новгород-Северский’). Таким образом, передача историзмов в художественном переводе является комплексным процессом, балансирующим между исторической правдоподобностью и стилистической адекватностью. Русские переводы демонстрируют большую точность, поскольку исходные реалии коннотативно более богаты и привычны для русского языка, чем для немецкого оригинала.

Пиунова Юлия Олеговна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Немецкие пословицы и поговорки о человеке и его качествах в словарях XIX в. (в сравнении с русским языком)

В рамках настоящей работы мы исследовали особенности немецких и русских пословиц и поговорок XIX в. с семантической точки зрения, после чего — в результате лингвокультурного анализа — выявили их роль в характеристике немецкого и русского национального менталитета. В результате сплошной выборки по немецким словарям XIX в. и русским словарям XX—XXI вв., отражающим в т. ч. пословицы и поговорки XIX в., был собран корпус примеров, состоящий из 78 немецких и 85 русских пословиц и

поговорок. Аналоги в русском языке находились посредством сопоставления немецких и русских паремий в рамках одной семантической группы.
Актуальность исследования обусловлена тем, что старинные немецкие пословицы и поговорки, содержащие образ человека и его качеств, не только представляют собой важную часть национальной культуры Германии XIX в., но и позволяют сопоставить эти представления с аналогичными образами в русской традиции. Сравнительный анализ проводился на материале фразеологических словарей: К. Ф. В. Вандера «Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk» (1873), Г. Вундерлиха «Deutsche Sprichwörter mustergültig erklärt und gruppiert: Zur Pflege nationaler Bildung» (1878), К. Вурцбаха «Historische Wörter, Sprichwörter und Redensarten» (1863), «Большой толково-фразеологический словарь» М. И. Михельсона (2008), сборник И. И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (1915).
В рамках проведенного исследования была предложена семантическая классификация немецких и русских пословиц и поговорок XIX в. в соответствии с особенностями изображения человека и его качеств, освещающая некоторые наиболее частотные метафорические конструкции и виды образности. Немецкие пословицы и поговорки характеризуются ярко выраженной иронией, нацеленной на высмеивание негативных черт характера, а также практической направленностью. В противоположность этому, русская народная традиция делает упор на моральные ценности и духовные качества человека. Далее было рассмотрено лексическое оформление пословиц и поговорок, что позволило выявить устойчивые семантические группы, такие как социальные роли, возрастные особенности, положительные и отрицательные качества, любовь. В отдельных случаях также была отмечена эмоционально-оценочная и экспрессивная окраска фразеологических единиц, благодаря которой они легко запоминаются и эффективно воздействуют на сознание носителей языка.
Исследование подтвердило, что пословицы и поговорки являются важнейшими лингвокультурными артефактами, отражающими духовный и нравственный фундамент народа. В ходе сравнительного анализа выявлены как культурные сходства, так и различия, что свидетельствует о богатстве и многообразии национальных мировоззренческих установок. Сходства проявляются в уважительном отношении к учителю, наставнику, и в негативном — к глупости и лжи, в признании большой ценности дружбы и любви, трудолюбия и мужества. Если говорить о различиях, то русские пословицы и поговорки отражают более доброжелательные взаимоотношения, в то время как в немецких доминирует ироничное восприятие действительности. Для русских паремий характерно яркое противопоставление активной молодости и спокойной старости, однако в немецких пословицах и поговорках оно выражено менее отчетливо.

Подласова Александра Ивановна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Кинесические средства в датском художественном тексте

Жесты как часть невербального языка способны передавать огромное количество значений и могут рассказать иногда больше, чем слова. Кроме этого, жесты играют важную роль в художественном тексте, помогая автору полнее раскрыть образы, характер и качества персонажей, а также передать испытываемые ими эмоции.
Цель нашего исследования — выявить особенности функционирования кинесических средств в датском художественном тексте. Материалом исследования являются кинесические средства с компонентами *hoved* ‘голова’, *pande* ‘лоб’, *nakke* ‘затылок, шея’, *skulder* ‘плечо’, *arm* ‘рука’, *hånd* ‘рука, кисть’ и *finger* ‘палец’, отобранные методом

сплошной выборки из детективного романа L. Thiels «Pigerne fra Englandsbåden» (Л. Тайлс «Девушки с английского парома»).
В процессе анализа материала мы опирались на классификацию семантических типов жестов Г. Е. Крейдлина [Крейдлин, 2002]. Всего в материале было зафиксировано 190 примеров кинем.
В результате анализа было выявлено большое количество значений, передаваемых кинесическими средствами в художественном тексте. Жесты с компонентом *nakke* могут выражать задумчивость и озадаченность, с *pande* — маркировать внезапное озарения или воспоминание, досаду, недовольство, сомнение, стремление вспомнить что-либо важное. Жесты с компонентом *finger* также выражают большое количество значений: от недовольства и предупреждения до передачи волнения, смущения и желания его скрыть, досады на самого себя, нежелания слушать собеседника, они сопровождают счет, а также пожелания удачи и дружеское прощание. Жесты с компонентом *arm* могут выполнять этикетную функцию при приветствии, романтических ухаживаниях и не только. Помимо этого, они передают вынужденное согласие с собеседником, стремление поддержать его, установить с ним более близкие отношения, стремление принудить кого-либо к действию, привлечь к себе чье-либо внимание, состояние беспомощности, надменность, несогласие, скептицизм и недовольство. Кинемы с компонентом *hånd* могут сигнализировать о стремлении успокоить, утешить другого человека, могут выражать отчаяние, горе, шок, восторг, недовольство, беспокойство, гнев, возмущение, желание прогнать сонливость, а также сопровождать клятву или обещание. Жесты с компонентом *skulder* могут обозначать одобрение, согласие, поддержку, сомнение, неуверенность, отказ от контакта и уступку, нежелание участвовать в конфликте, стремление поддержать и утешить кого-либо, а также выступать в качестве аналога вербального высказывания «не знаю» и являться частью дружеского приветствие. Для жестов с компонентом *hoved* фиксируются следующие значения: отрицание, недовольство, злость, согласие, недоумение, растерянность, отвращение и некоторые другие эмоции. Согласно классификации семантических типов жестов, в материале преобладают эмблемы, выражающие большое разнообразие эмоций. Иллюстраторы, представленные компонентами *finger* и *arm*, служат для указания направления или местоположения объекта в пространстве, а регуляторы сопровождают ключевые фазы коммуникации, напр., приглашение к началу разговора.
Анализ показал, что семантика проанализированных кинесических средств в датском языке во многом совпадает со значениями приведенных кинем в русской лингвокультуре [там же] и играет важную роль в художественном тексте.

Литература:
Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Потапкин Николай Витальевич
студент 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ функционирования библеизмов во французских СМИ

Новизна работы состоит в малоизученности темы употребления библеизмов в медиадискурсе и отсутствии их классификации. Исследование показало, что в современной французской прессе наблюдается явление десакрализации библеизмов; в современной французской прессе библеизмы способны носить эмоциональную окрашенность и быть средством создания юмористического эффекта; французские библеизмы в медиа обладают вариатностью. Были поставлены задачи проанализировать разные взгляды исследователей на классификацию библеизмов и на их вариативность, составить корпус библеизмов,

встречающихся в современных французских периодических журналах, изучить частоту употребления, потенциал, сочетаемость библеизмов. Для решения поставленных задач в работе применялся метод сплошной выборки. Для сравнения интересующих нас лексических явлений в правой и левой прессе было изучено семь выпусков журнала правой ориентации «Le Point» и семь выпусков журнала левой ориентации «Courrier International». В качестве справочного материала мы пользовались онлайн-словарями [CNRTL] и [Larousse]. На основе данных этих источников нами зафиксировано 119 библеизмов. Было также введено дополнительное приложение с примерами религиозной лексики, которые не относятся к корпусу библеизмов, так как не связаны прямо с текстом Библии, но прошли семантическую деривацию в медиадискурсе, свойственную библеизмам и указывающую на процесс десакрализации религиозной лексики. В частности, к ним относятся ложные библеизмы (*l'enfer est pavé de bonnes intentions* 'благими намерениями выстроена дорога в ад'). Вариантность библеизмов, выражающаяся в лексической и фразеологической сочетаемости, в прессе расширяется за счет неологизмов (*troupe égarée* — в данном случае автор строит смысловую игру при помощи сочетания библеизма с эпитетом). Прагматический потенциал библеизмов в медиадискурсе заключается в т. ч. в консервативном, религиозном посыле, что приводит к тому, что частота их употребления в правой прессе более высока (93 ед., 78 %), чем в левой (26 ед., 22 %). Таким образом, библеизмы выражают и политическую направленность того или иного периодического журнала. Прагматической функцией библеизмов в тексте может быть и ироническая, оценочная, политическая. Работа с материалом французских СМИ показала, с одной стороны, что ряд используемых в прессе библеизмов пишется только с прописной буквы (что объясняется в т. ч. и тем, что многие библеизмы по этимологически — онимы), а некоторые — с прописной или со строчной. Примером может служить слово *Apocalypse*, которое пишется со строчной буквы в переносном значении 'конец света, катастрофа планетарного масштаба'. В ходе работы были обнаружены примеры выделения библеизмов кавычками. Это связано либо с тем, что данные выражения являются малоупотребительными, необычными *(petite tour de Babel*, *repentance perpétuelle*), либо с тем, что автор статьи указывает на ироническое употребление, как в случае с образованным путем присоединения к лексеме *apôtre* приставки *-cyber* неологизмом *cyber-apôtre*. Широко представлен ономастический компонент библеизмов.

Литература:
CNRTL — Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: https://www.cnrtl.fr (15.02.2026).
Larousse. URL: https://www.larousse.fr (15.02.2026).

Разумова Мария Игоревна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Функции окказионализмов, формирующих образ вселенной «Warhammer 40000»

Использование окказионализмов, которые играют важную роль в формировании художественного мира произведения, — ключевой жанрообразующий признак научной фантастики, вызывающий интерес в научной среде. Цель исследования — выявление и систематизация функций окказионализмов на материале романа Д. Абнетта «Horus Rising». Окказионализм — слово, не вошедшее в общее употребление, созданное в авторском контексте [Лопатин, 1973: 4]. Можно выделить следующие функции окказионализмов: экспрессивная (служит для более точного выражения мыслей и чувств автора), эстетическая, стилистическая (чаще для отражения речевых особенностей персонажей),

игровая (служит для сохранения ритма и рифмы, создает игру слов в окказиональных сочетаниях), номинативная (дает обозначение уже существующим или новым понятиям, в авторском). Стоит отметить, что каждый окказионализм в той или иной степени обладает вышеуказанными функциями, иерархия которых определяется жанром и авторскими особенностями.

Так, жанр научной фантастики базируется на описании нереальной, но гипотетически возможной действительности. Писатель стремится уверить читателя, что все происходит в далеком будущем. Одним из инструментов достижения правдоподобия и является окказионализм, который наделен номинативной функцией, обозначая реалии вымышленного мира. Фантасты пытаются предвидеть не только технологическое, но и лингвистическое развитие будущего.

Вселенная «Warhammer 40000» выделяется своей эклектичностью, которая проявляется даже на уровне жанра: научная фантастика приобретает элементы темного фэнтези. Похожее происходит и с социальным устройством: высокие технологии существуют наравне с античными и средневековыми реалиями. Такое построение мира позволяет выделить следующие частные функции номинативных окказионализмов: архаизирующая, милитаризирующая, технологизирующая, масштабирующая (указание на события космического масштаба), магическая, лингвистическая (вводит стилистические синонимы реалий вселенной и ФЕ в речь героев), религиозная.

По результатам исследования, из 150 примеров 54 окказионализма выполняют только одну функцию: 22 — чистая технологизирующая (*hydraulic legs*), 13 — масштабирующая (*capital world*), 8 — архаизирующая (*aquila),* 8 — милитаризирующая (*the Blood Angels),* 3 — магическая (*psyker*). Такое распределение объясняется жанровой необходимостью обилия технологических инноваций в разных сферах жизни и нарочитой масштабностью. 60 примеров носят частично милитаризирующую функцию, 55 — технологизирующую, 53 — архаизирующую, 19 — масштабирующую, 6 — лингвистическую, 5 — религиозную. От наиболее к наименее частотным встречаются следующие комбинации: архаизация-милитаризация (*Warmaster*), технологизация-милитаризация (*bolter)*, архаизация-технологизация (*Cogitator*), архаизация-милитаризация-технологизация (*power lances*), архаизация-масштабность (*the Emperor of Mankind*), милитаризация-масштабность (*the Ullanor campaign*), лингвистическая-милитаризация (*the hand of the ship*), лингвистическая-религиозная (*Terra alive!*), лингвистическая-масштабность (*the greenskin*). Все это показывает глубокую милитаризованность и архаичность устройства вымышленного общества, где семы, связанные с военным делом, проникают даже в просторечные выражения.

Данная работа доказывает уникальность формирования художественного мира рассматриваемого произведения, где гармонично связаны жанровые и индивидуальные черты.

Литература:

Лопатин В. В. Рождение слова, М., 1973.

Романовская Ревекка Иосифовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-семантические особенности пьесы Б. Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи»

Пьеса Б. Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи» («Furcht und Elend des III Reiches») была впервые опубликована в 1938 г., но в дальнейшем постоянно редактировалась

автором. Брехт изображает повседневность жителей Германии разных социальных групп, раскрывая различные формы подчинения и заблуждения. Благодаря тому, что Брехт в пьесе «Страх и отчаяние в Третьей империи» создает речевые портреты персонажей, используя актуальную для времени действия лексику, на примере произведения можно выделить лексико-семантические особенности разных социальных групп, представленных в произведении и являющихся частью современного дискурса, что составляет актуальность исследования. В ходе исследования использовались методы сплошной выборки и синхронного описания. Цель работы заключается в выявлении лексико-семантических особенностей пьесы, вызванных временем ее создания и историческим контекстом.
Анализ лексики позволил выявить, что большая часть лексики способствуют созданию исторического и социального колоритов. В речи офицеров СС частотны слова с компонентом *Volk* ‘народ’. Примерами таких лексем являются *Volkgenosse* ‘товарищ по нации’, *Volksgemeinschaft* ‘народная общность’. Персонажами разной социальной принадлежности также употребляются слова, относящиеся к расовой политике Третьего рейха: *Arier* ‘ариец’, *Rassenschande* ‘загрязнение расы’, *Jude* ‘еврей’. Кроме того, часто встречаются фамилии важных политических деятелей Германии: *Bismarck* ‘Отто фон Бисмарк’. В особую категорию можно выделить отраженные в тексте фонетические особенности берлинского диалекта. напр., он отображает разговорный вариант словоформы *keine* ‘никакой’ в вариации *keene*. Другим ярким примером является слово *ich* ‘я’, которое в берлинском диалекте произносится как *ick* и отображается в этом виде в тексте пьесы. Брехт создает «аутентичную» для своего времени речевую характеристику героев, передает особенности их поведения и мироощущения, фокусирует внимание читателей на характерных особенностей действующих лиц романа. В ходе исследования удалось выявить использование в тексте берлинизмов, а также таких лексико-семантических групп как названия государственных структур и лексика, касающаяся репрессий и расовой политики.

Старченко Григорий
студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Метадискурсивные маркеры в русскоязычной и англоязычной научной аннотации

Исследование посвящено анализу метадискурсивных маркеров в англоязычных и русскоязычных научных аннотациях. Цель исследования заключается в проведении сопоставительно-стилистического анализа метадискурсивных маркеров, применяемых в аннотациях на двух языках. Актуальность исследования определяется возрастающим вниманием к научному дискурсу и академическому письму в условиях расширения межъязыковой научной коммуникации. Научная новизна работы заключается в сопоставительном анализе метадискурсивных маркеров в англоязычных и русскоязычных научных аннотациях на едином корпусном материале с опорой на модель метадискурса К. Хайленда, выделяющую интерактивные и интеракционные маркеры [Hyland, 2017: 16—21]. В рамках исследования была проведена случайная выборка из 180 аннотаций, опубликованных в англоязычных и русскоязычных рецензируемых научных журналах открытого доступа. Указанный корпус был использован в качестве базы для последующего отбора материала. В работе используются методы сопоставительного анализа, контекстуального анализа и количественного подсчета метадискурсивных маркеров. В результате проведенного анализа было выявлено, что в англоязычных аннотациях активно используются интеракционные метадискурсивные маркеры, отражающие авторскую позицию и направленные на взаимодействие с читателем. Количественный анализ показал, что ок. 58 % выявленных в англоязычном корпусе метадискурсивных маркеров относятся

именно к интеракционному типу. К нему относятся такие маркеры как: *we propose*, *we argue, our findings demonstrate* и др. Эти маркеры выполняют функцию представления цели исследования и интерпретации полученных результатов.
В русскоязычных аннотациях преобладают интерактивные маркеры, направленные на структурирование текста, доля которых среди выявленных маркеров составляет ок. 65 %. Наиболее типичными являются безличные конструкции и номинативные формулы, такие как: *в статье рассматривается*, *цель исследования*, *в результате проведенного исследования было выявлено* и др. Подобные конструкции обеспечивают логическую организацию текста и отражают традицию объективированного изложения научной информации.
Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что англоязычные и русскоязычные аннотации различаются в способах реализации метадискурсивных средств: в английских текстах чаще используются формы явного авторского присутствия, тогда как в русских аннотациях преобладают безличные структуры и маркеры текстовой организации.

Литература:
Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // Journal of Pragmatics. 2017. 113. 16—29.

Туркестанова Ксения
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые средства передачи идиолекта американских политиков

Идиолект как индивидуальная разновидность языковой системы представляет собой уникальный комплекс лексических, грамматических и стилистических черт, отражающих личность говорящего и контекст коммуникации. Новизна настоящего исследования заключается в сопоставительном анализе идиолектов двух контрастных фигур американской политики — Д. Трампа и Б. Обамы — с акцентом на их роль в формировании публичного имиджа в условиях поляризованного дискурса. Цель работы — выявить системные особенности идиолектов, определяющие перформативность политической речи, и установить корреляцию между языковыми средствами и идеологическими стратегиями. Материалом послужили более 500 примеров, взятых из посланий Конгрессу за 2009 и 2025 гг. На разных этапах анализа использовался метод сплошной выборки, семантический метод, контекстуальный, а также метод речевого портретирования. Анализ проводился с учетом степени формальности по шкале Heylighen-Dewaele: Трамп демонстрирует низкий уровень (средняя длина предложения 12—15 слов), Обама — высокий (22—28 слов) [Heylighen, Dewaele, 1999]. Трамп ориентирован на эмоционально-оценочную лексику (*sad*, *bad*, *a total mess*) и коллоквиализмы (*kick off*). Обама использует абстрактные номиналии (*hope*, *change*, *opportunity*) с преобладанием позитивных коннотаций. Коллокации Трампа — *make America great again*, Обамы — *every American*, формируют слоганы как меморизованные единицы. Грамматический уровень выявляет контраст в синтаксисе: Трамп предпочитает паратаксис с полисиндетоном (*and…and…and*), эллипсисы (*Very important*) — простые предложения, что усиливает ритм и доступность для массовой аудитории. Обама эксплуатирует гипотаксис с придаточными (*that we can…, which allows us to…*) — сложные конструкции, создавая логическую иерархию. Местоимения: Трамп — *I*, *we* для персонализации; Обама — *we*, *you* для инклюзии. Фонетико-ритмические черты значимы: Трамп применяет аллитерацию (***b**ig dreams and **b**old action*), усиливая эмоциональное воздействие. Обама использует симплоку, анафоры (*We won, we won*) — репертуар союзов шире *(and, but, if*). Это отражает перформативность:

Трамп оперирует методами агрессивного популизма, тогда как Обама — инструментарием вдохновляющей риторики.
Результаты подтверждают гипотезу: идиолект Трампа — эмоционально-директивный, с низкой формальностью, ориентированный на бинарность и повторяемость для мобилизации базы (корреляция с нарциссическими чертами лидерства [Brunell et al., 2008: 1665]); идиолект Обамы — рационально-инклюзивный, с высокой когерентностью, апеллирующий к ценностям. Различия коррелируют с партийной идеологией: республиканский популизм в противовес демократическому прогрессивизму. Полученные данные позволяют моделировать идиолект как инструмент имиджа в предвыборных кампаниях.

Литература:
Brunell A. B., Gentry W. A., Campbell W. K. Leader Emergence: The Case of the Narcissistic Leader // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. 34 (12). 1663—1676.
Heylighen F., Dewaele J.-M. Formality of Language: definition, measurement and behavioral determinants. Internal Report, Center «Leo Apostel». Brussels, 1999.

Юрьева Анна Павловна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвокультурные особенности эмотивной лексики английского языка

Эмотивная лексика (ЭЛ) представляет собой важнейший элемент языковой картины мира, так как она является одним из способов выражения эмоций и ценностей носителей определенной лингвокультуры. К ЭЛ относятся лексические единицы, в семантической структуре которых присутствует эмотивный компонент как часть значения или коннотации. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании способов выражения национально-культурных особенностей английской лингвокультуры через ЭЛ. Новизна работы заключается в выявлении взаимосвязи между семантической структурой слова, эмотивными семами и национально-культурными особенностями англоязычного общества. Материалом исследования послужили лексические единицы современного английского языка конца XX — начала XXI вв., функционирующие в различных коммуникативных ситуациях. Примеры речевых ситуаций отбирались из научных источников по лингвистике эмоций (В. И. Шаховский), прагматике и межкультурной коммуникации (А. Вежбицкая, Т. В. Ларина), лингвокультурологии (В. А. Маслова, М. В. Моисеев), а также исследованию национального менталитета (А. А. Джиоева). В ходе исследования были использованы следующие методы: сплошной выборки, лингвистического наблюдения и описания, компонентного анализа, контекстуального анализа.
Результаты исследования выявили, что ЭЛ английского языка характеризуется высокой лингвокультурологической насыщенностью и отражает нормы коммуникативного поведения англоязычного общества. Напр., в британской лингвокультуре важную роль играет категория вежливости *Keep smiling*, которая выражается в чрезмерно позитивной оценке как собеседника, так и происходящего различных в коммуникативных ситуациях: для описания сада друга — *How absolutely marvelous!*; реакция на хорошую новость — *That's fabulous. You must be thrilled*; благодарность за незначительную помощь — *You're being extremely kind.* Точно также эмотивное прилагательное *happy* может выражать не буквальную эмоцию счастья, а отношение говорящего к собеседнику или ситуации. напр., врач может сказать своей пациенте: *Don't hesitate to get back in touch if you need me. I'll always be happy to see you*. В данном высказывании отсутствует эмосема 'счастье', а само

прилагательное выражает готовность помочь. Кроме того, ЭЛ английского языка тесно связана с социокультурными установками. В английской лингвокультуре лексема *cat* приобрела устойчивые негативные оттенки значения, ассоциируясь с коварством, злобой и сварливостью. Данные качества, сформированные под влиянием социокультурных стереотипов, позволяют использовать это слово в качестве эмоциональной характеристики женщины. В приведенном высказывании эмотив *cat* служит для выражения эмоций и отрицательной оценки говорящего, указывая на злобный и язвительный характер героини: *...then he said: Mrs. MacAnder is a cat.*

Таким образом, ЭЛ английского языка тесно связана с культурными стереотипами и нормами англоязычного общества и отражает национально-культурную специфику эмоциональной оценки, что делает ее ценным источником для лингвокультурологических исследований.

СЕКЦИЯ «ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)»

Богданова Елизавета Михайловна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Синтаксические преобразования в немецкоязычных письмовниках XVII—XX вв.: параметризация в системе координат Universal Dependencies

Историческая лингвостилистика располагает обширными сведениями о развитии структуры предложения в немецкоязычной прозе, однако речевые практики эпистолярного жанра по-прежнему изучены лишь фрагментарно. Цель настоящего исследования заключается в восполнении данного пробела — выявлении закономерностей синтаксической эволюции частного письма XVII—XX вв. и верификации полученных результатов в контексте утвердившегося в германистике представления о развитии строя немецкого предложения.

Актуальным видится сопряжение традиционного анализа с инструментарием NLP-библиотек для уточнения вопросов развития синтаксиса немецкого языка в рамках обиходного (нелитературного) узуса. Ключевая методологическая задача исследования заключается в адаптации предложенных научной школой В. Г. Адмони параметров [Admoni, 1990: 17—20] применительно к разметке (морфо)синтаксических зависимостей [de Marneffe et al., 2021], выполненной с помощью нейросетевого парсера Stanza. Предлагаемый алгоритм позволяет выявить цельные и элементарные предложения, рассчитать коэффициент сложности и сложноподчиненности и др.

Материалом исследования послужили коллекции частных писем из шести письмовников XVII—XX вв. — от начала существования данного типа текста на немецком языке до излета его популярности — общим объемом 290160 словоупотреблений. Отобранные сборники не только фиксируют стилистическую норму репрезентируемой эпохи, но и участвуют в ее формировании.

Наиболее высокие значения объема элементарного, цельного предложения и коэффициента, отражающего их соотношение, выявлены в эпоху барокко и бидермейера. В первом случае данное обстоятельство обусловлено насыщенностью текста риторическими фигурами и формульными для эпистолярного жанра синтагмами, во втором — стилизацией с усложненным синтаксисом. Хронологический промежуток между названными эпохами, XVIII в., представляется как период рационалистически мотивированного упрощения письма: рекордно низкое значение среднего объема элементарного предложения в границах всей немецкоязычной литературы XVIII в. занимает письмовник Х. Ф. Геллерта,

издававшийся с целью реформирования эпистолярного стиля и его уподобления разговорной речи. После бидермейера вновь отмечается снижение и последующая стабилизация объема предложения в пределах средних значений.
При рассмотрении коэффициента сложности предложения обращает на себя внимание стилистическая близость сентиментализма и модерна, результирующая в наиболее низкой степени синтаксической вложенности (1,99; 1,92). Иной вектор задает коэффициент сложноподчиненности: его значение линейно возрастает в XVII—XIX вв. (0,32—0,41) под влиянием синтаксиса рекомендательных и благодарственных писем и снижается в начале XX в. почти до исходного значения (0,35).
В результате качественно-количественного анализа материала было установлено, что в своем развитии письмовники воспроизводят контур выявленной ранее амплитуды: проходя по нижней границе значений, полученных при описании текстов иных жанров, данный тип текста демонстрирует наибольшую близость к произведениям, стиль повествования которых подразумевает имитацию устной речи (стилизованные под «народную» манеру повествования романы и описания путешествий).

Литература:
Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.
De Marneffe M. C., Manning C. D., Nivre J., Zeman D. Universal Dependencies // Computational Linguistics. 2021. 47 (2). 255—308.

Курочкин Тимофей Олегович
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Отрицательная форма полувспомогательного глагола в составе перифразы *venir de* + inf в современном французском языке

Настоящее исследование посвящено установлению причин неупотребительности служебного глагола, входящего в состав глагольно-инфинитивной перифразы *venir de* + inf, в отрицательной форме в современном французском языке. Актуальность темы объясняется неослабевающим интересом отечественных и зарубежных лингвистов [Плунгян, 2011; Bres, Labeau, 2015] к потенциалу аспектуальной семантики и особенностям ее выражения посредством глагольных перифраз. Между тем, функциональные «ограничения», связанные с употреблением некоторых аспектуальных перифраз французского языка, не получили достаточного теоретического осмысления, вследствие чего, в частности, неупотребительность служебного глагола в составе *venir de* + inf не упоминается в практических грамматиках (см., напр.: [Nouvelle Grammaire du français, 2004: 126]).
В ходе исследования было сделано предположение о несовместимости аспектуальной семантики перифразы *venir de* + inf, определяемой исследователями как непосредственная постпроцессуальность [Bres, Labeau, 2015], с семантикой общего отрицания. Методом сплошной выборки из подкорпуса XIX—XXI вв. Национального корпуса французского языка Frantext был составлен исследовательский корпус, включающий 38 примеров употребления перифразы со служебным глаголом в отрицательной форме. Анализ примеров показал, что ни в одном из них отрицание не носит общий характер. В 10 случаях перифраза употребляется в частноотрицательных структурах при отрицании не собственно действия, выраженного инфинитивом, а специфического характера его протекания, т. е. аспектуальной составляющей непосредственной постпроцессуальности. В 15 примерах перифраза используется в вопросительно-отрицательной форме, не имеющей семантики отрицания, в соответствии с языковым узусом придаточных структур, вводимых *si* и

выражающих интеррогативное значение. В 13 примерах вопросительно-отрицательная форма используется как стилистический прием в риторических вопросах, коммуникативной целью которых является утверждение противоположного. Общее отрицание, накладываемое на *venir de* + inf означало бы отсутствие завершения процесса, описываемого инфинитивом, до наступления референциального интервала. Вместе с тем с учетом специфики грамматической семантики перифразы отрицательная форма глагола *venir* будет обозначать отсутствие завершения процесса с небольшим временным зазором относительно актуального фрагмента ситуации. Однако если событие не имело места в прошлом, то его фазовые особенности становятся нерелевантными, соответственно, языковые средства, содержащие ярко-выраженную фазовую аспектуальную семантику, становятся неприменимы.
Крайне низкая частотность примеров с частичным и формальным отрицанием может свидетельствовать о том, что даже такие употребления не воспринимаются носителями языка как нормативные.

Литература:
Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
Bres J., Labeau E. Venir de (+ infinitive): An immediate anteriority marker in French // Diachronica. 2015. 32 (4). 530—570.
Delatour Y., Jennepin D., Léon-Dufour M., Teyssier B. Nouvelle grammaire du français: Cours de Civilisation Française de la Sorbonne. Paris, 2004.

Мжачих Дарья Сергеевна
студентка 4 курса
Тюменский государственный университет

Локативные конструкции как средство репрезентации концепта «ребенок до рождения (в утробе матери)» на материале французской субстандартной фразеологии XIX—XX вв.

Концепт «ребенок до рождения» занимает значимое место во французской картине мира, актуализируя представления о женской физиологии, беременности и онтологическом статусе нерожденного ребенка. В работе проводится структурно-семантический и компонентный анализ субстандартных фразеологических единиц (ФЕ), объективизирующих данный концепт в рамках локативной конструкции. Такая схема устойчива и кодирует беременность как объектно-субъектные отношения ребенка и окружающего его пространства (тела матери) или носителя (матери). Концепт в работе понимается как ментальное образование, способное к вербализации и представлению социокультурного опыта; отдельные концептуальные признаки определяют семемы, выявляемые на основании компонентного анализа ФЕ. Актуальный корпус объединен использованием локативной конструкции как средства выражения различных семем. Актуальность исследования обусловлена его междисциплинарным характером и отсутствием систематического лингвистического описания данного концепта в французском языке при активном привлечении подобного языкового материала в этнографии и истории. Материал представлен фразеологией сниженного регистра XIX—XX вв., рассматриваемой с концептологической и структурно-семантической точек зрения, субстандарт при этом понимается как продуктивная среда репрезентации бытовых и телесных представлений. Корпус сформирован на основе идиоматических словарей арго и разговорной лексики. Исторические ФЕ рассматриваются с позиций устойчивой фиксации структурно-семантических моделей и наиболее развитого словотворчества на тему. В

работе анализируются 15 локативных ФЕ (из 25, кодирующих «содержание» по классификации П. Гиро [Guiraud, 1978: 81] и из 46 всего, отобранных в расширенной периодике XVIII—XX вв.). Методология включает структурно-семантический, компонентный и элементы когнитивно-семантического анализа.
Локативная схема реализует семантику «содержания/вмещения в себе» и представляет собой предикативную конструкцию с глаголом *avoir*, где номинация ребенка до рождения оформляется в виде именного компонента в функции прямого дополнения, а материнский организм концептуализируется как локус и выражается косвенным дополнением с предлогом места, напр. *avoir un pain dans le four / avoir une brioche au four; avoir un locataire a l'entresol*. Семантическая связность компонентов таких ФЕ является обязательной и мотивированной. Локативные конструкции используются для передачи пространственных отношений через указание на замкнутое пространство в содержательном и процессуальном аспектах и тем самым актуализируют различные онтологические признаки, приписываемые ребенку до рождения. Анализ показывает системность локативной конструкции при вариативности семем. В ее рамках ребенок репрезентируется: 1. как объект/предвосхищаемый результат процесса «приготовления», происходящем в теле матери; 2. как автономный объект, концептуально соотнесенный с пищевой или растительной метафорикой, содержащийся в теле женщины как во вместилище; 3. как субъект, обладающий «квазисоциальным статусом», соотнесенный с жилищной метафорикой; 4. как объект/субъект, локализованный в закрытом пространстве через метафору содержания с включением культурно-значимой информации или регистровых замен общеупотребительной лексики.

Литература:
Guiraud P. Dictionnaire historique, stylistique, rhétorique, étymologique, de la littérature érotique. Paris, 1978.

Опанащук Екатерина Николаевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматические ресурсы сельской речи в прозе М. Делибеса

Работа представляет собой исследование народно-деревенского дискурса в прозе испанского писателя М. Делибеса, основывающееся на анализе языковых особенностей прямой и несобственно-прямой речи персонажей в произведениях «Крысы» (1962) и «Дорога» (1950) [Delibes, 2001, 1963]. Выбор темы обусловлен интересом к исследованию регионального диалекта сельских жителей в испанской литературе XX в.
Актуальность темы определяется растущим вниманием к проблемам региональной идентичности, а также к творчеству Делибеса как одного из наиболее ярких представителей испанской литературы.
Объектом исследования в данной работе является народно-деревенский дискурс жителей Кастилии, отраженный в прозе Делибеса, предметом — лингвистические особенности деревенской речи и их проявления в произведениях Делибеса «Крысы» (1962) и «Дорога» (1950). Целью работы является изучение лингвостилистических характеристик сельской речи в прозе Делибеса с учетом контекста сельской среды. Научная новизна работы заключается в новом подходе к изучению объекта исследования, при котором уделяется внимание грамматическим особенностям народно-деревенского дискурса в прозе Делибеса, позволяющий глубже понять специфику языка жителей сельских регионов Кастилии. В работе используются методы лингвистического, контекстуального, дефиниционного

анализа, а также метод репрезентативной выборки примеров, их систематизации и обобщения.

Грамматические ресурсы анализируемой нами прямой и несобственно-прямой речи сельских жителей Кастилии отличаются преимущественно компрессией разного уровня. Так, наблюдается компрессия знаменательных частей речи, в частности опущение именного элемента и эллипсис глагольной части высказывания. Помимо этого, присутствует синтаксическая, семантическая, предложная компрессия. Характерными чертами являются также эмфаза, инверсия, редупликация, метонимия, постпозиция указательного местоимения, феномены *laísmo* и *leísmo*. Особый интерес вызывают окказионализмы, среди которых встречается нестандартное употребление предлогов и грамматических конструкций, а также перифраз, субстантивация компонента высказывания как следствие тенденции к аналитизму, диалектные конструкции, диалектное употребление глаголов, энклитическое употребление личных местоимений-дополнений и др. В работе отмечены также особенности употребления глагольных времен и форм глагола: использование настоящего времени изъявительного наклонения вместо сложного перфекта, использование инфинитива вместо личной формы, гиперболический герундий, инфинитив как форма поведения. Обращаем внимание, что грамматические ресурсы представляются нам не уникальными явлениями, но характерными чертами народно-деревенского дискурса, большинство из которых свойственны также современной испанской речи.

Литература:

Delibes M. El camino. Edimburgo, 1963.
Delibes M. Las Ratas. Madrid, 2001.

Прошина Виктория Эдуардовна
магистрантка 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Колебания в глагольном управлении с дополнением-инфинитивом во французском языке: случай *commencer*

По определению авторов «La Grande Grammaire du Français», дополнение-инфинитив представляет собой глагольную синтагму, состоящую из самого инфинитива и его возможных дополнений, в т. ч. обстоятельственных [Abeillé, Godard, 2021: 468—469]. Мы выбрали проблему употребления предлога в конструкции с инфинитивом, которая представляет особую трудность для носителей русского языка, поскольку в русском языке инфинитив не вводится предлогом. Исследователи отмечают колебания в выборе предлога перед инфинитивом во французском языке как в синхронии, так и в диахронии. В нашем докладе мы рассмотрим колебания в глагольном управлении с дополнением-инфинитивом на примере глагола *commencer*. Согласно словарной норме («La préposition» [Grevisse, Kalinowska, 2018]), предлоги *à* и *de*, вводящие инфинитив после глагола *commencer*, эквивалентны и взаимозаменяемы (конструкцию *commencer par* мы не рассматриваем ввиду очевидного семантического отличия от двух предыдущих), однако на уровне реального узуса наблюдаются значительные колебания, начиная со старофранцузского периода, на что указывают авторы «Grande Grammaire Historique du Français» [Marchello-Nizia et al., 2020: 868].

Целью нашего исследования является определение частотности употребления предлогов *à* и *de* в конструкции *commencer* + inf во взаимном соотношении на протяжении истории развития фр. языка, а также проверка гипотез относительно факторов выбора предлога в данной конструкции. Основной гипотезой является действие фонетического фактора

[Fagard, Krawczak, 2017: 67—68]: предлог *de* будет употребляться перед инфинитивом, начинающимся на гласный (за исключением случаев, когда ему предшествует «консонантный элемент»: *il commença à* ***m****'attaquer*); предлог *à* — перед инфинитивом, начинающимся на согласный. В нашем исследовании мы понимаем фонетический фактор более широко, а именно как чередование согласного и гласного звуков, т. е. учитываем фонетическое окружение предлога с обеих сторон.

На основании данных корпуса Frantext мы выявили бóльшую частотность предлога *à* перед инфинитивом: на 7486 вхождений предлог *de* встречается только 580 раз, в т. ч. в форме *d'* (196 раз). То же самое подтверждают данные онлайн-сервиса Google Ngram Viewer: коэффициент соотношения вхождений с *à* и *de* в 1700 г. составляет 3,002, в 2022 г. — 51,18. В 2025 г. мы провели анкетирование, в котором приняли участие 14 носителей языка. Результаты опроса опровергают гипотезу о действии фонетического фактора: во всех трех предложенных контекстах для выбора предлога (перед инфинитивом, начинающимся с согласного; с гласного; перед «консонантным элементом») 100 % носителей выбрали предлог *à*.

Таким образом, наше исследование выявило, что носители языка все больше склонны употреблять предлог *à* в конструкции *commencer à/de* + inf. Влияние фонетического фактора в диахронии ослабевает.

Литература:

Abeillé A., Godard D. La grande grammaire du français. Arles, 2021.
Fagard B., Krawczak K. Les prépositions à et de et la complémentation verbale // Langages. Armand Colin, 2017. 206 (2). 65—84.
Grevisse M. La préposition. Règles, exercices et corrigés. 7'e édition revue par Irène-Marie Kalinowska. Louvain-la-Neuve, 2018.
Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. Grande Grammaire Historique du Français. Berlin / Boston, 2020.

СЕКЦИЯ «ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)»

Араужо де Ре Габриэл
студент 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Сравнительный анализ переводческих стратегий передачи поэтической семантики и стилистики русской поэзии начала XX в. в португальской и испанской традициях

Настоящее исследование посвящено выявлению и сопоставительному анализу стратегий передачи поэтической семантики и стилистики русской поэзии начала XX в. в переводах на испанский и португальский языки. Актуальность работы обусловлена необходимостью систематизации подходов к интерпретации сложной метафорики и индивидуально-авторского стиля А. А. Блока, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой и С. А. Есенина в условиях двух романоязычных традиций, ранее не рассматривавшихся в едином компаративном поле.

Цель исследования — охарактеризовать доминантные переводческие стратегии и проследить зависимость переводческих решений от культурного и профессионального бэкграунда и методологических установок переводчиков. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении испанских и португальских версий одних и тех же поэтических текстов, что позволяет выявить типологические различия в передаче символической насыщенности оригинала.

Материалом послужили переводы Х. Г. Габольдона (Блок, Цветаева), Н. Литвиновой (Цветаева), Аугусто де Кампоса, Аролдо де Кампоса и Б. Шнайдермана (Блок, Ахматова), опубликованные в испанских и бразильских изданиях конца XX — начала XXI вв. Основными методами избраны сравнительно-сопоставительный и лингвостилистический анализ, позволяющие сопоставить оригинальные и переводные тексты на уровне лексики, метафоры, ритмики и синтаксиса.

В ходе анализа установлено, что испанская традиция ориентирована на сохранение метафорической глубины и эмоциональной насыщенности подлинника. Так, Литвинова в переводе стихотворения Цветаевой точно передает экзистенциальную интонацию, однако в ряде случаев снижает иронический подтекст. Напротив, португальские переводчики (особенно Аугусто де Кампос) отдают приоритет звуковой и ритмической выразительности, вводя интерпретационные добавления: напр., в стихотворении Блока *ледяная рябь канала* передана как *rugas de gelo no canal* (‘морщины льда’), что антропоморфизирует образ, усиливая его визуальность.

Сопоставление биографий переводчиков показало, что их подходы детерминированы профессиональной средой: испанские слависты (Габольдон) тяготеют к академической точности, тогда как бразильские поэты-конкретисты (братья де Кампос) воспринимают перевод как форму творческой реконструкции, экспериментируя с синтаксисом и образностью. Это подтверждает тезис о роли переводчика как соавтора, привносящего в текст новые интерпретационные оттенки.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что различия в переводческих стратегиях обусловлены не столько структурными расхождениями испанского и португальского языков, сколько укорененностью переводчиков в определенных литературных традициях. Испанские версии стремятся к семантической эквивалентности, португальские — к эстетическому пересозданию. Оба пути обогащают восприятие русской поэзии в романоязычном мире, способствуя диалогу культур.

Бакина Кира Александровна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод vs интерпретация: баллада «Herr Mannelig» в пространстве современного фолка

В настоящем исследовании впервые объектом научного анализа становятся переводы баллады «Herr Mannelig», представленные в текстах современных фолк-групп («Green Crow», «Эдда», «Сколот»). Ранее данные переводческие версии не рассматривались в рамках лингвистических или переводоведческих работ.

Цель работы — провести анализ переводческих решений, примененных при создании русскоязычных версий баллады «Herr Mannelig» (на материале текстов современных фолк-групп), и, опираясь на проведенный анализ, предложить собственную версию перевода, лишенную выявленных недостатков. В качестве метода исследования используется сравнительный анализ текстов, позволяющий сопоставить переводные версии с оригиналом баллады.

В результате исследования было установлено, что существующие переводы характеризуются не только формальными погрешностями, но и содержательными искажениями. В данной работе основное внимание уделяется анализу неточных рифм, поскольку именно они составляют большинство выявленных формальных несоответствий (глагольные рифмы представлены в минимальном количестве).

Теоретической основой для анализа послужила работа В. М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (1923). Исследователь выделяет среди неточных рифм тип «рифм на

различные согласные» — случаев, когда ударные гласные совпадают, а следующие за ними согласные различаются. К данному типу относятся выявленные в переводах примеры: *птиц — своих*, *поверь — отверг*, *лесá — врага*. Как отмечает Жирмунский, неточные рифмы могут выступать осознанным художественным приемом, однако в таких случаях они, как правило, компенсируются дополнительными созвучиями в предударной части. В анализируемых переводах подобная компенсация отсутствует, что позволяет рассматривать данные рифмы не как намеренный поэтический ход, а как следствие переводческой недоработки.
Ключевой вывод работы состоит в том, что оригинальная легенда (попытка женщины-тролля соблазнить и обмануть рыцаря) в рассмотренных версиях трансформируется в нарратив о несчастной любви, что существенно изменяет жанровую и смысловую природу баллады. Формальные несовершенства (неточные рифмы) усугубляют это смысловое искажение, создавая эффект стилистической небрежности, не свойственной оригиналу.

Литература:
Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. П., 1923.

Белоусова Екатерина Дмитриевна
магистрантка 1 курса
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Проблема перевода средств художественной выразительности в параллельных конструкциях (на материале романа Дж. Эрпенбек «Пристанище»)

Цель исследования — рассмотреть средства художественной выразительности в параллельных конструкциях в оригинальном и переводном тексте романа Дж. Эрпенбек «Пристанище» («Heimsuchung»). Новизна исследования заключается в том, что данный роман ранее не был изучен в переводческом аспекте. В процессе работы применялись методы сравнительно-сопоставительного, лингвостилистического и семантического анализа.
Роман Эрпенбек «Пристанище» относится к миграционной литературе. Художественный образ мигранта обладает гибридностью и амбивалентностью, что выражается в том числе в категории эмотивности**.** Одним из стилистико-грамматических приемов, использованных автором для усиления эмотивного эффекта текста и демонстрации внешнего и внутреннего конфликта героя-мигранта, представляется параллелизм, в выбранном романе присутствуют три типа параллелизма — ритмико-синтаксический, лексический и сюжетно-композиционный.
Параллельные конструкции усиливаются средствами художественной выразительности. В двух проанализированных главах романа наблюдаются следующие художественные приемы — метафора, антитеза, градация (климакс), игра слов, асиндетон, парцелляция, а также сам параллелизм.
Перечисленные средства были рассмотрены в оригинале и переводе романа. Синтаксическая параллельная конструкция с асиндетоном (пр. *gekauft 1932, Mk. 37, Pf. 80 — куплен в 1932 г., 37 марок 80 пфеннигов*) в русской версии представлена нагляднее, чем в оригинале, поскольку, несмотря на использование автором в одном из примеров синонимичного причастия *angeschafft*, переводчик придерживался варианта *купленный* (*gekauft*) во всех параллельных предложениях.
В тексте прослеживается комбинация лексического и сюжетного параллелизма с лексемой *Heil*, обособленной парцелляцией. Однократно опустив ее, переводчик нарушает передачу параллельной конструкции в русском тексте. Игра слов *Heil — Heim* представляется непереводимым приемом, так как к транскрибированной лексеме *Хайль* невозможно подобрать схожее по фонетическому и морфемному составу слово, означающее ‘дом’.

Сюжетно-синтаксический параллелизм с антитезой был успешно передан, однако в этом же фрагменте текста метафора *Hier gibt es im Winter keinen Schnee, nur Regen, viel Regen, und trotzdem friert er hier mehr, als er daheim jemals gefroren hat* приобрела в русском варианте противоположный смысл: *...он все равно не замерзает, как замерзал когда-то дома* из-за неправильного понимания переводчиком отрицания с союзом *trotzdem*. Возможный перевод: *...он все равно замерзает тут сильнее, чем замерзал когда-то дома*. При интерпретации сюжетной параллельной конструкции, основанной на синонимичных лексемах *Parks* и *Garten*, существительное *Garten* было опущено, из-за чего заложенный писателем параллелизм утратил свое значение.
Таким образом, в романе Эрпенбек «Пристанище» параллельные конструкции, дополненные тропами и речевыми фигурами, несут как очевидную эстетическую функцию, так и служат для демонстрации внешнего и внутреннего конфликта героя-мигранта, усиления эмотивного эффекта текста, придания прозаического ритма и введения историко-политического контекста. При сопоставлении оригинала и перевода романа в большинстве примеров были обнаружены смысловые потери в параллельных конструкциях, обусловленные необоснованным опущением, невозможностью передать игру слов и ошибками при восприятии исходного текста.

Колодко Татьяна Олеговна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Идиостиль переводчика: проклятие или неизбежность?

Настоящее исследование посвящено изучению феномена идиостиля переводчика и его влияния на результат перевода. Ранее считалось, что перевод должен быть абсолютно «прозрачным»; однако, в последнее время многие исследователи обращают внимание на то, что особенности стиля переводчика так или иначе прослеживаются в переводных текстах. Новизна работы обусловлена тем, что в фокусе исследования оказываются переводные тексты разных авторов и жанров за авторством известного переводческого тандема (Р. Пивер и Л. Волохонская), что позволяет выявить особенности идиостиля переводчика, несмотря на наличие стилистических особенностей текста оригинала, которые, несомненно, тоже прослеживаются в переводных текстах. Такой подход отличается от более традиционного, состоящего в сопоставлении переводов одного оригинального текста, выполненного разными переводчиками. Таким образом, цель работы — подтвердить гипотезу об узнаваемости идиостиля переводчика в переводных текстах разных авторов, используя методы лексико-семантического, синтаксического, контекстуального, сопоставительного и переводческого анализа. В качестве материала исследования использовались фрагменты из переводных текстов произведений М. А. Булгакова, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина, выполненных Пивером и Волохонской.
В ходе анализа было выявлено, что один из маркеров переводческого «почерка» — общая переводческая стратегия. В переводах Пивера и Волохонской это форенизация, т. е. приближение читателя к автору, а не наоборот. Эта стратегия проявляется, напр., в стремлении сохранить синтаксис оригинального текста, стилистические приемы, авторские повторы: *его лицо ... улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой — his face ... smiled all at once its habitual, kind and therefore stupid smile*. Тот же подход используется переводчиками при передаче идиоматики (*заблудиться в трех соснах — lose oneself among three pine trees*) и реалий (*kasha*, *troika*).
Не менее интересным представляется и выбор слов: здесь можно обнаружить излюбленные лексемы переводчиков. Так, в исследованных фрагментах *torment* используется

значительно чаще синонима *torture*, хотя, согласно COCA (Corpus of Contemporary American English), *torment* характеризуется меньшей частотностью. Оригинальные лексемы *задумчивый*, *задумчиво* чаще передаются через лексемы *pensive*, *pensively*, а не *thoughtfully* или иные синонимы (хотя слова с корневой морфемой *thought* используются в переводах тех же фрагментов текста у другой известной переводчицы К. Гарнетт). Однако если речь идет о глаголе, встречаются варианты *fell to thought*, *lapsed to thinking*. Примеров таких излюбленных слов довольно много: *надуть* (‘обмануть’) — *hoodwink*, *среда — milieu*, *подлец, негодяй* и пр. — *scoundrel*, *хохотать — guffaw* и пр. Особенно ярко устойчивые лексические соответствия видны при сопоставлении с другими переводами. Предпочтения переводчиков прослеживаются и на уровне синтаксиса: использование в функции обстоятельства времени перфектного причастия, а не герундия или придаточного предложения: *having obtained his brothers address* (не *after obtaining*). Таким образом, переводчик оставляет свои «отпечатки» в переводном тексте (излюбленные слова, синтаксические структуры, идиоматику), которые можно обнаружить при детальном рассмотрении переводных текстов разных жанров и авторов благодаря тому, что на первый план выходит идиостиль переводчика, а не автора оригинала.

Которова Анна Владимировна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Системная репрезентация ономастикона в норвежских переводах повести Дж. Р. Р. Толкина «The Hobbit, or There and Back Again»: макро- и микроанализ методов переноса

Цель работы — выявить лингвистические закономерности репрезентации поэтонимов в художественном переводе посредством сопоставительного анализа методов их передачи на микроуровне текста и принципов организации ономастикона на макроуровне переводческой стратегии.
Теоретическую основу исследования составляет классификация принципов переноса имен собственных Д. И. Ермоловича, включающая три группы: формально-ориентированные (приоритет плану выражения), системно-ориентированные (нацеленные на интеграцию онима в структуру переводящего языка) и содержательно-ориентированные (приоритет сигнификату и внутренней форме онима) [Ермолович, 2001].
В ходе анализа установлено, что в переводе 1972 г., который выполнили Ф. Осен и О. Грунвик, доминирует содержательно-ориентированный принцип. На микроуровне это реализуется через метод онимической замены (имена троллей *William*, *Bert*, *Tom* переданы как *Lorang*, *Roger*, *Harry*; топоним *Rivendell — Elverhøy*). Использование диалекта Vika-mål и аллюзии на датскую балладу «Elverhøj» формируют макроэффект одомашненной фольклорной системы, психологически приближенной к норвежскому читателю. Перевод 1998 г., который выполнил Н. И. Агей, тяготеет к синтезу системно-ориентированных принципов и принципа учета внутренней формы. Фамилия *Baggins* передана методом калькирования в комбинации с семантической экспликацией как *Lommelun*, где компонент *-lun* (‘уютный’) восстанавливает ассоциативный потенциал онима. Гидроним *the River Running* трансформируется в сложный поэтоним *Rinnrisla*, сочетающий архаичный корень *rinn-* ‘бежать’ и диалектное *risla* ‘журчать’, что реализует метод семантической модификации. Репрезентация топонимов *Bywater* (*Rennabu*) и *Great House* (*Storhuset*) посредством системной адаптации и калькирования подтверждает стратегию этимологической реконструкции авторского мира. Ономастикон перевода 1998 г. характеризуется также активным использованием морфограмматической модификации (*Gandalf — Gandalv*), обеспечивающей интеграцию онима в систему

принимающего языка при сохранении формального сходства и связи с эддической традицией.
Сопоставление оформления родственных связей (*Fundinsønn* в переводе 1972 г. и *sønn av Fundin* в переводе 1998 г.) демонстрирует переход от морфологической интеграции к синтаксическому калькированию как средству сохранения архаического тона. Сделан вывод о том, что рассматриваемые переводы представляют две полярные модели репрезентации ономастикона: фольклорно-адаптивную и этимолого-реконструктивную. Выбор комбинаций методов передачи поэтонимов на микроуровне текста предопределяет формирование макростратегии и обеспечивает системную целостность ономастикона в принимающей лингвокультуре.

Литература:
Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.

Мишустина Мария Игоревна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности передачи хрематонимов в произведениях жанра фэнтези (на материале цикла романов О. Колфера «Artemis Fowl» и их переводов на русский язык)

Настоящая работа посвящена анализу проблем перевода при передаче хрематонимов в произведениях жанра фэнтези с английского на русский язык и выявлению переводческих трансформаций, направленных на преодоление этих ограничений. Актуальность доклада обусловлена отсутствием как единой стратегии перевода ономастических единиц в целом, так и строго определенных границ между категориями онимов, а также однозначно выявленной точки перехода ономастических единиц в разряд имен нарицательных. В связи с этим интерес к проблеме передачи различных категорий онимов находит отражение во многих лингвистических исследованиях. Новизна данной работы заключается в рассмотрении переводческих трансформаций, применимых к передаче в художественной литературе хрематонимов-названий изобретений на примере текстов произведений жанра фэнтези. Целью является выявление основных стратегий перевода окказиональных хрематонимов. Материалом послужили тексты цикла романов О. Колфера «Artemis Fowl» («Артемис Фаул») и их переводы на русский язык, выполненные Н. Х. Ибрагимовой, А. В. Жикаренцевым, Н. Б. Берденниковым.
В рамках настоящей работы под ономастической единицей или онимом понимается слово или словосочетание, которое служит для индивидуализации и идентификации объекта [Подольская, 1988: 91]. Под хрематонимом в данном докладе следует понимать ономастическую единицу, именующую отдельный неодушевленный предмет [Суперанская, 2023: 190], в частности — изобретение, обладающее исключительной ценностью или уникальностью. В рамках настоящей работы были рассмотрены примеры хрематонимов-названий изобретений, представляющих собой реалии, характерные для вселенной, в которой разворачивается сюжет цикла романов «Артемис Фаул». В результате проведенного сопоставительного, контекстуального и переводческого анализа были выделены основные проблемы перевода, сопутствующие передаче хрематонимов: передача внутренней формы, сохранение фонетического сходства и благозвучия. Кроме того, актуальным вопросом передачи хрематонимов становится принятие переводческого решения об апеллятивации при переводе оригинальных ономастических единиц. Дополнительно были выделены основные переводческие трансформации и стратегии: транскрипция (*ARClights — АРК-лайтс*), транслитерация (*Neutrino — Нейтрино*), калькирование (*Aerial Radiation-Coded Light-Sensitive Surveillance Pterygota 2.0 —*

Воздушный радиокодируемый светочувствительный прибор наблюдения Птеригота 2.0), а также апеллятивация хрематонимов с применением вышеперечисленных переводческих трансформаций (*Critters — криммеры*, *Moonbelt — лунный пояс*). Использование различных переводческих трансформаций обусловлено необходимостью адекватного перевода хрематонимов с сохранением их внутренней формы и обеспечением благозвучия данных лексических единиц с точки зрения русского языка.

Литература:
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2023.

Одинаева Сэвин Ильхамовна
магистрантка 2 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Особенности передачи семейного идиолекта и экспрессивной лексики в русском переводе романа «Lessico famigliare» Н. Гинзбург

Семейный идиолект в романе «Lessico famigliare» Н. Гинзбург рассматривается в докладе как ключевой структурообразующий и смыслообразующий принцип текста. Научная новизна исследования заключается в анализе семейного идиолекта не только как стилистического приема, но и как механизма формирования «языковой автобиографии», а также в выявлении способов сохранения его функционального значения при переводе на русский язык.

Цель работы — определить роль семейного идиолекта в создании художественной концепции памяти и осуществить анализ особенностей перевода семейного идиолекта в романе «Lessico famigliare» на русский язык. Материалом исследования служит оригинальный итальянский текст романа и его русский перевод — «Семейный лексикон» [Гинзбург, 2024]. В качестве источников привлечены труды по теории перевода [Бархударов, 1975; Виноградов, 2001] и литературоведческие исследования, посвященные творчеству Гинзбург [Barenghi, 2018].

В ходе исследования установлено, что семейный идиолект в романе представлен системой вымышленных, трансформированных, заимствованных и диалектально окрашенных единиц (*sbrodeghezzi* — измененное диалектальное (триестинское) слово, обозначающее неопрятность, неряшливость, *negrigure* — вымышленное ироническое выражение, которое использовалось в семье для обозначения странного, «дикого» поведения, *skiando* — адаптированное разговорное слово заимствованное из английского *skiing*, используемого при описании катания на лыжах), выполняющих не только номинативную, но и идентификационную функцию. Повторяющиеся речевые формулы формируют особое коммуникативное пространство семьи и выступают носителями коллективной памяти, что позволяет трактовать произведение как «языковую автобиографию». Сопоставительный анализ оригинала и перевода показывает, что сохранение художественного эффекта возможно при условии передачи не только семантики, но и экспрессивно-стилистической и регистровой окраски идиолектных единиц; утрата этих параметров приводит к ослаблению концепции семейной памяти, лежащей в основе произведения.

Литература:
Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М., 2001.
Гинзбург Н. Семейный лексикон. СПб., 2024.

Barenghi M. Natalia, Elsa e gli spinaci. Il contributo di Lessico famigliare alla teoria letteraria // Enthymema. XXII, 2018. 50—61.

Растегаева Анна Евгеньевна
студентка 4 курса
Тюменский государственный университет
Хряпинская Валерия Евгеньевна
студентка 4 курса
Тюменский государственный университет

Литературные трансформации: особенности перевода русских народных сказок на французский язык

Целью работы является выявление особенностей передачи культурных реалий и языковых средств при переводе русских народных сказок «Перышко Финиста ясна Сокола» и «Сивко-Бурко» на французский язык. В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи исследования: а) проанализировать особенности русской народной сказки; б) изучить переводческие трансформации, применяемые при работе с фольклорным произведением; в) сопоставить оригинальные версии русских народных сказок и их перевод на французский язык и проанализировать способы передачи реалий и использованные переводческие трансформации. Для решения поставленных задач были использованы методы семантико-стилистического и сопоставительного анализа.

Реалии определяются как безэквивалентная лексика, не имеющая полных или частичных эквивалентов в языке перевода и несущая фоновую социокультурную информацию (*крынка*, *изба*, *царь* и т. п.). Они отражают быт, историю, мифологию и ценности народа. Волшебные сказки вобрали в себя максимум народных реалий, что было также отмечено В. Я. Проппом. И поскольку русские народные сказки отражают традиции и мировоззрение, которые могут быть специфичны для русского народа, их перевод на французский язык требует учета реалий, не имеющих аналога во французской культуре. Следовательно, с одной стороны, перевод требует глубоких интралингвистических и экстралингвистических знаний (в частности, об истории и мифологии), с другой стороны, переводчику приходится скрупулезно подбирать стратегии перевода для сохранения стилистических особенностей оригинального текста и обеспечения адекватности переводного текста.

В результате практического сопоставления русских народных сказок из собрания А. Н. Афанасьева и их французских переводов, выполненных Л. Грюэль-Апер, было выявлено, что при передаче текстов на другой язык переводчик активно использует различные переводческие трансформации: модуляцию (*хромую кобылешку — la jument bancale; заветный — je la donne en gage*), генерализацию (*свистнул-гайкнул богатырским посвистом — siffle d'une voix tonnante*), грамматические замены (*не взять цветочка — s'il ne prenait pas la fleur; подумал-подумал — après bien des hésitations*) и транслитерацию (*царь — tsar, бояре — boïars*). Полностью избежать изменения смысловых нюансов при использовании тех или иных переводческих трансформации невозможно, так как изначально заложенный смысл может утрачиваться или смягчаться. Тем не менее грамотное применение переводческих приемов позволило сохранить основную атмосферу, структуру и художественную ценность оригинала, благодаря чему перевод стал понятен французскому читателю.

Сидики Сабрина Шарифовна
магистрантка 1 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О некоторых особенностях передачи терминологии в переводах арабской грамматики «Китаб» Сибавейхи на французский язык

Цель доклада — проиллюстрировать некоторые трудности, связанные с переводом арабской лингвистической терминологии из грамматики «Китаб» Сибавейхи на французский язык.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать переведенные С. де Саси и Ж. Трупо фрагменты «Китаба» и способы передачи в них лингвистической терминологии;

2) выявить наиболее сложные для перевода термины и варианты их передачи в двух работах;

3) сопоставить варианты перевода, выявить причины затруднений в переводе.

В работе применяется метод сопоставительного анализа. Рассматриваются единицы оригинального текста, представляющие наибольшие трудности для подбора эквивалента. Кроме того, проводится сопоставление методов передачи терминологии в двух переводах грамматики.

«Китаб» Сибавейхи (VIII в.) повлияла на многих арабских грамматистов, а также сыграла важную роль в развитии западной ориенталистики. Перевод этой работы, отражающей своеобразный подход к анализу языковой системы, является важной частью освоения арабской традиции.

В рассматриваемых нами переводах С. де Саси (1829) и Ж. Трупо (1973—1974) для передачи арабской терминологии применяются главным образом понятия из европейской лингвистической традиции. С. де Саси, напр., описывая пять видов дополнения, пишет: *Sous le nom de patient, ou plutot d'objet de l'action 'mafʕūl', sont compris cinq termes complémentaires ou circonstanciels, qui peuvent trouver place dans la proposition. Je traduirai le mot mafʕūl' par celui de complément, pour simplifier l'expression* [Sacy, 1829: 521]. Однако Ж. Трупо отмечает, что многие термины, привычные для европейской традиции, совершенно чужды традиции арабской, что делает невозможным вариант перевода с помощью заимствованной терминологии. напр., понятия *fāʕil* и *mafʕūl* не вполне эквивалентны терминам *sujet* и *objet*. Он считает предпочтительным переводить подобные термины «сохраняя их этимологическое значение и уточняя их грамматическое использование», чтобы не искажать смысл, переданный в «Китабе» [Troupeau, 1976: 11]. Есть также термины, для которых нельзя подобрать аналог, так как они отсутствуют в европейском языкознании. В таком случае термин переводится дословно и поясняется. напр., *ʔafʕālu l-qulūb* у Саси передается так: *sept verbes nommés verbes de cœur parce que l'attribut que ces verbes renferment exprime une action intellectuelle, comme savoir, penser, connaître* [Sacy, 1829: 580].

Сложность представляют и термины, однозначный перевод которых невозможен. Таков, напр., термин *kalām*. Это понятие включает в себя множество смыслов, так что в зависимости от контекста переводится как *discours*, *phrase* или *proposition*. Основное значение этого термина — связанные слова. Перевод *proposition* осложняется также тем, что это понятие не соответствует представлению о синтаксической системе, представленному в «Китабе».

Итак, проведенный анализ показал, что с целью облегчить понимание специфических понятий, используемых в арабской традиции, их в основном заменяют на наиболее близкие по смыслу термины из европейской традиции. Однако это не всегда возможно, так как арабская грамматика, какой она представлена в «Китабе», существенно отличается и по концепции, и по методу от западной лингвистики.

Литература:

Sacy S. de. Antologie grammaticale arabe. Paris, 1829.
Troupeau G. Lexique-index du Kitab de Sibawayhi. Paris, 1976.

Смирнова Дарья Алексеевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвокультурная специфика немецкоязычного сериала «Cassandra» и ее отражение в русскоязычном переводе

Целью данной работы является выявление и анализ лингвокультурных и гендерных аспектов перевода сериала «Cassandra» с немецкого языка на русский. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к сериалам как форме массовой культуры, а также сложностью перевода аудиовизуального контента, особенно в аспекте культурных и гендерных различий. Материалом исследования являются 6 серий немецкого сериала «Cassandra» и его дублированного перевода, выполненного студией «HDrezka». Сериал рассказывает историю молодой немецкой семьи, которая решает начать новую жизнь вдали от города. Они переезжают в уединенный дом 1970-х гг. — настоящий архитектурный памятник эпохи технологического оптимизма. Дом был построен как «умный дом будущего» с экспериментальной системой искусственного интеллекта, получившей имя Кассандра. В сериале затрагиваются философские и социальные вопросы — о границах искусственного интеллекта, утрате приватности и зависимости от технологий.
В рамках исследования был проведен сопоставительный анализ оригинального немецкого текста сериала «Cassandra» и его русскоязычной версии. Применялись методы контекстуального, сравнительно-сопоставительного и дискурсивного анализа. Особое внимание уделялось переводческим стратегиям (адаптация, конкретизация, генерализация, компенсация, нейтрализация), а также степени сохранения культурной и гендерной специфики оригинала.
Прежде всего показателен анализ названия как элемента исходного текста. В немецком оригинале используется графическая форма *Cassandra*, тогда как нормативная передача имени мифологической пророчицы в немецком языке — *Kassandra*. Следовательно, уже на уровне исходного текста наблюдается частичная нейтрализация культурно-специфического компонента: латинизированная орфография с начальной буквой C ослабляет прямую отсылку к античному мифу и смещает восприятие имени в сторону интернационализированного обозначения. Русский перевод — «Кассандра» — следует орфографической норме принимающего языка и тем самым неизбежно актуализирует мифологический культурный код. В результате перевод не нейтрализует, а, напротив, усиливает культурную маркированность по сравнению с исходным вариантом. Таким образом, наблюдается межъязыковая асимметрия: нейтрализация реализуется на уровне немецкого оригинала, тогда как в русском переводе происходит вынужденная культурная конкретизация.
Аналогичные процессы выявляются при передаче гендерно-маркированной лексики, напр., существительного *Hausfrau*. В немецком исходном тексте данная единица обладает четкой гендерной и социокультурной маркированностью, поскольку не только обозначает женщину, ведущую домашнее хозяйство, но и имплицирует традиционную модель распределения ролей в обществе. В русском переводе наиболее частотным эквивалентом выступает *домохозяйка*, что обеспечивает денотативную эквивалентность. Однако в зависимости от контекста в переводе на русский встречается и генерализация (*сидит дома*, *занимается домом*), представляющая собой стратегию частичной нейтрализации гендерной и социальной маркированности. Подобное решение снижает степень эксплицитности гендерного компонента и ослабляет социокультурный подтекст

высказывания. В целом сопоставительный анализ показывает, что перевод сериала «Cassandra» с немецкого языка на русский реализует как стратегии нейтрализации, так и сохранения культурно-гендерной маркированности.

Соловьева Яна Михайловна
магистрантка 1 курса
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Проблема перевода юридической лексики в романе Ф. Кафки «Процесс»

Стиль письма Ф. Кафки традиционно характеризуется как нейтральный, синтаксически выверенный и лишенный эмоциональной и экспрессивной лексики, однако внешняя простота скрывает под собой семантическую плотность текста, образующую широкое пространство для интерпретации. Особую сложность для перевода представляет роман «Процесс», в котором внедрение юридического дискурса в текст является не просто стилистическим решением, а осознанным концептуальным приемом. Проблема заключается в том, что передача правовых терминов и многозначности слов немецкого текста на русский язык сопряжена с риском потери особенностей авторского стиля и смысловой двойственности.
Цель доклада — выявить, какие функции юридически маркированная лексика выполняет в тексте романа, и провести сопоставительный анализ данных единиц в оригинале и в русском переводе. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматривается правовая терминология немецкого текста и ее структурообразующая функция в формировании образа бюрократизированного судебного процесса в романе, а также проводится исследование сложностей, возникающих при передаче данной лексики на русский язык.
Материалом исследования выступил текст романа «Процесс» Кафки и его перевод на русский язык, выполненный Р. Я. Райт-Ковалевой в 1965 г. В ходе работы применялись лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный методы анализа. Рассматривались ключевые единицы с юридической коннотацией (напр., *der Unterschleif, sich einbürgern, die Berechtigung, das Urteil*), их функционирование в рамках контекста как выделенного фрагмента, так и всего текста, а также семантико-стилистические изменения, к которым приводят использованные переводчиком стратегии их передачи на русский язык.
Результаты исследования показали, что в исходном тексте романа юридическая лексика подчеркивает безличный, процедурный и всеобъемлющий характер судебного механизма. Правовой дискурс постепенно проникает во все сферы жизни героя, отражает его попытки рационализировать абсурдный процесс. В переводе была выявлена тенденция к нейтрализации терминологии и замене ее на более бытовые или эмоционально-разговорные единицы. Более того, в ряде случаев был утрачен элемент многозначности лексики из-за невозможности передачи представленной в тексте оригинала игры слов (напр., центральный мотив приговора, проявляющийся частым использованием слова *das Urteil*, что в разных контекстах может означать и ‘приговор’, и ‘мнение’, и ‘решение’). Тем самым перевод не только приводит к повышению эмоциональной экспрессивности текста, не соответствующей уникальному стилю Кафки, но и к потере многослойности образов романа, меняя восприятие изображенной в романе судебной системы.

Титова Елена Юрьевна
студентка 4 курса
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Идеологический аспект выражения национальной идентичности в романе Р. Ф. Куанг «Yellowface» и его переводах на русский язык

Настоящее исследование посвящено способам выражения национальной идентичности в романе Р. Ф. Куанг «Yellowface» и идеологическому аспекту передачи национально-специфических элементов при переводе. Научная новизна исследования заключается в обращении к малоизученной в переводоведении проблеме — репрезентации национальной идентичности и идеологии — на материале романа, центральными темами которого являются культурная апроприация и кража идентичности. Первый перевод романа, выполненный А. Шабриным, вызвал резонанс по причине многочисленных лексических и стилистических ошибок и грубой интерпретации культурно-специфических элементов, что обусловливает научный интерес к переводу как инструменту создания образа, определяющего восприятие культуры реципиентом.

Целью исследования выступает выявление национально-маркированных элементов, анализ способов их передачи на русский язык и влияние идеологии на переводческие решения, принятые при передаче культурных и этнических образов для русской аудитории. Материалом послужили оригинальный текст романа Куанг «Yellowface» и два его перевода: выполненный Шабриным [Куанг, 2024] и его откорректированная версия под ред. И. Куралесиной и Н. Никитиной [Куанг, 2025]. Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ текстов, контекстуальный и лингвокультурологический анализ оригинала. В ходе работы мы выяснили, что в романе «Yellowface» национальная идентичность проявляется на макроуровне и микроуровне. Макроуровень выражается через сюжет и центральные темы произведения. Идея раскрывается с помощью приема «роман в романе», который позволяет более глубоко раскрыть проблему влияния идеологии на литературу и книжный рынок. В тексте создается несколько оппозиций для анализа: образ китайцев противопоставляется образу «белых», образ Китая — образу Кореи. Микроуровень выражается в антропонимах, стереотипах, табуированной лексике (*Chinks*, *Coolies*) [Kuang, 2023: 43] и реалиях (*pinks*, *tankies*) [там же: 71]. Помимо национальной маркированности, перечисленные элементы глубоко идеологичны; их наличие в тексте требует от переводчика адекватной передачи этнокультурного характера романа. При работе с подобными текстами он неосознанно интерпретирует их через призму собственного мировосприятия, сформированного доминирующими в его культуре установками, что напрямую влияет на выбор стратегии перевода.

Первый перевод романа направлен на доместикацию и сохранение авторского стиля. Однако в нем встречается ряд грубых формулировок и контекстуальных неточностей, что можно воспринимать как результат идеологических убеждений переводчика. Второй перевод ориентирован на функциональную эквивалентность, адаптацию культурных реалий для русского читателя и минимизацию переводческих «шумов» (неоправданных добавлений, фактических ошибок), что позволяет точнее передать азиатско-американскую идентичность и авторскую критику культурной апроприации. В этом случае идеология выступает цензором, определяющим приемлемость публикации того или иного аспекта с этической точки зрения. Исследование выявляет двойственность идеологического влияния, которое может воздействовать на выбор переводческой стратегии или устанавливать рамки корректности определенных формулировок.

Литература:
Куанг Р. Йеллоуфейс. М., 2024.
Куанг Р. Йеллоуфейс. М., 2025.
Kuang R. Yellowface. London, 2023.

Филиппова Алиса Константиновна

студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Два датских перевода «Алисы в Стране Чудес»: особенности передачи языковой игры

Перевод языковой игры представляет особую сложность, поскольку переводчику необходимо не только точно передать смысл, но и сохранить игру слов: как чисто формальную на фонетическом и лексическом уровне, так и содержательную, основанную на культурно-исторических реалиях, известных носителям языка оригинала. Цель данного исследования — выявить и проанализировать способы перевода и переводческие стратегии передачи языковой игры в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» на датский язык. В современной лингвистике большое внимание уделяется проблемам изучения игры слов и определения ее типов. Новизна работы состоит в том, что в ней совмещаются анализ типов игры слов в оригинальном тексте и исследование семантических трансформаций при ее передаче на другие языки. Исследование проводилось на материале двух датских переводов сказки, сделанных с разницей в пятьдесят лет (К. Эльфельта в 1964 г. и Б. Брикс в 2013 г.). Методом сплошной выборки было отобрано 64 примера игры слов. В настоящей работе за основу взято определение языковой игры В. З. Санникова: «это всегда некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [Санников, 1995: 67]. Опираясь на работы Б. Ю. Нормана [Норман, 2006], Д. Делабаститы [Delabastita, 1996] и Санникова [Санников, 1995], мы выделили основные разновидности игры слов: основанные на полисемии, омонимах и омофонах, созвучиях, буквализации или трансформации фразеологизмов, нарушении семантической сочетаемости, ложной этимологии и создании новых слов или словоформ.

Наиболее частотным типом словесной игры в оригинальном тексте является языковая игра, основанная на созвучии (21 ед., т. е. больше 30 % от общего числа примеров), напр., Чеширский Кот, не расслышав, что сказала Алиса, переспрашивает: *Did you say **pig**, or **fig**?* (*Ты сказала **свинья** или **фига**?*). Слова, *pig* ‘свинья’ и *fig* ‘фига’, звучат почти одинаково, их фонетическое сходство увеличивается благодаря аспирации в английском на начальном звуке /p/, что еще сильнее сближает этот звук с /f/.

В некоторых случаях переводчики прибегали к дословному переводу (13 ед. в переводе Эльфельта и 17 ед. в переводе Брикс), однако в подавляющем большинстве из них языковая игра была утрачена. В основном это касается игры слов, основанной на полисемии и созвучии.

При передаче игры слов может происходить перевод обоих семантических компонентов ядра языковой игры, сохранение семантики только одного компонента и полная семантическая замена. Чаще всего оба семантических компонента сохранены в датском переводе, выполненном Брикс (29 ед.). Так, два значения фразеологизма, буквальное и переносное, являющиеся семантическими компонентами игры слов во фразе *He’s murdering the time* ‘Он убивает время’ полностью сохранены в идентичных датских переводах *Han slår tiden ihjel* (‘Он убивает время насмерть’).

Проведенный анализ позволил сделать следующий вывод: Брикс в большей степени ориентируется на текст оригинала и реже воспроизводит языковую игру, тогда как Эльфельт, напротив, стремится не только сохранить языковую игру, но расширить ее.

Литература**:**

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.
Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 59—69.
Delabastita D. Introduction // Wordplay and Translation. London, 1996. 127—141.

Шитикова Анна Олеговна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Способы передачи синтаксических особенностей внутреннего монолога (на материале романа Ж. Цее «Орлы и ангелы»)

В данной работе мы ставим перед собой две цели: во-первых, выявление и анализ синтаксических особенностей внутреннего монолога в индивидуальном стиле Ж. Цее на примере ее романа «Орлы и ангелы»; во-вторых, определение способов их передачи при переводе. Актуальность работы обусловлена тем, что внутренний монолог (получивший широкое распространение в современной художественной литературе) рассматривается как объединение элементов аргументатива, нарратива и дескриптива с преобладанием одного из них в различных фрагментах текста в зависимости от концентрации персонажа на анализе, воспроизведении или оценке отображаемых событий и ситуаций. Новизна работы заключается в том, что индивидуальный стиль Цее с точки зрения типов речи и особенно в плане их сохранения в процессе перевода изучен еще в недостаточной степени. Материалом исследования послужил роман Цее «Орлы и ангелы» на немецком языке и его перевод на русский язык, выполненный В. Л. Топоровым.

В процессе анализа было выявлено, что роман Цее написан в «Я-форме», что позволяет наиболее полно передать размышления главного героя, Макса, о событиях прошлого. Эта форма повествования способствует исследованию внутреннего мира героя и погружению в описываемую реальность.

Следует отметить, что в романе представлен персональный тип внутреннего монолога (герой говорит от первого лица единственного числа), который отражает рефлексивную деятельность индивидуума, что позволяет нам лучше понять внутренние противоречия Макса.

В ходе исследования были проанализированы три типа речи, а именно дескриптив, нарратив и аргументатив. Для дескриптива характерно использование эмоционально-оценочной лексики, метафор и сравнений: *Erst erkannte ich ihn gar nicht als ein Geräusch, er fuhr mir* ***wie ein Messer ins linke Ohr****, der Schmerz war* ***scharf und schnell****, und danach begann es zu pfeifen*. В нарративе преобладают описывающие действия героев глаголы, отглагольные существительные и аспектуально-темпоральные показатели: ***Dann*** *war Stille. Die Leitung war nicht tot, aber es war still. Ganz leise* ***das Winseln eines Hundes.*** Для аргументатива типично наличие таких синтаксических структур как сегментация и чередование простых и сложных предложений: *Ich wusste alles sofort. Ich wusste, dass es zu spät war. Ich wusste nur nicht, warum sie es getan hatte.*

Помимо изучения особенностей внутреннего монолога оригинального текста романа «Орлы и ангелы», в работе был проанализирован перевод Топорова, в первую очередь с точки зрения использования различных переводческих трансформаций. Для анализа собранного корпуса примеров наиболее релевантной была признана классификация переводческих трансформаций Л. С. Бархударова.

Переводчик чаще всего использовал такие переводческие трансформации, как перестановки, добавления, замены и опущения. В ряде случаев данные трансформации привели к изменению структуры внутренних монологов, а именно к замене того или иного типа речи по сравнению с оригиналом: *Ein Arzt hantiert mit der Geburtszange* — нарратив (‘Врач со щипцами’ — дескриптив).

Полученные в исследовании результаты позволяют углубить знания о роли внутреннего монолога в художественных текстах и могут быть использованы при рассмотрении его основных видов с учетом представленных в нем типов речи, а также для выявления

структурных изменений, которые могут возникать в переводном тексте в результате использования определенных переводческих трансформаций.

Щелконогова Евгения Александровна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Принципы адаптации антропонимической системы при переводе произведений жанра фэнтези (на материале цикла романов «The Farseer Trilogy» Р. Хобб и их переводов на русский язык)

На данный момент универсальные принципы адаптации антропонимов при переводе произведений жанра фэнтези не сформулированы. Цель исследования — сформулировать основные принципы системного подхода к адаптации антропонимов в произведении. Анализ 143 антропонимов из цикла романов «The Farseer Trilogy» Р. Хобб показал, что в романах цикла антропонимы образуют систему, обладающую двумя основными функциями.

Первая функция — раскрытие ключевой для цикла темы судьбы. Значащие имена королевской семьи и знати образованы от абстрактных (реже — отглагольных) существительных и прилагательных и предсказывают характер либо деяния персонажа: *Patience* ‘терпение’, *Taker* ‘завоеватель’. Имена королевских бастардов — *Chade* и *FitzChivalry* — аномальны по структуре, но тоже характеризуют героев. При этом поступки персонажа могут соответствовать или противоречить имени, отражая конфликт человека с судьбой. Значащие имена и фамилии простолюдинов чаще всего образованы от конкретных существительных и указывают на профессию: бард *Starling* ‘скворец’, рыбачка *Flatfish* ‘камбала’.

Вторая функция — упорядочение социальной структуры вымышленного мира. Преобладающие среди простолюдинов реальные антропонимы и значащие имена, образованные от конкретных существительных, создают нейтральный фон, в то время как более экспрессивные, с абстрактной нарицательной основой, имена королевской семьи подчеркивают ее особую роль в мире. Персонажи-иностранцы маркируются вымышленными именами, не имеющими нарицательной основы в английском языке: *Kettricken, Rurisk*.

На втором этапе анализа исследовались способы передачи рассматриваемых антропонимов в переводе цикла «The Farseer Trilogy» Хобб, выполненном М. Юнгер. Семантически пустые имена передаются практической транскрипцией: *Jason — Джейсон, Kettricken — Кетриккен*. Такое решение является удачным, так как большинство читателей перевода знакомы с распространенными английскими именами, поэтому контраст реальных и вымышленных имен полностью сохраняется.

Значащие имена королевской семьи и знати переводчик передает практической транскрипцией и дополняет прозвищем-характеристикой: *Patience — Пейшенс Терпеливая*. При этом у некоторых персонажей прозвище раскрывается не при первом появлении, а у других вовсе отсутствует. Значащие имена и фамилии простолюдинов передаются практической транскрипцией. В результате сохраняется различие между антропонимическими моделями королевской семьи и простолюдинов, но соответствие/противоречие персонажа его имени оказывается затемнено.

Таким образом, в переводе антропонимическая система сохраняет функцию упорядочения социальной структуры, но утрачивает функцию раскрытия идейного плана произведения. Для полного сохранения функций значащие имена всех социальных групп следует переводить с сохранением нарицательной основы, используя прямое или окказиональное

соответствие и средства оформления: *Patience —— Терпелина*, *Flatfish —— Чернопалтус.* Результаты исследования позволяют утверждать, что: 1) антропонимы в произведении жанра фэнтези образуют систему, функции которой реализуются через использование определенных антропонимических моделей; 2) как следствие, адекватная адаптация антропонимической системы в переводе требует сохранения ключевых структурных и семантических свойств антропонимических моделей; 3) при переводе конкретного антропонима переводчику следует опираться на структурные и функциональные свойства антропонимической системы как целого.

Golubkova Glafira Efimovna
Master's Student
St. Petersburg State University

Pragma-stylistic Aspects of Translation of Southern Gothic Novels (Based on the Novels of C. McCarthy)

Research of literary text as a complex phenomenon has become an essential part of modern translation theory. Stylistic and pragmatic peculiarities of Southern Gothic works significantly complicate the translation process. Cormac McCarthy's novels serve as the epitome of Southern Gothic traditions through the combination of artistic tragedy with lingua-cultural features of rural America and his unique use of speech styling. Correct translational interpretation of pragma-stylistic aspects of Southern Gothic novels is the key to successful reception by Russian audience. The fragmentary quality of existing research on McCarthy's works as well as the need to carry out a systemic analysis of his novels in the prism of translation studies validate the academic novelty of the subject. Following methods of analysis have been used: translational analysis method, intertextual analysis method, pragma-stylistic analysis method, comparative analysis method. Study materials include McCarthy's «Blood Meridian, or the Evening Redness in the West», «Suttree», «Child of God» and their Russian translations.
Recreation of pragma-stylistic effect is done through meticulous work with characters' speech. For instance, with faith playing a vital role in US culture, McCarthy actively employs references to Biblical texts both in narration and in dialogue. Translators generally recreate the original effect through syntax or vocabulary: 1) *But it's* ***cunning work*** *all the same and wouldnt it* ***take the heart out of ye****. — Но это все равно* ***от лукавого****, и разве не погрузится от сего в уныние* ***сердце твое*** («Blood Meridian»).
The phrase is spoken by an ex-priest gone roque. He instructs a young man, saying that the murders he is committing, although skillful, will bring destruction to his soul. The Russian translator uses the phrase *от лукавого*, traditionally used to criticize an ungodly action. Not a complete equivalent of what the author intended to convey, it still corresponds with the character's role in the novel and his religious affiliation. Besides, as a substitute for the archaic pronoun *ye* the translator employs inversion, typical of religious styling: *сердце твое* instead of *твое сердце*.
Another staple of McCarthy's artwork is people of low-life. Their speech is illiterate, and characterized by explicit language and colloquialisms. In translation, they are transmitted through colloquial Russian equivalents and distortions. 2) *Hell Worm, this is good* ***whusk****. — Черти, Червяк, да хороший это* ***вискач*** («Suttree»). 3) *How you fixed for spit? — А рожа не треснет?* («Child of God»).
Here the author captures the speech of uneducated Americans. In the second example, the author distorts the word *whiskey*. The translator distorts the word *виски* in a similar way and resorts to inversion in order to create an information structure that is authentic to Russian. In the third example, the author uses a fixed expression. The Russian equivalent is idiomatic and stylistically loaded to perfectly fit into the context.
To recreate the pragma-stylistic effect and preserve the authenticity of the original when translating

McCarthy's works, translators carefully work with characters' speech, use stylistically loaded lexical equivalents, inversions, colloquialisms, and phonetic distortions. This approach provides a complete transfer of the pragmatic power in the Russian version.

СЕКЦИЯ «ДИСКУРС И ТЕКСТ»

Волошенкова Екатерина Дмитриевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Задача особой государственной важности»: языковые средства выражения ценностей советского гражданина-немца в газетном дискурсе

Коммуникативная категория оценки априорно реализуется в большинстве устных и письменных текстов. В то же время ее реализация формально и содержательно зависит от конкретного дискурса. При лингвистическом анализе оценочных высказываний отправной точкой является их обусловленность социокультурным и историческим контекстом [Кондратенко, 2020: 260].

В фокусе исследования находится дискурс немецкоязычных советских печатных СМИ раннехрущевского периода. Несмотря на незначительные послабления в цензуре печати, газета остается напрямую подчинена партийной власти (Главлиту), так что оценочные суждения в газетном тексте призваны обозначить и валидировать основные идеологические позиции государства. Немецкоязычные газеты эпохи представляют особый интерес как свидетельства становления идентичности советских немцев. Материалом исследования послужили 40 номеров за 1956—1958 гг. (по 10 — «Arbeit» и «Neues Leben», 20 — «Rote Fahne»). Корпус текстов был составлен на основании, во-первых, сплошной выборки номеров за праздничные даты (1 января, 8 марта, 22 апреля, 1 мая, 9 мая, 7 ноября), во-вторых, расширения выборки за счет 4—14-и случайных выпусков.

Мы предполагаем, что в текстах будет преобладать эксплицитная положительно-поляризованная оценка эстетической, утилитарной, нормативной [Арутюнова, 1988: 75—76] или индикаторной [Николаева, Степанов, 2025: 83] семантики. Отдельно должны быть классифицированы оценочные высказывания, в которых объект оценки национально специфичен (связан с личностью/деятельностью (советского) немца). Несмотря на то, что газетный дискурс нередко выступает объектом лингвистического исследования, выбор оптики для его анализа затруднен формальной и тематической неоднородностью текстов; в качестве компромиссного решения фокус может смещаться со всего газетного дискурса на один из субдискурсов. Мы не считаем подобное решение оптимальным для нашего материала, поскольку анализ структуры и семантики оценочных высказываний не всегда требует жанровой однородности. Мы сконцентрируемся на всех текстах редакторского субдискурса по [Bell, 1991].

Для изучения языковой оценки в текстах исследования использовался метод контент-анализа, который позволяет рассмотреть и классифицировать оценочные высказывания с формальной, прагматической и семантической точки зрения. На формальном уровне выделялись эксплицитные и имплицитные оценки. Специфика оценочных высказываний в текстах газетного дискурса заключается в фиксированности позиции субъекта. В таком случае говорят о коллективном субъекте, под которым понимается совокупность представителей символической элиты (по М. Фуко), а также любой актор, идеологически примыкающий к ним (в условиях тотальной цензуры — практически любой актор).

Литература:

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
Кондратенко П. И. Коммуникативно-прагматический потенциал высказываний с маркерами верифицированного знания в немецкоязычном лингвистическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. 17 (2). С. 254—270.
Николаева А., Степанов Е. С. Положительная и отрицательная оценочность в экономическом дискурсе (на материале текстов Российско-германской внешнеторговой палаты) // Сборник статей IV международной научной конференции СНО СПбГУ. 2025. С. 81—84.
Bell A. The Language of News Media. Oxford, 1991.

Демидова Полина Александровна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Народная сказка на уроках иностранного языка

Современная методика преподавания иностранных языков ставит перед педагогами задачу поиска материалов, способствующих не только языковому, но и социокультурному развитию учащихся. В этой связи особый интерес представляет сказочный дискурс — один из первых и наиболее доступных для восприятия типов дискурса, с которым человек сталкивается с детства. Существует огромное количество различных точек зрения при рассмотрении понятия дискурса, однако в лингвистике дискурс сказки рассматривается в рамках социолингвистического подхода как разновидность персонального (личностно-ориентированного) бытийного дискурса [Карасик, 2002: 199]. Вслед за Н. Н. Мироновой, мы определяем сказочный дискурс как систему культурных кодов, обеспечивающую передачу социального опыта и ценностей от поколения к поколению [Миронова, 2007: 23]. К его ключевым признакам относятся эпичность, дидактичность, эстетичность, установка на вымысел и наличие чуда, что отличает его от легенд и былин, являющихся периферийными жанрами [Астафурова, Акименко, 2007: 130]. Основные функции сказки — развлекательная, воспитательная и культурно-этническая — имеют прямое отношение к социокультурному аспекту развития личности. Использование народных сказок на уроках иностранного языка позволяет комплексно развивать компоненты иноязычной коммуникативной компетенции [Гальскова, Никитенко, 2004: 240]. Мотивационный компонент реализуется через увлекательный сюжет, когнитивный — через знакомство с бытом, традициями и системой ценностей страны изучаемого языка, поведенческий — через речевую деятельность на основе сказочных сюжетов. Более того, сравнительный анализ русских и английских народных сказок (напр., образов Иванушки и Джека, персонажей русского и английского фольклора) позволяет учащимся выявить как универсальные моральные ценности, так и национально-специфические черты. Таким образом, комплексы упражнений, созданные с использованием народных сказок в образовательном процессе на начальном и среднем этапах обучения помогают учащимся расширить свой кругозор, развить уважение к другой культуре, усвоить новые ценности и знания.

Литература:
Астафурова Т. Н., Акименко Н. А. Лингвокультурное пространство англосаксонского сказочного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2007. № 6. С. 130—136.
Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н. Теория и практика преподавания иностранных языков. Начальная школа. М., 2004.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. Миронова Н. Н. Дискурс — анализ оценочной семантики. М., 2007.

Зайчик Михаил Леонидович
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Англо-латинское переключение кодов в среднеанглийской религиозной лирике XIV—XV вв.

Под «среднеанглийской лирикой» традиционно понимается весь корпус коротких стихотворений, написанных в этот период на английском языке. В рамках этого корпуса заметную роль играет лирика религиозная, обычно представляющая собой пересказ библейских сюжетов или молитвенное обращение к Богу. Она не только возникает в результате перенятия и адаптации континентальной традиции, но и фактически долгое время сосуществует в едином поэтическом пространстве со стихотворениями на латинском и англо-нормандском языках. В такой ситуации англо-латинские переключения не кажутся неожиданными, однако анализ их причин и целей остается самостоятельной интересной задачей.

Частотность и разнообразие англо-латинских переключений в среднеанглийской литературе обусловливают существование самостоятельного направления исследований, посвященного этой проблематике. Природа латинских фрагментов в английских текстах получает разное объяснение в зависимости от материала и точки зрения исследователя: к примеру, Т. Мейкан [Machan, 2011], рассматривая проповеди и длинные поэмы, видит в них риторический жест. Другие авторы говорят в первую очередь о коротких стихотворениях: переключения в них объясняют непереводимостью сакральных текстов, стремлением привлечь внимание читателя и даже существованием особого двуязычного сообщества, для которого подобный стиль был способом поддержания идентичности. Г. Шендль [Schendl, 2015] считает большинство переключений непредсказуемыми и необязательными.

Представляется, что говорить о едином принципе, который бы с точностью объяснял все случаи латинских фрагментов в среднеанглийской религиозной лирике, не удается. Более продуктивным подходом может оказаться обнаружение в некотором числе текстов всех латинских элементов, их анализ и классификация с выделением для каждой группы возможных оснований для переключения. Именно такой подход мы избрали в нашей работе: были взяты 135 стихотворений, датируемых XIV в., и 100 стихотворений, датируемых XV в., из которых в 12 и 35 соответственно были обнаружены латинские фрагменты. Далее все обнаруженные случаи были классифицированы. Большую часть составили фрагменты, занимающие в английских стихотворениях конкретное структурно заданное место (чаще всего в начале или конце строфы или всего стихотворения; текст может быть одним и тем же (напр., *Mane nobiscum, domine!* ‘Останься с нами, Господи!’) или каждый раз разным). Вероятно, такие стихотворения составляли особый «жанр», и появление в них латинских фрагментов чаще всего объясняется композиционно, а не содержательно. Небольшую группу составили цитаты, специально обозначенные как таковые авторами текстов (напр., *Ave* ‘здравствуй’). Наконец, наиболее интересные случаи — те, в которых латинский текст оказывается непосредственно вплетенным в английский, т. е. можно говорить о переключениях *per se* (мы обнаружили 6 таких случаев, напр., *he was amabilis domino* ‘он был любезен Господу’).

В докладе будет представлено исчерпывающее обсуждение всех групп и промежуточных случаев, а также особенностей ряда отдельных стихотворений и переключений.

Литература:

Machan T. W. The visual pragmatics of code-switching in late Middle English literature // Code-Switching in Early English. Berlin; Boston, 2011. 303—334.
Schendl H. Code-switching in early English literature // Language and Literature. 2015. 24 (3). 233—248.

Ильина Ксения Андреевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Языковой портрет главного героя повести М. Делибеса «El príncipe destronado»

Новизна данной работы заключается в составлении детальной речевой характеристики главного героя повести М. Делибеса «El príncipe destronado» Кико с лингвистической точки зрения и формировании его языкового и психологического портрета. Речевая характеристика представителя национально-культурного сообщества в нашей работе была проведена относительно функциональных черт речи ребенка, выделенных Ж. Пиаже [Пиаже, 2008: 10]. Две основные группы — эгоцентрическая и социализированная речь, которые в свою очередь делятся на подтипы. В ходе составления языкового портрета главного героя повести Делибеса были найдены примеры каждого из подтипов. Кроме того, одной из характерных черт детской речи является наличие разного рода языковых ошибок, которые в ходе развития ребенка становятся менее частотными [Елисеева, 2005: 19—25].
В ходе работы сделан упор на выявление грамматических ошибок. Напр., это неверное образование формы сложного глагольного времени и употребление в неправильном порядке прямого и косвенного дополнения: *Hoy no me hecho pis en la cama, Como no me se hace bola…*
Следующей важной чертой, отраженной в языковом портрете, считается развитие у ребенка с возрастом метаязыковой деятельности, что доказывает наличие у индивида богатого воображения. Напр., главный герой апеллирует к образам Фемия из поэмы Гомера «Одиссея» (*Es Femio, Vito?*) и героям сказки «Белоснежка и семь гномов» (*La mesa de los enanitos*), проводя параллели с реальной жизнью.
Еще одним доказательством высокого уровня развития речи главного героя является его способность к иронии. Он чувствует раздражение матери из-за повторения им одной и той же фразы, но при этом продолжает ее использовать еще больше: *Verdad, mamá que no te gusta que diga “verdad, mamá”; verdad, mamá?*
Главный герой не всегда отличает переносный смысл от буквального, что создает комичные ситуации. Особенно ярко Кико реагирует на фразеологизмы, связанные с животными. Напр., это фразы *¡Madre qué día más perro!*, которую одна из нянь произносит, реагируя на плохую погоду, и фразеологизм *¿Está mosca?*. Этот вопрос задает Доми в диалоге с Виторой, когда обе героини, прислушиваясь, предполагают, что Кико что-то замышляет. Анализ примеров, подобранных для каждого из аспектов, раскрывающих языковую личность ребенка, позволил составить подробный языковой и психологический портрет главного героя повести.

Литература:
Елисеева М. Б. Развитие речи ребенка: взгляд лингвиста // Логопед. 2005. 4. С. 18—28.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 2008.
Delibes M. El príncipe destronado. Barcelona, 1985.

Канбарова Лейла Канбаровна
магистрантка 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Использование англоязычной юмористической прозы как средства развития социокультурной компетенции бакалавров-лингвистов

В современных условиях иноязычного образования особое значение приобретает социокультурная компетенция как важное условие формирования вторичной языковой личности. Названная компетенция включает знания ценностей, норм поведения и умение интерпретировать явления иной культуры в процессе межкультурного взаимодействия [Елизарова, 2005]. Ввиду этого актуализируется поиск эффективных способов развития искомой компетенции.

Актуальность работы обусловлена необходимостью поиска действенных методов развития названной компетенции и потребностью в обучении студентов «декодированию» культурных особенностей, отраженных в иноязычных юмористических текстах. Анализ данной литературы требует изучение подтекста, прагматики и стилистики, тем самым раскрывая специфику менталитета представителей культуры Англии и исторические реалии.

Цель исследования — обоснование лингводидактического потенциала английской юмористической прозы как средства формирования социокультурной компетенции бакалавров-лингвистов. Произведения английских писателей П. Г. Вудхауса и Джерома К. Джерома послужили материалом исследования. Для достижения цели использовались источники, посвященные проблеме формирования и развития социокультурной компетенции, специфики интерпретации юмора и отбора содержания обучения для развития искомой компетенции. Использовались методы лингвостилистического анализа и анализа иноязычной художественной литературы.

Аутентичные художественные тексты позволяют студентам соотнести языковые единицы с социокультурными явлениями, что подтверждается исследованиями, направленными на раскрытие роли подобных материалов в обучении [Жамбылкызы, Молотковская, 2021]. Юмор же способен демонстрировать национальные особенности и раскрывать ценностные представления общества.

Юмористический текст представляет форму коммуникации, в которой используются разные стилистические средства для создания экспрессивного, комического эффекта [Телятникова, 2009].

Тщательный анализ литературных произведений Вудхауса и Джерома показал, что юмористическая проза позволяет определить особенности английского менталитета и исторические реалии. Описываемый юмористических эффект создается с помощью литературных тропов, стилистических приемов и через специфику лексико-грамматических средств (*perfectly horrible* ‘идеально ужасно’, *idling — strong point* ‘праздность — сильная черта’, *to be keen on (jute)* ‘держаться за волокно как за единственную надежду’ и др.). Работа с подобными произведениями предполагает комплексный анализ: извлечение социокультурной информации из текстов, создание социокультурных портретов представителей других культур и развитие социокультурной наблюдательности.

Таким образом, интегрирование англоязычной юмористической прозы в обучающий процесс способствует развитию социокультурной компетенции в целом, и знаниевого компонента, в частности. Эмоциональная выразительность юмора повышает мотивацию к изучению языка и способствует эффективному усвоению материала.

Литература:

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2005.
Zhambylkyzy M., Molotovskaya O. V. Authentic materials in teaching English // Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. 2021. 138—147.

Телятникова О. Н. Художественный текст комической направленности в аспекте его интерпретации // Известия самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. 4 (6). С. 1613—1618.

Каранова Виктория Эдуардовна
магистрантка 2 курса
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Функционально-прагматический аспект англоязычных газетных заголовков

Газетный заголовок является специфическим средством коммуникации. В рамках публицистического дискурса газетный заголовок имеет определенную цель, а также выполняет ряд определенных функции. Исходя из этого, целью исследования является изучение функционально-прагматических особенностей англоязычного газетного заголовка. Цель исследования обусловлена актуальностью изучения функционально-прагматической стороны заголовка в связи с постоянно растущим и увеличивающимся влиянием и воздействием СМИ на общество. Материалом исследования служат заголовки статей англоязычных газет. Исследование реализовалось посредством таких методов исследования как анализ, обобщение и систематизация полученных данных, классификация, сравнение исследуемых явлений, метода сплошной выборки. Общепринято выделять информативную и экспрессивную функции газетного заголовка, однако лингвисты, наряду с традиционными, также выделяют такие опции как коммуникативную, графически-выделительную, аппелятивную, номинативную, рекламную и др.
Рассмотрим несколько функций и проиллюстрируем их примерами.
1. Коммуникативная функция. Является одной из фундаментальных, поскольку она лежит в основе любого взаимодействия между автором (в лице СМИ) и читателем. Коммуникативная функция охватывает весь процесс взаимодействия: от момента первого контакта до направления мысли читателя в нужное русло: *Brexit: How the UK is leaving the EU. 5 Proven Ways to Boost Your Productivity: Don't Miss It!*
2. Апеллятивная функция. Данная функция наиболее четко проявляется в статьях, пропагандирующих ту или иную идеологию, в тех случаях, когда необходим призыв аудитории к определенным идеям, взглядам, мыслям. Такая функция заголовка, в большинстве случаев реализуется посредством риторического вопроса или побудительного предложения: *Will the government finally address the housing crisis? Are we ready for the next pandemic?*
3. Рекламная функция. Как видно из названия, заголовки с реализацией данной функции особо используются для статей рекламного содержания: *Transform Your Life with Our Revolutionary Health Program; Philip Morris. Universal Taste of Lightness.*
Структурный тип газетного заголовка обусловлен особенностями его построения на лексико-синтаксическом уровне и характером компонентных связей заголовка на грамматическом уровне. Анализируя прагматические особенности газетного заголовка важно отметить его манипулятивную характеристику. Манипуляция, осуществляемая посредством заголовка, позволяет не только передать информацию читателю, но и косвенно воздействовать на его эмоции, ощущения, оценочность, мировоззрение. Для усиления прагматики газетного заголовка и ее эффективности, часто применяется ряд грамматических средств в рамках телеграфного стиля, который характеризуется стилистически четкими, компактными данными, т. к. прагматическая составляющая восприятия газетного заголовка напрямую связана с когнитивной экономией — читатель стремится получить информацию как можно быстрее, понятнее и запоминающееся. В результате исследования функционально-прагматического аспекта газетного заголовка,

были сделаны выводы, что его основной задачей является оперативная и эффектная передача информации, каждый тип заголовка несет определенный функционал, имеет свои особенности воздействия на аудиторию.

Керимова Екатерина Тофик кызы
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Интертекстуальность как инструмент политического и социального дискурса в современных англоязычных фильма

В современной лингвистике интертекстуальность рассматривается не только как литературоведческая категория, но и как универсальный механизм смыслопорождения, участвующий в формировании политических и социальных дискурсов. В условиях роста количества аудиовизуальных материалов интертекстуальные отсылки становятся эффективным средством конструирования ценностей и воздействия на аудиторию. Цель — выявить и систематизировать интертекстуальные средства, участвующие в формировании политического и социального дискурса в современных англоязычных фильмах. Новизна заключается в комплексном анализе интертекстуальных механизмов в кинотексте. Для понимания механизмов функционирования интертекстуальности необходимо определить ключевые понятия. Согласно подходам М. Фуко [Фуко, 1996] и Т. ван Дейка [van Dijk, 2008], дискурс — это социальная и исторически обусловленная коммуникативная практика, которая не только отражает, но и активно конструирует реальность. Политический дискурс — идеологически насыщенная коммуникация, нацеленная на получение влияния путем формирования картины мира, ключевыми характеристиками которого являются аксиологичность и мифологичность. Социальный дискурс — исторически и культурно обусловленная практика социальных отношений, норм и коллективных идентичностей внутри языка, ключевой функцией которой является конструирование противоположностей внутри межличностных отношений для скрепления социума. По определению Ж. Женетта [Genette, 1982], интертекстуальность — это свойство текста, обеспечивающее его диалог с культурной и политической традициями при помощи цитат, аллюзий, реминисценций. Источником языкового материала являются англоязычные фильмы XX—XXI вв., отобранные по принципу наличия интертекстуальных компонентов, раскрывающих элементы политического и социального дискурсов: «Молчание ягнят» (1991), «Ганнибал» (2001), «Адвокат дьявола» (1997), «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» (2017), «Район № 9» (2009), «Черный лебедь» (2010), «Линкольн» (2012) и др. Анализ самых показательных примеров: в реплике Ганнибала Лектера *You look like a rube… you're not more than one generation from poor white trash* содержится аллюзия на классовую структуру США. Концепт *white trash* снижает социальный статус героини, вскрывая механизмы классового воспроизводства, интертекстуальность выступает инструментом политического дискурса. Другой пример: *I can't make you do this, Clarice. It's not in the rules. But I'm asking you* — использованная реминисценция демонстрирует важную роль модели институциональной власти в контексте социального дискурса. В ходе дискурс-анализа и функционально-прагматического анализа выявляется механизм функционирования интертекстуальности. Из этого следует — интертекстуальные отсылки позволяют компактно транслировать сложные социальные концепты, показывая их в условиях, которые понятны массовой аудитории, вызывая связь со зрителем. Интертекстуальность в кино выступают инструментом укрепления политических позиций и конструирования социальных архетипов, что позволяет выстраивать культурные формы.

Литература:

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degree. Paris, 1982.
Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach. Cambridge, New York, 2008.

Кислина Марина Юрьевна
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

Использование художественных текстов при обучения иностранному языку в начальной школе с позиции вальдорфской педагогики

В современной лингводидактике делается акцент на изучение языка в контексте с человеком, его сознанием, мышлением, духовной и практической деятельностью. В вальдорфской педагогике, опирающейся на положения феноменологии, язык также рассматривается в его отношении к человеку и человеческому переживанию. С момента основания первой Вальдорфской школы в 1919 г. Р. Штейнер много говорил о том, что в жизни человека художественная речь играет важную роль, и указывал на необходимость использовать ее в воспитании. Были разработаны речевые упражнения, которые составили основу нового искусства — искусства речи (*Sprachgestaltung*). В связи с вышесказанным представляется целесообразным обратиться к вальдорфскому педагогическому опыту использования художественных текстов в обучении иностранному языку в начальной школе.

Художественные тексты обладают ярко-выраженной эстетической функцией, пробуждают чувства и эмоции учащихся, формируя у них тем самым духовно-ценностное отношение к действительности; способствуют целостному развитию личности и формированию мотивации к изучению иностранного языка. Богатый непосредственный опыт переживания художественной речи закладывает основы образования чувства языка, что является предпосылкой полноценного формирования речевых навыков и умений, становления красивой, правильной и культурной речи, способности выражать свои мысли на иностранном языке. Работа с художественными текстами позволяет комплексно решать языковые и культуроведческие задачи. Текст художественного произведения одновременно является фактом культуры и образцом иноязычной речи: отражает ценности, языковую картину мира и ментальность народа; служит языковой наглядностью, способствуя тем самым эффективному формированию навыков; выступает источником языковых знаний и материалом для повышения речекоммуникативной деятельности учащихся.

Вышесказанное позволяет определить критерии отбора художественных текстов: коммуникативной целесообразности; общекультурной ценности; учета информации о миропредставлении народа, учета изобразительно-выразительных средств языка, характеризующих ключевые слова по теме общения; учета наличия экстралингвистических условий, являющихся основой потенциального содержательного диалога; фонетической выразительности. В вальдорфской педагогике в начальной школе предпочтение отдается стихотворным текстам, также используются сказки, басни, легенды о святых. Работа с художественными текстами позволяет задействовать аффективную, моторную и образную память учащихся, и включает в себя: а) этап первичного восприятия сопровождаемого жестами и движениями текста (формулируются вопросы, помогающие понять впечатление, произведенное текстом); б) осмысление ключевых образов текста в сравнении с образами, возникающими при использовании родного языка (сопровождаемое рисованием); в) выразительное чтение с жестами и движениями (возможно использование кинестетических

мешочков и палочек для работы над артикуляцией, интонацией и ритмом); г) заучивание текста наизусть, его художественное прочтение, драматизация. Работа с художественными текстами на уроках иностранного языка в начальной школе является фактором воспитывающего обучения, мощным стимулом речевого развития ученика, эмоциональной и интеллектуальной сфер его личности, ассоциативно-образного мышления как предпосылки становления логического мышления.

Кныш Кирилл Владимирович
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Аргументативность деклараций о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия

Объектом нашего исследования является аргументация в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия (далее: декларации ВУЦ). Данные тексты представляют собой важную часть документации, необходимой для включения достопримечательностей в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и обладают такими жанровыми свойствами, как информативность, аксиологичность, персуазивность [Шутемова, 2020]. Именно эти декларации размещаются на лицевой странице объекта на сайте Центра всемирного наследия, что делает их своеобразной визитной карточкой достопримечательности. Материалом для анализа послужили 104 декларации DEW Великобритании (35), США (26), Канады (22) и Австралии (21).
Теоретическую основу исследования составили работы по теории аргументации [Eemeren, 2016; Toulmin, 1984], в которых выделяются два основных подхода в классификации аргументов: по формальным признакам и содержанию. В первом случае различают дедуктивные, индуктивные и абдуктивные аргументы. Во втором случае к архетипичным отнесены аргументы от авторитета и причинно-следственной связи, а также симптоматические аргументы. Кроме того, классификация аргументов по содержанию зависит от типа дискурса и жанровой принадлежности текста.
В результате исследования было установлено, что декларации ВУЦ имеют комплексную аргументативную структуру, в рамках которой доводы направлены на доказательство следующих тезисов: 1) объект обладает ВУЦ, 2) свойства, отражающие ВУЦ объекта, сохранены, 3) объект является аутентичным (требуется только для некоторых видов объектов), 4) объект удовлетворяет требованиям к охране объекта и управления им. Для анализа такого разнообразия тезисов была выработана специальная типология аргументов. напр., в декларации об обсерватории Джодрелл-Бэнк главным доводом в пользу обладания этим объектом ВУЦ является аргумент «влияние на остальной мир». Этот вид аргументации предполагает установление прямой или косвенной связи между достопримечательностью и чем-то или кем-то выдающимся. В декларации утверждается, что научные изыскания в этой обсерватории привели к перевороту в нашем понимании космоса, поскольку она, в отличие от обычных обсерваторий, позволяла исследовать электромагнитный спектр. Лексическими индикаторами непосредственной связи являются наречия (*directly, tangibly*), глагольные конструкции (*led to*, *resulted in*, *associated with*), пространственные маркеры (*at the property*). Оценочная лексика актуализирует мысль о масштабности влияния обсерватории на изучение Вселенной. Так, прилагательные *outstanding*, *revolutionary* и наречие *dramatically* свидетельствуют о трансформации констатации факта в суждение о ценностях: обсерватория позволила сделать открытия, важные для всего человечества. В целом исследование доказывает, что с помощью аргументации в декларациях ВУЦ происходит концептуализация национально-культурного как универсально значимого.

Литература:
Шутемова Н. В. Жанровые характеристики декларации ЮНЕСКО о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия в лингвостилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, 2. С. 52—62.
Eemeren F., Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies. Hillsdale, 2016.
Toulmin S., Rieke R., Janik A. An Introduction to Reasoning. New York, 1984.

Кожевникова Галина Евгеньевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Реализация эстетической функция языка на примере искусствоведческого дискурса Ирландии

Несмотря на то, что изучение искусствоведческих текстов связано в первую очередь с их содержанием, будь то интерпретация творческой деятельности, биография художника или описание характерных черт направления в искусстве, нельзя не отметить языковое оформление данных работ. В силу многогранности и неоднозначности посыла творческих произведений, ключевой особенностью текстов искусствоведческого дискурса является вариативность толкований и включение в текст специальной лексики. Речь идет не только о функционально-стилистически окрашенных словах, но и о средствах словесной образности. Так, А. П. Булатова пишет: «Современная критика об искусстве носит иной характер: авторы спорят, спрашивают, убеждают, предлагают различные толкования, прибегая к самым различным художественным средствам. Они могут носить форму диалога с читателем, нести черты разговорной речи, быть экспрессивными... использовать стилистические средства...», цит. по [Янбулатова, 2008: 179]. Эстетическая функция является преобладающей характеристикой художественных произведений, хотя нередко находит отражение и в текстах других функциональных стилей, где реализуется через изобразительность речи. Согласно определению «Словаря лингвистических терминов», эстетическая функция языка — «назначение языка выступать как средство выражения творческих потенций человека, соотносимое с эстетическими категориями прекрасное — безобразное» [Жеребило, 2010: 469].
Так, ирландские критики описывают работы соотечественников следующим образом. Наделяя природные элементы человеческими качествами с помощью олицетворения *A skyline distinctly Irish in temperament…*, автор подчеркивает особое отношение ирландцев к природе. Через сравнение *…so that the two small figures collecting shells or mussels on the shoreline become minute actors on a sweeping stage* [Dermody et al., 2007: 24] мы можем проследить, как критик позволяет реципиентам погрузиться в атмосферу полотна так, как если бы они находились в едином хронотопе с наблюдателем, тем самым дополняя объективные сведения дополнительными художественными элементами и, следовательно, оказывая эстетическое воздействие на читателя в дополнение к прагматической установке, заложенной в тексте. Использование в предложении *The sea breeze can almost be tasted* глагола *tasted*, относящегося к работе одного из органов восприятия, также создает впечатление присутствия читателя в месте разворачиваемого действия.
Подводя итог, следует подчеркнуть, что, будучи неоднородным по своей природе феноменом, искусствоведческий текст требует не только включения фактической информации, но и передачу релевантной для живописца или эпохи эстетической парадигмы, поскольку осмысление мира через художественные образы неразрывно связано с более точным и глубоким пониманием авторской идеи. Национально-специфические

произведения искусства требуют задействования средств выразительности в еще большей степени ввиду необходимости трансляции при помощи текста колорита, присущего той или иной культуре.

Литература:
Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Нарзань, 2010.
Янбулатова Л. В. Специфика искусствоведческого текста как средство формирования коммуникативной культуры личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 178—184.
Dermody B., Fay B., Kelly N. A. Art-Watching. Limited Edition Art Book. Dublin, 2007.

Корабельников Иван Андреевич
студент 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Речевые стратегии манипуляции и контрманипуляции в рассказе Дж. Ганна «Где бы ты ни был»

В настоящем докладе рассматриваются приемы речевого манипулирования и противодействия на материале фантастического рассказа американского писателя Дж. Ганна «Где бы ты ни был» (1953; в некоторых изданиях обозначается как повесть). Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований по данному тексту, а также интересом лингвистики к механизмам вербального воздействия в ситуациях асимметричной коммуникации, когда один из основных участников дискурса обладает экстралингвистическими преимуществами.

Объектом изучения выступают диалогические фрагменты рассказа, внутренняя речь главного героя, а также интертекстуальные включения в «поток сознания», функционирующие как инструменты контрманипуляции. Особенность текста заключается в том, что его центральный коммуникативный конфликт развивается на фоне постепенного раскрытия паранормальных способностей одного из персонажей, что переводит речевое противостояние из внешней, устной формы в область внутренних, ментальных процессов.

Ключевым предметом анализа является сопоставление двух видов дискурса, представленных в рассказе. Главный герой, Мэтт, — научно-рациональный тип — стремится классифицировать, объяснить и подчинить все происходящее логике эксперимента, что проявляется в провокационных и дистанцирующих вопросах, соотношении уникального опыта с психологическими терминами, систематических поправках, нивелирующих языковые особенности речи собеседника. Его оппонент, Эбби, демонстрирует тактики бытового и эмоционального дискурса, апеллируя к чувству, состоянию и интуиции, на которых также основаны ее сверхъестественные навыки.

По мере развития сюжета происходит смена позиций. Усиление манипулятивного давления со стороны Мэтта оборачивается против него, выводя контрманипуляцию Эбби на новый уровень. Она проникает в его внутренний монолог, что выражается во внезапных вторжениях в сознание главного героя повторяющихся интертекстуальных элементов, функционирующих как маркеры утраты речевого контроля. В финале текста стратегия Мэтта претерпевает значительное изменение, заключающееся в отказе от рационального дискурса, что приводит к разрешению конфликта.

В рамках проведенного исследования можно говорить о том, что в рассказе Ганна «Где бы ты ни был» противостояние различных картин мира, выраженных в коммуникативных ситуациях, перерастает в борьбу за контроль над способностью к речи и мышлению. Приемы и тактики, используемые центральными персонажами, выходят за рамки традиционного диалога, захватывая сферу подсознания, а интертекстуальность становится

не только совокупностью культурных реминисценций, воссоздающих атмосферу времени и места действия, но и эффективным методом установления доминирования в дискурсе.

Куркина Арина Сергеевна
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

LLM и интерпретация политических текстов: возможности и ограничения

Большие языковые модели (LLM) значительно расширили возможности автоматизированного анализа текстов, включая тематическое моделирование, контент-анализ и аннотирование корпусов. В то же время критический дискурс анализ (КДА) основан на пристальном чтении и интерпретации, что делает анализ больших корпусов трудоемким и долгим процессом [Curry et al., 2024]. В связи с этим возникает вопрос, насколько надежно LLM способны воспроизводить результаты КДА при работе с политическими текстами. Под надежностью понимается согласованность извлеченных моделью компонентов сценария с результатами ручного извлечения по полноте, категориальной точности и сохранению причинно-следственных и идеологических связей. Материалом исследования послужил корпус предвыборных текстов британских политических партий периода парламентской кампании 2024 г. (154783 слова). Анализ основан на выделении компонентов сценария: проблемной ситуации (Negative Condition), виновных (Wrongdoers), жертв (Victims), ответственных за решение проблемы (Responsible Actors) и желаемого результата (Desirable Outcome). На первом этапе элементы сценариев извлекались вручную и фиксировались в таблице, на втором этапе аналогичная процедура была выполнена с использованием GPT-4-o-mini. Полученные результаты были сопоставлены для выявления систематических расхождений.

Качественный анализ показал, что LLM не способны выявлять содержательную природу компонентов сценария. Ниже рассмотрим отдельные примеры на материале сценариев партии Sinn Féin, однако выявленные тенденции носят систематический характер. Для начала, модель выделяет компоненты по ассоциативному принципу. Так, намерение партии продолжить развитие Ольстерского университета, представленное в текстах как последовательная реализация положительных инициатив в интересах населения (the strong Sinn Féin team to expand Magee), интерпретируется моделью как обвинение предыдущих акторов в бездействии (Previous administrations did not prioritize Magee's expansion). Кроме того, нарушается категориальная строгость при выделении компонентов: в список виновных попадают не только лица, виновные в кризисе, но и компоненты проблемной ситуации (Ineffective policies, Lack of prioritization for Magee expansion). Кроме того, модель иногда порождает логические противоречия. Так, в списке виновных в отсутствии референдума одновременно указаны British government и Irish government, что создает внутреннее противоречие, поскольку Sinn Féin входит в состав ирландского правительства.

Наконец, игнорируются культурно и политически значимые маркеры идентичности. Призыв голосовать на ирландском языке (*Vótáil Sinn Féin*) является примером ответственных действий: партия целенаправленно обращается к ирландской идентичности избирателей, подчеркивая свою уникальную роль в продвижении этих ценностей. Модель не фиксирует этот компонент.

Таким образом, модель в первую очередь ориентируется на статистические паттерны и оценочность отдельных словосочетаний, а не на логику и причинно-следственные связи в тексте, упускает культурно и политически значимые маркеры и смягчает резкие оценочные формулировки. Поэтому результаты интерпретации LLM требуют критического подхода и экспертной проверки.

Литература
Curry N., Baker P., Brookes G. Generative AI for corpus approaches to discourse studies: A critical evaluation of ChatGPT // Applied Corpus Linguistics. 2024. 4 (1). 1—9.

Минаева Мария Вячеславовна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности реализации стратегий негативной вежливости в англоязычном академическом дискурсе

Проблема изучения вежливости в иноязычном академическом дискурсе приобретает особое значение в условиях интенсивного развития международной научной коммуникации. Увеличение количества англоязычных публикаций и совместных исследований требует глубокого понимания норм речевого поведения, обеспечивающих этически корректное профессиональное взаимодействие, которое может проходить в устной и письменной форме [Hyland, 2009].

П. Браун и С. Левинсон в фундаментальном труде «Politeness. Some universals in language usage» создают комплексную прагматическую модель, в которой вежливость рассматривается как сохранение «лица», т. е. позитивного социального образа, который каждый участник коммуникации стремится поддержать. Авторы различают «негативное лицо» и «позитивное лицо», на основании чего выделяют два соответствующих типа вежливости: позитивную и негативную. Негативная вежливость основывается на дистанцировании (avoidance-based) и направлена на сохранение автономии собеседника, недопустимость вмешательства в его личное пространство или ограничения свободы действий [Brown, Levinson, 1987]. Исследователи называют 10 стратегий дистанцирования, реализация которых будет продемонстрирована на примере речевых актов в рамках устного академического дискурса в случае выступления с научным докладом и последующей дискуссией. Поскольку в такой ситуации возможен речевой акт несогласия, критики, важно научиться применять стратегии дистанцирования с целью смягчения степени коммуникативного давления:

1. Выражайтесь косвенно (Be conventionally indirect): *Would it be possible to comment on the statistical sample?*
2. Задавайте вопросы, будьте уклончивы (Question, hedge): *It seems that the results may indicate a different trend.*
3. Предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие (Give H the option not to do the act): You may of course interpret the data differently, but...
4. Сомневайтесь в возможности или желании адресата выполнить действие (Make minimal assumptions about H's wants): *So perhaps you may have some insights into that?*
5. Будьте пессимистом (Be pessimistic): As to the other part of your question I don't think I can do much justice.
6. Минимизируйте степень вмешательства (Minimize the imposition): I would just like to make a small comment regarding...
7. Представляйте речевой акт как общее правило (State the FTA as a general rule): In this type of analysis, it is generally recommended to...
8. Извиняйтесь (Apologize): *Sorry, I didn't elaborate on it.*
9. Используйте фамилии и титулы (Use family names and titles): *Dr. Johnson,* while I find your argument very interesting, I am not convinced by...
10. Будьте немногословны (Be taciturn).

Примеры реализации указанных стратегий негативной вежливости выявлены на основе

детального анализа иноязычных научных источников по проблеме исследования [Khemlani, 2009: 18—21].
Таким образом, стратегии негативной вежливости необходимы для сохранения профессиональной дистанции и уважения к автономии адресата с целью поддержания корректного и конструктивного научного взаимодействия.

Литература:
Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. London, New York, 2009.
Khemlani M. Discourse strategies and politeness in academic discourse. Language. Text. Society. 3 (1). 2009. 12—25.

Птукян Армен Рубенович
асп.
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ключевые характеристики мотивационного дискурса (на материале русско- и англоязычных мотивационных выступлений)

Целью исследования является выявление и описание характеристик мотивационного дискурса. Научная новизна исследования заключается в уточнении и систематизации понятия мотивационного дискурса как самостоятельного типа коммуникации с доминирующей побудительно-эмотивной интенциональностью. В работе выделен комплекс его вербальных и невербальных характеристик, а также описаны стратегии и тактики речевого воздействия, направленные на мобилизацию внутренних ресурсов адресата.
Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений мотивационных спикеров различных направлений (спортивная, профессиональная, личностная и т. д.), размещенные на цифровых платформах. Была сформирована корпусная выборка текстов мотивационных выступлений и проведен их анализ с использованием дискурсивного, прагмалингвистического и стилистического методов.
Мотивационный дискурс нацелен на вдохновение и направление человеческой деятельности, формирование желаемого поведения или отношения к чему-либо у целевой аудитории, вызов необходимых чувств и эмоций, напр., повышение мотивации, уверенности, доверия и т. д.
Мотивационный дискурс обладает следующим рядом характеристик:
1. Одним из коммуникантов выступает мотивационный спикер — эксперт, стремящийся изменить отношение адресата к действительности и передать аудитории собственный опыт. Напр.: *Я много раз терпел неудачи, но именно они сделали меня сильнее*;
2. Эмоциональность и экспрессивность — описание собственных чувств, эмоций и оценок окружающей действительности соответствующими языковыми единицами: *You are capable of more*, *Don't be afraid to take action*;
3. Использование историй из реальной жизни, сообщаемая информация основана на жизненном опыте оратора с целью вызова рефлексии у адресата: *Когда я потерял работу, я понял, что это шанс начать заново*;
4. Наличие специальной формы коммуникации и особенностей языкового выражения с целью вызвать у аудитории определенные чувства, при этом особенности могут иметь место на разных уровнях языка;
5. Невербальные средства коммуникации (использование жестов, мимики, взгляда для усиления эмоционального эффекта);
6. Адресность (мотивационный дискурс направлен не на абстрактного собеседника, а на

конкретного человека): *Each of you can change your life*;
7. Наличие мотивации, а именно совокупности факторов (потребностей, стимулов, мотивов), стимулирующих адресата на выполнение определенных действий. Напр.: сделайте первый шаг уже сегодня;
8. Развертывание в профессиональных контекстах, мотивационный дискурс может встречаться в жанрах академического, институционального и научно-популярного дискурсов;
9. Сниженная неопределенность вербальных сообщений с целью упрощения передаваемой информации, убеждения аудитории, обучения навыкам, призыва к изменениям;
10. Использование элементов художественного стиля. напр., метафоры и образные выражения: *Ваш страх — это всего лишь стена, которую можно разрушить*.
В результате исследования были выявлены ключевые характеристики мотивационного дискурса, а именно интенциональность, адресность, экспрессивность, нарративность и использование комплекса вербальных и невербальных средств воздействия. Установлено, что мотивационный дискурс ориентирован на трансформацию установок адресата и мобилизацию его внутренних ресурсов посредством специфических стратегий и тактик речевого влияния.

Санина Елена Владимировна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвопрагматическая характеристика средств самопрезентации в переписке О. фон Бисмарка и Вильгельма I

Самообозначения как элемент социального дейксиса, по справедливому замечанию Кл.-Х. Элерса, недостаточно изучены современной лингвистикой, несмотря на то что они играют важную роль в коммуникации, эксплицируя информацию о статусе эмитента и о характере его взаимоотношений с адресатом [Ehlers, 2017: 311]. В эпистолярных текстах XIX в. эта социальносемиотическая функция самонаименований прослеживается с особой ясностью [там же: 313—314].
Материалом настоящего исследования выступает переписка первого канцлера Германской империи О. фон Бисмарка с Вильгельмом I (355 писем) [Kaiser Wilhelm I**.** und Bismarck, 1901]. Лингвистический анализ ограничен рассмотрением самонаименований эмитентов в подписях. С помощью сплошной выборки было выявлено 422 номинальных самообозначения: 128 в письмах Бисмарка и 294 в письмах и маргиналиях Вильгельма. Цель исследования заключается в определении лингвопрагматических характеристик настоящих самообозначений.
В ходе исследования установлено, что Бисмарк при самонаименовании в подписи, как правило, избегает использования развернутых формул, фиксируемых в письмовниках того времени, заменяя их обособленно стоящей фамилией с сокращенной фамильной приставкой: *v. Bismarck*. То же наблюдается у Вильгельма I, часто заключающего письма и маргиналии своим именем либо в сокращенной, либо в полной форме: *W.*, *Wilhelm*, *Ihr Wilhelm*. Исключение составляют подписи в письмах, связанных с поздравлениями, выражением сожаления, соболезнований и т. д., в которых поддержание межличностных отношений выходит на первый план. В таких текстах Вильгельм часто добавляет к своему имени в подписи распространенные или нераспространенные определения *(ewig) dankbarer*, *(treu/stets) ergebener* и/или приложения, выраженные самообозначениями-существительными, либо указывающими на титул (*König, Kaiser*), либо подчеркивающими расположение к Бисмарку (*Freund*), напр.: *Ihr ewig dankbarer König und Freund Wilhelm*. Бисмарк и в таких письмах использует вышеуказанную подпись *v. Bismarck*, только

однажды дополняя ее распространенным приложением: *Eurer Majestät treugehorsamster Diener v. Bismarck*.
Частый отказ от формульных элементов самонаименования в подписи, выполняющих фатическую функцию и отвечающих за отражение социального положения коммуникантов, объясним характером переписки Бисмарка и Вильгельма I, основным предметом которой были вопросы функционирования государственного аппарата, а также задачи внешней и внутренней политики. К тому же в определенных случаях складывающаяся коммуникативная ситуация требовала оперативного обмена информацией для своевременного принятия решений, что приводило к отказу от формальных элементов эпистолярного текста, а в некоторых случаях к замене полноценного ответа маргиналиями на полях полученного адресатом письма, которое потом возвращалось отправителю.

Литература:
Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. Kaiser Wilhelm I. und Bismarck. Stuttgart, Berlin, 1901.
Ehlers Kl.-H. Selbstbezeichnungen in Briefen des 19. und 20. Jahrhunderts. Ein Kommunikationsproblem aus der Sicht zeitgenössischer Briefsteller und Sprachratgeber // Sprache und Beziehung. Berlin, Boston, 2017. 311—338.

Семенова Софья Евгеньевна
студентка 4 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Анализ нарративных модальностей по Д. Лоджу в романе «Если однажды зимней ночью путник…» И. Кальвино

«Если однажды зимней ночью путник…» И. Кальвино (1979 г., издательство «Einaudi») — одно из ключевых произведений литературы постмодернизма, где процесс чтения становится актом интерпретативного соавторства. Ввиду растущего интереса к интерактивным формам искусства (напр., визуальные новеллы), актуально обратиться к роману, предвосхитившему игровую логику цифровой культуры.
Цель работы — проанализировать реализацию нарративных модальностей, выделенных Д. Лоджем [Lodge, 1988], и их влияние на формирование особого типа читательского опыта.
В результате исследования установлено, что в романе «Если однажды зимней ночью путник…» Кальвино используются все нарративные модальности, однако у каждой из них есть свои особенности.
Благодаря пермутации или чередованию, т. е. отказу от классической модели повествования, где из множества возможностей автор выбирает лишь одну, становится возможным разрушение иерархии сюжетов, где каждая интерпретация может быть истинной или ложной, в зависимости от читательской логики.
Следующая модальность — дискретность, т. е. прерывистость повествования, больше напоминающая прием jump cut в кино, когда несвязанные друг с другом фрагменты сталкиваются без связующего перехода, также продолжает эту линию, поскольку вынуждает читателя конструировать связность там, где ее нет.
Если две предыдущие модальности создают лабиринт смыслов, то случайность превращает его в лабиринт без центра, создавая почти бартовский эффект нагромождения концепций.
Однако за кажущимся абсурдом скрывается четкая структура, приводящая читателя к главной теме всего романа: отождествление процесса чтения проживанию жизни, где одновременно и все читатели, и все люди оказываются путниками, которые никогда не узнают, что их ждет в самом конце истории, пока этот конец не наступит.
К этой же теме отсылает и противоречие, через демонстрацию невозможности

достоверного, логически цельного высказывания в современном литературном дискурсе, вовлекающего читателя в игру интерпретаций без стабильных ориентиров; т. е. текст становится не объектом, но средой, в которой постоянно сталкиваются несовместимые регистры, значения и коды так же, как и в жизни.
Тем не менее, как и во многих своих текстах, Кальвино и здесь не уходит в серьезность и спешит напомнить, что все это — всего лишь игра, в чем ему помогает избыточность, которая создает эффект комического и иронического переизбытка, раскрывает сам язык как игровую стихию и, снова обращаясь к фигуре читателя, отражает сознание современного читателя, ищущего смысл в перегруженности информацией.
Последняя модальность — короткое замыкание — расширяет диапазон роли читателя: он становится не только соавтором романа, но и одновременно его персонажем и отстраненным обозревателем, наблюдающим не только за героями и их процессами чтения, но и за собственным чтением. Это нарушение границ между реальным миром и текстом в финале романа приводит к эффекту метанарративного и возвращает читателя к рефлексии над самой природой литературы.
Все вышеобозначенные модальности используются в романе для создания многовариантности интерпретации и превращения чтения в пространство диалога между индивидуальным опытом и коллективной памятью, в форму когнитивного и культурного самопознания.

Литература:
Lodge D. The Modes of Modern Writing. Metaphor, Metonymy, and the Typology of Modern Literature. London, 1988.

Ситников Григорий Алексеевич
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

Сказочный дискурс в контексте формирования иноязычной лингвокультурной компетенции

Анализ знаний и умений, входящих в лингвокультурную компетенцию, позволяет говорить не только о прагматическом, но также и аксиологическом или ценностном аспекте овладения иностранным языком. Ярко выраженная аксиологическая направленность сказочного дискурса позволяет считать его потенциальным средством реализации межкультурного компонента иноязычного образования.
В рамках настоящего исследования были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть основные характеристики сказочного дискурса с точки зрения его потенциального использования в формировании лингвокультурной компетенции; 2) соотнести особенности сказочных текстов с признаками аутентичного языкового материала; 3) рассмотреть сказки как категорию текстов на предмет соответствия методическим критериям для отбора содержания обучения межкультурному иноязычному общению; 4) проанализировать педагогический опыт использования сказочных текстов с целью формирования лингвокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку.
Такие качества сказочного дискурса как эпичность, эстетичность и развлекательность позволяют говорить о его дидактическом потенциале в современном иноязычном образовании. Из всех фольклорных произведений сказочные тексты обладают наибольшим количеством признаков аутентичности. Тексты сказок также соответствуют большинству методических критериев для отбора содержания обучения межкультурному иноязычному общению.
Тем не менее, анализ педагогической литературы показывает, что в процессе изучения

иноязычных сказок остается нереализованным ряд методических принципов, связанных с межкультурным компонентом обучения иностранному языку. Иноязычные сказочные тексты нередко используются для формирования у учащихся языковых умений, в то время как культурологическое содержание данных текстов зачастую остается незатронутым. Данное обстоятельство значительно сужает потенциал сказочного текста как методического средства изучения английского языка.
Можно сделать вывод, что для полноценного формирования лингвокультурной компетенции необходимо не просто использовать тексты сказок в качестве аутентичного языкового материала, но и задействовать определенные элементы сказочного дискурса как такового. Народная сказка, будучи ядром данного дискурса, может рассматриваться не только как текст, способствующий практическому освоению иностранного языка, но и как материал, позволяющий одновременно реализовывать культурологический компонент обучения и осуществлять воспитательную функцию иноязычного образования. Представляется необходимым целенаправленно уделять внимание культурно-специфичному наполнению сказочных текстов, что позволит в более полной мере реализовать такие методические принципы иноязычного обучения, как лингвокультурная направленность, учет родного языка и сопоставительное изучение. Следование обозначенным принципам обучения лежит в основе успешного формирования иноязычной лингвокультурной компетенции.

Тумановский Антон Артурович
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование образа героя в норвежских уличных балладах на примере баллады о П. Торденшельде

В данной работе рассматривается формирование образа героя в рамках патриотического дискурса норвежских уличных баллад. Материалом исследования является норвежская уличная баллада XVIII в. под названием «Den berømmelige og tapre Norske Søe-Helt Peder Tordenskiolds Levnets Beskrivelse» («Описание жизни известного и смелого норвежского морского героя Педера Торденшельда») [Skillingsvisene]. Норвежские уличные баллады являются уникальным источником в рамках скандинавистики. Они представляют собой особый вид медиума, существовавший в Норвегии в период Нового Времени. Методом исследования является дискурс-анализ. Суть данного исследования состоит в выявлении конкретных дискурсивных элементов и приемов благодаря которым в балладе создается патриотический образ героя. Патриотический дискурс представляет собой часть политического дискурса, выражаемого в т. ч. в медиа, связанного с формированием чувства любви к родине и призывом к деятельности, приносящей выгоду властям. Среди норвежских уличных баллад выделяются патриотические песни, одной из главных задач которых во времена унии было привлечение рекрутов в армию. Анализ баллады показывает, что создание образа героя в ней также способствовало выполнению этой задачи. В рамках анализа данной баллады был выделен ряд речевых приемов, используемых для формирования образа героя.
1. Синонимический ряд эпитетов употребляемых по отношению к герою. Так, главным воспеваемым качеством П. Торденшельда является его смелость, что выражается в используемых во всем тексте словах *tapper*, *kiæk*, *bold*, *modig*, *brav*. Эти синонимы можно перевести как ‘смелый’ или ‘отважный’.
2. Эпическая структура повествования. Баллада начинается с описания молодости героя, рассказывает об основных событиях его жизни и заканчивается смертью героя, а также тем, что его ждет вечная слава.

3. Использование военной терминологии. Слово *Tieneste* ‘военная служба’ используется в тексте несколько раз и является причиной успеха героя. В тексте также описываются ступени карьеры героя, от лакея до вице-адмирала, напр., *Og blev Captain-Lieutenant* ‘И стал капитан-лейтенантом’.
4. Особое употребление личных местоимений. К герою применяется личное местоимение *vor* ‘наш’, как в строке *Om vor tapre Tordenskiold* ‘о нашем смелом Торденшельде’. Наряду с эпической структурой, предполагающей рассказ о молодости героя, который происходил из простой норвежской семьи этот прием также выполняет задачу установления четкой ассоциации героя с обычными норвежцами.
5. Метафоры в тексте также направлены на формирование образа бесстрашного героя. Примерами могут быть строки *Han, som Torden var i Kriig* ‘На войне он был грозой’ и *Kuglerne omkring Ham sang* ‘Пули пели вокруг него’. Таким образом, баллада формирует следующий нарратив: обычный уроженец Норвегии, при наличии смелости может вступить в ряды армии и благодаря служению родине добиться высокой должности и вечной славы. Итак, исследование подтвердило, что норвежские уличные баллады являлись инструментом патриотической пропаганды в Норвегии Нового времени.

Литература:
Skillingsvisene — Skillingsvisene.hf.ntnu.no. URL: https://skillingsvisene.hf.ntnu.no/omeka/items/show/48765#?c=&m=&s=&cv=&xywh=-1971%2C-291%2C5422%2C5... (20.01.2025)

Фролова Алина Алексеевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Дискурсивные маркеры планирования и самокоррекции у старшеклассников

Лексико-грамматические навыки рассматриваются как интегративный компонент языковой компетенции, обеспечивающий распознавание и использование лексических единиц в соответствии с их грамматическими характеристиками и коммуникативной ситуацией [Мусаелян, 2011]. На уровне А2 их сформированность предполагает адекватность выбора языковых средств, способность трансформировать усвоенные структуры, использование базовых средств связности и реализацию компенсаторных стратегий в устной речи. Объектом исследования являются дискурсивные маркеры планирования и самокоррекции (*well*, *I mean*, *like*, *you know*, *let me think*, *what I mean is* и др.), функционирующие в разговорном англоязычном дискурсе как устойчивые лексико-грамматические единицы [Schegloff et al., 1977; Павловская, Горина, 2017]. В работе дискурс понимается как коммуникативное взаимодействие, реализуемое в конкретной социокультурной ситуации и включающее языковые и экстралингвистические параметры [Ван Дейк, 1998].
Материал исследования составили устные монологические и диалогические высказывания учащихся 9 класса (уровень А2), полученные в ходе выполнения коммуникативных заданий. Записи были транскрибированы и проанализированы с точки зрения частотности указанных маркеров, их позиционной закрепленности (начало реплики, внутренняя позиция, позиция перед переформулированием), а также особенностей синтаксического окружения.
Анализ показал, что наиболее частотными являются маркеры *well*, *like u I think*, однако их использование носит преимущественно формальный характер и не всегда связано с реальной необходимостью планирования высказывания. Маркеры самокоррекции (*I mean, what I mean is*) встречаются значительно реже и, как правило, сопровождают очевидные

речевые затруднения. В большинстве случаев переформулирование осуществляется без использования специализированных дискурсивных средств. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что при относительной сформированности базовых лексико-грамматических структур прагматический компонент — способность регулировать высказывание посредством дискурсивных маркеров — представлен фрагментарно. Использование данных единиц редко выполняет функцию полноценной компенсаторной стратегии и ограниченно способствует обеспечению связности устной речи. Таким образом, дискурсивные маркеры планирования и самокоррекции могут рассматриваться как значимый, но недостаточно сформированный компонент лексико-грамматического навыка на уровне A2.

Литература:
Ван Дейк Т. А. К определению дискурса // Психологическая сеть российского Интернета PSyberLink. URL: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm (22.01.2026).
Мусаелян И. Ф. Формирование и контроль лексико-грамматического компонента языковой компетенции у студентов неязыкового вуза: дис. ... к. пед. наук. М., 2011.
Павловская И. Ю., Горина О. Г. Корпусно-когнитивные методы изучения лексической стороны речи на иностранном языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. 1 (76). С. 132—138.
Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation // Language. 1977. 53 (2). 361—382.

Ivanova Maria Vitalevna
Student
Moscow City University

Can AI Crack a Joke? Exploring the Frontiers of AI-Generated Humour

The question of whether AI can produce genuinely funny content has attracted growing attention as language models become increasingly integrated into creative processes. The shift from GPT-3 to GPT-5 significantly improved models' ability to understand context and produce more nuanced responses. Humour, however, remains a particularly difficult area, since it relies on cultural knowledge, timing and the kind of unexpected twist that makes a joke land.
The study draws a comparison between jokes produced by ChatGPT-5 and Yandex GPT-5 across three classic formats: knock-knock jokes, bar jokes and lightbulb jokes with human generated examples. The analysis takes its root in the General Theory of Verbal Humour which outlines how jokes function by activating two conflicting interpretations, with the punchline forcing a sudden switch between them [Attardo, Raskin, 1991].
In knock-knock jokes both models use phonetic wordplay (*cargo/car go* and *woody/would you*) but the puns feel disconnected from the overall exchange, whereas the human example (*lettuce/let us*) works because the pun is tied directly to the situation (someone standing outside in the cold) so both meanings feel equally present and real. Neither model delivers an ending that recontextualises the setup, so there is no real moment where everything clicks into place. The human joke (three lettering styles walking into a bar and being told: "We don't serve your type here") works because type carries two meanings at once: a printing term for a style of lettering and a word for a kind of person. The lightbulb section follows the same pattern: ChatGPT's cat answer is coherent but way too predictable, while Yandex GPT loses the thread at the verb *watch*. Human version, on the contrary, catches the reader off guard. Even though the question sounds like a generic standard lightbulb joke, the answer reframes it entirely making an unexpected reference to psychotherapy.
The meme comparison draws similar conclusions. The LOLcat generated by ChatGPT ("I can haz

deadline? No time 4 naps") follows genre conventions well enough by making use of intentional misspellings, number substitutions and a relatable scenario and therefore can be seen as a reasonable imitation. The Pepe Silvia meme, however, is too wordy and literal, missing the conciseness and layered meaning that make memes effective [Stryker, 2011]. Tsakona maintains that memes draw heavily on shared cultural references, and this is precisely where AI-generated examples are lacking [Tsakona, 2020].
The results indicate that ChatGPT-5 and Yandex GPT-5 function as structural imitators of humour. While reproducing formal patterns and executing basic wordplay, they tend to fall short of generating the semantic collisions that make humour genuinely effective. Future progress will likely depend on advances in models' capacity for cultural reasoning and the kind of interpretive surprise that lies at the heart of the comic effect.

References*:*
Attardo S., Raskin V. Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model // Humor: International Journal of Humor Research. 1991. 4 (3—4). 293—347.
Stryker C. Epic win for the Anonymous: how 4chan's army conquered the Web. New York, 2011.
Tsakona V. Tracing the trajectories of contemporary online joking // Media Linguistics. 2020. 169—183.

Shesterikova Marina Andreevna
Master's Student
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The Portrayal of K. Harris in «Daily Mail» in 2025

Over the past fifty years the role of female politicians have increased significantly, however, the media coverage is unlike across newspapers. Conservative newspapers of various countries portray female politicians differently, yet research evidence the incline to negativity [Tarte, 2021; Fordjour, 2024; Andrich 2025]. The study analyses the image of K. Harris in «Daily Mail» that the male reporters were creating for the past year. The novelty of the research is the examination of reporters' portrayal of the politician after the failure in the 2024 election. Seven «Daily Mail» opinion articles written by men in 2025 that gave a thorough analysis of the politician were taken for the examination which were analysed with the help of Critical Discourse Analysis. The results of the research demonstrate that the journalists tend to refer to the speeches of Mrs. Harris as senseless and absurd, while her behaviour is described as indecisive, uninhibited with comparison to the child. Across numerous articles evaluative lexis concerning Kamala Harris's behaviour was observed. In several articles the authors highlighted that the former vice president is indecisive with very straightforward speech: *Harris' long-awaited decision, Harris' indecision*. Forming such a profile of a politician leads to the audience's perception of a politician who has no vision of their future, consequently, the scheme of their campaign is non-existent resulting in untrust of supporters.
In one article the author described Mrs. Harris's behaviour as it is child's: *Harris puckered her lips and bristled*. Designating a politician's behaviour of a child devalues words and actions of the one. In the article the vice president's behaviour is referred to as *erupted over* and *unleashed*. The journalist creates an image of an uninhibited woman who cannot hold herself. Therefore, the author attempts to make the readers consider that Mrs. Harris is an unreliable politician. Several articles mention the vice president's manner of speaking using such expressions as *rambling*, *rambling sentences*, *bizarred, digressive words*, *boast*, *bizarre comments* and *nonsensical monologue*. The choice of vocabulary demonstrates that the reporter deliberately creates an image of an unreliable politician who speaks absurdity.The analysis of «Daily Mail» newspaper articles written by men portray Harris as an untrustworthy politician who speaks nonsense. Even this little number of

articles that was published clearly demonstrates the aim of making a negative image of Mrs. Harris.

References:
Tarte N. With a female vice president in office, has media gender-bias left the presidential campaign trail? The short answer is no, and the reason why is deep rooted. College of Journalism and Mass Communications: Professional Projects. 2021. 4.
Fordjour O. N. K., White J. M. Framing Madam Vice President: Global Newspaper Coverage of Kamala Harris in Her First Year. News Research Journal. 2024. 46 (1). 29—51.
Andrich A. Beyond Neutrality: A Longitudinal Analysis of Gender, Party, and Media Visibility in the Tone of US Political Coverage. The International Journal of Press/Politics. 2025. 0 (0).

НАПРАВЛЕНИЕ «ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ»

СЕКЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Гедимина Серафима Михайловна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Tabellae Defixionis» из Университета Дж. Хопкинса

В 1908 г. Отдел классической археологии Университета Дж. Хопкинса в Балтиморе приобрел пять свинцовых табличек с проклятиями, известных как *tabellae defixionis*. Они были сложены и нанизаны на железный гвоздь длиной 12,7 см. При попытке изъять его из пластов свинца те распались на осколки, что сделало невозможным полное восстановление надписей, однако успешно реконструированные фрагменты заслуживают внимания. Каждая табличка наводит проклятие на новую жертву. Подробности конфликтов и причины, по которым автор прибег к ритуалу, не сообщаются. Основываясь на особенностях морфологии и орфографии, ученые датируют данную находку 75—40 гг. до н. э., а особенности формул, используемых в проклятиях, и родовые имена жертв заклинаний указывают на Рим как возможное место их создания. Уникальность данных табличек состоит в том, что они явно были написаны единовременно одним человеком. Становится возможным проследить последовательность, в которой они создавались, если проанализировать количество сделанных автором ошибок и постепенное изменение почерка [Natalias, 2022: 101]. Данный доклад ставит своей целью определить основные особенности магической традиции, под влиянием которой создавались проклятия. Для этого проводится анализ формул, лексики и морфологии табличек, а также описываются некоторые другие *tabellae*, имеющие схожие черты и, вероятно, созданные в рамках той же традиции, напр., группа из трех надписей II в. н. э., найденных в Лации [Fox, 1911]. Разбирается история изучения времени и места создания рассматриваемых надписей, отличительные черты их графики и орфографии.
Одной из центральных задач исследования является анализ табличек при помощи метода «Проживаемой древней религии» («Lived Ancient Religion»). Данный способ изучения религиозных и магических артефактов и письменных свидетельств состоит в реконструкции ситуаций, в которых люди прибегали к разного рода ритуалам, с акцентом на социальные факторы и особенности межличностных отношений в конкретных местностях в определенный период времени [McKie, 2022]. В случае с рассматриваемым материалом подобный анализ затруднителен, поскольку нам неизвестны причины, по которым автор табличек решил прибегнуть к магии для разрешения конфликта, а также характер этого конфликта. Однако возможно проанализировать сам акт создания *tabellae* и индивидуальные манипуляции, проводимые с табличками до и после написания на них текста.
В результате исследования были выявлены такие особенности данной традиции создания *tabellae defixionis*, как подробное перечисление частей тела, которые хочет повредить автор проклятия, а также особые формулы обращения к богам. Сделан вывод, что отличия в грамматике, морфологии и фонетике зачастую не связаны с принадлежностью к той или иной традиции и не могут служить решающим доводом при определении места создания находки. Кроме того, были реконструированы обстоятельства создания табличек с помощью анализа их материала, положения табличек по отношению друг к другу и почерка автора.

Литература:
Fox W. S. The John Hopkins Tabellae Defixionum. Diss. PhD. Baltimore, 1911.

McKie S. Living and Cursing in the Roman West. London, 2022. Natalias C. S. Sylloge of Defixiones from the Roman West. II. Oxford, 2022.

Малова Полина Романовна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

«Мудрость» (*Σοφία*) как состояние «души» (*φρήν*) в эпиникиях Пиндара

Доклад посвящен анализу связи *σοφία* и *φρήν* в поэзии Пиндара (Ol. 7, P. 2, P. 4). Исходная задача — показать, что *σοφία* обозначает не просто мастерство, а состояние внутреннего органа, обеспечивающего правильное мышление и действие.
Методологической опорой служат исследования Ш. Д. Салливан [Sullivan, 1989: 179—182], показавшей, что *φρήν* в архаической поэзии является функциональным центром психической деятельности: он отвечает за принятие решений, восприятие, память, речь и нравственную ориентацию. При этом у Пиндара *φρήν* действует активнее и чаще оказывается носителем нормативной оценки. Такой подход позволяет отказаться от упрощенного перевода *φρήν* как «разум» и рассматривать его как структурный центр внутреннего состояния субъекта.
В Ol. 7 расстройство *φρένες* (*ταραχαὶ φρενῶν*) заставляет ошибаться даже *σοφόν*. Следовательно, *σοφία* не является автоматической гарантией правильного действия: она реализуется только при «прямых» *φρένες*. Мотив *ὀρθός (ὀρθαὶ φρένες*) задает нормативную модель внутреннего функционирования, а затемнение *φρήν* (через *λήθη*) ведет к отклонению от меры.
В эпизоде с дарованной Афиной *τέχνα* утверждается, что для «знающего» *σοφία* становится большей. Это различение показывает: *τέχνα* усиливает проявление *σοφία*, но не производит ее. Основание мастерства лежит во внутреннем качестве субъекта — в природной или божественно дарованной установке *φρήν*. Таким образом, *σοφία* мыслится как режим правильной работы *φρήν*, тогда как *τέχνα* — как инструментальное расширение этого состояния.
В результате *σοφία* у Пиндара предстает как целостное состояние внутреннего органа, объединяющее мыслительную, речевую и нравственную функции. Связь *σοφία* и *φρήν* позволяет интерпретировать мастерство не как совокупность технических навыков, а как внутреннюю норму, определяющую как поэтическое творчество, так и этическое поведение.

Литература:
Sullivan S. D. A Study of φρένες in Pindar and Bacchylides. Glotta 67 3/4. 1989. 148—189.

Пупышева Алена Алексеевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Портрет Протагора в диалоге Платона «Протагор»

Протагор — один из главных представителей софистики, которую относят к периоду с середины V до первой половины VI в. до н. э. и связывают с деятельностью странствующих учителей мудрости и красноречия, преподающих за плату — софистов. Основным источником сведений об их деятельности являются диалоги Платона, так как произведения самих софистов не сохранились (дошли лишь фрагментарно). Некоторые диалоги Платона

даже названы именами софистов, которые выступают в качестве главных собеседников Сократа: «Гиппий больший», «Гиппий меньший», «Горгий» и, собственно, «Протагор» [Burnet, 1900], который и является объектом данного исследования. Целью работы является анализ образа платоновского Протагора. Для этого были использованы релевантные отрывки из диалога «Протагор». Получившееся описание было сопоставлено с представлениями об этом софисте, сформированными на основании других источников. Актуальность исследования заключается в рассмотрении портрета Протагора с филологической точки зрения, т. е. концентрации на том, как и какими средствами передан характер софиста, а не на его философской доктрине. На данный момент в большинстве исследований преимущественное внимание уделяется именно философскому аспекту.

Было обнаружено, что большинству из проанализированных отрывков присуща ирония или комизм, проявляющиеся как в описаниях диалога Сократа с Протагором (здесь большее внимание уделено конкретным словам и их возможному переводу), так и в том, как построена их дискуссия (уход Протагора от ответа, нежелание отвечать так, как ему невыгодно и т. д.). Кроме того, важным аспектом является рамочная композиция диалога, с помощью которой выделены оценочные суждения в рассказе Сократа (важны его описания Протагора и других софистов, а также реакций Протагора на его слова). Выводом работы является то, что образ Протагора, сконструированный в тексте, отличается от объективного представления о софистах. Для создания контраста между Сократом и Протагором образ последнего подчеркнуто комичен. Тем не менее Платон не дает мыслителю однозначную оценку.

Литература:
Burnet J. Platonis opera. I—V. Oxford, 1900.

Саадани Джулия Махмудовна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Экфрасис и его роль в «Ионе» Еврипида

Доклад посвящен анализу драматической функции экфрасиса в трагедии Еврипида «Ион». В докладе рассматриваются места трагедии, в которых встречаются наиболее подробные описания произведений искусства, при этом наибольшее внимание уделяется стихам 184—218, в которых Хор описывает святилище Аполлона в Дельфах. Несмотря на то, что сюжет «Иона» неразрывно связан с фигурой Аполлона, все действие трагедии разворачивается рядом с его святилищем, а другие герои вспоминают о нем на протяжении всей пьесы, сам бог ни разу не появляется ни на сцене, ни в визуальных образах произведения. При том, что трагедия богата описаниями самых разнообразных мифологических героев и сюжетов, Хор не упоминает ни одного изображения Аполлона даже при посещении его собственного храма. Эта закономерность дает возможность для интерпретации экфрасиса в трагедии как художественного приема, который создает дополнительное напряжение и оказывает эмоциональное воздействие на зрителя. В докладе анализируются художественные особенности экфрасиса в пьесе, соотношение в нем литературной и исторической действительности, его роль в развитии драматического действия и влияние на художественный мир трагедии в целом. Помимо вышеперечисленного, в докладе разбираются сложные и неоднозначные места в тексте экфрасиса. Особое внимание уделено выражению *δίδυμον προσώπων καλλιβλεφάρων φῶς*, для которого в научной литературе нет однозначной интерпретации, из стихов 188—189

первого стасима. К работе привлекаются комментарии таких исследователей, как Дж. Гиберт [Gibert, 2019], М. Хосе [Hose, 1990—1991], Г. Мартин [Martin, 2018].
По итогам доклада делается вывод, что отсутствие каких-либо изображений Аполлона в экфрасисе трагедии подчеркивает дистанцированность и отчужденность бога от событий пьесы и его безучастность к судьбе персонажей.

Литература:
Gibert C. J. Euripides, Ion. Cambridge, 2019.
Hose M. Studien zum Chor bei Euripides. 1, Stuttgart, 1990. 132—140.
Hose M. Studien zum Chor bei Euripides. 2, Stuttgart, 1991. 60—65.
Martin G. Euripides, Ion. Berlin, 2018.

Соколова Александра Федоровна
студентка 4 курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Положительные качества поэта в «Олимпийских одах» Пиндара

Доклад посвящен аксиологической классификации прилагательных, выражающих положительную оценку, в Олимпийских одах Пиндара. Объект исследования — прилагательные, характеризующие поэтического субъекта в эпиникиях. Предмет исследования — приоритетность различных типов оценки, используемых поэтом.
В Олимпийских одах было выявлено 33 прилагательных, которые поэт использует в качестве эпитетов для позитивной характеристики своего творчества или самого себя. Прилагательные с положительной оценкой были категоризованы нами с помощью классификации А. А. Алексеевой [Алексеева, 2019: 5—15].
Наиболее активно Пиндар использует эпитеты, указывающие на удовольствие, доставляемое песнями поэта. Самый частотный из них — *γλυκύς* (7 вхождений), кроме него сюда относятся *ἀδύλογος*, *ἁδυμελής* (2 вхождения), *ἁδυεπής*, *μελίγαρυς* (Ol.10.93—94: *τὶν δ' ἁδυεπής τε λύρα γλυκύς τ' αὐλὸς ἀναπάσσει χάριν* ‘тебе и сладкоречивая лира, и сладкая флейта распространяет славу’). В значении этих слов происходит перенос из сферы вкуса в сферу акустики, однако сохраняется значение удовольствия, поэтому все они выражают гедонистическую оценку.
Нам также встретилось несколько эпитетов, которые описывают поэзию с помощью визуальных образов, напр., *νεοσίγαλος, ἀγλαόκωμος, τηλαυγής и ποικίλος* (Ol. 6.86—87: *ἀνδράσιν αἰχματαῖσι πλέκων ποικίλον ὕμνον* ‘воинственным мужам плетя пестрый гимн’). В отличие от предыдущей группы, они не несут идею удовольствия, а скорее указывают на красоту песен и, следовательно, выражают эстетическую оценку.
В нескольких случаях поэт описывает эмоции, связанные с творческим процессом или вызываемые исполняемыми песнями. Для этого он использует эпитеты, выражающие эмоциональную оценку: *φίλος, μαλθακός, θαητός, ἱμερτός, εὐτερπής, τερπνός, ποθεινός* (Ol. 6.7: *ἀφθόνων ἀστῶν ἐν ἱμερταῖς ἀοιδαῖς* ‘в желанных песнях независтливых граждан’). Ряд прилагательных указывает на правдивость слов поэта: *ἐνόρκιος, ἀλαθής, ὀρθός, πιστός, εὐθύς и σαφής* (Ol. 11.6: *πιστὸν ὅρκιον μεγάλαις ἀρεταῖς* ‘надежная порука великих доблестей’). Все они образованы от разных корней, но их можно назвать контекстуальными синонимами, многообразие которых показывает, насколько важным было для Пиндара представление об искренности его хвалы. Эпитеты могут относиться к песням или к поэту и выражают истинностную оценку.
Менее частотны прилагательные, объединенные семантикой известности: *πολύφατος, κλυτός, πρόφαντος и εὐκλεής* (Ol. 1.116: *(ἐμέ)* ***πρόφαντον*** *σοφίᾳ καθ' Ἕλλανας ἐόντα παντᾷ* ‘(мне) будучи славному искусством по мнению всех эллинов’). Они служат для самопрославления

поэта, что для Пиндара не менее важно, чем прославление атлета. Такие эпитеты выражают рейтинговую оценку, которая связана с престижем и авторитетом.
В ходе анализа было выявлено, что чаще всего Пиндар использует по отношению к себе и своему творчеству прилагательные, выражающие гедонистическую оценку — таких примеров 12. За ними в порядке убывания следуют эмоциональные, истинностные, эстетические и рейтинговые оценки — семь, шесть, пять и четыре примера соответственно. Остальные типы оценки встречаются реже. Таким образом, Пиндар оценивает поэзию с разных точек зрения, и в первую очередь с точки зрения приносимого удовольствия.

Литература:
Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета. 2019. 449. 5—15.

Сопов Данил Сергеевич
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Когда словом можно ранить: латынь как язык фехтования. Лингвистический анализ манускрипта «Flos Duellatorum» Ф. деи Либери

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к формированию специальных языков в позднесредневековой Европе и к механизмам адаптации латинского языка вне богословско-ученой сферы. Материалом для исследования выступила латинская версия трактата Ф. деи Либери «Flos Duellatorum» (известной также как «Florius de Arte Luctandi», MS Latin 11269).
Целью работы является продемонстрировать адаптацию латинского языка к описанию специфической прикладной дисциплины — фехтования и выявить основные лингвистические особенности текста: лексику, грамматику, стилистику и их функциональность. В работе применяются элементы лексико-семантического, грамматического и стилистического анализа, а также сравнительно-исторический подход к сопоставлению классических и средневековых языковых форм.
Пролог одной из версий трактата (MS Ludwig XV 13, в версии MS Latin 11269 данный фрагмент утрачен) демонстрирует ориентацию на ученую традицию: он содержит краткую биографию автора, классическую лексику и завершается христианской инвокацией. Автор идентифицирует себя как представителя нобилитета (*de nobili prosapia <...> natus*), подчеркивая статус и притязание фехтования на место среди благородных искусств. Однако латынь остается ясной и функциональной, избегая излишней риторической сложности.
Основной корпус текста составляют стихотворные подписи (*capitula*) к иллюстрациям. Их анализ обнаруживает следующие особенности:
В области лексики сосуществуют три пласта: классическая латинская основа, примененная к логике боя (*puncta* ‘укол’, *tegmen* ‘защита’, *ensis* ‘меч’); средневековая латинская лексика (*caballus* — обозначение боевого коня вместо классического *equus*, *ligatura* ‘связывание’ др.); метафорические образования (*ferrea porta* ‘железная дверь’, *situs fenestrae* ‘позиция окна’). Пример подписи к «Позиции окна»: *Regalis verae situs hic sum nempe fenestrae / Et volucrem fateor clara me semper in arte*.
Такое смешение не случайно: метафорические термины обозначают профессиональные понятия, не имевшие прямых латинских эквивалентов, и служат в качестве мнемонической практики.
Грамматические и стилистические особенности текста функционально обусловлены: в прологе — развернутые фразы; в основных подписях — простые предложения и условные

конструкции, имитирующие ситуацию боя: *Si subito nostrum ludendo vertimus ensem / Sic capiti ut palmis ludendo nocere valemus.*
Орфография текста обнаруживает средневековые черты: написание e вместо ae, чередование написания j/i, большое количество лигатур и т. п. Важнейшая черта стиля — мнемоническая направленность: ритмическая организация, параллелизмы, лаконичность служат запоминанию техник и приемов.
Таким образом, латынь деи Либери представляет собой сознательно сконструированный функциональный язык, соединяющий ученую традицию с практической потребностью в передаче специфического прикладного знания. Терминологическая система демонстрирует гибкость и открытость: классические слова сосуществуют с поздними заимствованиями и метафорами. Грамматика и стиль варьируются в зависимости от задачи: пролог рассчитан на образованного читателя, основные подписи — на ученика, заучивающего техники. Латынь в «Flos Duellatorum» — не народная и не классическая, это рабочий инструмент, адаптированный для описания особой дисциплины, что делает трактат деи Либери ценнейшим источником для изучения формирования европейских технических языков.

СЕКЦИЯ «БИБЛЕИСТИКА»

Васильева София Сергеевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Практика омовения рук у древних греков и эллинистических иудеев

Основная задача исследования заключается в том, чтобы рассмотреть особенности употребления практики омовения рук у древних греков и у эллинистических иудеев, испытавших влияние греческой культуры и писавших на греческом языке. Известно, что у греков омовение рук практиковалось уже в гомеровскую эпоху и могло быть разделено по своим функциям на омовение, предваряющее акт контакта с высшими силами, и омовение, необходимое для очищения после контакта со скверной. Мы встречаем изображение этого ритуала уже у Гомера (Hom., Il. 1, 446), а у Гесиода находим предписание обязательно совершать омовение перед жертвоприношением (Hes., Op. 725). Ряд событий (смерть, преступления, эпидемии, роды и т. д., а также контакт с носителем скверны и посещение «нечистых» мест), в соответствии с представлениями греков, требовали после себя обязательного очищения.
В иудейской среде омовение рук не было широко распространенной практикой и касалось прежде всего священников, совершающих службы у алтаря. «Завещания двенадцати патриархов» («Testamenta XII Patriarcharum») содержат главу «О священстве и гордости» («Περι ἱεροσύνης καὶ ὑπερηφανίας»), в которой всем священникам предписывается омывать руки до и после жертвоприношения (Test. XII patriarch., 3:9:11:1). Таким образом, хотя семантика омовения рук как очищения перед контактом с божеством у греков и иудеев совпадала, в среде последних это действие предназначалось только для религиозных деятелей.
Однако уже в Евангелии от Марка (NT Ev. Luc. 7:2—3) отмечается, что иудеи не приступают к трапезе, не умыв рук. Марк ссылается при этом на предания старцев, что указывает на устное бытование обычая. Таким образом, можно предположить, что примерно в III-I вв. до н. э. практика омовения рук распространилась за пределы круга священников, а к I в. н. э. стала восприниматься как укоренившийся обычай всех иудеев. Обращая внимание на эллинистическую иудейскую литературу, в которой трактовка предписаний Торы иногда совмещается с тезисами древнегреческих философов, мы ставим

задачу рассмотреть, мог ли повсеместный греческий обычай омывать руки перед иными ритуальными действиями, а также после символического «осквернения» повлиять на популяризацию этой практики среди эллинистических иудеев и через их посредство на иудеев вообще. Кроме того, интересно сопоставить символическое значение омовения для греков и иудеев, используя в фрагменты текстов, уточняющие контекст совершения практики, а также работы эллинистических иудейских теософов, напр., Ф. Александрийского, в которых трактуется и переосмысляется семантика обряда.

Киреева Маргарита Владимировна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Käläb/_κύων_: лексема ‘собака’ в текстах Ветхого Завета и ее перевод в Септуагинте

Лексема *käläb* ‘собака’ в текстах Ветхого Завета представляет собой важный объект для лингвистического и культурологического анализа. Цель исследования — выявить основные контексты употребления лексемы и предложить их классификацию на основе семантики, символического значения и роли собак в религиозных и социальных представлениях древнего Израиля. Материалом исследования послужили тексты Ветхого Завета на древнееврейском и древнегреческом языках (Септуагинта), в которых употребляется лексема. Были проанализированы научные комментарии, а также исторические сведения о быте древних иудеев. В ходе исследования было выделено семь групп контекстов: божественный суд (группа 1), самоуничижение (2), образ врага (3), унижение (4), нейтральные контексты (5), негативные сравнения (6) и ритуальные запреты (7). Анализ позволил установить, что семантика лексемы *käläb* в Ветхом Завете носит преимущественно негативный или пренебрежительный характер. В основном данная лексема употребляется в символическом или метафорическом значении, и лишь в одном месте отсылает к реальному животному и особенностям его поведения. В 7-й главе книги Судей (Судьи 7:5), иллюстрируя способ питья собаки словами כַּאֲשֶׁר יָלֹק הַכֶּלֶב (*как лакает собака)* автор говорит: «И привел народ к воде, и сказал Господь Гедеону: всякого, кто лакает языком своим от воды, как лакает собака, и всякого, кто опустится на колени, чтобы пить, ты оставишь отдельно». Такое сравнение не наделяет животное ни положительными, ни отрицательными коннотациями. К третьей группе контекстов относится 21-й стих 22-го Псалма (Пс22:21 *Спаси от меча мою жизнь, из лап собаки мою единственную*). Художественное уподобление врагов Давида псам подтверждает отрицательный образ животного, однако общий анализ фауны 22-го Псалма дает основания связывать это с поведенческими особенностями самого животного, нежели с понятием о его нечистоте у составителей текста. В большинстве рассматриваемых контекстов лексема *käläb* символизирует низменное. напр., во 2-й книге Самуила (2 Сам 9:8) Мефи-Бошет называет себя *הַמֵּת הַכֶּלֶב мертвой собакой*, подчеркивая свое унижение: *[Мемфивосфей] поклонился и сказал: кто раб твой, что ты обратился к мертвому псу, такому как я?* Сравнительный анализ передачи контекстов в Септуагинте показывает, что в подавляющем большинстве случаев переводчики Септуагинты используют прямое соответствие — лексему *κύων*, - сохраняя как негативные, так и нейтральные коннотации оригинала. Результаты исследования показывают, что лексема *käläb* в Ветхом Завете выполняет важную символическую функцию, отражая бытовые и религиозные установки древних евреев. Ее употребление в различных контекстах позволяет увидеть, как образ собаки использовался для передачи идей нечистоты, унижения и угрозы. Таким образом, слово *собака* в Ветхом Завете служит не только для описания животных, но и для выражения социальных, религиозных и этических концепций.

Яценко Вера Романовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Ф. Эпик: литературное свидетельство о системах водоснабжения Иерусалима

Ф. Эпик был эллинистическим иудейским поэтом, предположительно жившим во II или III в. до н. э. Его литературное наследие, а именно фрагменты поэмы «Про Иерусалим» («Περὶ Ἱεροσολύμων»), которые приводит Евсевий в 9-й книге «Евангельского приготовления» (Eus. Praep. Ev. IX, 37,1) представляют собой важный источник по материальной культуре Иерусалима эпохи Второго храма. Целью исследования является историко-филологический анализ фрагментов, описывающих системы водоснабжения Иерусалима, а также перевод этого текста на русский язык. Материалом исследования послужили тексты фрагментов поэмы «Про Иерусалим» («Περὶ Ἱεροσολύμων»), описывающие источники воды в Иерусалиме. Были рассмотрены научные комментарии, а также археологические сведения о водоснабжении Иерусалима. Лексические единицы, вызывающие трудности, представляют собой *hapax legomena*, которые в большинстве являются композитами, значение которых можно восстановить, исходя из значения их составных частей. Однако возможны разные интерпретации таких композитов. напр., композит *μεγιστούχος* допускает два различных толкования: С точки зрения Вигера [Vigerus, 1688], это слово восходит к *μέγιστος* + *χέω / χοή* и может быть переведено как «обильно льющийся». Мрас [Mras, 1982] предлагает трактовать этот композит как *μέγιστος* + *ἔχω* по аналогии с *σκηπτοῦχος* = *σκῆπτον* + *ἔχω* и интерпретировать его как указание на высокий социальный статус владельца купален, т. е. «купальня правителя». Сложности в синтаксической интерпретации вызывает не всегда ясное согласование падежей и родов существительных. напр., во фрагменте Eus. Praep. IX, 37, 2, 2—5 неясно, как согласованы слова *ξηρὰ πέδῳ κεκονιμένα* с остальными членами предложения, также сложно решить, является ли *ξηρὰ* прилагательным или существительным. Результатом исследования является первый в русской научной традиции перевод фрагментов Эпика на русский язык.

Литература:
Eusebii Pamphili Caesareae Palaestinae episcopi Praeparatio evangelica / recensuit, Latine vertit, notis illustravit Franciscus Vigerus. Coloniae [Köln]: sumptibus Mauritii Georgii Weidmanni, 1688.
Mras K. Die Praeparatio Evangelica. 1: Einleitung. Berlin, 1982.

Flores Flores Matías Alejandro
Master's Student
St. Petersburg State University

God and the Greater Light: Reassessing the Relationship between God and the Sun in the Hebrew Bible

This paper challenges the dominant «storm god» paradigm in biblical scholarship by demonstrating the theological centrality of solar symbolism for Yahweh throughout the Hebrew Bible. While storm imagery (clouds, lightning, Chaoskampf) appears in theophanies, it represents only one facet of a more complex portrait. Analyzing mountain epiphany hymns (Deuteronomy 33, Judges 5, Habakkuk 3), Psalms (19 LXX, 84, 104), and prophetic literature (Isaiah 60, Malachi 4:2), the study reveals persistent luminous imagery portraying Yahweh as source of light, cosmic king, and divine judge. Archaeological evidence from 8th-century BCE Judean royal seals —

including those of King Hezekiah and his official Ashna — depicts Yahweh as a winged sun disk, sometimes surrounded by serpents. This presents a historical paradox: how could reformer kings use Egyptian solar iconography? The resolution distinguishes orthodox use of the sun as a created symbol of divine glory from heterodox «Solarized Yahwism» (worshipping the phenomenon itself). Josiah's reforms (2 Kings 23) represent this «Reverse-Akhenaten» movement: rejecting sun-worship while retaining solar symbolism. The paper further connects solar imagery to the seraphim (*Śĕrāpîm*) of Isaiah 6—fiery, winged serpentine throne guardians analogous to the Egyptian uraeus. Ashna's seal parallels Isaiah's vision, suggesting a shared conceptual world in eighth-century Jerusalem. This understanding illuminates Genesis 3: the serpent (*nāḥāš*) emerges as a corrupted divine guardian of the same class, leading humanity in rebellion rather than protection. The synthesis presents Yahweh as Enthroned Solar King: glory symbolized by the sun, sovereignty transcending creation, attended by serpentine guardians whose corruption frames the human drama. Cumulative evidence from text and archaeology supports a significant tradition conceiving Yahweh with primary solar characteristics, demonstrating his universal kingship was not a late development but present throughout Israel's history.

СЕКЦИЯ «БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА»

Лебединская Ирина Святославовна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Способы передачи урбанистических реалий в поэзии И. А. Бродского о Петербурге (на материале албанских переводов А. Туфы)

Урбанистическая проблематика, которая в прошлом столетии затрагивалась Р. Бартом, К. Леви-Строссом, Ю. М. Лотманом, В. Н. Топоровым и другими учеными, получает развитие в литературоведческих и семиотических исследованиях последних десятилетий. При этом передача городских образов при переводе художественного текста практически не рассматривается в современных работах.

Наше исследование посвящено способам передачи урбанистических реалий в поэзии И. А. Бродского в переводах на албанский язык. Термином «реалии» мы обозначаем предметы и явления материальной культуры, изучаемые с точки зрения их отражения в языке [Ахманова, 2004: 381]. В работе впервые предпринимается попытка систематического анализа того, как урбанистические детали в произведениях русских поэтов адаптируются в албанском культурном и языковом пространстве.

В настоящем докладе рассматриваются стихотворения Бродского о Петербурге из сборника «Часть речи» и их переводы, выполненные албанским поэтом, писателем и переводчиком А. Туфой (не изданы). Опираясь на концепцию Н. П. Анциферова о городе как о художественной конструкции, мы пытаемся изучить то, как передаются и трансформируются городские образы, созданные автором, в процессе межъязыковой коммуникации.

В начале исследования была сформирована выборка текстов Бродского о Петербурге, для которых Туфой выполнены албанские переводы. Мы произвели литературоведческий анализ отобранных текстов, в результате которого были выявлены урбанистические элементы, формирующие городское пространство в поэзии Бродского. В полученном материале были выделены следующие категории урбанистических деталей, посредством которых конструируется образ Петербурга:

1. слова и словосочетания, имеющие национальную, историческую или локальную окраску («реалии» в собственно переводоведческом смысле, или «реалии-слова» по [Влахов,

Флорин, 1960: 168—187]; ср. также термины «экзотизм», «этнографизм», «безэквивалентная лексика» и пр.), напр. *парадная*;
2. петербургская топонимия: *Летний сад*; *Прачечный мост*;
3. другие урбанистические реалии, формирующие городское пространство Петербурга: *дыры в алтаре* (разрушенной Греческой церкви).
Далее в процессе переводческого анализа мы установили, что при передаче урбанистических реалий Туфа использует различные приемы перевода. Так, транслитерация топонимов (*mbi Nevë* ‘у Невы’) сохраняет первоначальное восприятие реалии, не создавая новые коннотации у транслитерированного элемента. Другие урбанистические детали, формирующие городское пространство, чаще всего передаются буквально, не задействуя переводческие трансформации (*ekskavatori me gira gize vjerrë në shigjetë* ‘экскаватор с чугунной гирей, подвешенной к стреле’). С другой стороны, Туфа применяет и приемы перевода, которые, вероятно, делают текст более понятным для читателя, но могут приводить к частичному изменению образа Петербурга, конструируемого Бродским, ср., напр., генерализацию при переводе названия реалии *Греческая церковь* (передача номинативным словосочетанием *kisha greke* ‘греческая церковь’).

Литература:
Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Мелькаева Полина Александровна
магистрантка 2 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Становление автореференциального сюрреалистического текста на материале «Доменной печи» и «Внутреннего пространства» А. Эмбирикоса

Данное исследование ставит перед собой задачу провести литературоведческий анализ языковых и стилистических особенностей первых двух сборников автоматического письма, написанных греческим сюрреалистом А. Эмбирикосом (1901—1975), с целью установления реминисцентных векторов разного порядка, определяющих референта(ов) текста.
«Доменная печь» («Υψικάμινος», 1935) и «Внутреннее пространство» («Ενδωχώρα», 1941) представляют собой первые созданные на греческом языке и собранные в две поэтические книги образцы автоматического письма, метода, предложенного А. Бретоном как варианта развития сюрреалистического дискурса. Несмотря на то, что сюрреализм пришел в Грецию несколько раньше, с деятельностью Т. Дорроса, как это отмечает Ф. Амбадзопулу, выстраивая хронологию греческого сюрреализма [Αμπατζοπούλου, 1980: 396], Эмбирикос представляет собой центровую ось греческих сюрреалистов не только в историческом аспекте, но и в плане создания греческого варианта сюрреалистического дискурса. Позаимствовав у бретоновской группы психоаналитический аспект, частично идеологический, а также творческие техники, Эмбирикос создает на этой основе новую мифопоэтику, вобравшую элементы извне, но в конечном счете выработавшую собственное автореференциальное поле. Рассуждения Ж.-Ф. Жаккара о том, как работает автореференциальная модель текста, применимы и к тому типу сюрреалистического дискурса, о котором ведется речь: «все темы и мотивы… входят в обширную метафорическую сеть, которая в силу своей автореференциальности становится новым, вполне реальным и правдивым и к тому же свободным миром…, где внутри собственных границ он правдивее жизни» [Жаккар, 2011: 86].

В качестве примера можно рассмотреть морской дискурс, где *σκαμπανέβασμα* ‘килевая качка’ и, в целом, любые колеблющиеся, переходные состояния (скольжения, колебания, расширения — эти лексемы повторяются в разных текстах) становятся эротизированным пространством, наиболее ярким представителем которого является кит, не только белый, хотя в дальнейшем Эмбирикос напишет поэму, посвященную Моби Дику. Переходное состояние подчеркивается и в излюбленной сюрреалистами игре слов, так, *μπάρκο-μπέστια* — это и тип шхуны, и одновременно ‘лодка-зверь’. Любовь к разным типам морских судов, в особенности к пароходам, Эмбирикос привносит в текст из своих воспоминаний детства и юности. Так, море как топос не только эротизируется, подвергается игре, но и сакрализируется: паровым двигателем, по Эмбирикосу, управляют ангелы («Παρουσία αγγέλων εντός ατμομηχανή»).
Таким образом, постоянные повторы лексем, игра с двойной семантикой и самоцитации формируют самонаправленный текст, внутри которого действуют единые законы и формируется единый миф, впоследствии преобразующийся в общий сюрреалистический миф, к игре в пространстве которого приобщаются и другие сюрреалисты. О. Элитис начнет свой творческий путь с топоса моря, над которым ему так же будет светить «Солнце коринфского залива» (*Ηλιος του Κορινθιακού*) Эмбирикоса: «Испивая от солнца коринфского… / Я нашел страницы, где воспевание солнцу вызубрило / Живую твердь…» (*Πίνοντας ήλιο κορινθιακό… / Βρήκα τα φύλλα που ο ψαλμός του ήλιου αποστηθίζει / Τη ζωντανή στεριά…*) [Ελύτης, 2008: 79].

Литература:
Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011.
Αμπατζοπούλου Φ. Δεν άνθησαν ματαίως. Ανθολογία υπερρεαλισμού. Αθήνα, 1980.
Ελύτης Ο. Ποίηση. Αθήνα, 2008.

Пахачев Глеб Владимирович
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Типы сравнений в надгробных речах Г. Назианзина

Цель данного исследования — классифицировать сравнения, которые встречаются в надгробных речах Г. Назианзина. Это поможет лучше изучить стиль данного автора. Указанная тема в научной литературе не очень хорошо разработана, поэтому предлагаемая нами типология сравнений может быть полезной. Источником исследования являются надгробные речи Григория, основным методом — классификация.
Структурно сравнение двухкомпонентно. «Первый компонент сравнений более объективен, так как задан тематически. Этим объектом сравнения, в зависимости от контекста, может стать любой предмет или человек» [Шефф, 2015: 1003]. Авторская индивидуальность оратора проявляется во втором компоненте, который может быть взят из любой области.
Исходя из этого, сравнения, встречающиеся в надгробных речах Григория, можно разделить на следующие типы:
1. Персоналистические сравнения — сопоставление героев надгробной речи с библейскими героями либо с античными мифологическими персонажами. Григорий употребляет этот тип сравнений неравномерно: в надгробных речах Кесарию и Горгонии они встречаются изредка, в речах отцу и Василию образуют целые скопления. Кроме того, в речи Василию постоянно встречаются единичные сравнения, в равной степени отсылающие как к Библии, так и к античной мифологии.

2. Бытовые сравнения, взятые из мира вещей и социальных явлений. Такие сравнения Григорий использует довольно активно (более двадцати раз). Большая их часть содержится в надгробных речах отцу и Василию. Сравнения берутся из области живописи, медицины, кузнечного ремесла, военного дела, пчеловодства. В большинстве своем сравнения подобного типа кратки и емки, они содержат в себе яркий, запоминающийся образ. Напр. [здесь и далее перевод наш — *Г. П.*]:
Для нас следовать его пути и образу жизни — все равно что пешком бежать за лидийской колесницей [de Nazianze, 1992: 170].
Он был отброшен, как стрела, ударившаяся в нечто твердое, и отскочил, как разорванный канат [там же: 224].
3. Сравнения, взятые из мира природы. Характеристики этих сравнений совпадают с характеристиками предыдущего типа: их в надгробных речах Григория более двадцати, и они также кратки и емки по форме. В качестве второго компонента сравнений данного типа чаще всего используются образы, связанные с водой: источник, вода, роса, река, дождь, море. Напр.:
Море не нуждается в том, чтобы вливались в него реки, хотя и вливаются в него реки многие и великие; так и восхваляемый ныне не нуждается в привносящих нечто от себя к его похвале [там же: 132].
К отдельной категории можно отнести развернутые сравнения. Типологически их можно разделить на те же группы, что и сравнения краткие, но сформулированы они пространно, в виде нескольких сложносоставных предложений. Поэтому их удобнее анализировать отдельно.
Таким образом, в результате исследования нами выявлено три типа сравнений, используемых в надгробных речах Григория. Для каждого типа мы отметили наиболее частотные образы, используемые в качестве второго компонента сравнения. В отдельную группу выделены развернутые сравнения.

Литература:
Шефф И. А. Сравнение как риторическая категория у Аристотеля // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. 19. С. 996—1007.
de Nazianze G. Discours 42—43 / J. Bernardi. Paris, 1992.

Тумаева Мария Алексеевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Увы неутолимому горю!»: принципы композиционного построения «Монодии на несчастный Константинополь» А. Каллиста

29 мая 1453 г. под натиском турок-османов пал Константинополь, столица Византийской империи. Взятие города стало логическим завершением уже имевшихся экономических и политических проблем погибающей империи. Однако для мировой культуры это событие стало шоком, давшим основание для написания ряда литературных трудов, в т. ч. монодий. Авторами, дошедших до нас монодий, являются А. Каллист, М. Христоним, И. Евгеник и М. Камариот — византийские интеллектуалы. Объектом исследования выступает «Монодия на несчастный Константинополь» Каллиста как единственная сохранившаяся речь, написанная византийским эмигрантом. Задача исследования — сравнить композицию монодии Каллиста с другими произведениями данного жанра, посвященными падению великого града и проследить, как меняется соотношение структурных частей монодии от автора к автору, а также сделать вывод о причинах выявленных различий.

Прежде всего необходимо отметить, что авторы монодий выстраивают свои речи в соответствии с литературной традицией, описанной в трактате «Об эпидейктических речах» Псевдо-Менандра. Существенно отличается от прочих только монодия Камариота, посвященная смерти отца и гибели родного для него города. Падение Константинополя воспевается лишь в части речи (энкомий городу и синкрисис его настоящего и прошлого), поэтому отличный от других объект монодии не позволяет провести полноценного сравнения. В остальных монодиях структура схожа: главенствующее положение занимает тренос, который пронизывает все произведение, за ним следует энкомий. Восхвалению города Каллист отводит около четверти от объема всего текста, Христоним — около трети, Евгеник уделяет энкомиастическому описанию города куда меньшую часть, нежели остальные, поскольку сосредотачивает свое внимание на оплакивании бедствия и поиске его причин, преимущественно религиозных. Важное различие между построением композиции в монодиях Каллиста и Христонима состоит в том, что Каллист предпочитает синкрисис настоящего и прошлого описанию завоевания, а Христоним следует противоположным композиционным принципам. Причина подобного расхождения кроется в том, что Каллист на момент взятия Константинополя уже проживает на Крите и в монодии делает акцент на падении города-символа, в то время как Христоним, по-видимому, является свидетелем описываемых событий и концентрируется на описании совершенных захватчиками зверств, причем как во время штурма, так и после их победы. Обращениям в монодиях уделяется приблизительно равный объем текста, однако существенно отличаются адресаты: Христоним прибегает к традиционным риторическим обращениям к земле, солнцу, небу, звездам, а Каллист взывает к Риму, Папе, Пелопоннесу, Венеции и критским друзьям. Стоит отметить и более высокую степень проработанности проэмия и эпилога у Каллиста, в которых он развивает мысль о всеобщности постигшего бедствия.

Таким образом, несмотря на то, что структура каждой речи в целом отражает существующую литературную традицию и при одинаковом объекте монодии схожа с другими, соотношение частей оказывает влияние на расстановку авторами акцентов. Так, Каллист, в отличие от Христонима и Евгеника, выстраивает композицию необходимую для подтверждения его тезиса о всеобщности постигшего бедствия, описывая более гибель города-символа, нежели падение реального Константинополя, и прямо взывая к Западу.

НАПРАВЛЕНИЕ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

СЕКЦИЯ «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Андреева Алёна Дмитриевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Развитие межвариантной аудитивной компетенции на материале индийского варианта английского языка

Английский язык, являясь одним из наиболее распространенных языков в мире, в настоящее время функционирует в условиях глобальной диверсификации, обусловленной миграционными процессами, межкультурными контактами и социальными изменениями [Павловская, 2018]. Подобная вариативность создает новые вызовы для обучения английскому языку, в частности в области восприятия устной речи. Особую значимость приобретает развитие межвариантной аудитивной компетенции, понимаемой как способность воспринимать и интерпретировать речь на различных региональных вариантах.

Одним из ярких примеров региональной вариативности является индийский вариант английского языка, сформировавшийся в условиях длительного языкового контакта между английским языком и языками Индии. В современной Индии английский язык обладает официальным статусом наряду с хинди, а также широко представлен в международной деловой и цифровой коммуникации.

С целью обоснования выбора индийского варианта английского языка в качестве материала обучения восприятию региональных вариантов на слух было проведено анкетирование 80 респондентов. Оно позволило выявить частотность контактов обучающихся с региональными вариантами английского языка, уровень межвариантной аудитивной компетенции, а также факторы, затрудняющие понимание вариантной англоязычной речи.

Результаты анкетирования показали, что большинство респондентов регулярно сталкиваются с региональными вариантами английского языка, однако уровень уверенности в их восприятии остается преимущественно средним даже при достаточно высоком общем уровне владения языком. Наибольшие трудности респонденты связывают с фонетическими особенностями региональных вариантов, что указывает на необходимость отбора такого учебного материала, который обладает выраженной фонетической спецификой.

Полученные данные послужили основанием для выбора индийского английского в качестве учебного материала, поскольку именно он характеризуется системными фонетическими особенностями, создающими повышенную нагрузку на аудитивное восприятие. В фонетике наблюдается реализация английских фонем /f/, /θ/, /ð/ как [pʰ], [t̪ʰ], [d̪ʰ]; реализация альвеолярных согласных /t/, /d/ как ретрофлексных; преобладание слогового ритма и нестабильное распределение ударения [Kachru, 1983].

Даже при отсутствии цели овладения данным региональным вариантом работа с индийским английским способствует развитию гибкости слухового восприятия и повышению способности понимать разнообразные региональные формы английского языка [Baratta, 2019].

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что использование индийского варианта английского языка как материала обучения аудированию способствует развитию межвариантной аудитивной компетенции и подготовке обучающихся к пониманию разнообразных региональных форм английского языка в реальных коммуникативных условиях.

Литература:
Павловская И. Ю. Фонетическая вариативность английского языка в условиях глобализма // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы III Междунар. науч. конгр., Симферополь, 02—20 апр. 2018 г. Симферополь, 2018. С. 38—44.
Baratta A. World Englishes in English Language Teaching. Cham, 2019.
Kachru B. B. The Indianization of English: The English Language in India. Delhi, New York, 1983.

Анохина Александра Андреевна
магистрантка 1 курса
Российский государственный гуманитарный университет

Особенности энклитического дублирования лично-числовых значений в ишкашимском языке

Ишкашимский язык — памирский язык восточноиранской подгруппы иранской группы индоевропейских языков, на котором говорят в кишлаках Рын, Верхний Рын и Сумджин в районе Ишкашим Горного Бадахшана (Таджикистан), а также на севере Афганистана. Согласно данным на 2011 г., количество носителей ишкашимского составляет около одной тысячи человек [Назарова, Назаров, 2011: 42—43]. Грамматический строй ишкашимского языка был описан в грамматике Т. Н. Пахалиной [Пахалина, 1959]. В ишкашимском языке энклитики, стоящие в ваккернагелевской позиции, дублируют лично-числовые значения субъекта, с которым согласуется глагол в прошедших временах. Данное явление принято называть «clitic doubling» [Anagnastopoulou, 2006: 2].

В прошедших временах в ишкашимском языке лично-числовые энклитики, кроме факультативной энклитики 3SG (= *on*), выражаются регулярно в предложениях с подлежащими-местоимениями и в большинстве местоимений с подлежащими NP [Пахалина, 1959: 50]. Однако наблюдаются случаи неупотребления лично-числовых энклитик 1SG (= *əm*), 2SG (= *ət*) и 3PL (= *on*). В данной работе будут исследованы контексты, в которых не продублировано лично-числовое значение подлежащего, и объяснены причины данного явления. Материалом исследования стали устные тексты из грамматики ишкашимского языка Пахалиной [Пахалина, 1959], размеченные нами в программе Fieldworks (11 текстов объемом ок. 16000 словоформ). В ходе работы были отобраны контексты с глоссами 1SG.ENCL, NO.1SG.ENCL, 2SG.ENCL, NO.2SG.ENCL, 3PL.ENCL и NO.3PL.ENCL, проанализированы случаи, в которых энклитика не употребляется. На данном этапе работы выяснилось, что энклитики 1SG и 2SG не используются при передаче прямой речи, а энклитика 3PL — при наличии показателя множественного числа у словоформы-подлежащего или при наличии числительного в подлежащем, а также если о множественности субъектов известно из дискурса.

Литература:
Назарова З. О., Назаров Н. О. Социолингвистическая ситуация на Западном Памире (на материале ишкашимского языка) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2011. С. 42—49.
Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь. М., 1959.
Anagnastopoulou E. Clitic doubling // Everaert M., van Riemsdijk H. The Blackwell Companion to Syntax. IV. Oxford, 2006. 518—581.

Иголкина Алёна Евгеньевна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Интерпретации «de dicto» и «de re» в конструкциях экспортации в русском языке: экспериментальное исследование

Доклад посвящен проблеме различения интерпретаций утверждений *de dicto* (о содержании мысли) и *de re* (о референте) в контекстах пропозициональных установок, которая была впервые сформулирована У. В. О. Куайном (1956). При глаголах *думать, считать* и др. появляется референциальная непрозрачность: замена кореферентных выражений внутри придаточного предложения может менять истинностное значение высказывания. Для перехода от ноционального прочтения (*de dicto*) к реляционному (*de re*) Куайн предложил операцию экспортации.
В русском языке операция экспортации находит отражение в изменении диатез глаголов ментальной сферы (переход от *думает, что P* к *думает о X, что P*). Тем не менее, до сих пор остается неисследованным, как носители русского языка интерпретируют эти синтаксические изменения в контексте *de re* и *de dicto*. Целью исследования является проверка гипотезы о том, что конструкции экспортации служат синтаксическим маркером, смещающим интерпретацию в сторону *de re* и снижающим вариативность суждений носителей.
Для проверки гипотезы используется эксперимент по методу оценки истинностного значения (truth-value judgment task). Каждому участнику был предложен краткий нарративный контекст и целевое предложение. Задача участника состояла в том, чтобы определить, насколько предложение соответствует описанной ситуации. Целевые предложения различались по двум параметрам: (1) тип синтаксической конструкции (экспортированная vs неэкспортированная); (2) тип термина (*de re* термин, соответствующий реальному положению дел, vs *de dicto* термин, соответствующий заблуждению героя). Оценка производилась с помощью непрерывной шкалы от 0 (полностью не согласен) до 100 (полностью согласен), чтобы фиксировать градации в интерпретации.
В условиях с *de re* термином экспортированные конструкции оценивались значительно выше неэкспортированных. Оценки неэкспортированных конструкций с *de re* термином продемонстрировали бимодальное распределение, а в экспортированных конструкциях с *de re* термином вариативность была меньше, так как экспортация снижает семантическую неоднозначность.

Карабутова Анастасия Николаевна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

А судьи кто? Аксиологемы «стыда» и «вины» в русской, британской и китайской лингвокультурах

В докладе проводится лингвоаксиологический анализ аксиологем «стыда» и «вины» в русской, британской и китайской лингвокультурах. Актуальность исследования определяется тем, что межкультурные различия в моральной регуляции нередко описываются через оппозицию «культура стыда» — «культура вины», тогда как регулятивные категории, такие как приличие и уместность, редко включаются в сопоставительные модели и остаются недостаточно описанными.

Цель исследования заключалась в реконструкции аксиогенных ситуаций и описании семантических и нормативных профилей двух аксиологем в межкультурном сопоставлении. Теоретическую рамку составляют лингвоаксиологическое понимание аксиологемы и аксиогенной ситуации, модели базовых ценностей, представленные различными авторами как в России, так и за рубежом, и представление о культуре как системе усвоенных ценностных правил и норм [Карасик, 2004].

Материал исследования включал словарные дефиниции и этимологические справки, данные языковых корпусов и аутентичные дискурсивные кейсы из лингвокультур (на русском, английском и китайском языках). Методика объединяла дефиниционный семантический анализ (выделение семантического ядра и периферии), корпусно-коллокационное описание (типовые окружения и устойчивые формулы), дискурсивно-прагматическую интерпретацию (позиции участников коммуникации, оценочные стратегии, санкции и способы взаимодействия в контексте использования аксиологем) и концептуальное моделирование ценностных профилей.

Корпусный анализ показал различия в аксиологемах «стыда» и «вины». *Стыд* в русской и китайской лингвокультурах чаще соотносят с публичной экспозицией и угрозой для репутации и «социального лица» (丢脸). Он ориентирован на внешнюю оценку и честь: *позор*; 害羞 ‘стесняться’, 羞愧 ‘стыдиться’, 丢脸 ‘потерять лицо’. В британской же лингвокультуре понятие стыда тесно связано с внутренней ответственностью и саморефлексией. Так, *shame* чаще связан с внутренним состоянием: *I am ashamed* ‘мне стыдно’, *gut-wrenching remorse* ‘мучительное раскаяние’. При этом нет различия между «внутренним» и «внешним» стыдом, которое существует в китайской (耻辱 и 羞愧/害羞) и русской (*позор* и *стыд*) лингвокультурах.

В свою очередь, *вина* в русской лингвокультуре чаще встречается в юридическом или религиозном контекстах, а внутренний контроль выражается *совестью*, которая в некотором смысле схожа с британским концептом «conscience». Тогда как в китайской лингвокультуре различаются ‘юридическая вина’ (罪过), ‘дисциплинарная вина’ (过失) и ‘проступок’ или ‘грех’ (过错). Британский корпус, как и предполагалось, содержал больше высказываний о вине от первого лица, а также лексики морального рассуждения (*fault*, *atone*, *conscience*).

Результаты демонстрируют, что аксиологемы различаются по степени публичности и по механизму регуляции. При этом уместность выступает как контекстный регулятор согласования поведения с ситуационными ожиданиями, а приличие — как более жесткая нормативная рамка, маркирующая границы допустимого и запускающая оценочно-санкционирующие сценарии. В результате исследования получена комплексная модель дискурсивной репрезентации аксиологем «стыда» и «вины», позволяющая сопоставлять языковые средства их актуализации, типовые коммуникативные сценарии и культурно обусловленные особенности их использования.

Литература:

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Коляда Дарья Станиславовна
независимая исследовательница

Способы выражения именной множественности при множественных аргументах в русском жестовом языке

Цель настоящей работы — изучение способов кодирования именной множественности в русском жестовом языке (РЖЯ).

Актуальность работы заключается в том, что сейчас жестовые языки становятся все более популярной областью исследования, поскольку их артикуляторы отличны от звучащих языков: говорящие используют визуально-жестовую модальность, что является нетипичным для языков мира и поэтому представляет интерес для исследований.
Новизна работы связана с недостаточным описанием грамматики жестовых языков, в число которых входит и РЖЯ. Способы маркирования именной множественности в русском жестовом языке подробно описаны в [Буркова, 2015], а также затрагиваются в [Буркова, Филимонова, 2014] при описании функций редупликации. Тем не менее, исследований, посвященных множественности при множественных аргументах, на материале РЖЯ еще не проводилось: в работах, указанных выше, только один из участников имел показатель множественного числа.
Было сделано предположение, что кодирование множественности при множественных объектах не будет существенно отличаться от маркирования с единственным аргументом во множественном числе. Обычно для такого кодирования говорящие используют обычную редупликацию или указательные жесты [Буркова, 2015], поэтому наша гипотеза заключалась в том, что дополнительных отличительных способов указания множественности использоваться не будет.
В ходе исследования были опрошены три носителя РЖЯ; их просили перевести 100 предложений со множественными аргументами в 85 из них. Обычная редупликация оказалась наиболее частотной для всех информантов: она была использована в 34 предложениях первого информанта, в 27 — второго, в 26 — третьего; редупликация с указательным жестом была частотна только у двух информантов: они использовали ее в 40 и 16 предложениях соответственно; и только для одного использование исключительно указательного жеста оказалось достаточным для выражения множественности: информант использовал ее в 10 предложениях.
В результате был сделан вывод о том, что наиболее частотными способами маркирования множественности при множественных аргументах являются обычная редупликация и редупликация с указательным жестом, а наименее частотными — жесты «все», «группа», а также указательный жест без редупликации.
Перспективой исследования может стать анализ не только именной, но и глагольной множественности, целью которого будет изучение частотности маркирования каждого из этих типов в предложении. Это позволит говорить о том, какой из вариантов кодирования является более предпочтительным для информантов и допустимо ли опущение маркирования на имени или глаголе.

Литература:
Буркова С. И. Способы выражения именной множественности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. 2015. Вып. 2. С. 174—184.
Буркова С. И., Филимонова Е. В. Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении. 2014. Т. 28. Вып. 2. С. 202—258.

Онянов Денис Сергеевич
студент 3 курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Семантико-мотивационный анализ ойконимов китайского языка: историческая мотивация (на материале «Китайского топонимического словаря» Ню Жучэня)

Работа посвящена анализу ойконимов (地名 *dìmíng*) — названиям населенных пунктов: городов, поселков, сел и др. Объектом исследования стали названия самых крупных по численности населения городов КНР (на основании [红黑人口库]). Новизна работы

обусловлена тем, что в ней впервые предпринимается попытка системного анализа процессов мотивации в китайской ойконимии, возникновение которой связано с историей страны. Цель исследования — выявление мотивационных признаков, лежащих в основе китайских ойконимов, и построение мотивационных моделей, по которым образованы эти лексические единицы.

Источником материала исследования послужил «Китайский топонимический словарь» Ню Жучэня [牛汝辰, 1999], в котором обнаружено 34 ойконима, имеющих мотивировку, связанную с историей Китая. Методы исследования: семантико-мотивационный анализ, описание, классификация, сравнение, моделирование, количественные методы. В ходе анализа выделены 4 основных типа исторической мотивации китайских названий городов:

1. Мотивация по имени основателя / захватчика / названию коренного народа (8 единиц). В основе ойконимов, относящихся к этой группе, может лежать либо антропоним, либо этноним; здесь выделяются 3 мотивационные модели:

1.1. Имя основателя / фамилия династии, основавшей город → название города (город 石家庄 (*Shíjiāzhuāng*, рус. *Шицзячжуан*) ← 石 *Shí* ‘[фамилия] Ши’ + 家 *jiā* ‘семья’ + 庄 *zhuāng* ‘хутор, деревня’),

1.2. Фамилия династии, захватившей город → название города (晋州 (*Jìnzhōu*, рус. *Цзиньчжоу*) ← 晋 *jìn* ‘[династия] Цзинь’ + 州 *zhōu* ‘окружной центр’),

1.3. Название коренного народа, изначально населявшего территорию, где был основан город → название города (成都 (*Chéngdū*, рус. *Чэнду*) ← 成 *chéng* — этноним, обозначающий коренной народ, проживавший на территории города + 都 *dū* ‘[крупный] город [где находится резиденция правителя]’);

2. Мотивация по историческому событию (3 единицы). Мотивационная модель: название исторического события, произошедшего в городе или на его месте → название города (天津 (*Tiānjīn*, рус. *Тяньцзинь*) ← 天 *tiān* ‘император; императорский’ + 津 *jīn* ‘переправа, перевоз; брод’);

3. Мотивация по административному статусу города (21 единица). Мотивационная модель: обозначение административного статуса населенного пункта → название города (忻州 (*Xīnzhōu*, рус. *Синьчжоу*) ← 忻 *xīn* ‘развивать’ + 州 *zhōu* ‘окружной центр’);

4. Мотивация по хозяйственно-экономической / военно-стратегической роли города (9 единиц), в рамках этого типа мотивации выделяются 3 мотивационные модели:

4.1. Обозначение основного занятия жителей города → название города (蚌埠 (*Bèngbù*, рус. *Бэнбу*) ← 蚌 *bèng* ‘жемчужная устрица’ + 埠 *bù* ‘пристань’),

4.2. Обозначение транспортно-экономической функции города → название города (海口 (*Hǎikǒu*, рус. *Хайкоу*) ← 海 *hǎi* ‘море’ + 口 *kǒu* ‘порт’),

4.3. Обозначение военно-стратегической функции города → название города (保定 (*Bǎodìng*, рус. *Баодин*) ← 保 *bǎo* ‘охранять, защищать’ + 定 *dìng* ‘порядок, стабильность’).

Таким образом, основными мотивационными моделями для образования китайских ойконимов являются антропонимическая, этнонимическая, событийная и функциональная. Важной особенностью китайской ойконимии является множественная мотивация, т. е. наличие в основе названия сразу нескольких мотивационных признаков.

Литература:

牛汝辰. 中国地名由来词典. 北京: 中央民族大学出版社, 1999.

各省第七次人口普查 // 红黑库. URL: https://www.hongheiku.com/page/46 (26.01.2026).

Пименова Екатерина Сергеевна
студентка 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Французский — наследие, английский — будущее? К вопросу о языковых ориентирах молодежи в королевстве Марокко (на материале полевого исследования)

Королевство Марокко — уникальный пример языкового многообразия. На его формирование повлияли арабские завоевания VII—VIII вв. и протектораты Франции и Испании. Сегодня здесь сосуществуют литературный арабский (фусха), диалект дарижа, берберские языки (тамазигхт, ташельхит, тарифит), а также французский и испанский [Allali, 2022: 26, 210]. В 2011 г. берберский получил конституционный статус официального языка наряду с арабским [Багана, Тупейко, 2015: 10].

Проблема функциональных границ языков ставится именно в контексте многоязычия. В феврале 2026 г. мы провели полевое исследование среди студентов и аспирантов (20—35 лет) EMAA Business School и Ibn Zohr в Агадире. Выборка включает 74 будущих специалиста в области менеджмента и экономики — элиту, которая будет влиять на языковую политику страны. Анкеты содержали закрытые и открытые вопросы. По результатам исследования мы пришли к следующим выводам.

Английский вытесняет французский в досуге: 65 % смотрят фильмы на английском, 58 % используют его в социальных сетях, а 16 % — в общении с друзьями. Доля использующих французский в этих сферах ниже.

Примечательно, что в образовании и карьере французский пока лидирует: 64 % считают его наиболее важным для карьеры в Марокко (английский — 17,3 %), а 14,3 % считают, что эти языки имеют одинаковую значимость. При этом 61,3 % согласны, что влияние французского следует сокращать, а 78,7 % убеждены в приоритете английского как международного языка. В открытых вопросах респонденты предлагали перевести школьное образование на английский с первых классов, чтобы повысить уровень владения этим языком (сейчас лишь 23 % оценивают его как «отличный», а 40,5 % свидетельствуют о хорошем уровне владения).

Берберский язык сохраняет символическую ценность, но его использование снижается. Более 66 % подчеркивают его важность для идентичности, однако лишь 32,4 % говорят на нем в семье. Высокий уровень владения отмечают у себя 27 % респондентов, с друзьями на берберском общаются только 16 %, предпочитая дарижа. 16 % согласны, что роль берберского в современном Марокко ограниченна.

Таким образом, языковая ситуация среди молодежи отражает сдвиг: французский утрачивает символическую привлекательность, уступая английскому как языку глобальных возможностей и массовой культуры. Берберский, сохраняя свою культурную значимость, вытесняется из повседневного общения. Однако следует учитывать локальный характер исследования: данные базируются на студенческой среде Агадира (два вуза, выборка 74 человек), поэтому для верификации общенационального тренда и построения прогнозов необходим сравнительный анализ с другими регионами Марокко. Данные позволяют предварительно говорить об усилении роли английского при сохранении многоязычия как основы самобытности.

Литература:

Багана Ж., Тупейко Д. В. Языковая ситуация в современном Марокко // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. Вып. 2. С. 14—15.

Allali R. Zakaria Boualem découvre l’histoire du Maroc. Essaouira, 2022.

Рехкайнен Александра Алексеевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Эвиденциальные употребления глагола «казаться» в академическом дискурсе

Исследование направлено на описание и систематизацию эвиденциальных употреблений глагола *казаться* в академическом дискурсе.

Эвиденциальность — грамматическая категория, которая маркирует источник информации, содержащейся в высказывании [Aikhenvald, 2018: 1]. В языках, в которых эвиденциальность отсутствует как грамматическая категория, могут быть выработаны т. н. эвиденциальные стратегии, лексические или синтаксические способы указания на источник информации. В русском языке к эвиденциальным стратегиям относятся в т. ч. конструкции с глаголом *казаться*.

Т. Н. Голицына при описании конструкций с глаголом *казаться* отметила, что тип конструкции связан со степенью достоверности утверждений автора [Голицына, 1999]. Так, конструкции с дативом и употребления *казаться* в качестве матричного предиката чаще выражают результат размышлений, что сопоставимо с эвиденциальным значением инференции, при котором источником информации для говорящего является логический вывод [Плунгян, 2011: 355]. Вводные конструкции и употребления *казаться* без датива передают необоснованные утверждения, что можно сопоставить с эвиденциальным значением прямого доступа, где в качестве источника информации выступают ощущения говорящего [там же].

Материалом исследования стали примеры из статей, опубликованных в научном журнале «Вопросы языкознания» в 2020—2024 гг. Объем корпуса — 200 употреблений. Разметка корпуса включала: (а) метаразметку; (б) раздел, в котором встречается *казаться*; (в) тип эвиденциальности; (г) наличие датива при глаголе. Для разметки типа конструкций были выделены следующие структуры: вводная конструкция (1), *казаться* в качестве матричного предиката (2), <*казаться* + прилагательное> (3), <*казаться* + существительное> (4):

1) *Это, казалось бы, указывает на то, что зависимые в этих примерах — это причинные сирконстанты*;

2) *Нам кажется, это важное упущение*;

3) *То, что в обоих случаях азбука доведена до Д, кажется неслучайным*;

4) *Если вопросительные формы глагола в общем встречаются в языках мира, то интраклитики кажутся явлением гораздо более редким*.

Результаты демонстрируют, что количество употреблений *казаться* в значении инференции и прямого доступа приблизительно одинаково — 97 и 103 примеров. Исследование показало, что действительно существует связь между типом конструкции и типом эвиденциальности ($\chi 2 = 18{,}108$, $p < 0{,}001$), однако соответствие между конструкциями и значением несколько иное, чем отмечено в [Голицына, 1999]. Конструкции с *казаться* в качестве матричного предиката и вводные конструкции чаще выражают значение инференции; конструкции <*казаться* + прилагательное/существительное> употребляются в значении прямого доступа.

В докладе будут описаны принципы аннотирования материала и прокомментированы полученные выводы.

Литература:

Голицына Т. Н. Субъективность смысла: варианты «кажимости» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1. С. 29—32.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Aikhenvald A. Evidentiality: The Framework // The Oxford Handbook of Evidentiality. Oxford, 2018. 1—46.

Хмелинина Иоланта Сергеевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Синтаксические критерии лексикализации конструкций с легким глаголом в итальянском языке

Конструкции с легким глаголом (КЛГ) в итальянском языке традиционно описывают как неоднородный класс, занимающий промежуточное положение между свободными композициональными словосочетаниями и идиомами [Ježek, 2004; Pompei, Piunno, 2023]. Однако вопрос о том, каким образом различные КЛГ соотносятся друг с другом внутри этого пространства, остается недостаточно разработанным применительно к итальянскому языку: неясно, какие именно синтаксические свойства определяют степень близости конкретной конструкции к свободным или идиоматическим сочетаниям.
Выявление этих свойств является задачей нашего исследования. Для этого были выбраны три диагностических теста, наиболее чувствительных к референциальному статусу именного компонента: возможность детерминации, атрибутивная модификация и изменение формы числа. Материалом послужили итальянские КЛГ с глаголами *fare* ‘делать’, *dare* ‘давать’ и *prendere* ‘брать’ двух типов: КЛГ, обозначающие события, и эмотивные КЛГ, согласно классификации, предложенной в [Pisciotta, Masini, 2025]. Примеры извлекались из корпусов itTenTen20 и CORIS/CODIS; приемлемость высказываний оценивалась на основе суждений носителей языка.
Результаты показали, что событийные КЛГ демонстрируют высокую степень синтаксической гибкости: большинство конструкций допускает варьирование артикля и употребление с демонстративом, атрибутивную модификацию и изменение формы числа именного компонента. Напротив, внутри класса эмотивных КЛГ была выявлена существенная неоднородность. Ряд конструкций допускает ограниченную детерминацию (напр., *dare l’impressione* ‘произвести впечатление (определенное)’), изменение числа и модификацию (*dare impressioni sbagliate* ‘создавать ошибочные впечатления’), что сближает их с событийным типом. Другие КЛГ (напр., *fare schifo* ‘вызывать отвращение’) не допускают ни детерминации, ни изменения числа (**fare lo schifo*, **fare schifi*), хотя и сохраняют возможность модификации (*fare schifo terribile* ‘вызывать ужасную тошноту’) и по совокупности своих свойств схожи с идиомами.
Таким образом, полученные данные позволяют предложить модель градуальной шкалы лексикализации КЛГ: на одном из полюсов шкалы располагаются композициональные событийные КЛГ, приближающиеся по своим свойствам к свободным сочетаниям, в то время как эмотивные конструкции, не образующие единой группы, занимают различные позиции в зависимости от своих синтаксических свойств.

Литература:
Ježek E. Types et degrés de verbes supports en italien // Linguisticae Investigationes. 2004. 27 (2). 185—201.
Pisciotta F., Masini F. A paradigm of psych-predicates. Unraveling the constructional competition between light verb constructions and derived verbs in Italian // Light Verbs: Synchronic and Diachronic Studies. Düsseldorf, 2025. 121—173.
Pompei A., Piunno V. Light Verb Constructions in Romance languages. An Attempt to Explain Systematic Irregularity // Light Verbs Construction as Complex Verbs: Features, Typology and Function. Berlin, New York, 2023. 99—148.

Яковлева Екатерина Алексеевна
студентка 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Общее и различное в способах выражения категории посессивности в финском и эстонском языках

Финский и эстонский языки относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Несмотря на их общее историческое развитие, грамматика эстонского языка претерпела существенные изменения вследствие обширных контактов с индоевропейскими языками [Metslang, 2009].

В данной работе, которая носит обзорный характер, сходства и различия указанной пары языков рассмотрены в соответствии с функциональным подходом, а именно на основе семантической категории посессивности. Хотя все способы выражения посессивных отношений в финском и эстонском языках описаны, однако, насколько нам известно, в литературе нет полного сравнительного анализа категории посессивности в этих двух языках. Представленное сопоставление может быть полезным для дальнейших типологических и сравнительно-исторических исследований, а также для изучения контактных явлений.

Результаты сравнительного анализа показывают, что, с одной стороны, финский и эстонский языки по-прежнему сохраняют ряд общих способов выражения посессивных отношений [там же]. В рамках именной группы оба языка используют генитив для маркирования посессора, выраженного существительным. Кроме того, оба языка сохраняют историческую систему локативных падежей и использование одного из них — адессива, т. е. внешнеместного падежа — в предикативных посессивных конструкциях. Стоит отметить, однако, что в финском языке, в отличие от эстонского, отношение части и целого у неодушевленных объектов не трактуется как отношение принадлежности, в связи с чем для их описания употребляется внутреннеместный падеж, инессив.

С другой стороны, между финским и эстонским языками имеется два существенных отличия в способах выражения посессивности. Первое заключается в том, что финский язык сохранил историческую систему притяжательных суффиксов, которые маркируют обладаемое и референтируют к посессору, выраженному личным местоимением и (в случае местоимения третьего лица) являющемуся личностью [Toivonen, 2000]. В эстонском языке эта система была утрачена. Второе отличие состоит в том, что эстонский язык, по всей видимости, под влиянием индоевропейских языков развил конструкцию, близкую к среднеевропейскому посессивному перфекту, хотя не все исследователи признают это ареальной чертой [Haspelmath, 2001]. Тем не менее, фактически это конструкция с внешним посессором, так как два типа отношений (агенс — пациенс, обладатель — обладаемое) кодируются на разных синтаксических уровнях [Lindström, Tragel, 2010]. В финском языке конструкции с внешним посессором отсутствуют.

Таким образом, данные литературы показывают, что финский и эстонский языки, несмотря на близкое родство, действительно имеют ряд расхождений, которые дают типологически интересную картину.

Литература:

Haspelmath M. The European linguistic area: Standard Average European // Language typology and language universals: an international handbook. New York, 2001. 1492—1510.

Lindström L., Tragel I. The possessive perfect construction in Estonian // Folia Linguistica. 2010. 44 (2). 371—400.

Metslang H. Estonian grammar between Finnic and SAE: some comparisons // Language Typology and Universals. 2009. 62 (1—2). 49—71.

Toivonen I. The morphsyntax of Finnish possessives // Natural Language & Linguistic Theory. 2000. 18 (3). 579—609.

СЕКЦИЯ «ФОНЕТИКА»

Грибанова Елизавета Александровна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование фонетических и невербальных коррелятов эмпатичной речи в ситуации выражения сочувствия

Актуальность работы связана с быстрым развитием речевых технологий и их интеграцией в повседневную жизнь. Ключевой задачей при создании голосовых помощников является точное распознавание эмоций и намерений пользователя. В этом аспекте особое значение приобретает способность к эмпатии, в частности, к выражению сочувствия. Исследование фонетических коррелятов эмпатичной речи поспособствует созданию более адаптивных и персонализированных интерфейсов «человек-машина», что соответствует одному из приоритетных векторов развития искусственного интеллекта.

Основная цель исследования — выявить, какие просодические, невербальные и экстралингвистические характеристики коррелируют с намерением выразить сочувствие в разговоре с незнакомым и малознакомым человеком (в случае данной работы — в ситуации интервью), и каким образом.

Методологическую базу исследования составили слуховой анализ, акустический анализ, анализ мимики и жестов. В качестве эмпирического материала выступили записи речевых актов в ситуации интервью. Были использованы программы анализа речи Praat, WaveAssistant, сервис WebMAUS Basic, а также написаны скрипты на языке программирования Python. Для разметки жестов, запечатленных на видео, была использована программа ELAN.

Всего для анализа было выбрано десять дикторов (восемь женщин, двое мужчин). Трое из десяти дикторов являлись психологами, двое — журналистами или телеведущими, четверо — блогерами. На основе классификации речевых стратегий сочувствия Ю. В. Казачковой [Казачкова, 2006] в качестве самых употребляемых были выделены: стратегия поддержания и развития темы, инициированной адресатом, стратегия оценки ситуации как негативной, описание собственных чувств по поводу негативной ситуации. Обращения к собеседнику использовали преимущественно профессиональные психологи и ведущие. Наиболее разнообразные стратегии применяли психологи, что может быть связано с их профессиональными навыками.

В результате акустического анализа было выявлено, что гипотеза об акустических изменениях в виде сужения диапазона частоты основного тона и снижения джиттера подтвердилась. Результаты t-теста Стьюдента показали, что данное различие статистически релевантно. Возможно, речь, обладающая такими характеристиками, ассоциируется с комфортом, спокойствием. Гипотеза о снижении темпа и уровня шиммера не подтвердилась, хотя такие изменения характеристик встречались в исследованиях на материале других языков.

Наиболее частыми движениями во время выражения сочувствия стали кивки и взмахи головой, отвод взгляда вниз или в сторону, касания лица, груди, волос. Некоторые действия и комбинации действий демонстрировали эмоциональные паттерны: некомфортные движения (ерзанье, учащенное моргание), проявления грусти (нахмуренность), одна из дикторов взяла собеседницу за руку (тактильный контакт как проявление поддержки).

Литература:

Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): автореф. дис. ... к. филол. наук. Саратов, 2006.

Иванова Лолита Сергеевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Оценка эмоциональности синтезированной речи на драматургическом материале: анализ и перспективы развития

Синтез речи является одним из наиболее динамично развивающихся направлений на стыке искусственного интеллекта и обработки естественного языка. Ключевой проблемой остается недостаточная естественность эмоциональной составляющей синтезированной речи [Жарков, 2021]. Целью данного исследования является сравнение мелодического оформления в синтезированной и естественной речи.

Теоретическую основу для анализа интонации составила классификация Е. А. Брызгуновой, выделяющая семь типов интонационных конструкций (ИК) русского языка [Брызгунова, 1978]. Эмоциональным речевым материалом послужила аудиоверсия трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Из произведения были вручную отобраны 45 фрагментов, выражающих удивление и возмущение. Далее эти фразы были синтезированы с помощью общедоступной TTS-системы Speechnotes. Сравнительный анализ проводился путем аудирования и визуального анализа контуров.

Для удивления было выявлено три доминирующих паттерна: ИК-2 (31,8 %), ИК-6 (25 %), ИК-3 (20,5 %). Для возмущения — ИК-5 (59,1 %). Сравнительный анализ выявил полное совпадение ИК (4,4 %), частичное совпадение или близкие варианты (28,9 %), полное несовпадение (66,7 %). Наиболее частым типом ошибки была трансформация сложного эмоционального контура диктора в более простой, характерный для нейтральной речи.

Проведенный анализ открывает несколько перспективных направлений для развития технологий эмоционального TTS. Во-первых, требуется развитие методов синтеза, способных воспроизводить не только паттерны нейтральной речи, но и сложные тональные контуры (такие как ИК-5, ИК-6). Во-вторых, необходимо внедрение контекстуально-семантического анализа; системы должны включать модули глубокого семантического и прагматического анализа, которые позволят определять эмоциональную окраску текста на уровне реплики, сцены и подтекста. В-третьих, ввиду нехватки качественных размеченных данных [Болдаков, 2021], важно создание специализированных эмоциональных датасетов, которые включали бы разметку по базовым эмоциям, интонационным конструкциям, степени интенсивности и контексту.

Проведенное исследование подтвердило, что современные общедоступные системы синтеза речи, даже достигшие высокого качества в воспроизведении нейтральной речи, значительно отстают в передаче эмоциональности. На материале драматургического текста было показано, что основная проблема заключается в упрощении характерных для эмоций сложных интонационных контуров. Выявленные закономерности позволили очертить перспективы для дальнейших исследований. Таким образом, подобные системы смогут стать полноценными инструментами не только для передачи информации, но и для художественного озвучивания и более естественного взаимодействия между человеком и машиной.

Литература:

Болдаков В. С. Использование векторных представлений текста для синтеза эмоциональной речи // Вестник СибГУТИ. 2021. 4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vektornyh-predstavleniy-teksta-dlya-sinteza-emotsionalnoy-rechi (дата обращения: 15.01.2026).

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1978.
Жарков Р. А., Алексеев Е. Г. Системы компьютерного синтеза речи // XLIX Огаревские чтения: Материалы научной конф. Саранск, 2021. С. 198—201.

Киселева Ксения Олеговна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Интонационные системы трех наречий карельского языка: межнаречные различия и общая структурная модель

Интонационная организация высказывания играет важную роль в формировании коммуникативного значения и структурировании речевого потока. В карельском языке в последние десятилетия активно исследуются морфология, синтаксис, фонология, однако просодический уровень, и прежде всего интонационная система, остается менее разработанным. Более того, наличие наречной дифференциации в карельском языке позволяет предполагать возможные различия в реализации интонационных моделей. Цель исследования — выявление общих закономерностей, а также межнаречных различий в интонации повествовательных и вопросительных высказываний.

Материалом исследования стали записи монологической речи носителей ливвиковского, собственно карельского и людиковского наречий, отобранные из речевых корпусов KarRusCoS и «ВепКар». В анализ были включены записи информантов, для которых карельский язык является родным или активно используемым в повседневной жизни. Часть материала представляет собой свободные монологические рассказы, зафиксированные в естественных условиях; отдельные записи включают чтение текста. Всего было проанализировано 80 аудиозаписей (более 2500 синтагм).

В работе использовались слуховой анализ и инструментальное исследование частоты основного тона (F_0) с помощью программы WaveAssistant. В выборку включались только завершенные повествовательные высказывания, а также общие и специальные вопросы.

В результате было выявлено, что интонационные модели как для утвердительных, так и для вопросительных высказываний во всех исследованных наречиях во многом схожи. Для оформления завершенных синтагм преимущественно используется нисходящее движение основного тона, сопоставимое с ИК-1 в русском языке: после реализации интонационного центра (ИЦ) наблюдается понижение уровня тона в постцентровой части. При этом ИЦ в большинстве случаев реализуется на первом (ударном) слоге первого слова. Однако в ряде случаев было отмечено смещение ИЦ с начала высказывания на его смысловой центр, напр., в людиковском наречии и южнокарельских диалектах собственно карельского наречия.

Вопросительные высказывания в карельском языке реализуются с помощью морфологических или лексических средств: специальные вопросы оформляются с помощью вопросительных слов, а общие — посредством клитической частицы (*-go* и ее алломорфов), присоединяемой к первому компоненту синтагмы. Интонационно как общие, так и специальные вопросы демонстрируют мелодическую организацию, сходную с утвердительными высказываниями: в большинстве случаев их можно соотнести с ИК-1 по системе Е. А. Брызгуновой. Однако для вопросительных высказываний чаще характерен более ровный тон и менее выраженное постцентровое снижение.

Анализ показал, что интонационная система трех наречий карельского языка имеет общую структурную основу и характеризуется преобладанием нисходящих контуров. Межнаречные различия проявляются главным образом в степени закрепленности положения ИЦ и в характере движения тона в постцентровой части. Полученные данные требуют дальнейшего уточнения на более обширном материале, включая незавершенные высказывания, эмоционально окрашенные высказывания, перечисления, а также вопросы-

противопоставления и переспросы. Перспективным представляется также расширение анализа за счет привлечения дополнительных просодических параметров, таких как темп речи, паузационная организация.

Костюковская Александра Яковлевна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование разговорных и песенных жанров коренных жителей Архангельской области

Транскрипция и определение фонетических особенностей различных диалектов в целом представляет собой сложную лингвистическую задачу. В разных географических областях разговорный русский язык претерпевает изменения на фонетическом уровне: меняются вокализм и консонантизм в целом, меняются и отдельные звуки. Тем больший интерес представляют традиционные песенные жанры, такие как, напр., плач. Такие произведения более консервативны, чем разговорная речь, и региональные особенности языка проявляются там особенно ярко.

Целью работы являлась расшифровка нескольких отрывков разговорной и песенной речи и определение фонетических особенностей языка в этих отрывках. Актуальность работы заключается в важности отслеживания изменений в состоянии языка.

Исследование проводилось на материале записей речи пожилых коренных жителей Архангельской области (р. Пинега), полученных в ходе полевой практики 1984 г. и теперь хранящихся в ИРЛИ РАН Пушкинский дом. Основными особенностями речи северных регионов России, по С. К. Пожарицкой [Пожарицкая, 2005: 35], можно назвать следующее: в области вокализма — уменьшение редукции и различение в безударной позиции того же количества гласных, что и под ударением, при том, что между мягкими согласными количество различаемых гласных может уменьшаться за счет чередования фонем /a/ и /e/. Кроме того, в говорах южной и северной областей могут появляться дополнительные гласные фонемы — «е закрытое» и «о закрытое» (гласные могут иметь дифтонгоидный характер), и, соответственно, не характерный для нормативного русского языка средне-верхний подъем. При этом в первом предударном слоге в любом случае может различаться только 5 гласных фонем. Характерным также является оканье, разница между /o/ и /a/ значительно меньше, а /o/ появляется в безударном положении, что в нормативном русском языке происходит в единичных случаях.

В области консонантизма — возможно смещение фокуса заднеязычных мягких согласных вперед, что приводит к появлению палатальных согласных и может приводить к нейтрализации оппозиции заднеязычных и переднеязычных палатализованных согласных; позиция согласного после другого мягкого согласного может становиться позицией смягчения; усиленная аффрикатизация палатализованных переднеязычных взрывных согласных; различение двух твердых аффрикат /c/ и /č/.

В ходе исследования в записях были выявлены такие особенности языка, как: окающая, экающая, ыкающая норма; неоднородность гласных; огласовки на концах слов и после сонантов перед последующим гласным; появление дополнительных гласных фонем («е открытое» и «о закрытое»); в некоторых случаях замена [i] и [a]; ассимилятивная мягкость; аффрикатизация [t’]; замена смычного [g] на фрикативный; не характерное для нормативного русского языка ударение. Проведенный анализ показывает, что в исследованных отрывках присутствуют как изменения, характерные для северных говоров в целом, так и уникальные изменения.

По разным подсчетам было выделено от пятнадцати до двадцати с небольшим ярко выраженных особенностей говора пинежской области; из них около десяти совпадают

с выделяемыми учеными ранее — в основном, это отсутствие или уменьшение редукции гласных в безударном положении, экающая и окающая норма, а также усиленная палатализация согласных. Остальные отличия не были зафиксированы в других источниках.

Литература:
Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005.

Маковицкая Дарья Сергеевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет
Огуленко Валерия Алексеевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет
Паршакова Ангелина Андреевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет
Чепуштанова Анна Викторовна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ диалектной речи носителей онежских говоров

В докладе представлены результаты фонетического анализа диалектной речи носителей онежских говоров (Медвежьегорский район Республики Карелия). Материалом исследования послужили аудиозаписи из коллекции Фонограммархива ИРЛИ РАН. В ходе работы в программе WaveAssistant была выполнена сегментация звукового материала и слуховой анализ с последующим транскрибированием слов, содержащих диалектные черты. Выявлены системные фонетические особенности: оканье, фрикативный [ɣ], отсутствие эканья, стяженные формы прилагательных, цоканье и специфика реализации постфиксов. Полученные данные позволяют детализировать описание фонетического строя онежских говоров.

Онежские говоры входят в состав севернорусского наречия, наиболее распространенного в историческом Прионежье. Так, к онежской группе говоров относятся русские говоры в центральных и восточных районах республики Карелия, а также в районах Вологодской области, прилегающих к южному берегу Онежского озера. Онежский диалект обладает различными фонетическими особенностями, отличающими его от литературной нормы и от других говоров, что обусловливает актуальность его дальнейшего изучения. Цель данной работы заключается в выявлении и описании фонетических особенностей онежских говоров на материале аудиозаписей живой речи. Источниками исследования послужили четыре звуковых файла (МФ 5362.01, МФ 5399, МФ 5407, МФ 5408.1) общей длительностью более 90 минут из коллекции Фонограммархива ИРЛИ РАН, собранных в Медвежьегорском районе Карелии.

В ходе работы была выполнена полная текстовая расшифровка аудиоматериала с сохранением особенностей живой речи и последующая сегментация на фразы. В программе WaveAssistant проведена многоуровневая разметка, включающая выделение границ фраз и слов с диалектными особенностями с их фонетической транскрипцией.

В результате слухового и инструментального анализа были выявлены системные фонетические черты, характеризующие речь. В области вокализма наиболее яркой чертой является оканье — произношение [о] в безударных слогах (*молчат* [molʲˈt͡ɕat]), что является архаичной чертой севернорусского наречия. Кроме того, зафиксировано отсутствие эканья,

проявляющееся в произнесении указательного местоимения *эта* как [ˈ(j)etə] с сохранением качества ударного [e]. Характерны процессы ассимиляции и стяжения в глагольных формах (*причитывает* [prʲit͡ɛɪˈtɨvʌt]) и прилагательных (*старая* [stárɨjʌ]), а также произношение окончания *-ами* с твердым [mɨ] (*мыслями* [mɨ́slʼamɨ]). В системе консонантизма ключевой особенностью является реализация взрывного /g/ как фрикативного [ɣ] в различных позициях (*другой* [drʊˈɣoj], *кто* [xtó]), что считается системной чертой севернорусских говоров. Кроме того, в речи информантов отмечено цоканье (смешение аффрикат /ч/ и /ц/), в т. ч. его мягкий вариант (*речку* [rʼéc'ku]), а также специфика реализации возвратных постфиксов (*катилася* [kʌtˈílʲsʼe]).

Таким образом, проведенное исследование подтверждает устойчивость диалектной системы в речи носителей и сохранение архаичных черт севернорусского наречия в онежском говоре.

Панова Татьяна Алексеевна
студентка 2 курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Звуковая адаптация английских лексем в японском языке

Актуальность настоящего исследования обусловлена активным проникновением англицизмов в современный японский язык под влиянием глобализации, а также широким распространением заимствованной лексики в японских средствах массовой информации, рекламе, манге и аниме. В японской лингвистической традиции заимствования из европейских языков, преимущественно из английского, получили название *гайрайго* (外来語). Согласно данным исследователей, на сегодняшний день англицизмы составляют до 98 % всех заимствований из европейских языков, что делает изучение закономерностей их адаптации приоритетной задачей современной японистики.

Цель данной работы — выявление и систематизация основных закономерностей фонетической адаптации английских заимствований при их записи азбукой катакана. Для достижения поставленной цели в работе анализируются фонетические процессы, сопровождающие адаптацию англицизмов, а также рассматриваются конкретные примеры из современного японского языка.

Ключевой причиной, обусловливающей необходимость фонетической адаптации, является изосиллабическая природа японского языка, требующая, чтобы все слоги имели структуру <согласный + гласный> и равную длительность. Это фундаментальное отличие японской фонетики от английской, допускающей сложные стечения согласных и закрытые слоги. Именно фонетические ограничения языка-реципиента вызывают необходимость системной трансформации английских лексем при заимствовании.

Одним из ключевых процессов адаптации является замена отсутствующих в японском языке звуков. Поскольку фонетическая система японского языка не содержит прямых аналогов многим английским фонемам, они систематически заменяются на ближайшие японские соответствия. Английский латеральный [l] заменяется на японский одноударный [r] (*light* → ライト *raito*), губно-зубной [v] — на губно-губной [b] (*video* → ビデオ *bideo*), а межзубные спиранты [θ] и [ð] — на [s] и [z] соответственно (*bathroom* → バスルーム *basurūmu*).

Другим важным процессом является устранение стечений согласных, недопустимых в японском языке. Скопления согласных разбиваются путем вставки гласных, чаще всего [ɯ] или [o]: *class* → クラス *kurasu*, *granger* → グレンジャー *gurenjā*. Данный процесс позволяет преобразовать английские слова в последовательность допустимых для японского языка слогов типа <согласный + гласный>.

Особого внимания заслуживает геминация — удвоение согласных. Английские взрывные согласные (/p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/) в позиции перед гласным часто передаются с удвоением, обозначаемым знаком *сокуон* (っ): *bed* → ベッド *beddo*, *potter* → ポッター *pottā*. Это явление отражает стремление японского языка к сохранению просодических характеристик исходного слова.

Адаптация гласных также подчиняется определенным закономерностям. Ударные гласные и дифтонги в английских словах при заимствовании, как правило, становятся долгими, что передается знаком долготы (ー): *cake* → ケーキ *kēki*, *date* → デート *dēto*. Данное правило позволяет компенсировать утрату смыслоразличительных просодических характеристик при переносе слова в иную фонетическую систему.

Практическая значимость исследования заключается в возможности прогнозирования фонетической формы английских заимствований в японском языке, что важно для переводчиков, преподавателей и изучающих японский язык, а также для предотвращения коммуникативных неудач при межкультурном общении. Понимание выявленных закономерностей способствует более эффективному усвоению японского языка.

Редькин Егор Алексеевич
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Автоматическое определение дипфейков по аудио- и видеосигналу

С развитием технологий искусственного интеллекта синтез реалистичных видеоизображений (дипфейки) перестал быть прерогативой специалистов и стал общедоступным инструментом, что привело к его активному использованию не только в развлекательных, но и в мошеннических целях. Это обусловливает высокую актуальность разработки надежных методов автоматической детекции такого контента. Целью исследования является сопоставление эффективности двух подходов к детекции дипфейков: экспертного (лингвистического и биометрического) и инженерного.

Материалом для исследования послужили аутентичные и искусственно сгенерированные видеозаписи из общедоступных датасетов ASVspoof 2019, MLAAD, Silero Dataset, XMAD Bench общим объемом 22000 аудиофайлов, а также датасет Celeb DF (v.2), включающий образцы с заменой лиц. Все аудиоданные были унифицированы до односекундных речевых фрагментов с помощью системы Silero VAD. Для обработки видеоряда Celeb DF извлекались координаты лицевых точек, на основе которых рассчитывались два типа признаков: корреляционные матрицы, отражающие созависимость движений различных областей лица, и нормализованные расстояния между ключевыми биометрическими ориентирами. Для аудиосигнала применялись два подхода: экспертный (расчет MFCC, мел-спектрограмм и т. д.) и автоматический (извлечение эмбеддингов с помощью модели Wav2Vec).

Классификация осуществлялась с использованием трех архитектур нейросетей (полносвязная, 1D CNN и гибридная LSTM-CNN).

В результате было выявлено, что для аудиосигнала экспертные акустические признаки в сочетании с простым полносвязным классификатором значительно превосходят по качеству детекции автоматические эмбеддинги (AUC 0,936 против 0,745). При анализе видео на датасете Celeb DF было установлено, что биометрические признаки (нормализованные расстояния) и корреляционные матрицы позволяют эффективно обнаруживать синтезированные сигналы.

Анализ показал, что интерпретируемые признаки, основанные на лингвистических и биометрических знаниях, обеспечивают более высокую точность детекции дипфейков

по сравнению с «сырыми» нейросетевыми эмбеддингами, особенно при ограниченных вычислительных ресурсах и нацеленности на конкретные типы артефактов. Полученные выводы подтверждают необходимость привлечения экспертов в области фонетики и биометрии для разработки робастных систем противодействия синтезированному контенту и служат основой для дальнейших исследований, направленных на создание мультимодальных детекторов, комбинирующих различные типы признаков.

Садовский Александр Тимофеевич
студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие эмоциональной окраски речи в условиях шума и помех

Эмоциональная окраска речи при наложении шумов и помех воспринимается человеком неоднозначно. В то же время восприятие эмоциональной окраски речи всегда играло заметную роль в человеческом общении. Исследования в данной области предполагают анализ возможных способов, с помощью которых слушатель обрабатывает и интерпретирует звуковой сигнал, когда он искажен шумом, а также выявление зависимости точности распознавания эмоций от просодических характеристик высказывания. Процесс восприятия эмоций в шуме может рассматриваться как совокупность когнитивных и перцептивных операций, в определенной степени отражающих решение задачи по восстановлению и интерпретации искаженного акустического сигнала.

Цель исследования — выявить влияние интенсивности и характера фонового шума на достоверность распознавания эмоциональной окраски речи, а также определить категории эмоций, устойчивых к акустическим помехам.

Экспериментальная часть исследования построена на методе перцептивного прослушивания записей с разными типами наложенных шумов и помех. Участники эксперимента прослушивали высказывания, передающие эмоциональные состояния человека (радость, гнев, страх, отвращение, удивление и печаль). В эксперименте учитывались индивидуальные характеристики участников (пол; возраст; музыкальный опыт; показатели эмоционального интеллекта, полученные с помощью теста-опроса), потенциально влияющие на результаты исследования. Шумы моделировались таким образом, чтобы варьировать степень и характер искажения сигнала. Эксперимент моделировал условия разной сложности восприятия, в которых слушателям необходимо было распознавать ту или иную эмоцию. Перцептивный тест проводился на онлайн-платформе Google Forms. Наиболее выраженное снижение точности наблюдалось при увеличении уровня шума; при этом разные эмоции демонстрировали неодинаковую степень устойчивости.

Таким образом, можно утверждать, что повышение уровня шума вызывает снижение точности распознавания эмоционально окрашенной речи. При этом реакции на эмоции с выраженными акустическими характеристиками, такими как интенсивность, распознаются точнее и являются более устойчивыми к помехам. Эмоции с менее контрастной просодией, напр., более монотонные, распознаются менее успешно. Вместе с тем установлено, что точность распознавания зависит не только от акустических параметров, но и от индивидуальных особенностей слушателей. Выявленные зависимости могут быть использованы в дальнейшем при разработке систем автоматического анализа эмоциональной речи.

Тябина Ева Александровна

студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Интонационные характеристики французских вопросов типа «que-in-situ» и их реализация в речи носителей русского языка

Высказывания с вопросительным словом в конце в современном французском языке привлекают внимание лингвистов на протяжении последних 30 лет, тем не менее просодическое оформление таких высказываний продолжает вызывать споры в научном сообществе. В то время как одни исследователи считают нисходящую мелодику предпочтительной для этого типа вопросов, другие склоняются к преобладанию восходящих контуров. Не менее актуальна и проблема интонационной интерференции, возникающая при реализации вопросов с такой структурой русскоговорящими студентами. В соответствии с существующими описаниями оформление высказываний с вопросительным словом в конце в интонационной системе русского языка имеет ряд особенностей по сравнению с аналогичными вопросами во французском языке.

Цель работы — описать интонацию вопросительных высказываний с вопросительным словом в конце в современном французском языке и выявить особенности проявления интонационной интерференции, возникающей при реализации подобных синтаксических конструкций в речи русскоговорящих студентов, изучающих французский язык.

Был проведен акустический анализ на материале речи носителей французского языка, собранного из открытых источников. Корпус фактического материала включал в себя 50 аудиофрагментов с мужскими голосами и 50 фрагментов с женскими голосами. Дикторов мужского пола было 11, женского — 13. Возрастной диапазон для обеих групп составил от 20 до 32 лет.

В программе WaveAssistant для каждого аудиофрагмента проводилась расстановка периодов частоты основного тона (ЧОТ). Таким образом были получены данные о диапазоне изменений ЧОТ как внутри синтагмы, так и на разных ее участках: до вопросительного слова и на нем. Кроме того, были зафиксированы данные о крутизне мелодической кривой. Были установлены интонационные варианты оформления вопросов с конструкцией *que-in-situ*. Данные варианты могут быть дифференцированы на три группы, различающиеся характером изменения ЧОТ на финальном участке синтагмы: восходящий, нисходящий и ровный тон. Причем контуры с подъемом встречались наиболее часто. Отметим также, что характеристики реализаций с повышением ЧОТ оказались довольно разнообразными. Так, встречались подъемы как с относительно небольшим интервалом (до 35—40 Гц), так и со средним интервалом (до 90 Гц для женщин и до 70 Гц для мужчин), а также с очень большим (выше 90 Гц). Крутизна подъема могла быть как относительно плавной (до 400 Гц/сек), так и довольно острой (от 400 Гц/сек). Область синтагмы перед вопросительным словом можно было охарактеризовать как сглаженную.

При анализе интонационных вариантов, допустимых в русском языке для частных вопросов с вопросительным словом в конце, было установлено, что, как и во французском языке, возможны контуры как с повышением, так и с понижением ЧОТ. Однако в первом случае вопросительное высказывание может получать значение переспроса, что не обязательно во французском. Важно также отметить, что, как указывается в теоретических источниках, русскоговорящим студентам реализация нисходящей интонации представляется более удобной, нежели восходящей.

Файзеева Залина Айратовна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Фонетические особенности идиолекта А. Тернера

В данной работе рассматриваются фонетические особенности идиолекта А. Тернера, фронтмена группы «Arctic Monkeys». Несмотря на существование работ, посвященных фонетическим особенностям речи Тернера на материале его песенного творчества, его спонтанная речь в диахроническом аспекте до сих пор не привлекала внимания исследователей, что обусловливает новизну данной работы.
Цель исследования — выявить и описать изменения фонетических особенностей идиолекта Тернера. Материалом для исследования послужили шесть интервью с музыкантом, находящиеся в открытом доступе и распределенные по трем периодам: 2007—2008, 2011—2013 и 2018—2023 (по два интервью в каждом). Такая периодизация обусловлена ключевыми этапами биографии и карьеры Тернера, включая его длительное проживание за пределами Великобритании.
Метод слухового анализа был выбран в качестве основного ввиду невозможности проведения инструментального анализа из-за низкого качества ранних записей. Исследование фокусируется на фонетических чертах, наиболее четко различимых на слух и свойственных диалекту Шеффилда: реализация гласной в словах типа *cup*, *love* или *strut* как /ʊ/, вариативная реализация /t/ (как гортанной смычки [ʔ] или как альвеолярного флэпа [ɾ]), а также выпадение /h/. Для обеспечения достоверности полученных данных был использован метод независимой экспертной оценки с привлечением преподавателя практической фонетики.
Вопреки ожидаемой гипотезе о линейном движении от ярко выраженного регионального акцента к стандартной американской норме, формируемой под давлением медийной среды, анализ выявил нелинейную динамику. Наиболее показательна реализация гласной в словах типа *cup*, *love* или *strut* как /ʊ/: в ранний период (2007—2008) зафиксировано 18 случаев из 21; в средний (2011—2013) — 24 из 31; в поздний (2018—2023) — 31 из 37. Это свидетельствует не о нивелировании диалектных черт, а об их закреплении в поздний период. Аналогичная динамика наблюдается и при анализе других рассмотренных в работе фонетических особенностей. Таким образом, идиолект Тернера демонстрирует не утрату, а закрепление фонетических черт, которые, вероятно, выполняют функцию маркера его социальной и региональной идентичности.

Федотова Светлана Ивановна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Акустические характеристики иронии в англоязычных фильмах

Ирония является одной из самых сложных эмоций для опознания представителями иной лингвокультуры. Необходимо рассмотреть, с помощью каких просодических и невербальных характеристик проявляется ирония, чтобы полученные выводы могли быть использованы для создания методического материала по английскому языку для русскоязычных обучающихся.
Основная цель работы заключается в описании и анализе акустических характеристик иронии в англоязычной культуре.
В работе рассматривается выражение иронии британцами, поэтому было решено выбрать в качестве материала англоязычные фильмы: «Harry Potter and the Sorcerer’s Stone» (2001), «Harry Potter and the Chamber of Secrets» (2002), «Cinderella» (2015), в которых рассматривалась речь только актеров-британцев, чья речь соответствует нормативному британскому произношению Received Pronunciation / Southern Standard English.

Одной из функций интонации является выражение эмоций [Светозарова, 1982], в т. ч. и иронии. В ходе исследования были проанализированы интонационные контуры в 22 иронических высказываниях. Не получилось выделить определенные контуры, которые всегда бы использовались носителями для выражения иронии. Авторы статьи «Is there an Ironic Tone of Voice», проведя эксперимент с зашумленными ироническими и нейтральными высказываниями, тоже высказали мнение об отсутствии особого интонационного контура для выражения иронии [Bryant, Fox Tree, 2005]. Однако можно выделить наиболее и наименее частотные модели, используемые при иронической речи. Предполагалось, что эмоциональные составные контуры Switchback (нисходяще-восходящий) и Jackknife (восходяще-нисходящий) встретятся наибольшее количество раз, однако они встретились только в 23,3 % случаев. Чаще всего при иронической речи встречалось падение, как низкое, так и высокое — 56,6 % случаев. Наличие восходящей интонации оказалось достаточно редким (около 10 % случаев).

Кроме того, были проанализированы длительности гласных в интонационных центрах иронических высказываний и сопоставлены с длительностью в неироническом (одобрительном) контексте. Всего было проанализировано 36 гласных в иронических и 40 гласных в одобрительных высказываниях. Результаты показали, что ироническому высказыванию присущ более длительный гласный в интонационном центре. Особенно ярко это наблюдается у напряженных гласных и дифтонгов перед сильным согласным (увеличение на 100 мс) и в абсолютном конце слова (увеличение на 80 мс). Ненапряженные гласные в иронической речи удлиняются значительно меньше. Данные сведения могут рассматриваться как основание для предположения о том, что иронические высказывания характеризуются замедленным темпом речи. В частности, Брайант придерживается позиции, согласно которой при реализации иронии наблюдается тенденция к снижению темпа артикуляции [Bryant, 2010].

В дальнейшем данная работа может развиваться в нескольких направлениях. Она может быть продолжена рассмотрением большей выборки иронических высказываний, а также сравнением результатов с другими вариантами английского языка. Кроме того, исследование может быть расширено сравнением характеристик иронии в английском и русском языках.

Литература:

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
Bryant G. Prosodic Contrasts in Ironic Speech // Discourse Processes. 2010. 47 (7). 545—566.
Bryant G., Fox Tree J. Is there an Ironic Tone of Voice? // Language and Speech. 2005. 48 (3). 257—277.

Юн Бада
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Использование музыкальной наглядности в обучении фонетике корейского языка

В обучении иностранным языкам фонетика играет ключевую роль для понимания речи и формирования произносительных навыков. В этой связи музыкальная наглядность рассматривается как средство, способствующее освоению фонетических особенностей, благодаря ритму, интонации и рифме музыкального материала. Исследование направлено на использование музыкальной наглядности для освоения фонетических особенностей корейского языка. В качестве иллюстративного материала для демонстрации дидактического потенциала музыкальной наглядности выбрана песня «Whalien 52» группы «BTS».

Данный материал позволяет наблюдать за нейтрализацией гласных /ㅖ/ и /ㅐ/, а также /ㅙ/ и /ㅚ/ в следующих словах: *한가운데* ‘в самом центре’, *다무네* ‘молчит’, *머물 때* ‘когда остаешься’, *말을 해* ‘говорит’ и *자물쇠* ‘замок’, *벽이 돼* ‘становится преградой’, *척이 돼* ‘считается притворством’.

Анализ произношения данного песенного текста позволяет выявить особенности современной корейской фонетической системы, а именно отсутствие фонетического различия между гласными /ㅖ/ и /ㅐ/ в реальной речевой практике, а также реализацию дифтонгов /ㅚ/ и /ㅙ/ как единого звукового варианта. Следовательно, эта фонетическая особенность является обязательным компонентом обучения произношению корейского языка и необходимым элементом образовательной программы [국립국어원, 2011].

В рассматриваемой песне гласные /ㅖ/, /ㅐ/ и /ㅚ/, /ㅙ/ выбраны для согласования рифмы, поскольку в естественной речи они фонетически не различаются. Вследствие этого соответствующие слоги повторяются и получают мелодическое и ритмическое выделение.

Таким образом, анализ аудиофрагмента показывает, как в тексте песни отражаются фонетические особенности корейских гласных. В ходе анализа рифмы таких песенных текстов обучающиеся могут естественным образом усвоить некоторые особенности корейских гласных. Для практической реализации на занятиях предлагается методика работы с аудиофрагментом песни «Whalien 52», предполагающая поэтапный анализ реализации корейских гласных /ㅙ/ и /ㅚ/ в естественной речи. Работа включает выявление данных гласных в звучащем материале, последующий анализ их реального звучания в сопоставлении с нормативной формой, а также воспроизведение отобранных примеров с ориентацией на интонационно-ритмические характеристики оригинала. Выполнение данного задания позволяет обучающимся практическим образом закрепить восприятие фонетических особенностей корейских гласных в естественной речи, развить навыки аудирования и усовершенствовать произношение через воспроизведение выделенных слогов с учетом мелодики и ритма. Кроме того, музыкальная наглядность способствует формированию у обучающихся навыков самостоятельного открытия закономерностей фонетических особенностей в музыкальных и языковых контекстах.

Таким образом, музыкальная наглядность имеет методическое значение как средство ознакомления обучающихся с фонетическими особенностями иностранных звуков. Она дает пример естественной речи с фонетическими изменениями, но выступает не просто как иллюстрация, а как инструмент обучения, который позволяет студентам самостоятельно выявлять фонетические закономерности.

Литература:

국립국어원. 국제 통용 한국어교육 표준 모형 개발 2단계. 국립국어원, 2011.

Zverev Mikhail Eduardovich
Master’s Student
National Research University Higher School of Economics

Describing Aspects of Speech Rhythm at Advanced Proficiency Levels (A Quantitative Study)

This research is grounded in integrated rhythmology, a school of thought that regards rhythm as a multifaceted system structured by different language strata and means [Antipova, 1984; Teixeira, 2023]. Rhythm is also viewed from the perspective of non-nativeness. Non-native discourse is a speech performance marked by non-native language features. Within this domain, rhythm is the least explored phenomenon [Gut, 2012].

This study aims to describe the two fundamental units of rhythmic hierarchy, rhythmic structures (RSs) and rhythmic schemes of syntagms (RSSs), and to investigate how these units are redistributed among advanced learners at B2, C1 and C2 language proficiency levels.
The corpus was collected from October through December 2024. It comprises approximately 20 minutes of oral speech. Each participant (n = 13) reads out a descriptive narrative passage taken from English examination preparation materials. Participants were assigned to language groups using a multistage procedure that included an online English proficiency test, two speaking and writing tasks and a placement interview.
The research encompasses several methods. Among them is Zlatoustova's approach, involving the classification of RSs (the number of syllables and the position of the stressed syllable) and the analysis of RSSs (the number of RSs within a syntagm). For the statistical analysis of the data, Manhattan (L1) and Euclidean (L2) distances are used to find out how the chosen groups differ from one another.
The results of calculating Manhattan and Euclidean distances demonstrate that the smallest distance values are observed between groups C1 and C2 at the level of RSs (L1 = 45; L2 = 12.5), indicating a high degree of similarity in the distribution of these units. However, group B2 shows significant differences from groups C1 (L1 = 98; L2 = 28.5) and C2 (L1 = 89; L2 = 27.3). This suggests that the rhythmic organisation of speech in group B2 has a set of specific rhythmic features that set it apart from groups C1 and C2, while these groups form a more homogeneous cluster.
A similar analysis conducted for RSSs confirms the identified trend. The distances between groups C1 and C2 are minimal (L1 = 29; L2 = 10.4), underscoring a homogeneity in the distribution of RSSs. Group B2 shows a significant distance from C1 (L1 = 72; L2 = 47.7) and C2 (L1 = 69; L2 = 35.8) groups. Hence, both types of analysis, at the level of RSs and RSSs, indicate that groups C1 and C2 form a close cluster regarding speech rhythm patterning, whereas group B2 represents a distinct group with its own rhythmic features.
The current research attains its primary goal of describing RSs and RSSs across advanced proficiency levels. The results suggest that, when analysed using Manhattan and Euclidean distances, speech rhythm can serve as an indicator of language proficiency.

References:
Antipova A. M. The Rhythmic System of English Speech. Moscow, 1984.
Gut U. Rhythm in L2 Speech // Speech and Language Technology. 2012. 14 (15). 83—94.
Teixeira L. A. S. A Multidimensional Analysis of English-L2 Rhythm Development // Ilha do Desterro. 2023. 76 (3). 223—250.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛИНГВИСТИКА»

Гарасимюк Анастасия Алексеевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Нужно ли преподавателю махать руками: роль невербального поведения в академическом дискурсе

В современной лингвистике невербальное поведение рассматривается как неотъемлемая часть коммуникации, которой уделяется внимание в исследованиях устной речи. С точки зрения мультимодальной лингвистики невербальное поведение является визуальным компонентом мультимодального дискурса, существующим наравне с вербальным и просодическим компонентами [Кибрик, 2010].

Исследования невербального поведения в коммуникации [McNeil et al., 2000; Goldin-Meadow, 2000; Macoun, Sweller, 2016] показывают, что некоторые типы жестов могут облегчать восприятие устной речи, что может благотворно влиять на образовательный процесс. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить роль невербального поведения преподавателя в успешности усвоения учебного материала студентами. Гипотеза исследования подразумевает, что невербальное поведение лектора будет положительно влиять на ответы студентов при проверке знаний [Goldin-Meadow, 2000; Macoun, Sweller, 2016].

Основным методом для данного исследования выступает психолингвистический эксперимент. Эксперимент проводился в формате очных встреч с группами участников и подразумевал просмотр участниками четырех видеофрагментов лекции по статистике, два из которых содержали жестикуляцию, а два других — нет; после просмотра каждого видеофрагмента участники отвечали на вопросы по содержанию материала, а также заполняли анкету, в которой давали субъективную оценку просмотренному.

В исследовании приняли участие 69 человек (63 женщины, 6 мужчин), все участники являются студентами СПбГУ в возрасте от 17 до 27 лет. Подготовительный этап работы включал в себя запись лекции по статистике и последующую обработку стимульного материала. После проведения эксперимента был проведен статистический анализ полученных результатов с использованием методов линейной регрессии (для анализа ответов на вопросы по содержанию) и двунаправленного t-теста (для анализа ответов на вопросы закрытого типа в анкете).

Данные статистического анализа позволяют сделать вывод о том, что, хотя невербальное поведение лектора не влияет напрямую на качество усвоения материала студентами (о чем говорит отсутствие значимых различий в ответах учащихся на вопросы по содержанию после просмотра стимулов с жестами и без них, $p = 0,44$), оно способствует созданию более благоприятного облика преподавателя: участники оценивали лектора в видеофрагментах с жестами как более компетентного и уверенного, а сами видео — как более интересные ($p = 0,02$).

Литература:

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. Вып. 4. С. 134—152.

Goldin-Meadow S. Learning with and without a helping hand // Perception, cognition, and language: Essays in honor of Henry and Lila Gleitman. 2000. 121—137.

Macoun A. Listening and watching: The effects of observing gesture on preschoolers' narrative comprehension // Cognitive Development. 2016. 40. 68—81.

McNeill N. M., Alibali M. W., Evans J. L. The Role of Gesture in Children's Comprehension of Spoken Language: Now They Need It, Now They Don't // Journal of Nonverbal Behavior. 2000. 24 (2). 131—150.

Павлова Ольга Александровна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

«Учитесь учиться!»: как анализировать фонетическую редукцию в речи учителей?

Одним из основных инструментов педагога является его речь. Так, в исследовании [Павлова, Риехакайнен, 2025] на материале записей школьных уроков описан анализ реализаций нескольких слов, часто подвергающихся редукции в спонтанной речи. Согласно полученным результатам, полнота их сегментного состава зависит среди прочего от степени результативности педагога. Однако эти выводы справедливы только

для частотных слов, которые мы выбрали для анализа. В качестве продолжения исследования мы решили проанализировать полноту реализации всех слов, которые встречаются в речи учителя на уроке. Материалом послужили девять записей школьных уроков в 5—8 классах (общая продолжительность аудиозаписей — 309 минут). Если на этом материале также подтвердится наш предварительный вывод о том, что в речи результативных учителей редуцированные формы встречаются чаще, неполноту фонетического состава можно будет считать одной из характеристик речевого портрета результативного учителя.

Описание сегментного состава всех (а не только некоторых) слов в потоке устной речи — это трудоемкая и времязатратная процедура, которая требует предварительного решения ряда теоретических и практических задач. Целью доклада является описание методики расшифровки и анализа записей устной речи, которую мы используем для анализа редукции в речи учителей, и обсуждение дискуссионных вопросов, с которыми могут столкнуться исследователи, занимающиеся расшифровкой устной речи.

На подготовительном этапе мы осуществляем два вида транскрипции: т. н. реальную, отражающую реальное произношение в аудиозаписи, и идеальную, соответствующую орфоэпическим правилам кодифицированного русского языка. Реальная транскрипция выполняется экспертами-фонетистами в программе Praat на основе слухового и инструментального анализа по принципам, использующимся в Корпусе русской устной речи (https://russpeech.spbu.ru/transkrip.htm). Однако, в отличие от них, мы определяем фонетическую принадлежность только для ударных гласных, а безударные обозначаем символом <*>, что связано с затруднениями, которые вызывает определение качества гласных в безударной позиции в русской спонтанной речи. Идеальная транскрипция создается с опорой на орфографическую расшифровку и орфоэпические правила кодифицированного русского литературного языка, изложенные в [Вербицкая, 2001; Богданова, 2009]. При этом мы принимаем ряд ограничений, о которых будет подробно рассказано в докладе: об отражении двойных согласных и гласных в зависимости от их положения в потоке речи, интервокальном йоте и выделении фонетических слов. Для выявления единиц, подвергшихся редукции, проводится сопоставление реальной и идеальной транскрипций в программе Excel с использованием встроенных формул.

В докладе будут также представлены предварительные результаты анализа редукции в речи учителей, полученные с применением описанной методики.

Литература:
Богданова Н. В. Произношение и транскрипция. СПб., 2009.
Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2001.
Павлова О. А., Риехакайнен Е. И. Четкие ребята? Фонетическая редукция в речи школьных учителей // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М., 2025. С. 382—386.

Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 96806302 (123042000132-6).

Хайбуллаева Лада Игоревна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-семантические особенности ментального лексикона старшеклассников и специфика организации лексикона иностранного языка

В рамках онтолингвистики существует множество исследований, посвященных изучению лексикона детей раннего и дошкольного возраста, в то время как старший школьный

возраст обычно остается вне фокуса внимания, хотя его роль в развитии языковых способностей учащихся не менее важна. Согласно Л. С. Выготскому, в этот период происходит активное взаимодействие житейских и научных понятий, что коренным образом реорганизует весь ментальный лексикон [Выготский, 1934: 176—177], определяемый А. А. Залевской как «совокупность знаний человека о словах, об их значениях и о взаимоотношениях между ними, т. е. то, что обеспечивает не только понимание слов, но и их употребление в речи» [Залевская, 1990: 51]. Принципиально важным является положение о том, что ментальный лексикон представляет собой самоорганизующуюся вероятностную систему, которой Залевская приписывает следующие свойства: многослойность и многоуровневость организации (выделяются ядерные и периферийные зоны); единство лексикона и энциклопедических знаний: слова хранятся не изолированно, а в неразрывной связи со знаниями о мире; непрерывность лексикона, т. е. отсутствие жестких границ между единицами, возможность перехода с периферии в ядро и обратно в зависимости от актуальности тех или иных понятий [там же: 50—52].

Говоря о различиях в организации ментального лексикона родного и иностранного языка, важно отметить, что билингвальный лексикон нельзя назвать суммой двух монолингвальных лексиконов: он представляет собой единую интегрированную систему с возможностью активации того или иного языка в зависимости от контекста. Среди факторов, влияющих на организацию лексикона второго языка у старшеклассников, выделяют возраст начала изучения, способ семантизации лексики, а также приближенность к условиям естественной языковой среды. Поскольку активно используемая лексика ограничена тематикой учебной программы, она часто не включает многие слова, необходимые для спонтанного общения. Учитывая современную ситуацию, можно выдвинуть гипотезу о том, что для англоязычного лексикона российских старшеклассников характерны ограниченность ядерной зоны, опосредованность семантики через родной язык, преобладание формальных связей, неравномерность развития языковых подсистем. Для выявления ядра языкового сознания старшеклассников применительно к английскому языку была разработана анкета, включающая пять блоков:

1. Свободный ассоциативный эксперимент. Первая ассоциация к 20 словам.
2. Направленный ассоциативный эксперимент. Генерация по три слова на восемь тем.
3. Шкалирование субъективной значимости и частотности. Оценка 20 слов по двум шкалам: частота использования и важность для выражения мыслей.
4. Субъективная оценка связности. Оценка тесноты связи между 20 парами слов.
5. Свободное продуцирование текста. Мини-сочинение по теме «My life and my plans for the future».

Поскольку цель работы состояла в создании анкеты, результаты исследования могут использоваться для оптимизации обучения иностранному языку, разработки лексических минимумов, диагностики уровня сформированности иноязычной компетенции и создания учебных словарей.

Литература:

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., Л., 1934.
Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

Юрьева Мария Сергеевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Вопросы и ответы о биномиалах в детской речи

Современная лингвистика все более пристальное внимание уделяет изучению устойчивых, предикативно или прагматически мотивированных вербальных единиц, функционирующих в речи как готовые блоки. Среди таких единиц особое место занимают биномиалы: выражения с двухвершинной структурой, элементы которых соединены сочинительной связью. Биномиалы формируют непрерывный континуум от окказиональных единиц до устойчивых сочетаний, куда относятся и идиомы [Буб, 2018; Кочнева, 2024]. Интерес к биномиалам обусловлен не только их высокой частотностью в естественной речи, но и их ролью в формировании языковой компетенции, особенно на ранних этапах онтогенеза.

Исследования показывают, что биномиалы являются важным показателем в процессе усвоения иностранного языка [Fan, Wang, 2024]. Однако вопрос о том, как биномиалы формируются у детей при усвоении родного языка и какие характеристики на это влияют, остается недостаточно изученным. Наше исследование посвящено изучению влияния частотности и устойчивости биномиалов на успешность их усвоения русскоязычными детьми.

Для эксперимента выбрана методика дополнения. На базе списка биномиалов из работы М. М. Кочневой [Кочнева, 2024], где все единицы были проверены по Национальному корпусу русского языка по частотности, были составлены четыре протокола по 42 биномиала в каждом. Исходный список был разделен на три частотные группы: высокочастотную (ipm выше 1), среднечастотную (ipm от 1 до 0,5) и низкочастотную (ipm ниже 0,5). Для каждой группы было отобрано одинаковое количество стимулов и филлеров (по 10 стимулов и 16 филлеров). Между биномиалами преобладали отношения антонимии, синонимии и гиперо-гипонимии. Каждый протокол содержал равное число стимулов с опущенным первым или вторым элементом; порядок стимулов ранжировался случайным образом. В эксперименте приняли участие 163 человека (49 учащихся третьего класса, 64 — четвертого класса и 50 — седьмого класса), все участники являлись носителями русского языка.

Исходная гипотеза подразумевает, что в целом учащиеся средней школы будут успешнее восстанавливать опущенные слова, чем учащиеся начальной школы. Кроме того, опираясь на результаты исследования Кочневой, мы ожидаем, что биномиалы с опущенным первым компонентом будут восстанавливаться хуже, чем биномиалы с опущенным вторым компонентом. Также успешность восстановления будет зависеть от частотности биномиала.

Предварительный анализ полученных данных позволяет выделить следующие закономерности: гипотеза подтвердилась частично. Учащиеся средней школы действительно справились с восстановлением опущенного слова лучше, чем учащиеся начальной школы. Частотность биномиала также повлияла на успешность выполнения задания для всех возрастов. Однако влияние позиции опущенного компонента требует более детального анализа.

Литература:

Буб А. С., Резанова З. И. Степень устойчивости биномиалов русского языка в соотношении с параметрами частности и предсказуемости элементов // Вестник Томского государственного университета. 2018. Вып. 437. С. 15—22.

Кочнева М. М. Механизмы обработки высокочастотных биномиалов русского языка: экспериментальное исследование с использованием методики регистрации движений: ВКР. СПб., 2024.

Fan K., Wang H. The productive processing of formulaic sequences by second language learners in writing // Frontiers in Psychology. 2024. 15. 1281926—1281944.

Юсупова Амалия Рауфовна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Становление конструкций с семантикой времени в дискурсе детской речи

Настоящая работа посвящена изучению того, как дети в возрасте от двух до семи лет осваивают темпоральные отношения, выраженные в конструкциях. Овладение конструкциями с темпоральным значением рассматривается в работе как часть более общего процесса освоения детьми конструкций; вместе с тем этот процесс рассматривается в связи с развитием когнитивной способности ориентироваться во времени.

Под конструкциями в данной работе, вслед за А. Голдберг, понимаются «эмерджентные кластеры компрессированных следов памяти, которые выравниваются в нашем гипермерном концептуальном пространстве на основе общих измерений формы, функции и контекста» (перевод автора) [Goldberg, 2019: 7]. Как указывает М. Томаселло, «когда люди снова и снова говорят “схожие” вещи в “схожих” ситуациях, со временем может возникнуть паттерн употребления языка, схематизированный в сознании носителей как та или иная лингвистическая категория или конструкция» (перевод автора) [Tomasello, 2006: 3]. В отношении детской речи этот тезис применим следующим образом: «Маленькие дети не структурируют свою раннюю речь с помощью абстрактных правил — за тем исключением, что они с раннего возраста владеют некоторыми структурами, основанными на элементах с открытыми, но все еще семантически ограниченными “ячейками”» [там же]. Таким образом, усвоение конструкций с темпоральным значением должно происходить через восприятие «взрослых» паттернов употребления временных конструкций.

Материалом исследования стали данные корпуса детской речи CHILDES, видео- и аудиозаписи детской речи из открытых источников, а также опубликованные речевые дневники детей. В настоящий момент сбор материалов продолжается.

Отбор конструкций производится вручную. В качестве опорного материала для поиска конструкций используются данные Конструктикона: выборка формируется по ключевым словам (*время*, *час*, *когда* и т. п.). В ряде случаев в конечную выборку попадают конструкции, не зафиксированные в Конструктиконе.

Гипотеза исследования состоит в том, что существует определенная последовательность освоения детьми конструкций с темпоральной семантикой. Предполагается, что сначала осваиваются конструкции, выражающие «абсолютное» время (*сейчас*, *вчера*), а позже — конструкции, передающие «относительное» время (*затем*, *после того как*).

К ключевым проблемам работы можно отнести субъективный отбор конструкций и высокую индивидуальную вариативность детской речи: последовательность освоения может различаться у разных детей, поэтому необходимо проанализировать максимально разнообразную выборку.

Дальнейшая работа предполагает систематизацию отобранных конструкций по типам временных отношений и выявление возрастных этапов их появления в речи. На следующем этапе планируется сопоставить полученные результаты с данными исследований на материале других языков, чтобы выяснить, является ли выявленная последовательность универсальной или же она обусловлена спецификой грамматической системы русского языка.

Литература:

Goldberg A. E. Explain me this: Creativity, competition, and the partial productivity of constructions. Princeton, 2019.

Tomasello M. Construction grammar for kids // Constructions. 2006. SV1—SV11. 1—23.

Mitina Victoria Alekseevna
Student
St. Petersburg State University

A Double-Edged Sword: Code-Switching in Russian EFL students

With English being a lingua franca for multicultural interaction, this research identifies code-switching as an important tool for efficient educational process. While well-studied from a sociolinguistic perspective, the role of this phenomenon in education still remains controversial. The study seeks to determine the function of code-switching as an integral component in education.

Code-switching is commonly observed among students specializing in linguistics with sufficient level of language proficiency to operate in several languages both during learning process and beyond. Learners need to acquire a new system of concepts, which may differ from their native language due to diverse socio-cultural backgrounds. The use of both native and target languages in classrooms is believed to be effective since it provides students with greater opportunities to express their thoughts in discussions [Gonzales, Machado, 2022]. Code-switching among students may indicate either a lack of language proficiency or intellectual superiority, which makes it a point of debates in education [Cedden et al., 2025].

Russian learners, by combining languages, fill lexical gaps to make it sound complete, inserting Russian words and preserving English grammar. The possible reasons for code-switching are as follows: the conscious intention to practice both languages; incomplete cognitive transition from a target language to a native one; growing bilingual proficiency [Gosselin, Sabourin, 2023]. The critical inquiry concerns the frequency of English usage outside academic frameworks, as habitual engagement in intrapersonal and interpersonal communication serves as a critical factor for the learning process, significantly enhancing fluency.

The research was based on an analysis of the bilingual speech of ten second-year EFL students both in class and in informal settings. 30 dialogues among English learners were analyzed using introspective and comparative methods. The results indicate that Russian learners navigate various aspects of English, operating in both languages simultaneously and creating a supportive environment for language practice. In addition, the findings reflect the idea that languages combine in a system where both remain active and can be used as the situation requires. Teachers should take into account these features of code-switching, integrating both Russian and English for enhancing students' comprehension.

Ultimately, this phenomenon remains a vibrant area of linguistic and pedagogical inquiry. From a contemporary perspective, code-switching as the ability to operate in several languages simultaneously has become an essential skill in a globalized world. Moreover, this research has shown that code-switching is becoming integrated into education and beyond, with its psychosocial features serving as a strategy for effective language acquisition.

References:

Cedden G., Meyer P., Özkara B., von Stutterheim C. The "code-switching issue": transition from (socio)linguistic to cognitive research // Bilingualism: Language and Cognition. 2025. 28 (5). 1446—1459.

Gonzales G. C., Machado E. Taking the Leap: Supporting Multilingual Writers Through Translanguaging // The Reading Teacher. 2022. 75 (6). 685—692.

Gosselin L., Sabourin L. Language athletes: Dual-language code-switchers exhibit inhibitory control advantages // Frontiers in Psychology. URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1150159/full (18.02.2026).

СЕКЦИЯ «КОМПЬЮТЕРНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Азина Варвара Андреевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Создание нейросетевого консультанта по учебным программам филологического направления

В настоящее время большие языковые модели (LLM) активно применяются в различных областях деятельности для решения прикладных задач. Среди прочего, на их основе создаются генеративные нейросети и вопросно-ответные системы, используемые в качестве интеллектуальных помощников. Одним из методов работы с большими языковыми моделями является технология Retrieval Augmented Generation (RAG), которая особенно полезна при решении узкоспециализированных задач. Метод RAG позволяет улучшить ответы LLM путем поиска информации во внешних источниках. Он обеспечивает генерацию более точных и информативных ответов, а также способствует уменьшению риска возникновения галлюцинаций.
Использование методов RAG открывает новые перспективы при решении задач компьютерной лингвистики. Целью работы является разработка с помощью RAG нейросетевого консультанта для помощи абитуриентам, поступающим на образовательные программы бакалавриата СПбГУ. В качестве специальности были рассмотрены образовательные программы направлений «Филология» и «Лингвистика».
Работа над проектом состояла из нескольких этапов. Для создания базы данных были использованы актуальные учебные планы и описания программ по выбранным направлениям. Эти данные были предварительно обработаны: очищены от избыточной информации и приведены к формату, удобному для использования. На языке Python был разработан программный код нейросетевого консультанта, к которому была подключена собранная база данных. На последующих этапах проводилось тестирование системы, включавшее проверку точности и качества ответов.
Данные методы позволили создать бота-помощника, способного свободно отвечать пользователям на вопросы, касающиеся содержания учебных планов интересующих специальностей. Кроме того, консультант может давать абитуриентам рекомендации относительно выбора предпочтительной сферы деятельности, помогая разобраться в широком диапазоне специальностей. Таким образом, результатом работы является создание инструмента, который может быть использован для повышения качества коммуникации с абитуриентами СПбГУ. В дальнейшем работа может быть направлена на расширение возможностей данного бота, в первую очередь на расширение списка факультетов и специальностей, включенных в базу данных.

Бакаева Маргарита Константиновна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Отображение ассоциативных связей в реакциях носителей русского языка и больших языковых моделей

Работа посвящена исследованию соответствия между ассоциативными реакциями носителей русского языка и ответами больших языковых моделей (LLM) в экспериментах

с персонифицированными промптами. Гипотеза состоит в том, что если LLM адекватно воспринимает естественный язык, то в ассоциативном эксперименте ответы модели должны соответствовать реакциям русскоговорящих. Вероятно, реакции модели будут близки к значениям «Ассоциативного словаря употребительной русской лексики» [Стернин, Рудакова, 2019: 130], из которого были заимствованы словарные данные в качестве материала исследования.

В ходе ассоциативного эксперимента задачей LLM является формирование набора слов-ассоциатов в ответ на данные стимулы. Ассоциаты, сгенерированные языковой моделью, сравниваются с ассоциациями, приведенными в словаре. Выбор источника данных обусловлен тем, что в нем зафиксированы ответы носителей русского языка с оценкой по частотности реакций и их дифференциации по полу и возрасту говорящих, что является удачным решением для большей репрезентативности данных. В эксперименте с промптами данные признаки говорящих отражены при формировании четырех синтетических персон, что позволяет получать более точные ответы от языковой модели.

В исследовании использовалась бесплатная модель Gemma, распознающая запросы на русском языке. Выбор модели обусловлен двумя факторами. Во-первых, ее архитектура позволяет добиваться высокой точности в задачах семантического анализа. Во-вторых, модель предобучена на корпусах текстов, включающих русскоязычные данные, что делает ее пригодной для генерации ассоциаций на русском языке. Языковой модели было предложено проанализировать список слов-стимулов, сформированных на основе «Ассоциативного словаря употребительной русской лексики», и привести по пять ассоциаций на каждый стимул от лица каждой синтетической персоны.

С поставленной задачей языковая модель справилась успешно. После векторизации полученных данных выяснилось, что ответы модели тяготеют к ассоциациям, характерным для русскоговорящих женщин, а также для лиц молодого возраста. Кроме того, модель продемонстрировала чувствительность к русскоязычным промптам форматов zero-shot и few-shot, а ее ответы в значительной степени совпали со словарными данными. Было установлено, что корреляционная зависимость между социодемографическими параметрами и ассоциациями LLM довольно высока, а значит представление ассоциативных связей в LLM адекватно естественному языку.

Литература:

Стернин И. А., Рудакова А. В. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики. Воронеж, 2019.

Бородина Анастасия Андреевна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Разработка датасета для обогащения словарного запаса генеративных моделей в задачах текстовых RPG

Сейчас LLM хорошо генерируют тексты на английском языке, однако их применение для создания сценариев русскоязычных текстовых ролевых игр выявляет огромные ограничения. Модели, обученные на общих корпусах, не справляются с этими задачами в русскоязычной среде, в связи с ограничениями:

1) Лексическое однообразие. Модели склонны к тавтологии и общим повторениям, что делает нарратив предсказуемым, а опыт игры монотонным;

2) Невозможность сохранять заданный сеттинг и/или характер персонажа. По мере генерации текста теряются уникальные черты жанра и модель «забывает» ключевые параметры мира;

3) Творческая ограниченность. Трудности с адаптацией под конкретные ситуации и недостаточность информации о русской культуре, фольклоре или колоритных персонажах.
Целью исследования является улучшение производительности моделей в сфере текстовых RPG.
Работа восполняет дефицит русскоязычных жанровых датасетов для LLM. Новизна заключается в создании полусинтетического датасета, направленного на генерацию атмосферных описаний локаций киберпанка для лексического разнообразия модели. Теоретическая база — работы по корпусной лингвистике, управлению LLM, методам тонкой настройки (fine-tuning) и управлению генерацией LLM (prompt engineering), и литературоведческие статьи, направленные на изучение текстовых RPG.
Методология включает анализ жанровых особенностей киберпанка. Структура датасета такова: название локации — соответствующее эстетике киберпанка; описание — атмосферное описание, направленное на лексическое разнообразие; население и бестиарий — характеристики уникальных обитателей мира; религия и мифология — описание культов, городских легенд и идеологий (промпт для генерации изображения — позволяющий мультимодальное обучение модели). Созданный датасет будет опубликован на портале Hugging Face, что позволит исследователям и разработчикам текстовых игр использовать его для дообучения моделей. Качество планируется оценить по метрикам количества сюжетных точек — ключевых событий и их плотности на единицу текста и длины актов — измерения в словах пропорции между сюжетными точками.

Быкова Ульяна Григорьевна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Разработка русско-английского словаря частотных повседневных слов и выражений

Одним из способов работы современных лексикографов с языковым материалом является создание частотных словарей на основе лингвистических корпусов. Согласно П. М. Алексееву, «частотный словарь включает в себя те слова или другие лингвистические единицы (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованных им текстах (текста)» [Алексеев, 2001: 5].
Частотные словари могут быть построены как для письменной, так и для устной речи. Зачастую частотные словари разрабатываются на основе разных письменных текстов, а устная речь же традиционно представлена в корпусах и частотных словарях в меньшей степени. Кроме того, существует относительно малое количество переведенных на английский язык частотных словарей русской устной речи. Для создания частотных словарей, благодаря которым были выделены дискурсивные единицы, характерные для повседневной устной речи, был использован материал Корпуса устной речи молодежи. Корпус устной речи молодежи был собран с помощью метода «невода» подобно корпусу «Один речевой день» [Богданова и др., 2010: 41; Шерстинова, Петрова, 2023: 8].
В ходе исследования были использованы статистические и корпусные методы анализа языкового материала. С помощью корпусного менеджера AntConc был разработан частотный список словоформ и словосочетаний, характерных для устной речи. Исследовательский корпус включает в себя более 310000 словоупотреблений. Разработанный на его основе русско-английский словарь содержит 154 слова и выражения, которые используются в повседневной устной речи. При переводе словоформ и словосочетаний на английский язык были сохранены прагматические значения и подобраны соответствующие языковые примеры. Словарь также включает разговорные

эквиваленты на английском языке, случаи их употребления и приложение, состоящее не только из списка переведенных прагматических маркеров, но и данных об их частотах.

Литература:
Алексеев П. М. Частотные словари: учеб. пособие. СПб., 2001.
Асиновский А. С., Богданова Н. В., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2010. С. 41—46.
Шерстинова Т. Ю., Петрова И.А. Моделирование повседневного речевого поведения: Корпус устной речи молодежи, или ОРД V. 2.0. // Социо- и психолингвистические исследования. 2023. № 11. С. 7—13.

Дильдяев Алексей Федорович
студент 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Корпус повествований о снах в дневниках 1917—1934 гг.: статистическое представление

В докладе речь пойдет о принципах создания корпуса повествований о снах в дневниках 1917—1934 гг. и о лингвостатистическом анализе этих повествований. Выбор хронологических рамок объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, в конце 1910-х — начале 1930-х гг. в России происходит «бум эго-письма», обусловленный аристократической традицией интроспекции, модернистским жизнетворчеством и советским антропологическим проектом [Хеллбек, 2021]. Во-вторых, хотя первые переводы З. Фрейда на русский язык появились еще в 1900-х гг., «действительно популярным в России психоанализ стал после 1917 года» [Эткинд, 2023], что привело как к еще большему распространению дневникового письма (как формы самоанализа), так и к экспансии записи сновидений.
Разработка базы данных этих записей не только соответствует антропологическому повороту и тренду на историю повседневности, позволяющим «услышать голоса снизу», но и закрывает определенную лакуну в академическом поле. Существующие на русском языке корпус рассказов детей и подростков о сновидениях [Кибрик, 2009] и часть записей архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» СПбГУ представляют примеры устного дискурса и значительно уступают по объему таким базам данных, как Dreambank.net, SDDb или антологии Ш. Берадт, что делает наш проект первым в области письменной русской речи о сновидениях.
Поскольку сны являются одним из интегрированных феноменов культуры и их границы могут быть чрезвычайно подвижны, минимальной единицей нашего корпуса выступили повествования, объединенные одной записью и имевшие место (чаще всего) в рамках одной ночи. В то же время мы исходили из того, что «интерпретация является частью текста сна, неотъемлемой частью самого опыта сновидения» [Паперно, 2021] (сама идея их точного разграничения нами проблематизируется) и потому в объект наблюдения включали весь окружающий повествование о сне контекст в виде авторских пояснений к его содержанию. Поиск текстов осуществлялся по корпусу «Прожито» и ряду опубликованных дневников через список из 84 ключевых слов. В силу особенностей материала создание сколь угодно подробных алгоритмических правил было чревато неточностями, потому отбор осуществлялся вручную из более чем 6000 записей, а итоговый объем корпуса составил 2146 объектов (179046 словоупотреблений). В качестве метаданных были включены сведения о дате записи, гендере, возрасте и статусе авторов (советский / эмигрантский),

что позволит нам не только дать исчерпывающее представление о сновидческой лексике исследуемой эпохи в синхроническом и диахроническом срезах (через составление частотного словаря и применение меры TF-IDF), но и проследить значимые корреляции между длиной, лексическим разнообразием записей и характеристиками авторов. Надеемся, что предлагаемый анализ поможет лучше понять природу эго-документов и сновидений, а корпус послужит основой для проведения новых междисциплинарных исследований.

Литература:
Паперно И. А. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М., 2021.
Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М., 2009.
Хеллбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М., 2021.
Эткинд А. М. Эрос невозможного: история психоанализа в России. СПб., 2023.

Дубцова Дарья Евгеньевна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвистическое обеспечение поиска юридической информации с применением LLM и генерации с дополненной выборкой

Применение технологий обработки естественного языка для обеспечения поиска юридической информации является перспективным направлением компьютерной лингвистики. Проекты, связанные с применением данных технологий, ранее были успешно реализованы для законодательств других стран, однако для российского законодательства пока что не были осуществлены.
При поиске юридической информации важна точность, поэтому необходимо минимизировать галлюцинации, возникающие при работе языковой модели. Для этой цели используется генерация с дополненной выборкой (RAG), позволяющая дополнительно обращаться к базе данных. Целью данной работы стала интеграция ряда лингвистических параметров юридических текстов на русском языке в процедуру информационного поиска с помощью больших языковых моделей.
В рамках исследования были решены следующие задачи. Во-первых, были проанализированы существующие корпусные источники юридических текстов на русском языке, для тематического моделирования был выбран основной подкорпус корпуса русских текстов юридического домена CorJurRC. Данный подкорпус содержит письменные тексты официально-делового стиля, включает законы, кодексы, постановления и другие типы документов, что позволило определить основные темы, встречающиеся в современных юридических текстах на русском языке. Тематическое моделирование проводилось при помощи комбинации алгоритмов эмбеддингов, кластеризации текстов и тематического анализа (модель BERTopic), по его результатам была сделана визуализация распределения тем, каждой теме было присвоено название.
После проведения тематического моделирования была создана поисковая система на основе больших языковых моделей с применением корпуса текстов законодательных актов Российской Федерации RusLawOD в качестве источника фактической информации при помощи технологии RAG. Данный корпус был выбран как наиболее полный корпус текстов законодательных актов РФ.
Дальнейшая работа в рамках исследования будет направлена на расширение источников фактической информации и анализ моделей потенциальных вопросов пользователей.

Захарина Елизавета Васильевна
студентка 3 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Как разметить устный корпус и не «сойти с ума»: методы автоматического извлечения модифицированных фразеологизмов

При исследовании спонтанной устной речи одной из сложных задач, стоящих перед лингвистами, является автоматическое обнаружение устойчивых неоднословных единиц (УНЕ), в частности фразеологизмов. Если в письменных текстах фразеологизированные коллокации (ФК) часто представлены в своей инвариантной форме, то в устном дискурсе они регулярно подвергаются различного рода модификациям — структурным, грамматическим и лексическим трансформациям. Это значительно затрудняет их автоматическую обработку. Несмотря на прогресс в области автоматического анализа фразеологии, разработка эффективных методов для анализа модифицированных ФК в русскоязычной устной речи остается актуальной научной задачей.

В основу исследования легла гипотеза о том, что совмещение лексического и семантического анализа внутри автоматизированного алгоритма позволит эффективно распознавать модифицированные фразеологизмы при разметке корпусных данных. Лексический анализ отвечает за поиск ключевых компонентов ФК (напр., для фразеологизма *сойти с ума* это глагол *сойти* и существительное *ум*), а семантический — за выявление контекстов, где прямое совпадение лексем невозможно, но смысл близок к инварианту. Для реализации этого подхода был разработан алгоритм на языке Python. В качестве инструментов использовалась библиотека stanza для лемматизации текста и модель paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2 (Sentence-BERT) для получения векторных представлений предложений. Эта модель позволяет оценивать семантическую близость между анализируемым контекстом и эталонными контекстами употребления ФК. Список эталонных контекстов и ключевых слов для модифицируемых фразеологизмов был сформирован на основе данных, полученных по результатам разметки 1 млн словоупотреблений корпуса «Один речевой день», по итогам которой было обнаружено более 2000 УНЕ, среди которых 683 — ФК. В итоговый файл для обучения алгоритма были отобраны 305 модифицированных ФК.

Разработанный алгоритм был протестирован для поиска модификаций ФК *сойти с ума* на выгрузке из подкорпуса «Основной» Национального корпуса русского языка, полученной по запросам <с + ума + V>, содержащей 4687 строк текста. В результате обработки было обнаружено 4622 контекста, содержащих искомые ФК в исходном или модифицированном виде. Высокий показатель совпадений (более 98 %) свидетельствует о корректности выбранного гибридного подхода. Алгоритм успешно распознавал не только инвариантные формы (напр., *с ума сойду*), но и случаи сильных модификаций (напр., замену глагола в контексте *она тихохонько присползла с ума*), опираясь на семантическую близость с эталонными контекстами из файла для обучения.

Предложенный в работе гибридный метод автоматической разметки модифицированных фразеологизмов, сочетающий поиск по ключевым лексемам и семантический анализ с помощью модели Sentence-BERT, продемонстрировал высокую эффективность на тестовой выборке. Полученные результаты подтверждают перспективность использования подобных подходов для обработки спонтанной устной речи. Разработанный прототип может быть адаптирован для дальнейшей работы с корпусными данными.

Карпиков Илья Владимирович
магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Интеграция приложения Anki в систему смешанного обучения английскому языку

Цифровые тренажеры, использующие алгоритм интервальных повторений (Spaced Repetition System, SRS), становятся неотъемлемой частью современного языкового образования. Приложение Anki, базирующееся на исследованиях кривой забывания, позволяет оптимизировать процесс запоминания, предлагая пользователю повторить материал именно в момент максимального риска его утраты. В отличие от стратегии массового запоминания («зубрежки»), часто создающей лишь иллюзию компетентности, SRS обеспечивает консолидацию знаний в долговременной памяти. Это достигается за счет эффекта распределения во времени и т. н. «желательных трудностей» (Desirable Difficulties), требующих от студента когнитивного напряжения при извлечении информации.

Лингводидактический потенциал Anki наиболее полно раскрывается в модели смешанного обучения, где роль преподавателя смещается с функции контроля на фасилитацию. Нами предлагается трехэтапная методика интеграции приложения в учебный процесс. Первый этап (аудиторный) предполагает первичное ознакомление и семантизацию материала традиционными методами, без использования гаджетов. Второй этап (внеаудиторный) является ключевым для развития автономии: студенты самостоятельно создают цифровые колоды карточек по пройденному материалу. Этот процесс требует глубокой когнитивной переработки информации, включающей отбор релевантного контекста, поиск визуальных ассоциаций и формулирование проверочных вопросов. Третий этап (аудиторный) посвящен выводу «загруженной» в память информации в активную речь через коммуникативные практики, такие как дебаты и ролевые игры.

Особую ценность представляет вариативность типов карточек, доступных в приложении. Помимо классических пар «слово — перевод» или «слово — дефиниция», эффективным инструментом формирования грамматических навыков является функция Cloze Deletion (заполнение пропусков). В отличие от механического заучивания правил, такие карточки заставляют студента восстанавливать структуру предложения, опираясь на контекст (напр., выбирая верные видовременные формы глагола). Мультимедийные возможности программы позволяют реализовать принцип двойного кодирования, соединяя вербальную информацию с визуальными образами и аудиофайлами, что критически важно для развития фонематического слуха и интонационных навыков. Эмпирические данные подтверждают, что делегирование студентам ответственности за создание контента в Anki значимо повышает уровень учебной автономии. Обучающийся переходит из позиции пассивного потребителя учебного материала в позицию создателя собственной базы знаний, что повышает мотивацию и обеспечивает персонализацию образовательного трека. Инструмент перестает быть просто способом запоминания слов и становится средством саморегуляции и рефлексии собственного прогресса в изучении языка.

Квашнин Александр Сергеевич
студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Метод интеграции TEI-XML текстов в корпус-менеджер ANNIS на примере Санкт-Петербургского корпуса агиографических текстов

Цель настоящего исследования — разработка метода интеграции текстов в формате TEI-XML в корпус-менеджер ANNIS, обеспечивающего сохранение всей лингвистической и структурной разметки. Новизна подхода заключается в использовании при конвертации

формата разметки TreeTagger как промежуточного. Данный метод работает без потерь данных, что характерно для устаревших инструментов вроде Pepper Converter.
Разработка и апробация метода проводилась на материалах Санкт-Петербургского корпуса агиографических текстов (СКАТ), ранее размещавшегося на платформе TXM [Рогозина, 2022]. В веб-версии данного ресурса наблюдалась проблема ограниченного функционала. Корпус-менеджер ANNIS [Krause, Zeldes, 2016] был выбран в качестве альтернативы благодаря своей эффективности в обработке сложных запросов, гибкости в настройке и добавления функционала.
Исследование включало в себя анализ существующих инструментов конвертации. Pepper, хотя и поддерживает TEI, содержит ошибки в алгоритме конвертации, приводящие к потере информации. Annatto, современный инструмент от разработчиков ANNIS, не работает с TEI напрямую, но совместим с TreeTagger, который позволяет кодировать лингвистическую информацию значениями, разделенными знаками табуляции (tab-separated values, TSV), и структурные элементы с помощью SGML-тегов. Был разработан двухэтапный алгоритм: 1) конвертация TEI-XML в TreeTagger с помощью программы на языке программирования Python, где данные из тегов записываются в TSV, а структурные теги (div, head, floatingText, quote) кодируются с помощью SGML-тегов; 2) преобразование TreeTagger в поддерживаемый корпус-менеджером формат GraphML посредством Annatto. После импорта в ANNIS проведена проверка: лингвистическая и структурная информация сохранена полностью. Для просмотра текстов был разработан интерфейс на базе библиотеки CETEIcean, интегрированный в ANNIS. Это позволяет отображать оригинальную TEI-разметку в браузере без преобразования в другие форматы, в отличие от XSLT-шаблонов. Добавлен функционал извлечения лингвистической разметки из слов для формирования поисковых запросов.
Результаты демонстрируют эффективность метода: корпус СКАТ успешно интегрирован в ANNIS без потерь, что открывает новые возможности для корпусных исследований агиографических текстов, включая сложные запросы по морфологии, синтаксису и структуре текста.

Литература:
Рогозина Е. А. Представление и анализ элементов структуры содержания в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2022. Т. 21. Вып. 6. С. 30—46.
Krause T., Zeldes A. ANNIS3: A new architecture for generic corpus query and visualization // Digital Scholarship in the Humanities. 2016. 31 (1). 118—139.

Кочкурова Анастасия Егоровна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Динамика лексико-семантических характеристик русскоязычной поп-лирики (2015—2025): корпусное исследование

Исследование песенного дискурса активно развивается в междисциплинарном поле цифровых гуманитарных исследований. Так, в фокусе оказываются связь популярности и жанровой распознаваемости [Corbara, Molinari, 2021], динамика эмоциональной тональности текстов [Napier, Shamir, 2018], а также лексические и тематические особенности песенных текстов (напр., в [Bansal et al., 2025] на примере корпуса из 3814 хип-хоп-композиций фиксируется рост синтаксической сложности и лексического разнообразия, а также смещение тематики от социальной к интроспективной).

В настоящем докладе анализируется динамика лексико-семантических и прагматических характеристик русскоязычных популярных песен за 2015—2025 гг. Новизна исследования заключается в комплексном применении методов компьютерной лингвистики к корпусу песенных текстов для выявления тематических, эмоциональных и языковых сдвигов во времени. Цель работы — установить, меняются ли тематическая структура, тональность и процент англоязычной лексики в русской поп-музыке в течение указанного периода.

В процессе исследования выдвигаются следующие гипотезы: (1) тематическая структура популярной лирики демонстрирует смещение от романтической проблематики к социально-рефлексивной; (2) наблюдается рост доли негативной тональности в поздние годы периода; (3) доля англоязычной лексики снижается к концу рассматриваемого временного интервала.

Материалом исследования послужил корпус текстов популярных песен (общий объем корпуса составил 1100 текстов) за 2015—2025 гг. Источником данных выступили опубликованные тексты песен. Предварительная обработка включала нормализацию регистра, удаление нерелевантных символов, морфологическую лемматизацию с использованием pymorphy3 и исключение русскоязычных стоп-слов. Дополнительно рассчитывалась доля англоязычной лексики.

Для выявления тематической структуры корпуса применялось тематическое моделирование на основе BERTopic, сочетающее трансформерные эмбеддинги, алгоритм понижения размерности UMAP и плотностную кластеризацию HDBSCAN. Эмоциональная динамика анализировалась с использованием предобученной модели тонального анализа для русского языка (ruBERT). Для каждого текста определялась метка тональности (позитивная, негативная, нейтральная), после чего рассчитывалось распределение сентимента по годам.

Полученные данные свидетельствуют о наличии статистически различимых лексических профилей для разных годов рассматриваемого периода. Выявленные различия подтверждают чувствительность методов тематического моделирования и TF-IDF к временной динамике корпуса. Совмещение тематического анализа, оценки тональности и измерения доли англоязычной лексики позволяет комплексно описать изменения в структуре современного песенного дискурса. Таким образом, применение методов компьютерной лингвистики позволяет количественно зафиксировать эволюцию песенного дискурса и выявить закономерности, неочевидные при традиционном качественном анализе.

Литература:

Bansal A., Agarwal R., Jain K. Linguistic Complexity and Socio-cultural Patterns in Hip-Hop Lyrics // arXiv preprint arXiv:2505.00035. 2025.

Corbara S., Molinari A. Reading songs: A Computational Analysis of Popular Songs Lyrics // Italian Information Retrieval Workshop. 2021.

Napier K., Shamir L. Quantitative Sentiment Analysis of Lyrics in Popular Music // Journal of Popular Music Studies. 2018. 161—176.

Кузьминых Юрий Сергеевич
студент 3 курса
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Разработка чат-бота на основе нейросетевых технологий для проверки домашних заданий по китайскому языку

В условиях цифровизации образования и роста интереса к китайскому языку возрастает потребность в автоматизации проверки письменных домашних заданий [Ramesh, 2022].

Цель исследования — разработка прототипа Telegram-чат-бота на основе нейросетевых технологий для автоматической проверки упражнений по китайскому языку с генерацией пояснений к ошибкам. Научная новизна заключается в интеграции большой языковой модели в диалоговый формат проверки с учетом лингвистической специфики китайского языка и вариативности письменных ответов обучающихся. Материалом исследования послужили научные публикации по автоматической оценке письменных работ и обработке китайского текста, а также разработанный автором корпус из 30 упражнений по теме употребления частиц 的, 地, 得, представленный в формате .json. Использованы методы анализа литературы, моделирования архитектуры системы, эксперимента и измерения количественных показателей работы прототипа. Архитектура бота включает два режима — «Учитель» и «Ученик». В режиме «Учитель» осуществляется загрузка файла с заданиями и ключами; в режиме «Ученик» — последовательная выдача упражнений, автоматическое сопоставление ответа с эталоном и обращение к языковой модели при выявлении ошибки. Семантическое сравнение учитывает допустимые вариации формулировок, возможные незначительные опечатки и различия между графическими стандартами. При неверном ответе модель формирует краткое объяснение, напр. разграничивая функции частиц 的 и 得 и указывая на синтаксическую позицию каждой из них в предложении. После завершения работы автоматически формируется итоговый отчет с указанием процента правильных ответов и рекомендациями по повторению сложных тем [Yang et al., 2023; Lin, 2024]. Тестирование прототипа на выборке заданий продемонстрировало устойчивую работу алгоритма сопоставления и корректную генерацию комментариев к ошибкам. Среднее время формирования пояснения составило 170—330 секунд и варьировалось в зависимости от объема ответа и вычислительных ресурсов локально установленной модели. Анализ полученных комментариев показал их содержательность и соответствие грамматической норме, однако в отдельных случаях наблюдалась избыточность формулировок и склонность модели к чрезмерной детализации объяснения.

Данный результат подтверждает необходимость оптимизации промптов, более строгой регламентации структуры ответа и использования более производительных языковых моделей для повышения скорости и компактности генерируемой обратной связи. Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения системы в образовательные платформы и ее адаптации для других иностранных языков.

Литература:

Ramesh D., Sanampudi S. K. An automated essay scoring systems: a systematic literature review // Artificial Intelligence Review. 2022. 55 (3). 2495—2527.

Yang H. et al. Automatic Essay Evaluation Technologies in Chinese Writing — A Systematic Literature Review // Applied Sciences. 2023. 13 (19). 10737.

Lin S. Evaluating LLMs' grammatical error correction performance in learner Chinese // PLOS ONE. 2024.19 (10). e0312881.

Лобанов Владислав Владимирович
магистрант 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Большие языковые модели для аспектного сентимент-анализа отзывов на культурные институции

Музейные отзывы зачастую предоставляют детальную картину мнений и предпочтений посетителей, однако изучению данного материала посвящено сравнительно небольшое количество исследовательских работ. В списке возможных причин такой лакуны — отсутствие коммерческого интереса, низкая скорость внедрения цифровых технологий

в малых и средних культурных институциях, а также политематическая природа посетительского мнения.
Цель настоящего исследования — выявить наиболее эффективный метод в рамках аспектного сентимент-анализа с применением больших языковых моделей (БЯМ).
Научная новизна работы заключается в применении широко известного подхода к анализу мнения на принципиально новом материале с современным инструментарием больших языковых моделей и техник промпт-инжиниринга.
В отличие от отзывов на коммерческие товары или услуги, получивших широкое освещение в исследовательских кругах, посетители культурных институций делятся впечатлениями не только о материальных аспектах посещения, но и о своем духовном, культурном, чувственном восприятии экспозиции. В случае с Владимиро-Суздальским музеем-заповедником (ВСМЗ) такая особенность может быть связана с историческим развитием комплекса и разнородностью предлагаемых объектов: от религиозных построек конца XII в. до современных нишевых музеев хрусталя.
В материал исследования вошли около 14000 онлайн-отзывов с девяти платформ на объекты ВСМЗ в период с 2020 по 2025 гг. В качестве основного метода был выбран аспектный сентимент-анализ с применением больших языковых моделей и промпт-инжиниринга.
Эксперименты с БЯМ включали как использование разнообразных open-source и proprietary моделей, простых и продвинутых техник промпт-инжиниринга, так и различных методологий в ключе тематического моделирования (экспертное или автоматическое выделение тем).
По результатам сравнения с выборкой, размеченной экспертно, количество галлюцинаций модели (неверная категоризация, определение аспекта или оценочного термина, пропуск аспекта) не превышает 3—5 % в зависимости от музейного объекта.
Полученные данные — набор квадруплетов аспектов, оценочных терминов, сентимент-меток и категорий — позволили выявить наиболее эффективный подход в методологии opinion mining для культурных институций и также были переданы администрации ВСМЗ. Выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для развития продвинутых цифровых систем по анализу мнения в рамках культурных институций.

Масленикова Александра Сергеевна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

От формального поиска к машинному обучению: методы автоматической разметки речевых формул в комментариях Telegram-каналов

Речевые формулы (РФ) — термин, описывающий, как правило, междометные единицы, которые выражают эмоциональную реакцию или ответ говорящего в диалоге: *ничего себе!*, *дай бог*, *ну ладно* и др. [Bogdanova-Beglarian et al., 2024: 189]. Несмотря на широкую представленность РФ в устной речи, методы автоматического извлечения РФ в корпусах до настоящего времени не разрабатывались. Настоящая работа восполняет этот пробел: в ней предложены и сопоставлены четыре метода автоматической разметки РФ в корпусе русскоязычных Telegram-комментариев.
Эмпирическая база исследования представляет собой, таким образом, корпус, состоящий из 10000 комментариев общим объемом в 157261 токен. Исходным методом, послужившим baseline для исследования, стал формальный поиск по словнику с использованием регулярных выражений.
Анализ ошибок позволил выявить три типа ложноположительных срабатываний: 1) алгоритм извлекал знаменательные единицы, синтаксически встроенные в структуру

предложения и похожие на РФ лишь формально; 2) алгоритм отмечал как РФ вводные конструкции; 3) алгоритм находил фрагмент РФ вместо полной единицы. Для повышения точности был разработан ML-классификатор. Каждая потенциальная РФ описывалась вектором из 63 признаков: лексических (TF-IDF), контекстных (позиция в высказывании, длина комментария), пунктуационных и синтаксических (на основе dependency parsing spaCy). Лучший результат показал Random Forest с синтаксическими признаками: precision — 56 %, recall — 56 %. Относительно формального поиска результаты улучшились в 2,67 раза. Наиболее информативными признаками оказались TF-IDF, длина комментария и начальная позиция единицы. Вклад синтаксических признаков, однако, оказался ограниченным (+1,8 % по precision). Такие результаты связаны с тем, что парсер spaCy систематически ошибочно квалифицировал 68,5 % истинных РФ как наречные модификаторы (advmod), встраивая их в структуру предложения, что и снизило надежность этих признаков. Именно это наблюдение натолкнуло на следующую гипотезу: если синтаксический парсер не справляется с РФ, возможно, достаточно опереться на более простой и надежный маркер — пунктуацию. Истинные РФ, как правило, выделяются знаками препинания или занимают начальную позицию в высказывании, отражая просодическую изолированность единицы в устной речи. Метод пунктуационной фильтрации подтвердил эту гипотезу: precision — 76,4 %, recall — 74,0 %, F1 = 0,752. Сравнение с baseline показало улучшение в 3,64 раза. Таким образом, самый простой из протестированных методов оказался самым эффективным. Этот результат объясняется тем, что пунктуационное оформление является эксплицитным и надежным маркером РФ в письменном интернет-дискурсе, тогда как ML-подход в таких условиях не имеет преимущества перед лингвистически мотивированными правилами. Разработанный метод пунктуационной фильтрации масштабируется на большие корпуса и может применяться к другим классам синтаксически изолированных устойчивых неоднословных единиц.

Литература:
Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Khokhlova M. V., Sherstinova T. Y., Popova T. I. Multiword Units in Russian Everyday Speech: Empirical Classification and Corpus-Based Studies // Speech and Computer. SPECOM 2024. 187—200.

Мирошниченко Злата Денисовна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ семантических полей «Франкенштейна»: сравнение оригинала и переводов на русский язык

В данной работе сопоставляются три текста: оригинал готического романа «Frankenstein; or, The Modern Prometheus» английской писательницы М. Шелли (1818), перевод на русский язык З. Александровой (1965) и перевод В. Д. Валентинова (2015).
Были составлены частотные словари анализируемых текстов с помощью программы T-Lab, выбранной для данной работы в силу своей универсальности и широкого функционала. Стоит также отметить, что при использовании T-Lab для исследования пользователь сам настраивает параметры, выбирает, что хочет увидеть после обработки текста. Так, процессом руководит человек, и полученные данные соответствуют запросам и идеям самого исследователя. Это позволяет достичь гибкости и прозрачности методов.
После составления частотных словарей были отобраны слова, ключевые для произведения, отвечающие основным темам, затронутым в нем. Слова выбирались из верхней зоны частотных распределений, данная процедура проводилась для каждого текста отдельно. После из набранных таким образом слов составлялись лексико-семантические поля

на основе косинусного коэффициента («Семантическое поле — самая крупная лексико-семантическая парадигма, объединяющая слова разных частей речи, соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие общий признак (общую сему) в лексическом значении» [Жеребило, 2010: 321]). Для работы специально выбирались переводы, максимально возможно далекие друг от друга по времени.
Целью исследования было выяснить, насколько изменяется перевод классического произведения сквозь годы. Стоит отметить, что первый перевод романа (сделанный Александровой) является по совместительству также и самым популярным в русскоязычном сообществе. В то время как перевод Валентинова доступен лишь в электронном варианте. Так, к противопоставлению по временным отрезкам добавляется также и противопоставление по популярности переводов. Семантические поля, составленные по словам этих переводов, сравниваются как между собой, так и с самим оригиналом на английском языке.

Литература:
Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

Мокроусова София Михайловна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Генеративный ИИ как инструмент создания персонализированных учебных материалов по английскому языку

Генеративный искусственный интеллект (ИИ) в последнее десятилетие стал значимой частью образовательного процесса и открыл новые возможности для персонализации обучения. Особый интерес в области преподавания иностранных языков представляют большие языковые модели (Large Language Model, LLM).
Настоящее исследование сфокусировано на оценке способности LLM формировать качественный языковой контент при создании лексических материалов по английскому языку (для уровней A1—A2 по шкале CEFR). Рассматривается вопрос, действительно ли LLM могут адаптировать учебные материалы под индивидуальные потребности ученика (возраст, уровень языка, интересы). В работе впервые проводится системный анализ соответствия созданных ИИ лексических подборок реальным закономерностям употребления слов. Исследование основано на корпусном эксперименте. Формируются два сопоставимых корпуса по лексической теме «Занятия в свободное время» («Free-time activities») для уровней A1—A2. Корпус A (традиционный) включает тексты и лексические подборки из учебных пособий, Корпус B (экспериментальный) содержит материалы, сгенерированные моделями DeepSeek-V3.2, Perplexity, Qwen3.5 на основе специально разработанных промптов с заданными параметрами персонализации (уровень CEFR, возраст, интересы ученика). Далее проводится сравнительный анализ по предложенным критериям:
1) Репрезентативность коллокаций: анализ разнообразия сочетаний слов, предлагаемых ИИ-моделями, в сравнении с представленными в учебниках;
2) Релевантность: оценка того, насколько сгенерированные списки слов и фраз отражают ядро и периферию семантического поля и соответствуют уровню A1—A2;
3) Контекстуальная аутентичность: анализ примеров употребления слов в сгенерированных ИИ микродиалогах и текстах на предмет естественности и частотности дистрибутивных паттернов.
В результате предварительного анализа выявлено, что сгенерированные LLM материалы демонстрируют более широкое разнообразие коллокационных структур и включают

речевые закономерности и контексты, соответствующие современным языковым тенденциям (напр., употребление фразовых глаголов, а также сокращений и эллипсиса в диалогах), что не всегда отражено в текстах учебных пособий по английскому языку. Однако, как предполагалось, отдельные сгенерированные примеры требуют перепроверки и исправлений, так как созданные лексические конструкции не проходят проверку по критерию контекстуальной аутентичности и смотрятся недостаточно естественно в созданном контексте. Кроме того, ряд сгенерированных лексических подборок оказался трудным для восприятия учениками на начальных уровнях английского языка. На основе полученных данных создаются методические рекомендации для преподавателей, представляющие собой пошаговый план по созданию урока и подготовке персонализированных учебных материалов с помощью рассматриваемых LLM. Они также включают советы по написанию эффективных промптов для наиболее качественной выдачи LLM. Предварительные результаты выявляют, что LLM действительно способны создавать лексические подборки, обладающие высокой степенью дистрибутивной вариативности и приближенные к реальному узусу. Учитывая особенности выдачи LLM, можно повысить качество персонализированного обучения иностранным языкам, сэкономив временные ресурсы преподавателя без потери эффективности учебного процесса.

Мутина Валерия Олеговна
магистрантка 2 курса
Иркутский государственный университет

Формализация и автоматическая типологизация произносительных вариантов в диалектном корпусе

Корпусные исследования устной и диалектной речи сопровождаются специфическими трудностями аннотирования, связанными с высокой степенью произносительной вариативности встречаемых единиц. В отечественных работах по созданию диалектных корпусов неоднократно подчеркивается, что фонетические варианты, нестандартные словоформы и локальная лексика затрудняют унификацию разметки и требуют разработки специальных схем представления данных [Летучий, 2009; Ляшевская, Кустова, 2015; Маслова, 2021].

Материалом исследования является корпус, в основу которого легли записи глубинных интервью, собранные в результате диалектологической экспедиции сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета в 2012—2014 гг. Объем корпуса составил ≈ 98000 токенов. В процессе транскрибирования вариативные формы фиксировались разметчиком в круглых скобках, напр.: *а в другом у его (яго) трое ребят (рябят) сидели*. Всего выявлено 3722 комментария, фиксирующих произносительный вариант.

Проблема избранного способа аннотирования заключается в том, что варианты не подвергаются качественной морфологической разметке и, следовательно, не участвуют в автоматическом поиске. Для ее решения предлагается модель обработки вариативных форм, ориентированная на включение комментариев <(произносит X), (произносит «X») и (X)> в корпусный анализ. На первом этапе автоматически извлекаются и нормализуются форматы записи комментариев. Далее вариант позиционно связывается с соответствующим токеном POS-размеченного нормализованного текста, что позволяет сформировать таблицу структурированных пар «нормализованный — диалектный» вариант. Следующий этап предполагает алгоритмическое сопоставление нормы и варианта. Для каждой пары выполняется выравнивание строк с использованием distance-метрик, что позволяет представить различие между формами как последовательность операций редактирования.

На основе повторяющихся моделей выравнивания выполняется типологизация преобразований. Напр., систематическая замена *е* на *я* (*земля — зямля*) может интерпретироваться как проявление яканья, выпадение финальной гласной (*бывает — бывят*) — как стяженная форма.
Полученные признаки могут использоваться как в рамках правил-ориентированной классификации, так и в задачах автоматической кластеризации или обучения классификатора для выявления диалектных маркеров. Таким образом, вариативные формы переводятся из статуса комментариев в формализованные единицы, что открывает возможности для автоматической типологизации диалектных явлений и дальнейшей нормализации устной речи в корпусных ресурсах.

Литература:
Летучий А. Б. 2009. Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006.
Ляшевская О. Н., Кустова Г. И. Устный подкорпус Национального корпуса русского языка: принципы разметки и представления данных // Труды Института русского языка им. Виноградова РАН. 2015.
Маслова М. Д. Корпус диалектных текстов как возможность удаленной работы с материалом: особенности морфологической разметки // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии. URL: https://elar.urfu.ru/handle/10995/99067 (дата обращения: 20.02.2026).

Орлова Алина Денисовна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Функции смеха в диалоге: корпусное исследование

Смех традиционно рассматривается как социальный феномен, а в устном дискурсе выступает значимым паралингвистическим элементом и прагматическим инструментом, влияющим на динамику диалога. Тем не менее его функции в естественной речи остаются недостаточно изученными на корпусном материале.
Цель настоящей работы — выявление и описание функций смеха в устном диалоге в дискурсивном аспекте. Материалом послужили расшифровки повседневной устной речи из корпуса «Один речевой день»: 16 речевых эпизодов 13 информантов (семь женщин и шесть мужчин, 22—77 лет). Контексты, содержащие смех, были объединены в подкорпус из 6590 словоформ. В качестве основного метода исследования использовался конверсационный анализ [Сакс и др., 2015].
На основе анализа литературы и корпусного материала выделены функции смеха: реакция на комическое [Сычев, 2004], передача очереди и перебивание [Турчик, 2010], реакция на собственную речевую деятельность [Богданова-Бегларян, 2023], смена темы, выражение сомнения, снижение категоричности, поддержание социальности (маркирование стеснения, смущения, вежливости). Все случаи смеха в собранном подкорпусе были размечены в соответствии с приведенной классификацией и проанализированы с учетом гендерных и возрастных характеристик.
Результаты исследования показали, что вне зависимости от пола и возраста говорящего наиболее частотен смех как реакция на комическое (46 %), наименее — как выражение сомнения (2 %). Выявлены гендерные различия: перебивание, снижение категоричности и поддержание социальности преобладают у мужчин, реакция на комическое — у женщин. В возрастной группе 35—54 лет нетипично высока частотность функции передачи очереди, что указывает на специфику организации диалога в данной категории.

Исследование впервые рассматривает функции смеха в естественной устной речи на корпусном материале с учетом гендерных и возрастных характеристик. Результаты уточняют представления о прагматической роли смеха и могут служить основой для дальнейших социо- и когнитивно-лингвистических исследований.

Литература:
Богданова-Бегларян Н. В. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (О смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Т. 4. М., 2023. С. 136—148.
Сакс Х. и др. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологический журнал. 2015. Т. 14. Вып. 1. С. 142—202.
Сычев А. А. Смех как социокультурный феномен: автореф. дис. ... д. филос. наук. Саранск, 2004.
Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. Вып. 1. С. 21—36.

Петровская Мария Александровна
студентка 4 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Автоматическое распознавание жестов в мультимодальных корпусах

Современные системы распознавания жестов ориентированы на изолированные статические позы и плохо адаптированы для анализа спонтанной жестикуляции, сопровождающей естественную речь. В связи с этим актуальной является задача разработки модели, способной классифицировать жесты по их дискурсивным функциям, а не только по форме кисти.
Цель настоящего исследования — создание инструмента распознавания функциональных типов жестов согласно классификации Мультимедийного русского корпуса (МУРКО). Гипотеза состоит в том, что использование методов детекции поз с дообучением на размеченных данных и переход от покадрового анализа к анализу видеопоследовательностей позволит повысить качество классификации по сравнению с подходами, основанными на одном кадре.
Материалом послужил корпус из 18 видеозаписей (интервью, подкасты, лекции) с 18 говорящими из 11 профессиональных групп, содержащий 1140 жестов с ручной разметкой. На его основе создан датасет из 101 видеофрагмента по восьми типам жестов: дейктические, декоративные, изобразительные, поисковые, регулирующие, риторические жесты, жесты внутреннего состояния и речевые действия. Датасет опубликован на платформе Hugging Face (mapetrovska/gesturedataset).
В ходе исследования был проведен первичный эксперимент с использованием готового пайплайна MediaPipe Gesture Recognizer. Модель тестировалась в режиме покадровой обработки видео со стандартными параметрами (пороги обнаружения и отслеживания — 0,5). Результат показал, что MediaPipe распознает лишь семь предустановленных классов, описанных в терминах формы кисти (Closed_Fist, Open_Palm, Pointing_Up, Thumb_Down, Thumb_Up, Victory, ILoveYou), и не способен классифицировать жесты по их дискурсивным функциям. Дополнительно был проведен сравнительный анализ моделей SigLIP, ViT и EVA-CLIP. Выявлено, что SigLIP и ViT работают только со статическими изображениями, а EVA-CLIP при обработке видео использует лишь один центральный кадр (согласно документации разработчиков). Такой подход недостаточен для распознавания жеста как динамического знака.

Таким образом, ключевой проблемой исследования является переход от покадровой обработки к анализу видеопоследовательностей. Предполагается, что использование нескольких кадров повысит качество классификации функциональных типов жестов по сравнению с подходом на основе одного кадра.

Халифе Убайда Аднан
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых особенностях арабской разговорной речи в мультимодальном аспекте

Цель данной работы — выявление некоторых особенностей мультимодальной коммуникации в арабской разговорной речи (на материале видеозаписей иорданского диалекта).

Мультимодальность в современной науке все больше рассматривается как отдельная дисциплина, вследствие чего формируется необходимость в расширении ее методологического аппарата. В данном докладе применяется аппарат компьютерной лингвистики (программа Praat и временная разметка видео) для анализа мультимодальных аспектов арабско-иорданской разговорной речи. Использование этих инструментов позволяет нам определять моменты максимальной интенсивности речи и сопоставлять их с визуальными пиками жестов в видеоматериале. Интенсивность речи в конкретных моментах монолога сопровождается увеличением невербальных средств коммуникации. Рассмотрение данного феномена в арабском языке производится на материале четырех видеозаписей естественной иорданской разговорной речи. В анализ включены фрагменты повседневного общения, в которых рассматриваются бытовые темы и общие истории.

В работе основное внимание уделяется связи между интонационными пиками и жестами говорящих. Фиксируются моменты максимальной интенсивности речи в программе Praat, после чего они сопоставляются с пиками движений рук в видеозаписи, и определяется степень их совпадения. Такой подход позволяет оценить синхронизацию речи и жестов, выявить закономерности их взаимодействия и подтвердить роль невербальных средств в передаче информации.

Анализ видеозаписей позволил выявить некоторые закономерности. Во-первых, в большинстве случаев самый громкий и интенсивный момент речи совпадает с активным жестом руки (машет рукой вверх). Вербальные и невербальные компоненты работают синхронно. В видеозаписях можно было установить интересную особенность арабской речи: иногда жест появляется немного раньше, чем интонационный акцент в речи. А в некоторых случаях, наоборот, жест следует за речью с небольшой паузой. Такие примеры показывают, что в монологе существуют разные виды взаимодействия между словом и движением. Кроме того, было замечено, что когда речь становится громче и интенсивнее, жестикуляция тоже увеличивается — при увеличении эмоциональной вовлеченности в тему интенсивность мультимодального аспекта речи становится заметнее. Это означает, что говорящий усиливает интенсивность своего сообщения за счет невербальных средств.

Таким образом, исследование показывает, что мультимодальный подход в изучении арабской разговорной речи дает возможность глубже понять структуру устной коммуникации, а компьютерный анализ обеспечивает точность измерений и открывает перспективы для расширения исследования, включая автоматический анализ большего количества видеозаписей и других диалектов арабской речи.

Шевченко Ольга Валерьевна

магистрантка 2 курса
Пятигорский государственный университет

Использования цифровых технологий для анализа перевода колоративной лексики в художественной литературе (на примере «Harry Potter and the Philosopher's Stone»)

Актуальность работы обусловлена значимостью колоративной лексики как ключевого элемента художественной образности. Использование цифровых методов для анализа больших текстовых массивов позволяет выявлять объективные закономерности, а сопоставление оригинала и переводов раскрывает специфику переводческих стратегий и восприятия цвета в разных лингвокультурах.

Цель исследования заключается в проведении комплексного лингвистического анализа колоративной лексики в оригинальном тексте произведения и его переводах с применением цифровых технологий для выявления стратегий перевода колоративной лексики. Для анализа использовался гибридный метод: автоматизированный поиск с помощью специально разработанной программы ColorAnalysisApp (Python, spaCy, Matcher) и последующее ручное редактирование результатов для устранения ошибок (омонимия, контекстуальная неоднозначность). Программа работала на основе структурированного датасета из 1298 цветонаименований, загруженного с платформы Kaggle («Color Names»).

Результаты исследования таковы:

1) Оригинал: Выявлено 431 цветообозначение (121 уникальный концепт), что подтверждает высокую визуальную образность текста. Наиболее частотные: *dark* (61), *black* (54), *silver* (31);

2) Перевод «Росмэн»: Общее число колоративов — 453, но уникальных концептов меньше (137). Преобладают базовые цвета (*красный*, *зеленый*, *черный*). Стратегия ориентирована на упрощение и генерализацию палитры для детской аудитории (*светловолосый* вместо *sandy-haired*), что повышает понятность и динамичность текста;

3) Перевод М. Спивак: Общее число колоративов — 387, но разнообразие максимально — 228 уникальных концептов. Активно используются оттеночные и предметно-ассоциативные наименования (*малиновый*, *песочного цвета*, *пыльного цвета*). Стратегия направлена на сохранение образной плотности и стилистики оригинала, иногда в ущерб простоте восприятия.

Исследование подтвердило гипотезу о существовании двух различных переводческих стратегий. В переводе «Росмэн» — прагматическая адаптация для целевой аудитории с упрощением палитры. Перевод демонстрирует ориентацию на детского читателя. Стратегия характеризуется: 1) упрощением и генерализацией цветовой палитры: частый выбор базовых цветов (*красный* вместо *scarlet*, *светловолосый* вместо *sandy-haired*); 2) повышением общей понятности и динамичности текста за счет отказа от сложных и потенциально неизвестных ребенку оттенков; 3) высоким общим числом цветообозначений (453), что может компенсировать упрощение палитры за счет более частого использования основных цветов. Перевод Спивак ориентирован на максимально точную передачу образности и стилистики оригинала. Его стратегия отличается: 1) стремлением к буквализму и обогащению палитры: активным использованием оттеночной и предметно-ассоциативной лексики; 2) сохранением характерологической и атмосферообразующей функции цвета, что приближает текст к оригиналу по плотности образов; 3) наибольшим разнообразием уникальных цветовых концептов (228), что указывает на попытку воспроизвести богатство авторской колоративной системы, хотя общее количество колоративов (387) может быть несколько ниже.

Работа вносит вклад в теорию художественного перевода и цифровую лингвистику, демонстрируя эффективный методологический комплекс для анализа лексико-семантических полей. Результаты и инструментарий могут применяться в переводческой практике и образовании.

СЕКЦИЯ «ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Громова Елизавета Алексеевна
магистрантка 1 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лингвокультурологический потенциал венгерской народной песни в формировании культурной компетенции на начальном этапе обучения языку

Лингвокультурологический подход к обучению иностранным языкам предполагает обращение к аутентичным текстам, в которых язык функционирует в неразрывной связи с культурой. Однако венгерский язык, как язык финно-угорской группы, слабо представлен в практической методической литературе, посвященной фольклорным текстам в начальном обучении. В песенном фольклоре используется высокий уровень интеграции разных способов оформления текста: словесный, музыкальный и эмоциональный, что способствует усвоению языкового и культурного содержания. Благодаря своей природе, песня, как и обряд, формирует культурную компетенцию, затрагивая познавательную и эмоциональную сферы обучающихся.

За счет использования мифологем определенной культуры можно не только легче усвоить язык, но и осознать его культурные составляющие. В случае финно-угорских народов культурные стереотипы и особенности миропонимания можно изучать через символьный аспект изучаемого фольклора — символистическую картину мира. Венгерскую лингвокартину мира создают элементы концепта «природа», основные компоненты и смыслы которых демонстрируют народные песни: «Csillagok, csillagok» («Звезды-звездушки») и «Zöld erdőben de magos» («Во зеленом во лесу, во зеленом, ой, высокий клен растет») [Конкурс перевода венгерских песен, 2026]. Данные композиции были выбраны по нескольким параметрам: обилие лексического материала, доступность лексической составляющей и частотность употребления в фольклорном репертуаре.

Центральными образами являются звезды, лес, птицы, цветы, которые действуют как символы судьбы, свободы, любви и одиночества. Лирический герой (*szegény legény* — ‘несчастный молодец, бедный парень’) облекается в традиционную фольклорную модель личности, свойственную венгерской культуре. Это формирует культурное поле обучающегося, которому предоставляется возможность интерпретировать культурно-зависимые формы выражения эмоционально заряженных состояний через слово: грусть и одиночество.

С одной стороны, повторяемость слов и фраз и простота синтаксических конструкций делают эти песни особенно ценными на первых этапах обучения венгерскому языку (*Zöld erdőbe de magos, zöld erdőbe de magos a juharfa* [там же]; *Mikor lesz énnékem szép szabad életem? / Akkor lesz énnékem szép szabad életem*» [там же]), так как ритм и интонация играют ключевую роль в приобретении слухо-произносительных навыков, а стихи в сопровождении мелодии облегчают усвоение просодики языка. С другой стороны, анализ образов, тем и лексики народной песни позволяет студентам представить ментальные особенности народа и природно-культурный контекст, что способствует повышению культурной мотивации.

Подводя итог вышесказанному, использование венгерских народных песен в обучении языку позволяет объединить сущности песни как произведения искусства, языка как элемента познавательной деятельности и культуры как инструмента погружения в культуру и эмоции, и, тем самым, этому способствует культурному развитию и уровню мотивации студентов к изучению иностранного языка.

Литература:
Конкурс перевода венгерских песен // Блог Института Листа. URL: https://huncult.ru/dalforditoversenyxx (дата обращения: 01.02.2026).

Коваль Игорь Андреевич
магистрант 2 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Разработка мультимодального корпуса для изучения финского невербального поведения на материале художественного видеодискурса

«Любое использование языка неизбежно является мультимодальным» [Scollon, 2006: 386]. В настоящее время мультимодальный подход все активнее применяется в лингвистике. При исследовании коммуникации других культур, в частности, финской, рассмотрение коммуникации как целостного процесса, в который включено несколько каналов, в т. ч. невербальный, является неотъемлемой частью. Мультимодальный подход дает возможность комплексного изучения коммуникации в рамках одного исследования.

Применение корпусных технологий в рамках мультимодального подхода позволяет привнести в исследование больше объективных, числовых данных. На данный момент для финской коммуникации не существует ни одного мультимодального корпуса, что оправдывает актуальность создания такого инструмента.

В рамках данного исследования был создан мультимодальный корпус в среде ELAN, для которого была разработана авторская система разметки на основании классификации элементов невербальной коммуникации по их функции в соотношении с вербальной составляющей Г. Е. Крейдлина, а также классификации собственно элементов невербальной коммуникации Д. МакНила.

В качестве материала был выбран сериал «Luottomies» (‘надежный чувак’). Жанр бытовой комедии и ориентация на внутренний рынок дают возможность говорить о достаточной степени достоверности данных, полученных из художественного произведения. Кроме того, при работе с текстом предполагается меньшая степень влияния эффекта наблюдателя, чем при взаимодействии с респондентами. Отобранный материал был аннотирован по разработанной системе разметки.

В результате был получен рабочий инструмент для исследования невербального поведения на отобранном материале, с возможностью осуществления навигации, просмотра и прослушивания фрагментов, а также сбора числовых данных. Кроме того, найденные технические решения, а также разработанная система разметки являются готовым инструментом для создания мультимодальных корпусов и последующего исследования невербального поведения на любом аудио- и видеоматериале.

Таким образом, созданный инструмент решает проблему отсутствия мультимодальных корпусов для изучения финской коммуникации, а также открывает возможности применения разработанной системы для дальнейших исследований.

Литература:
Scollon R. Multimodality and the language of politics // Encyclopedia of language and linguistics. Oxford, 2006. 386—387.

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 75-ВГ).

Конева Анастасия Андреевна
студентка 4 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Христианские фразеологические единицы финского языка: комплексная антропоцентрическая классификация

Фразеологические единицы отражают мировоззрение народа и фиксируют ценностные и культурные установки языкового сообщества. В финском языке значительный пласт устойчивых выражений формируется на основе христианской лексики. Языческие элементы представлены заметно реже, что объясняется историческим вытеснением дохристианской традиции христианской системой ценностей. В связи с этим предметом настоящего исследования становятся христианские фразеологические единицы финского языка.

Цель исследования — разработать комплексную антропоцентрическую классификацию христианских фразеологических единиц финского языка и апробировать ее на корпусе отобранного материала.

Материалом послужил корпус из 66 устойчивых выражений с христианским компонентом, отобранных из фразеологических словарей методом сплошной выборки. В анализ включены единицы, содержащие компоненты *Jumala* ‘Бог’, *Jeesus* ‘Иисус’, *enkeli* ‘ангел’, *taivas* ‘небеса’, *pyhä* ‘святой, священный’ и др., напр.: *Jumalan armosta* ‘очень одаренный в какой-то области человек’; *ekojeesus* ‘защитник природы’; *kaunis kuin enkeli* ‘красивый как ангел’; *seitsemäs taivas* ‘состояние крайнего счастья’; *hänelle ei mikään ole pyhä* ‘человек, который ничего не уважает’.

Разработка классификации осуществляется на основе синтеза положений Г. А. Багаутдиновой, предложившей фразеотематический и культурно-кодовый подход к анализу фразеологии [Багаутдинова, 2007: 7], О. Ю. Динисламовой, рассматривающей оценочную характеристику образов [Динисламова, 2018: 234], И. К. Азимбаевой, выделяющей личностные и социальные параметры описания человека [Azimbayeva et al., 2021: 198], а также К. И. Немцевой, разработавшей модель представления человека как физического, мыслящего, чувствующего и социального субъекта [Немцева, 2018: 2]. На основе интеграции указанных подходов сформирована комплексная модель анализа (три уровня). На семантическом уровне фразеологизмы распределяются по типам характеристик человека: моральные качества, эмоциональные состояния, поведенческие установки, социальные роли и интеллектуальные свойства. Аксиологический уровень предполагает разграничение единиц по ценностной направленности — положительная, отрицательная и ироническая оценка. Антропологический уровень соотносит характеристики с базовыми аспектами человека: физическим, эмоциональным, когнитивным и социальным.

Апробация классификации на корпусе из 66 единиц показала ее применимость и позволила установить, что христианский компонент системно участвует в формировании оценочных характеристик личности, выступая значимым средством концептуализации человека в финской языковой картине мира.

Литература:

Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. … д. филол. наук. Казань, 2007.

Динисламова О. Ю. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) // Bulletin of Ugric Studies. 2018. Вып. 8 (2). С. 229—248.

Немцева К. И. Антропоцентрические фразеологизмы фразеотематического поля «Религия» в испанском и французском языках // Universum: филология и искусствоведение. 2018. Вып. 4 (50). С. 1—3.
Azimbayeva I. K., Zhaparova A. Zh., Kenzhekanova K. K. Anthropocentric paradigm of phraseological units in the literary translation // Филология сериясы. 2021. 4 (184). 194—209.

Матвеева Кристина Владимировна
магистрантка 2 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Структурно-семантическая организация и механизмы формирования экологических терминологических гнезд в финском и английском языках

Современный экологический дискурс представляет собой динамично развивающуюся междисциплинарную область, в которой вербализация новых научных концептов требует строгого системного подхода. Формирование терминосистем в данной сфере происходит не изолированно, а через создание сложных иерархических структур, терминологических гнезд, объединяемых общим понятийным ядром.

Целью работы является комплексный анализ принципов формирования семантических гнезд в финской и английской экологических терминосистемах, а также выявление способов репрезентации понятийных связей внутри них. Новизна обусловлена лингвистической интерпретацией динамики формирования терминов на базе актуальных источников, включая экспертные дискуссии объединения BIOS (финский сегмент), сайт научного сообщества Carbonbrief (английский сегмент) и официальные документы Европейской комиссии и Европейского парламента.

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 604 финских и 560 английских терминологических единиц, извлеченных из современных научных текстов и аналитических материалов и разбитых на 10 тематических групп. В ходе работы применялись методы компонентного анализа, контекстуального отбора и классификации по денотативному признаку. Основным критерием выделения гнезда выступало наличие доминантного компонента, вокруг которого группируются производные и ассоциативно связанные лексемы.

Исследование позволило выделить несколько типов семантических центров:

1) Гнезда на базе опорного субстантивного компонента. Ярким примером служит гнездо *hiili* ‘углерод’, включающее такие единицы, как *hiilinielu* ‘углеродный поглотитель’, *hiilijalanjälki* ‘углеродный след’ и *hiilineutraalius* ‘углеродная нейтральность’. В английском языке аналогичное гнездо с ядром *carbon* формирует разветвленную сеть сочетаний: *carbon footprint* ‘углеродный след’, *carbon neutrality* ‘углеродная нейтральность’, а также *carbon sequestration* ‘секвестрация углерода’. Примечательно, что английская система активно использует семантическую деривацию. Напр., лексема *sink* в составе термина *carbon sink* ‘углеродный поглотитель’ претерпевает метафорический перенос и специализацию значения.

2) Функционально-процессуальные группы. Данные объединения связаны общим процессом восстановления среды: *ennallistaminen* ‘восстановление природы’ и *ennallistamisasetus* ‘регламент о восстановлении природы’. В английской терминосистеме процессуальные связи часто выражаются через регулярные префиксальные оппозиции, такие как *deforestation* ‘обезлесение’ и *reforestation* ‘лесовосстановление’, что позволяет четко структурировать антонимические концепты внутри гнезда.

3) Междисциплинарные узлы. Эти структуры возникают на стыке экологии, экономики и права. В финском сегменте это понятия *irtikytkentä* ‘разрыв связи’ и *kiertotalous* ‘циркулярная экономика’.

Финская экологическая терминология отличается высокой прозрачностью внутренней формы и системностью словосложения, в то время как английская в большей степени опирается на механизмы семантического сдвига и аффиксации. Тем не менее, в обоих языках терминология организуется в иерархические гнезда, структура которых определяется термином-доминантой, что позволяет эффективно кодировать и транслировать научное знание.

Молчанова Софья Андреевна
студентка 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Языковой портрет персонажа в венгерском тексте и в русском переводе (на примере романа М. Сабо «Дверь»)

Образ пожилой домработницы Эмеренц показан в романе М. Сабо «Дверь» на контрасте с остальными героями. Незаурядный ум, твердость духа и убеждений сочетаются с высокой эмоциональностью и привычкой «уходить в себя», трудолюбие и милосердие — с добровольной изоляцией даже от самых близких, что делает ее фигуру выразительной и живой. Ключевым средством характеристики героини является речевая характеристика.
Анализ текста показал, что в речи Эмеренц представлены диалектизмы: несмотря на долгую жизнь в Будапеште, героиня не перестала использовать народный язык (регионализмы *kutrica* ‘будка, загон, лачуга’, *pilled* ‘изнемочь, устать’), что представляет ее как простую работящую женщину из провинции, которой чужды столичные нравы. Примечательно, что в переводе романа на русский язык эта речевая особенность передана О. К. Россияновым через подчеркнутую архаичность реплик Эмеренц (в примере *и* ***поколачивал*** *тоже* русский глагол соответствует нейтральному венгерскому *megver* ‘бить’, существительное в примере *я с двумя белокурыми* ***близнятками*** *на руках* — нейтральному *kisgyerek* ‘малыш’).
Яркой и узнаваемой особенностью Эмеренц является ее едкая ирония, которая обнаруживается даже в трагические минуты. Героиня, с детства переживающая потрясения, избрала ее для себя как способ «самозащиты» во время кризисных ситуаций (*és élnek itt örökké, mint a mesében…* — букв. ‘и будете жить здесь вечно, как в сказке…’, *most aztán megkapta komának a kapanyelet, nincs egyedül* — букв. ‘теперь, когда получила в кумовья черенок от мотыги, не одна’). Так, склонность иронизировать характеризует Эмеренц как неповерхностного, чувствительного и закрытого человека, прячущего свои истинные эмоции: страх, обиду, скорбь — за насмешкой.
При рассмотрении речевых ситуаций с участием Эмеренц мы заметили, что ее речи характерна интенциональная и стилистическая неровность, напр., вербальная демонстрация уверенности в собственной правоте и жесткая критика собеседника, выраженные на языковом уровне бранными словами (*hát olyan hülyének hisz — совсем круглой дурой меня считаете*, *az a ronda kagyló — паршивая эта раковина*), уступают место ретроспективной интенции самораскрытия, переданной с помощью элементов народно-поэтической речи и сказочных формул (*az anyám, az maga a tündérilona — ну а мать — просто фея, красавица писаная*, *csak futott, és visított, madár szokott úgy rikoltani — бежит и криком надрывным кричит, как вот птица кличет иногда*).
Особое внимание в работе уделено анализу переводческих стратегий при передаче сказочных образов в речи Эмеренц. Анализ показал, что сказочные реалии трансформируются в понятные русскому читателю образы: напр., реалия *tündérilona* — букв. ‘фея Илона’ находит параллель в русской культуре со словосочетанием *красавица писаная*. Было замечено, что грубость, вспыльчивость Эмеренц сглаживаются в эпизодах, где героиня рассказывает о семье, о детстве.

Попович Екатерина Владимировна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

История развития полевой лингвистики России на примере словарей водского языка и его диалектов

Языки малочисленных народов, как правило, долгое время могут оставаться недостаточно изученными. Трудно составить точное представление и об их истории, так как зачастую идиомы исчезают еще до того, как их успевают зафиксировать лингвисты. Проблема заключается в том, что утрата языком своих носителей часто происходит быстрее, чем развивается наука и ее методика. Так, многие из ранних (XVIII—XIX вв.) лексикографических источников содержат неточности, вызванные рядом типичных ошибок, допускаемых при их составлении. Часто это связано с характерным для своего времени отсутствием общепринятой методики и специальной лингвистической подготовки исследователей. Когда же методика разработана и за дело берутся профессиональные лингвисты, язык приходится уже реконструировать по не всегда точным данным предыдущих источников и со слов последних носителей, что также является характерным этапом истории изучения языков малых народов.
Цель данного доклада — проанализировать основные русскоязычные лексикографические источники по водскому языку и кревинскому диалекту, составленные на разных этапах становления российского финно-угроведения. Были рассмотрены работы, составленные в XVIII в. (такие как полевые заметки Ф. О. Туманского и словарь П. С. Палласа), источники XIX в. (монография о кревинском диалекте Ф. И. Видемана) и XX в. (труды Д. П. Цветкова, включающие словарь водских деревень Ленинградской области), а также книги современных лингвистов, такие как словарь Н. А. Дьячкова и О. И. Коньковой.
Таким образом, предоставляется возможность проследить переход от первых опытов изучения, обусловленных любительским интересом, к профессиональному научному подходу, целью которого является фиксация исчезающего языка, а в идеале — его сохранение. Кроме того, рассмотрение более ранних источников позволяет выделить ряд типичных неточностей и искажений, допускаемых на начальных этапах и исправляемых в дальнейшем, что позволяет сделать выводы о развитии более четкой методики полевых исследований и принципов составления словарей.

Соковая Виктория Сергеевна
студентка 2 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Вопросительные конструкции в вепсском языке (на материале печатных диалектных текстов, собранных в XIX—XX вв.)

Вепсский язык на протяжении своей истории развивался в условиях интенсивных языковых контактов. Многовековое взаимодействие с русским языком (особенно в области синтаксиса), а также контакты с другими прибалтийско-финскими языками создали сложную языковую ситуацию, характеризующуюся интерференцией на разных уровнях. Это не могло не отразиться на грамматическом строе вепсского языка, в частности на системе средств выражения вопросительности. Вопрос о том, как контактные явления трансформировали характерные для прибалтийско-финских языков механизмы и привели к появлению новых стратегий оформления вопроса, до сих пор остается открытым.

Обращение к диалектным записям XIX—XX вв. позволяет зафиксировать вариативность, которая может быть ключом к пониманию этих процессов. Собрана обширная источниковая база, охватывающая северные, средние и южные диалекты вепсского языка.
Цель работы — выявить инвентарь средств оформления вопроса в вепсском языке, описать их дистрибуцию и определить соотношение различных типов вопросительных конструкций в диалектной речи. В зависимости от структурных и семантических признаков вопросительные предложения в вепсском языке могут быть разделены на несколько типов. В настоящем исследовании предлагается следующая рабочая классификация: общий вопрос (маркированный клитикой *-ik,* интонационный тип), специальный вопрос (со словами *mi* ‘что’ и *ken* ‘кто’ в различных падежных формах, пространственных (*edahaks?* ‘далеко?’) и количественных (*äja?* ‘много?’) наречий в функции запроса информации), альтернативный вопрос.
Особый интерес представляет эллиптический вопрос. В материале фиксируются случаи, где вопрос выражается неполной структурой (отсутствует глагол, подлежащее или оба компонента). В существующих классификациях такие примеры часто относятся к интонационному типу. Однако представляется целесообразным разграничивать интонационные вопросы (структурно полные, но меняющие модус за счет интонации) и эллиптические вопросы (структурно редуцированные, но семантически самодостаточные за счет контекста), так как они могут отражать разные коммуникативные стратегии: первые — экономию языковых средств в потоке речи, вторые — возможное синтаксическое влияние русских разговорных конструкций.
В дальнейшем интерес представляет изучение аналогичных процессов в родственных вепсскому языках Ленинградской области — водском, ижорском и др., также подвергшихся значительному влиянию русского языка.

Торопова Дарина Романовна
студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Репрезентация русских имен собственных в романе Р. Ликсом «Hytti nro 6»

Роман современной финской писательницы Р. Ликсом «Hytti nro 6» [Liksom, 2011], удостоенный литературных премий в Финляндии, переведенный на 16 языков и экранизированный (гран-при на Каннском кинофестивале в 2021 г.), представляет собой уникальный пример художественного текста, воспроизводящего русскую языковую картину мира средствами финского языка. Роман создает у финского читателя убедительную иллюзию иноязычной речи и погружения в советский культурный контекст 1980-х гг.
Особый интерес в этом отношении представляет стратегия передачи имен собственных (антропонимов, топонимов, мифонимов), так как система русских имен в романе выполняет ключевую роль в формировании комплексного образа иной культуры.
Цель данного исследования — выявить и классифицировать способы передачи русских имен собственных в финноязычном тексте романа. Методика исследования основывается на выделении лексико-семантических особенностей речи по классификациям И. С. Алексеевой, У. Вайнрайх, Л. Титтула и П. Нуолиярви [Алексеева, 2004; Вайнрайх, 1979; Tiittula, 2016].
В ходе анализа были выявлены следующие основные приемы, выходящие за рамки транслитерации: 1) передача антропонимов как отражение социальной нормы [Алексеева, 2004] (обращение по имени и отчеству — *Vadim Nikolaevitš*); 2) семантическое калькирование при передаче мифонимов [Вайнрайх, 1979] (*Hölmö-Ivan* — ‘Иван-дурак’, *Koštšei Kuolematon* — ‘Кощей Бессмертный’); 3) авторские окказионализмы (*Teräs Rautavitš*

— букв. ‘Сталь Железнович’); 4) транслитерация географических названий вместо использования принятых в финском языке названий (*Finljandskaja respublika* вместо *Suomen tasavalta*); 5) прагматические отклонения от финской коммуникативной нормы (обращение по имени и отчеству).
Имена собственные формируют в тексте языковую среду, маркирующую чужую культуру. Эти приемы позволяют финноязычному читателю не только маркировать речь персонажа как «чужую», но и понять социальный контекст советского общества, специфику межличностной коммуникации и уникальный культурный код, делая их узнаваемыми для финского читателя в рамках родного языка.

Литература:
Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., М., 2004.
Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
Liksom R. Hytti nro 6. Hämeenlinna, 2011.
Tiittula L., Nuolijärvi P. Puheesta tekstiksi. Turenki, 2016.

Филюрина Ксения Антоновна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Классифицирующая функция партитива в финском языке

Данное исследование направлено на распределение имен существительных по классам, или склонениям, которые определяются на основе показателей частичного падежа, партитива, в финском языке. Классификация именных частей речи в финском языке обычно осуществляется за счет показателей основы, которыми выступают преимущественно гласные, но есть также и согласные основы [Lehtinen, 2006]. Подобная система развита в финском языке по причине наличия большого количества падежей, которые требуют определенных морфонологических изменений при образовании падежной формы. Таким изменениям подвергаются морфемы при образовании партитива, генитива и иллатива [Karlsson, 2018: 69]. В данном исследовании рассматривается только случай партитива и предлагается особая система классификации имен по типам склонений на основе способа образования формы партитива. Таким образом, партитив, а именно его показатели и морфонологические изменения на стыке морфем (корня и суффикса), приобретает новую функцию, которая также рассматривается в исследовании [Matthews, 1952].
Исследование проводится на материале 84 лексем из двухсотсловного списка базисной лексики финского языка. Использование базисной лексики обусловливается необходимостью изучить существование склонений в диахронии и использовать полученные результаты для дальнейшего сопоставления с другими прибалтийско-финскими языками в целях реконструкции системы склонения прибалтийско-финского праязыка.
В результате данного исследования было выведено пять склонений: ri-склонение, V:-склонение, V-склонение, si-склонение и vi-склонение, где V обозначает любой гласный (V: долгий гласный или дифтонг, V — краткий гласный). Примерами для каждого склонения могут служить следующие единицы: 1) ri-склонение: *veri* ‘кровь’ (ном.) — *verta* ‘крови’ (парт.); 2) V:-склонение: *maa* ‘земля’ (ном.) — *maata* ‘земли’ (парт.); 3) V-склонение: *lintu* ‘птица’ (ном.) — *lintua* ‘птицы’ (парт.); 4) si-склонение: *vesi* ‘вода’ (ном.) — *vettä* ‘воды’ (парт.); 5) vi-склонение: *kivi* ‘камень’ (ном.) — *kiveä* ‘камня’ (парт.). Таким образом, по примерам видно, что во всех пяти случаях показатель партитива либо влияет на изменение предыдущей морфемы, либо зависит от конечного гласного или согласного основы. Это позволяет выделять типы склонений.

В работе использовались описательный и структурный методы.

Литература:
Karlsson F. Finnish. A Comprehensive Grammar. New York, 2018.
Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantauralista varhaissuomeen. Helsinki, 2006.
Matthews W. K. Functions of the West Finnic Partitive Case // The Slavonic and East European Review. 1952. 76. 58—73.

Ягодина Варвара Дмитриевна
студентка 4 курса
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Репрезентация цветового признака в описании минералов на финском и русском языках

В работе рассматриваются лексико-грамматические особенности репрезентации цветового признака в минералогическом научном дискурсе на материале финского и русского справочных изданий. Цель исследования — выявить различия в способах вербализации цветовой характеристики минералов в финском и русском специализированных справочниках. Научная новизна исследования заключается в том, что цветообозначения анализируются не как физическая характеристика минерала, а как элемент языковой организации научного описания. Сопоставление проводится на материале двух справочных изданий, что позволяет выявить особенности лексико-грамматической структуризации цветового признака в рамках профессионального дискурса.
Материалом исследования послужили цветовые характеристики, содержащиеся в специализированных минералогических справочных изданиях на финском и русском языках. В качестве финского источника использовано издание «Retkeilijän kiviopas», представляющее собой систематизированный справочник по минералам и горным породам. Русский материал отобран из академического справочника «Минералы», изданного Институтом геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Корпус исследования включает 65 текстовых фрагментов, в которых цветообозначения используются для описания внешних и диагностических признаков минералов. Исследование носит сопоставительный характер и основано на качественном лингвистическом анализе цветообозначений, их морфологической структуры и синтаксической организации.
Анализ показал, что в большинстве случаев совпадает базовый цветовой компонент (*латунно-желтый, бронзово-желтый, серебристо-белый* и др.), тогда как различия проявляются преимущественно в степени детализации и способах лексико-грамматической разработки цветового признака. Русскоязычный источник характеризуется более высокой степенью оттеночной дифференциации: активно используются сложные прилагательные типа *серовато-черный*, *буровато-черный*, *свинцово-серый*, вводятся уточняющие модификаторы интенсивности и суботтенки. Наблюдается тенденция к терминологической унификации цветообозначений (напр., *бурый* вместо *коричневый*). Финские описания демонстрируют иную стратегию организации цветового признака. Для них характерны диапазонные конструкции типа *от… до…* и альтернативные формулы (*или*), а также продуктивное использование модификаторов *-htava* и *-vainen*, формирующих размытые оттеночные категории. Цвет нередко уточняется посредством сравнительных конструкций и ассоциативных эталонов, ср.: *sinisempi kuin grafiitti* ‘более синий, чем графит’ и *marjapuuron punainen* ‘красный, как ягодная каша’, что указывает на использование сопоставительного и культурно обусловленного механизма репрезентации цвета.

Различия между сопоставляемыми текстами проявляются в моделях цветовой репрезентации и стратегиях лексико-грамматической организации цветового признака. Финский материал чаще опирается на сравнительные конструкции и культурно обусловленные эталоны, тогда как русскоязычный источник ориентирован на терминологически закрепленные модели и стандартизированные способы адъективации. В основном различия касаются степени детализации цветовой характеристики, уровня ее терминологической кодификации и типов модификации, посредством которых структурируется цветовой признак в научном описании.

НАПРАВЛЕНИЕ «КИНО|ТЕКСТ|ТЕАТР»

СЕКЦИЯ «КИНО|ТЕКСТ»

Бадалова Диана Олеговна
асп.
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Песня «Healing Incantation» и символика волос как составляющие ритуального контекста в анимационном фильме «Tangled»

Под ритуалом подразумеваются действия символического характера, которые совершаются с целью воздействия на действительность. А. А. Артемьева определяет упорядочивающую функцию ритуала ключевой, опираясь на этимологию понятия. Ритуальные действия первобытного человека можно рассматривать как попытку упорядочить хаотичный мир. В современном контексте ритуал преимущественно функционирует как модель или алгоритм действий, направленный на достижение результата. При этом как древние, так и современные ритуальные практики имеют символический характер [Артемьева, 2010: 75]. Ритуалы представлены в отечественных и зарубежных фильмах: «Он — дракон», «Солнцестояние», «Колдовство: новый ритуал» и др. Репрезентация ритуальных действий в кинематографе во многом обусловлена жанровой спецификой. Так, в фильмах в жанрах ужасов, триллера, фэнтези, связанных с архаическими верованиями и обрядами, ритуалы нередко воспроизводятся развернуто. В иных жанрах чаще используются символические или аллюзивные формы обращения к ритуалу.
В этом контексте анимационный фильм студии «Disney» «Tangled» представляет особый интерес, поскольку содержит ряд символических отсылок к ритуальным практикам, объединенным сквозным мотивом волос. Волосы на протяжении истории культуры выступали многозначным символом, ассоциирующимся с красотой, силой, здоровьем. Они рассматривались как носитель жизненной энергии человека, что обусловило существование многочисленных примет и запретов, связанных со стрижкой и утилизацией волос, сохраняющихся и в современной культуре.
Рапунцель, героиня мультфильма, обладает длинными волосами, магическая сила которых активизируется песней «Healing Incantation». Текст песни представляет собой последовательность императивных конструкций: восемь из девяти строк выражены в форме повелительного наклонения, что характерно для вербальных форм ритуального воздействия (*bring back*, *heal*, *change*, *save*). Синтаксический параллелизм строк усиливает эффект. Обращение *flower* указывает на природное происхождение магической силы волос, что соотносится с архаическим представлением о сакральной энергии природы.
Первое использование силы волос и звучание песни показано в сцене, где мачеха расчесывает волосы Рапунцель с целью собственного омоложения. Примечательно, что в традиционной славянской культуре расчесывание волос также имело ритуальный характер и рассматривалось как действие, способствующее восстановлению жизненной энергии. В другой сцене героиня исцеляет руку Флинна, обвивая ее волосами и исполняя песню, что подчеркивает целостность вербального и материального компонентов ритуала. Особое символическое значение имеет сцена обрезания волос Рапунцель. В ряде культур ритуал обрезания волос обозначал переходный этап, смену социального или жизненного статуса. Аналогичные представления сохраняются и в современной культуре.
Так, песня «Healing Incantation» в мультфильме «Tangled» может быть рассмотрена как форма ритуального текста. Волосы же функционируют как сложная система символов, объединяющая представление о жизненной силе, природе и трансформации. Сочетание песни, повторяемых действий и визуальной символики позволяет интерпретировать данный элемент фильма как художественную переработку архаических ритуальных

практик, адаптированных к современному культурному пространству.

Литература:
Артемьева А. А. К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 74—77.

Буковей Егор Евгеньевич
студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Между «Даром» и «Лолитой». Кинематографические техники «Волшебника» В. Набокова

Кинематографические техники В. Набокова хорошо описаны и каталогизированы. Примеры использования писателем фильмических эффектов варьируются от имитации монтажа в самых ранних рассказах [Wyllie, 2002: 278] до развернутых кинематографических метафор в англоязычных романах [Wyllie, 2003: 188]. В настоящей работе предлагается анализ визуального кода «Волшебника» Набокова, который интересен и как самодостаточный эксперимент, расширяющий этические, тематические границы эмигрантской литературы, и как порубежный текст, в котором сливаются эхо законченного годом ранее «Дара» (в повести использована сложная повествовательная конструкция, основанная на смешении первого и третьего лиц; вспомним и о желании Щеголева написать роман о соблазнении молодой дочки вдовы, полностью повторяющий сюжетную канву повести) и слабое звучание «Лолиты» (общая тематика, возраст героинь и некоторые детали, о которых ниже), создающие произведение, насыщенное яркими визуальными образами и кинематографическими деталями.
Вскоре после русской публикации «Волшебника» Г. Барабтарло обратил внимание на монтажную технику последнего предложения повести [Барабтарло, 1996: 194] (идентичную громовую метафору Набоков использовал при описании аналогичного несчастного случая, произошедшего с Шарлоттой Гейз). Однако вопреки предположению исследователя, «кинематографическая нить» начинается не на «той же последней странице» [там же], а проходит через все произведение. Повесть изобилует как выразительными кинематографическими деталями (безымянная нимфетка, как и Лолита, любит киножурналы), так и куда более изощренными приемами, демонстрирующими глубокое понимание особенностей медиума. Так, сцена близости в финале повести дана как серия крупных планов, во время которых беззащитная жертва пытается спастись «как дитя в экранной драме» [Набоков, 2022: 77], а играющие девочки описаны как в «замедленной фильме» [там же: 53]. Отсутствие имен в повести — за единственным исключением второстепенной героини — полифункционально: оно указывает на сновидческий характер произведения и на псевдодокументальный характер «съемки».
Наконец, стоит обратить внимание и на самого волшебника, гипнотизирующего свою жертву — мотив, восходящий к кинематографу немецкого экспрессионизма, существовавшего в зрительском опыте Набокова по крайней мере с конца 1920-х гг. и впоследствии использованный им при написании «Лолиты» [Wyllie, 2003: 154]. Анализ и систематизация кинематографических техник повести, предпринимаемый впервые в настоящей работе, вводит новый текст в исследования, посвященные визуальной поэтике Набокова, и позволяет проследить не только очевидные сюжетные параллели с «Лолитой», но и эволюцию повторяющихся визуальных образов писателя.

Литература:
Барабтарло Г. Бирюк в чепце // Звезда. 1996. № 11. С. 192—206.

Набоков В. Волшебник. Solus Rex. М., 2022.
Wyllie B. Experiments in Perspective: Cinematic in Nabokov's Russian Fiction // New Zealand Slavonic Journal. 2002. 277—288.
Wyllie B. Nabokov at the Movies: Film Perspectives in Fiction. London, 2003.

Воронова Анастасия Дмитриевна
магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Кино сегодня: современный российский кинематограф как способ поддержания положительных массовых настроений

Государство, как политическая организация, управляющая делами общества, представляет собой могущественный аппарат, включающий в себя множество инструментов, т. н. «средств и приемов управления», которые служат не только разрешению социальных конфликтов и обеспечению правопорядка в стране, но и воздействию на массовые настроения, имеющие значительное влияние на изменение социально-политических процессов [Ольшанский, 2002: 156; Морозова, 2026: 55]. Основным пространством государственного управления массовыми настроениями является культура, а точнее одна из ее ведущих частей — искусство [Смольская, 1986: 6].

Целью данного исследования является определение роли киноискусства (как одного из наиболее значимых в современности) в решении государственных задач Российской Федерации и изучение способов, применяемых властью при коммуникации с гражданами посредством киноязыка.

Современные государства используют один и тот же метод управления массовыми настроениями — способ стремительного «очищения» их национальной культуры от присутствия в ней культур других стран в целях утверждения уникальности и силы для укрепления безопасности страны, воспитания патриотизма будущих поколений и поддержки граждан в период политической турбулентности [Шубин, 2011: 22]. Этот путь избрала и Российская Федерация, на территории которой одним из главных приемов «очищения» культуры становится выдвижение национального искусства на первый план.

В кинематографе эту задачу определяет не только необходимость учитывать первостепенную позицию национальных кинокартин при их запуске на экраны страны, не только принадлежность кинотекста к авторству национального режиссера и участие российских актеров, но и выбор жанров. Популярными жанрами в России в период с 2025 по январь 2026 г., исходя из результатов проведенного анализа, стали байопик (11 фильмов — 7,9 %), повествующий о жизни значимой личности, и экранизация (21 фильм — 11,3 %), представляющая собой киноинтерпретацию литературного произведения: всего вышло 177 отечественных фильмов. Среди лидеров на рынке драма занимает первое место — 33,9 %, комедия — 27,7 %, при этом адаптация классических литературных произведений и биографических проектов в совокупности составляют около 20 %, что свидетельствует о повышенном интересе в последнее время к данным формам.

Таким образом, можно предположить, что российский кинематограф рассматриваемого периода ориентируется на актуальный социально-политический контекст, который выражается в использовании определенных жанров и сюжетов (фильмы «Пророк. История Александра Пушкина», «Левша» и др.), направленных на укрепление национальной идентичности и солидаризацию общества в условиях трансформации международных отношений.

Литература:

Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2026.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб., 2002.
Смольская Е. П. Массовая культура: развлечение или политика? СПб., 1986.
Шубин Ю. А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика: автореф. дис. ... к. культурологии. М., 2011.

Гаптарь Ольга Валерьевна
студентка 4 курса
Московский городской педагогический университет

Интермедиальная трансформация речевого жанра: от текста к кинотексту

Процесс экранизации литературного произведения представляет интерес для лингвистики, являясь примером преобразования вербального текста в мультимодальную структуру кинотекста. Как отмечает М. Р. Желтухина, «информация всегда облекается в форму каких-либо знаков» [Zheltukhina et al., 2017: 86], поэтому переход текста требует осмысления как процесса рекодирования знаковых структур, называющегося интермедиальностью. Ее мы понимаем как аналитическую категорию, фиксирующую взаимодействие между различными медиа, модальностями и знаковыми системами [Плужник, 2021: 13]. Новизна исследования состоит в применении концепции речевого жанра, представляющего собой, по определению М. М. Бахтина, относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания, к анализу кинотекста, где определенные жанры трансформируются в интермедиальные знаки, сохраняя коммуникативную функцию за счет синтеза вербального, акустического и визуального кодов. Цель работы — выявить способы трансляции речевых жанров из прозы Ф. М. Достоевского в кинотекст на материале экранизации «Преступление и наказание» (реж. Л. А. Кулиджанов, 1970).
В качестве материала использован фрагмент романа с письмом Пульхерии Александровны, представляющий эпистолярный жанр, и соответствующая сцена экранизации.
Методологическую основу составили семиотический подход Ю. М. Лотмана к кино как знаковой системе и элементы мультимодального анализа. Исследование осуществлялось на трех уровнях: вербальном, паравербальном, включающем темп речи, звуковое оформление, интонацию, компонент, играющий особую коммуникативную роль в любом высказывании [Бурнакова, 2018: 65], и визуальном, ведь передача, в т. ч. зрительной информации — одна из основных задач языка [Сластникова, 2021: 19].
Анализ показывает, что кинотекст реконструирует функцию речевого жанра через мультимодальные эквиваленты. В романе письмо — классический эпистолярный жанр: отсроченное, монологическое обращение, несущее эмоциональную нагрузку. В кинотексте текст письма не визуализируется, отсутствует съемка листа, вместо этого камера фокусируется на лице Раскольникова: крупный план глаз, наполненных слезами, создает эффект погружения в субъективное переживание. Ключевой прием — материализация в кадре образа матери, произносящей строки письма устно. Сцена разворачивается в движении — Раскольников поднимается по лестнице, а образ матери следует за ним, трансформируя монологическое письмо в диалогическую форму. На вербальном уровне текст сохранен, но приобретает интонацию живой речи, голос матери, на паравербальном уровне, усиливает эмоциональное давление. Так, кинотекст рекодирует коммуникативную функцию жанра через мультимодальный синтез.
Таким образом, речевой жанр в кинотексте сохраняет свою сущность за счет создания равноценной художественной структуры на основе взаимодействия вербального, визуального и звукового компонентов.

Литература:
Бурнакова К. Н. Ритмомелодическое оформление иноязычной речи: содержательный

аспект // Казанская наука. 2018. № 9. С. 64—67.
Плужник В. В. Режимы интермедиальности в советской культуре 1970-х — первой половины 1980-х гг. (на материале кино): дис. … к. культурологии. М., 2021.
Сластникова Т. В. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М., 2021.
Zheltukhina M. R. et al. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm // XLinguae. 2017. 10 (2). 85—100.

Гусев Олег Николаевич
асп.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Культурфилософский анализ феномена «гибридной идентичности» в визуальном языке документального «четвертого» кино

Культурная идентичность индивида, являющегося носителем двух и более культур и (или) лингвокультурных кодов, находится в постоянном процессе смешения и трансформации, формируя новые уникальные формы. В постколониальной философии Х. Баба называет такие формы гибридными и вводит в дискурс понятие «гибридности», которая формируется в т. н. «третьем пространстве» — особой символической зоне, в которой смыслы, символы и знаки каждой вступившей во взаимодействие (смешение) культуры теряют изначальные признаки единства или неизменности и, далее в сознании человека, могут быть присвоены, переведены, переосмыслены и прочитаны заново, в результате чего появляются новые, «гибридные» идентичности.

К одной из таких гибридных «зон», ярко проявляющих феномен «третьего пространства», мы можем отнести регионы, в которых проживают малые (коренные) народы (в России — ЯНАО, Якутия, ХМАО и т. д.), а точнее — ту поликультурную среду, которая в них создается благодаря взаимодействию между собой людей разных национальностей и языков. И, соответственно, самым репрезентативным средством для демонстрации и анализа этой среды (для тех, кто не проживает непосредственно в регионах) можно считать документальное «четвертое» (индигенное) кино, т. е. кино, созданное представителями коренных народов внутри их сообществ и для них самих, отражающее их уникальные ценности и мировоззрение «изнутри».

Настоящее исследование построено на культурфилософском анализе феномена «гибридной идентичности» в визуальном языке документального «четвертого» кино на материале документальных фильмов французского режиссера-документалиста М. Нейру (M. Neyroud), специализирующегося на изучении жизни народов Крайнего Севера России, и сосредоточено на концепте «третьего пространства» и поликультурной среды Российской тундры (отличающейся от мультикультурной среды больших городов). В докладе использованы документальные фильмы «Три чума» (54 мин., 2021) и «Два чума» (109 мин., 2024), съемки которых проходили в ЯНАО в 2018 и 2020 гг. в семье хантов по фамилии Вененго во время процесса миграции (по-хантыйски — *каслания*) к низовьям Оби в горы Полярного Урала.

Исследование выявляет смешение и трансформацию лингвокультурных кодов на стыке христианской и традиционных культур народов Севера, что приводит к формированию уникального третьего культурного пространства и отражает сложную динамику идентичности. Исследуя визуальный язык документального «четвертого» кино Нейру, мы не можем не отметить важные признаки поликультурализма, такие как наличие в одном кадре атрибутов православия и шаманизма, современных европейских и традиционных хантыйских элементов одежды, а также явление переключения языкового кода (code-switching). Вместе с этим практически одновременно мы наблюдаем уникальный

традиционный формат взаимодействия человека и животного и, с другой стороны, человека и современных технологий (гаджеты, кино, домашняя техника). Таким образом, исследование визуального языка документального «четвертого» кино, иногда называемого дискурсивным, открывает перспективы для дальнейшего изучения феномена «гибридной идентичности» и поликультурализма у представителей коренных народов.

Кислицина Элина Александровна
студентка 2 курса
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Связь образов «близь» и «даль» с киноязыком в литературном сценарии А. Платонова «Солдат-труженик, или После войны»

Литературный сценарий «Солдат-труженик, или После войны» был написан А. Платоновым в 1946 г. Можно найти лишь несколько статей, посвященных исследованию текста, однако его поэтика и жанровые особенности так и не были описаны.
В связи с творчеством Платонова исследовали часто размышляют о семантике образов «близь» и «даль». Напр., Д. Замятин в статье «Круглая вечность» пишет о том, что образ дали в романе «Чевенгур» «как бы гарантирует покинутость, беззащитность, сиротливость, неуютность пространства» [Замятин, 2005: 11]. А. Жолковский в работе «Душа, даль и технология чуда» [Жолковский, 1989] считает, что тематическая доминанта поэтики Платонова — нацеленность на превозмогание реальности, на выход за ее пределы, из-за чего одним из архетипических мотивов в судьбах героев можно считать возвращение, смирение, удовлетворение близью или иной медиацией между далью и близью.
Эти же особенности можно проследить и в «Солдате-труженике, или После войны» (главный герой — Федор, его жена — Арфа). В тексте представлено множество фрагментов, в которых кто-то из персонажей уходит или смотрит «вдаль», «в пространство», удаляется или идет по железнодорожному полотну. Подобные эпизоды, как указано в пособии В. Шкловского «Как писать сценарий» [Шкловский, 1931], следует снимать «дальним планом». Те, в которых фигурирует Арфа, преимущественно могут быть сняты «крупным», «американским» или «первым» планами. Платонов также делает акцент на отдельных частях тела героини. Подобные кадры называются «деталями» в теории Шкловского. Семантика этих планов связана с «удовлетворением близью». Федор же, наоборот, участвует в тех эпизодах, которые следует снимать «общим» планом, или же, через его оптику, т. е. от его лица, должны быть показаны «дальние планы». В этом случае «даль» Федора — стремление приблизиться к «иному миру» в архетипическом смысле. Он как бы пытается пересечь некую черту ради «созидания», поэтому и игнорирует «близь». Если же Арфа показана с помощью «дальнего плана», это усложняет значение: появляется связь с сиротством, с желанием обрести утраченную «близь».
Так, образы «близь» и «даль» отражены в позднем творчестве Платонова — специфика их выражения соотносится с особенностями построения литературного киносценария и теорией киноязыка.

Литература:
Замятин Д. Круглая вечность // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2005. Вып. 6. С. 7—19.
Жолковский А. К. «Фро»: пять прочтений // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 23—49.
Шкловский В. Как писать сценарии: Пособие для начинающих сценаристов с образцами сценариев разного типа. М.; Л., 1931.

Лукиянова Милена Андреевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Бюрократ и время: трансформация сатирического образа в советской музыкальной комедии 1930—1950-х гг. («Волга-Волга» Г. В. Александрова и «Карнавальная ночь» Э. А. Рязанова)

Советская музыкальная комедия 1930-х гг. зарождается как форма идеологического мифа, который воспевает светлое будущее социализма. В «Волге-Волге» создается образ радостного, ничем не обремененного мира, где все разногласия решаются с помощью музыки и танца. К середине 1950-х гг., в период «оттепели», комедия приобретает новые черты: в «Карнавальной ночи» усиливаются реалистические детали, углубляется социально-психологическое наполнение, а сатира становится инструментом осмысления современных проблем.
Бывалов — типичный сатирический герой советской довоенной комедии. Его фамилия и стиль общения раскрывают показную значимость и глубокое невежество. Он является гипертрофированным чиновником, оторванным от народа. Роль Бывалова — создавать искусственные трудности, которые контрастируют с творческой силой жителей Мелководска.
Огурцов показан как другой тип героя. Это не просто хвастун и придирщик, а действующий руководитель, искренне верящий в эффективность установленных процедур. Его бюрократия заключается в стремлении подчинить творчество жесткому порядку, заменить свободное искусство инструкциями. Он символизирует старую систему управления, не способную понять дух времени и живого коллектива.
В образе Бывалова эффект комического достигается за счет гротеска и визуально акцентированной внешности: вычурная мимика, театральные паузы, абсурдные ситуации. Юмор основан на резком контрасте между живым народным настроением и застывшей, механистической властью. Огурцов раскрывается через диалог, внутреннюю логику мышления, сталкивание двух миров: официального языка и настоящей праздничной атмосферы. Смешные моменты возникают из разрыва между шаблонными формулировками и реальностью. Тем самым комедия переходит от грубой буффонады к сложной сатире.
В 1930-е гг. фигура бюрократа интегрирована в конструкцию счастливого финала: он временно нарушает равновесие, но не подрывает общую гармонию. Конфликт имеет воспитательную направленность. В 1950-е гг. образ Огурцова отвечает потребностям общества в переменах. Его поражение интерпретируется как переход к новой культурной модели — отказ от избыточных нормативов, признание прав молодежи на самореализацию.
В фильме «Волга-Волга» музыка воплощает массовое радостное состояние и энергию народа, оттеняя образ Бывалова. В «Карнавальной ночи» музыкальные сцены выступают полем борьбы: именно через них проявляется анахронизм и нелепость Огурцова. Праздник здесь становится формой социального диалога, где затрагиваются темы общественных отношений и личной жизни.
В кинокартинах происходит эволюция художественного стиля. Сопоставление героев свидетельствует о переходе от условной, почти сказочной формы к более достоверному и актуальному изображению действительности.
Образы Бывалова и Огурцова показывают эволюцию советской сатиры за два десятилетия. Несмотря на схожесть ролевой функции (препятствие на пути героя), они отражают различные исторические периоды. Первый укрепляет идею единства через победу над искаженным злом, второй — отражает процессы реформирования общества и искусства. Сравнение этих фигур помогает понять трансформацию взглядов на власть и место личности в советской культуре.

Прядкин Артем Александрович
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Визуальная неоднородность как художественный принцип: смешение форматов изображения в фильме Ф. Кудрявцева «Ровесник» (2024)

Новизна исследования заключается в рассмотрении смешения разнородных форматов изображения в современном российском фильме Ф. Кудрявцева «Ровесник» (2024). В данном фильме VHS-съемка, псевдодокументальные кадры, изображение интерфейсов экранов (скринлайф) являются целостным эстетическим принципом, который определяет специфику кинематографического высказывания и формирует особый режим зрительского восприятия. Такой способ нарратива позволяет посмотреть под новым углом не только на историю, рассказанную в фильме (про современность и про 90-е, ставшие отдельным жанром для отечественного кино), но и на связь игрового и документального кино в целом. Кроме того, рассматривается использование современных технологий в создании фильма и их значение (искусственный интеллект, технология дипфейк). Перечисленные элементы встраиваются в жанр мокьюментари, в котором режиссер «присваивает» фильм главному герою (в начальном титре с названием указаны имя и фамилия не режиссера, а главного героя). Вся специфика формальных приемов накладывается на структуру метакино, где зритель информирован о том, что смотрит фильм действующего лица.
Целью работы является выявление элементов визуальной неоднородности фильма и роль данного приема в структуре повествования и конструировании эффекта достоверности. Материалом исследования выступает визуальный ряд фильма, включающий различные типы изображений и способы их монтажного соединения. В качестве методов используется анализ формы фильма, а также семиотический подход к визуальному тексту, который позволяет сформулировать особые смыслы, рождающиеся из выбранного режиссером способа повествования.
В результате исследования установлено, что в фильме «Ровесник» визуальная неоднородность функционирует как системообразующий принцип организации повествования, объединяющий разнородные медиальные формы в единую художественную структуру. Тем самым обеспечивается не только эффект документальной достоверности, но и формируется модель повествования, стирающая границы между зрителем и событиями фильма, что проблематизирует границу между игровым и документальным кино. Выявлено, что интеграция разнообразных типов изображения в жанровую структуру мокьюментари и метакино способствует конструированию субъективной перспективы главного героя, создающего фильм, который мы смотрим, и задает особый режим зрительского восприятия, основанный на осознании медиальной природы изображаемого. Таким образом, фильм одновременно пытается убедить зрителя в документальности происходящего и создает дистанцию, свойственную для метакино. Из этого синтеза и рождается особая структура кинофильма, основанная на принципе неоднородности.

Степанов Константин Андреевич
студент 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Бедные люди: травма, изоляция, норма и семья в творчестве А. Т. Йенсена

Доклад посвящен исследованию тем, присутствующих в фильмах датского кинематографиста А. Т. Йенсена. Будучи одним из создателей «Догмы 95» [Moore, 2015: 365], сам режиссер остается в тени более известных соотечественников — с этим связана актуальность темы доклада.
Целью доклада является анализ элементов, характерных для творчества режиссера. Объектом исследования выступают полнометражные режиссерские работы Йенсена, а предметом — их устройство: герои, темы и художественные решения.
Все фильмы постановщика объединены рядом устойчивых образов: напр., травмированные герои, столкнувшиеся по воле обстоятельств и принимающие не только свои раны, но и боль других. Место действия также играет важнейшую роль — персонажи зачастую оказываются изолированными от мира. Обстоятельства вынуждают их погружаться «внутрь себя», а также исследовать проблемы друг друга, чтобы выбраться из кризисной ситуации. Практически всегда упомянутые выше «обстоятельства» имеют отношение к криминальному миру Дании (банда рыцарей справедливости из одноименного фильма 2020 г. или герой Н. Бро из «Последнего викинга»). Помимо криминального элемента, героям противостоят «нормы». Будь то закон, как в «Зеленых мясниках» или «Мерцающих огнях», или же ожидания социума, которым не соответствуют практически все герои Йенсена.
Миры режиссера наполнены гротеском. Герои в них — соответствующие. Посреди хаоса «странные» люди стараются найти опору. Освободиться от детских травм, которые определяют их судьбу. Лишь в принятии себя через столкновение с другими, которые поначалу могут восприниматься враждебно, но в итоге оказываются близкими людьми, герои Йенсена находят спасение [Bordwell, 2007]. Они изгои общества. Айван из «Адамовых яблок», так же далек от понятия «нормальности» [Hättich, 2014: 261], как и Манфред из «Последнего викинга». Интересно, что М. Миккельсен исполнил роли обоих героев. Это еще одна важная линия в творчестве Йенсена: семья на экране и за его пределами. Родственники зачастую травмируют героев. И в итоге близкими становятся те, кто сначала был сепарирован и изолирован. В работе режиссер точно так же придерживается идеи «семьи», работая с постоянной командой. Так, Миккельсен, Н. Ли Кас и С. Гробель прошли путь от «Мерцающих огней» (2000) до «Последнего викинга» (2025). Как сценарист Йенсен придерживается тех же принципов. В качестве примера можно вспомнить сотрудничество автора с С. Бир [Moore, 2015: 361]. М. Миккельсен отмечал в интервью, что работа с Йенсеном является примером творческого доверия между людьми, подлинного сотворчества.
Работы режиссера исследуют травмы, изоляцию, а также вопросы семьи; наполнены искалеченными персонажами, которые учатся жить дальше, принимая себя и других. Как отмечал в интервью Миккельсен, за абсурдом в фильмах Йенсена скрываются глубокие чувства.

Литература:
Bordwell D. Risk and renewal in contemporary cinema // Film Quarterly. 2007. 60 (4).
Hättich A. Groteske und Religion im skandinavischen Film // Zeitschrift für Scandinavistik. 2014. 33 (2).
Moore C. Riding the Wave: Creative preferences, spatial tension and transnational story components in the collaborations of Susanne Bier and Anders Thomas Jensen // Journal of Screenwriting. 2015. 6 (3). 361—376.

Трофимова Анастасия Константиновна
студентка 3 курса
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Геометрия травмы: онтология дома и материализация памяти («Хамнет», «Сентиментальная ценность», «Звук падения», «Отражения 3»)

В фильмах 2025 г. («Хамнет», «Сентиментальная ценность», «Звук падения», «Отражения 3») наблюдается окончательный переход дома из статуса пассивной декорации в статус активного субъекта и реализуется идея Г. Башляра о жилище как инструменте анализа человеческой души, изложенная в «Поэтике пространства» [Башляр, 2020]. Кинематограф новейшего периода материализует иерархию памяти и вытесненных травм, превращая архитектуру в физическое тело семейной истории. Стены и предметы интерьера не просто функциональны, а выступают как «органы психологической жизни»: через изменения пространства транслируются переживания героев. Подтверждается тезис философа о том, что дом — это «первое пристанище в мире», вне которого идентичность субъекта рискует окончательно распасться.
Такой подход превращает жилое пространство в материальный архив, где каждый элемент — активный двигатель сюжета. Дом в современном кинематографе служит резонатором, который не только защищает героя от внешнего хаоса, но и заставляет его вступать в неизбежный конфликт с собственным прошлым, запечатленным в фактуре стен и геометрии комнат.
На примере драмы Й. Триера «Сентиментальная ценность» и «Хамнета» Хлои Чжао дом предстает как материальный архив. Здесь конфликт вокруг «обладания пространством» трактуется как экзистенциальный: утрата стен приравнивается к деконструкции личности. Детали интерьера выступают в роли внешних носителей памяти, замещая героям живое общение и удерживая присутствие ушедших близких. В основе этого процесса лежит концепция М. Хайдеггера, изложенная в работе «Строить, жить, мыслить», где утверждается: быть — значит обитать. Хайдеггер связывает сущность человека с его способностью «сберегать» пространство, превращая его в место своего присутствия [Хайдеггер, 1993].
В «Хамнете» родовое поместье наделяется дихотомией: оно защищает героев от исторического хаоса, но одновременно герметизирует их горе. Комнаты в доме воплощают границу между жизнью и смертью, а изменения в интерьерах отражают ход времени. В картинах «Отражения 3» и «Звук падения» архитектура дома используется для репрезентации структуры человеческой психики через «башляровскую вертикаль». Башляр выделял рациональный, ясный «чердак» и иррациональный, темный «погреб» — эта метафора в упомянутых фильмах доводится до предела. Замкнутое пространство нижних этажей становится местом локализации родовой травмы, которая физически прорывается в реальность через акустические аномалии и визуальные искажения. Использование зеркальных поверхностей и цикличной планировки создает эффект «жуткого» (Unheimlich) [Фрейд, 1995], превращая «родное» пространство в чужое и враждебное, где дом начинает владеть героем, диктуя ему конкретный способ восприятия реальности.
Кинематограф середины 2020-х гг. фиксирует новую степень диффузии между человеком и его жилищем. Дом больше не является просто убежищем — он выступает как броня или зеркало внутреннего распада. Через звуковую детализацию и подчеркнутую тактильность кадра память персонажей обретает материальное значение, делая пространство дома главным полем борьбы.

Литература:
Башляр Г. Поэтика пространства. М., 2020.
Фрейд З. Жуткое. Художник и фантазирование. М., 1995.
Хайдеггер М. Строить, жить, мыслить. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

Тюменцева Анастасия Александровна

магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

От романа к экрану: кинематограф как инструмент поддержания и сохранения основ американской культуры (трансмедиальное преобразование романа «The Housemaid» Ф. Макфадден)

В работе представлены лингвистические особенности кинематографического адаптирования романа Ф. Макфадден «The Housemaid» (2022), показанные сквозь призму сохранения и поддержания ключевых компонентов национальной культуры США и американской идентичности. В основу исследования легла следующая гипотеза: целенаправленное использование коллективом кинематографистов лингвистических приемов и инкорпорация в канву киноповествования лингвокультурологических маркеров, ориентированных на аудиторию носителей, способствует конструированию, упрочению и трансляции отдельных, тщательно отобранных, элементов американской идентичности и национальной культуры США. В исследовании использованы методы дискурс- и сравнительно-сопоставительного анализа.

Изучению роли кинематографа в процессах конструирования и поддержания национальной идентичности посвящено немало исследований; в частности, статья В. Н. Беденко, по замечанию которого, «кино служит зеркалом национальной культуры» [Беденко, 2021: 135]. Исследователь убежден, что «создатели комедийных фильмов, являясь носителями американской культуры и менталитета, осознанно или бессознательно воплощали в киноперсонажах важные для американцев ценности. <…> Следовательно, толкование образа действий комедийных героев и извлечение данных смыслов позволяют наглядно увидеть особенности культуры США, ценности, нормы и особенности мировоззрения» [там же: 136]. Несмотря на то, что исследование Беденко проводилось на материале комедийных фильмов, его наблюдения справедливы и в отношении картин других жанров.

Так, напр., психологический триллер «The Housemaid» (2025) служит ярким примером того, как кинематограф может использовать лингвистические приемы и культурные маркеры для конструирования, упрочения и трансляции американской идентичности. Несмотря на то, что адаптация фильма осуществлялась с опорой на литературный первоисточник, были выявлены частотные случаи инкорпорации в кинореплики национально-прецедентных феноменов, отсутствующих в романе (напр., *Guggenheim-y*, *Tinder*, *Candy Land* и др.). Данный прием создает эмоциональную связь с американским кинозрителем через активацию национальных представлений и установок, усиливая чувство принадлежности к американскому сообществу.

Аналогичный эффект достигается через эпизодические, сюжетно не мотивированные, упоминания института церкви и «наблюдения киногероев» о сложностях получения медицинской страховки в США. В киноадаптации актуализируются ключевые концепты американской идентичности: «американская мечта», эгалитаризм, исключительность. Отдельные фразы из диалогов подчеркивают исключительность американской нации, символически транслируют идею о равенстве возможностей в США: 1) *Is it too early for meat and cheese? You know, that's what they have for breakfast in Europe*; 2) *He works with the family* и пр. Подобные реплики не только придают киноповествованию аутентичность, но и усиливают культурный резонанс. Результаты исследования подтверждают ориентированность продуктов кинематографа на сохранение национально-культурной целостности: рассмотренные лингвистические приемы в совокупности формируют уникальное плотное лингвокультурологическое поле, преимущественно адресованное внутреннему потребителю.

Литература:

Беденко В. Н. Герои американской кинокомедии 1990-х годов как отражение культуры США // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 1 (80). С. 135—140.

Федоренко Иванна Андреевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Трансформация категории ужасного в экранизациях повести Н. В. Гоголя «Вий»

Доклад посвящен анализу способов выражения категории ужасного в экранизациях повести Н. В. Гоголя «Вий». В работе рассматривается, как различные режиссерские интерпретации трансформируют гоголевскую модель ужаса, сформированную в контексте романтизма и готической традиции. Раннее творчество писателя, основанное на принципе двоемирия и фольклорно-мистической образности, формирует особую поэтику ужасного, в которой важную роль играет экзистенциальное начало. В свою очередь, кинематографические адаптации имеют тенденцию значительно упрощать смысловую нагрузку «ужасного», в то же самое время визуально его акцентируя.
Основными методами исследования являются компаративный анализ, историко-культурный подход и элементы нарратологического анализа. Целью доклада является выявление различий в способах конструирования ужаса в экранизациях «Вий» (1967), «Ведьма» (2006), «Вий 3D» (2014) и «Гоголь. Вий» (2018), а также определение влияния контекста эпохи на режиссерские решения. В качестве теоретической базы главным образом используется типология кинематографического ужаса Дж. Ханича [Hanich, 2010]. В экранизации 1967 г. преобладает недосказанность и замедление темпа, что соответствует понятиям «suggested horror» и «cinematic dread». В экранизации «Ведьма» наблюдается перенос действия в иной культурный контекст и переосмысление сюжета через мотив искушения и спасения, при этом акцент смещается с фигуры Вия на образ ведьмы, фильм построен на приемах «cinematic terror». В фильме «Вий 3D» происходит радикальная трансформация исходного текста: вводятся новые персонажи (в частности, фигура следователя-иностранца), усиливается детективная линия и рационализация сверхъестественного. Ужас здесь во многом приобретает характер аттракциона, что снижает уровень экзистенциального страха и усиливает эффект «cinematic shock». Аналогичная тенденция наблюдается в проекте «Гоголь. Вий», где гоголевский сюжет становится частью более широкого метанарратива, связанного с расследованием и фигурой самого писателя.
В версиях XXI в. наблюдается активное использование спецэффектов, избыточное изображение нечисти и динамичный монтаж, что отвечает принципам «direct horror», «cinematic terror» и «cinematic shock» и соответствует логике массового кино. При этом, несмотря на значительный потенциал жанра хоррора как инструмента осмысления социальных и культурных проблем, в новых экранизациях этот ресурс реализован ограниченно.
В ходе работы был сделан вывод, что эволюция способов выражения ужасного в экранизациях «Вия» отражает переход массового кинематографа к визуально ориентированному хоррору. Это связано с изменением технологий, жанровых ожиданий аудитории и коммерциализацией классических текстов, что приводит к неоднозначному переосмыслению гоголевского наследия в контексте современной культуры.

Литература:
Hanich J. Cinematic Emotion in Horror Films and Thrillers: The Aesthetic Paradox of Pleasurable Fear. N. Y., 2010.

Ховренкова Екатерина Андреевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Костюм как средство визуальной репрезентации женских персонажей в фильме Ф. Озона «Мое преступление»

Ф. Озон — яркий представитель авторского кино, известный стилистическим и жанровым разнообразием своих фильмов. Неоднократно в кинематографе Озона возникала женская тема, он снимал К. Денев, И. Юппер, Ф. Ардан. Костюмы героинь всегда были важной частью визуальной составляющей его работ. Художнице по костюмам П. Шаванн, с которой режиссер работал неоднократно, необходимо было передать в фильме «Мое преступление» атмосферу Парижа, используя характерные стилистические признаки эпохи [Авраменко, 2023]. Костюмы выступают не только в качестве исторических «примет времени», но и как выразительное художественное средство, формирующее образы персонажей. Работа художницы по костюмам была высоко оценена профессиональным сообществом и отмечена номинацией премии «Сезар». В связи с этим целью исследования является анализ элементов, благодаря которым костюм стал одним из ключевых элементов визуального языка фильма.
Действие в фильме Озона «Мое преступление» (2023) происходит в Париже 1930-х гг. Главная героиня Мадлен Вердье (Н. Терешкевич) стремится стать известной актрисой. Неожиданно девушку обвиняют в убийстве театрального продюсера. Угроза наказания вынуждает героиню просить помощь у подруги-адвоката Полин (Р. Мардер). Одежда Мадлен и Полин соответствует не только духу времени, но и характеру каждой из героинь. Общей основой их образов стал ансамбль из блузы и длинной юбки «в пол» — распространенный тип женского европейского костюма 1930-х гг. При этом работа Шаванн не сводилась к точному копированию актуальных модных тенденций и фасонов эпохи ар-деко. Одежда девушек отличается деталями, которые дополняют и раскрывают их образы. Если юбка Мадлен практически незаметна, поскольку в фильме часто используется средний («поясной») план, то воздушная блуза пастельно-голубого тона в одной из сцен становится выразительным цветовым акцентом. Оттенки синего цвета традиционно связывают с мечтательностью, спокойствием, непорочностью, что соотносится с чертами характера героини.
Будущий адвокат Полин предпочитает строгую рубашку мужского кроя. В первой половине XX в. в женский гардероб все активнее внедрялись брючные костюмы и мужские рубашки. Полин — олицетворение деловой молодой женщины 1930-х гг.
Самым ярким женским персонажем в фильме является Одетт Шомет (И. Юппер), забытая актриса немого кино. В отличие от молодых героинь Мадлен и Полин, Одетт Шомет является отражением уже прошедшей эпохи. Немое кино с его высокопарной театральностью повлияло на образ героини. По словам Шаванн, она подбирала костюмы Одетт Шомет, опираясь на образ актрисы С. Бернар [Muşat, 2023].
Таким образом, Шаванн удалось раскрыть психологию персонажа при помощи деталей костюма и целостности получившегося образа. Можно сказать, что в «Моем преступлении» была успешно продолжена линия «Восьми женщин» — классического фильма Озона, где «у каждой из героинь — свой цвет и фирменный наряд» [Плахов, 2002: 398].

Литература:
Авраменко Е. Свобода, равенство, сестринство — «Мое преступление» Франсуа Озона // Журнал «Сеанс». URL: https://seance.ru/articles/mon-crime/ (18.02.2026).

Плахов А. С. Всего 33. Звезды крупным планом. Винница, 2002.
Muşat L. Interview with François Ozon: «The Crime Is Mine» // Films in Frame. URL: https://www.filmsinframe.com/en/interviews/francois-ozon-the-crime-is-mine/ (18.02.2026).

Шашкова Полина Максимовна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Кино как прием в спектакле В. Поповой «Камера обскура»

В 2014 г. на Новой сцене Александринского театра появился спектакль В. Поповой по роману В. Набокова «Камера обскура». Над созданием спектакля работали также театральные художники А. Ловянникова и А. Лобанов, которые вместо драматических актеров исполнили главные роли, а точнее — стали «операторами» вещей и механизмов. Создатели «Камеры обскура» предлагают не инсценировку художественного текста, но экспериментальный проект, в рамках которого история, написанная Набоковым, рассказывается при помощи инструментов визуального искусства, а литературный сюжет деконструируется семиотической средой, созданной различными объектами и медиа. В докладе будет рассмотрено, как язык кинематографа (монтаж, смена фокуса, «точка зрения оператора», интертитры) становится одним из ведущих принципов построения театрального действия.

Тема кинематографа в романе «Камера обскура» выходит за рамки простого упоминания нового вида искусства: Набоков создает сложную метафорическую систему, где кино — это и источник иллюзий, и модель нового способа восприятия, и часть пошлой индустрии развлечений, и принцип повествования в художественном тексте.

Сцена спектакля разделена на три части, каждая из которых оснащена камерами. Изображение с них в реальном времени проецируется на разные части сцены. Это раскрывает главную идею романа и постановки: кинематограф, играющий сюжетообразующую роль в истории Кречмара и Магды, руководит судьбой действующих лиц. Одна из камер направлена на световой планшет в глубине сцены. На нем высвечиваются миниатюры с текстом, отсылающие к интертитрам немого кино. Эти «монтажные вставки» создают атмосферу эпохи и выполняют практическую роль: поскольку спектакль почти бессловесен, интертитры поясняют сюжет. С помощью планшета художники также рисуют персонажей и вводят важные смысловые оттенки. Видеопроекция передает психологическое состояние героев. В сцене первого свидания на обнаженную спину актрисы проецируется рука партнера. Это неслучившееся прикосновение Кречмара: проекция лишает героев реального контакта, подчеркивая призрачность их любви.

Финальная сцена обыгрывает киноприемы Набокова. Сначала Кречмар смотрит в камеру, пытаясь найти Магду, стреляет и промахивается. Затем за камеру встает Магда, «целясь» в него изображением.

Так в экспериментальной постановке Поповой язык кино открывает новые выразительные возможности, переосмысляя природу театрального искусства.

Шестова Елизавета Денисовна
студентка 3 курса
Челябинский государственный университет

Вербальные и невербальные средства создания образа творца в повести «На Верхней Масловке» Д. Рубиной и экранизации К. Худякова

На материале повести Д. Рубиной «На Верхней Масловке» и экранизации К. П. Худякова в докладе рассматривается проблема взаимосвязи литературы и кино.
Актуальность работы обусловлена двумя факторами. С одной стороны, особой значимостью визуального компонента в современной культуре, возникшей вследствие появления интернета и развития цифровых технологий. С другой — самим материалом исследования: произведения Рубиной успешно экранизируются («На солнечной стороне улицы» (2011), «Синдром Петрушки» (2015) и др.), и нередко она сама выступает в роли сценариста: «Любка» (2009), «На Верхней Масловке» (2004).
Цель исследования — путем сопоставления вербальных и невербальных средств создания образа творца выявить кинематографический потенциал текста Рубиной. Для достижения этой цели использовались методы интермедиального, сравнительного и структурного анализа.
В результате исследования было установлено, что центральный образ повести — художник, скульптор Анна Борисовна — обладает сложным и противоречивым характером. В нем сочетаются аристократическое поведение и грубость, эгоизм и радение за молодых творцов, устремленность к высокому и неспособность принимать быт, действительность.
Амбивалентность образа творца реализуется в тексте Рубиной с помощью как традиционно литературных, преимущественно вербальных, так и невербальных средств кинопоэтики. К первым относятся система мотивов (избранности, одержимости, одиночества), система двойников главной героини (художники, театральные деятели), а также портретная характеристика и детали. Невербальные средства представлены монтажной композицией, авторским объективом (движением точки зрения автора как объектива камеры в киноповествовании) и колористикой.
Последние особенно значимы и заметны при сопоставлении художественного текста с экранизацией. Кинематографический потенциал произведения позволил режиссеру Худякову использовать повесть как основу кинофильма, усилить и раскрыть идеи писательницы с помощью вербальных и невербальных средств киноязыка. Вербальные средства представлены эмоционально окрашенными репликами героев; невербальные — композицией фильма, нелинейным хронотопом и цветом как способом противопоставления прошлого и настоящего, выбором актеров для создания и передачи ментального и визуального образов героев Рубиной, движением камеры и крупными планами.
Таким образом, были выявлены вербальные и невербальные средства создания образа творца в тексте Рубиной и экранизации Худякова, доказан кинематографический потенциал повести «На Верхней Масловке».

СЕКЦИЯ «ТЕАТР»

Буранкова Ульяна Владимировна
магистрантка 1 курса
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Функции документа в пьесе Е. Г. Водолазкина «Музей»

В художественной системе пьесы «Музей» Е. Г. Водолазкина прослеживаются элементы документализма, что не привлекало особого внимания в научных исследованиях.
Фабулу пьесы образует описание трех последних дней жизни С. М. Кирова. После смерти Кирова предшествовавший ей отрезок времени сразу же породил вопросы о том, что же произошло на самом деле. Водолазкин дает свою интерпретацию этой истории, представляя ее как трагифарс, в который вплетаются документальные сведения, создающие иллюзию

достоверности. Автор использует отдельные фрагменты из документов, находящихся в открытом доступе и связанных с расследованием убийства Кирова.

Начинается пьеса прибытием Кирова из командировки в Ленинград за три дня до его смерти. В протоколе допроса Л. В. Николаева от 9 декабря 1934 г. записано, что Николаев возобновил слежку за Кировым 29 ноября, когда Киров вернулся с пленума ЦК ВКП(б). В восьмой сцене первого действия происходит диалог между Сталиным и Кировым — Сталин предлагает Кирову несколько версий его смерти, в т. ч. от руки «отщепенца Зиновьева»: *а им рассказывают, как после дуэли с отщепенцем Зиновьевым в рабочий кабинет внесли смертельно раненного товарища Кирова* [Водолазкин, 2022: 34]. Несмотря на первые протоколы допросов, дневниковые записи и др., в которых Николаев утверждает, что готовил покушение на Кирова один, в допросе от 13 декабря 1934 г. возникает версия о группе зиновьевцев-оппозиционеров (куда как будто бы входил Николаев), которые организовали убийство. Эта версия отражается в пьесе в реплике Сталина: *Только никогда Зиновьев на дуэль не согласится <…> Подошлет к подъезду наемного убийцу* [там же]. Кроме того, в пьесе есть эпизод, в котором Николаева задерживают с пистолетом около дома Кирова и затем отпускают по приказу Сталина. В протоколе допроса от 8 декабря 1934 г. Николаев дает показания о том, как 15 октября 1934 г. его задерживала охрана Кирова, когда он с пистолетом следил за ним. Позже, в УНКВД его не обыскали и не задержали.

В пьесе также фигурирует внесценический персонаж — Волкова, являющаяся агентом НКВД, неадекватно ведущая себя и помещенная позже в психиатрическую лечебницу. В расследовании убийства Кирова действительно появлялась М. Н. Волкова, в беседе от 24 ноября 1960 г. она давала противоречивые показания, не подтверждающиеся показаниями других людей и иными достоверными фактами. Данный персонаж усиливает гротескность действия.

Кроме того, Водолазкин включает в художественный текст фрагмент, стилизованный под заключение патологоанатома: *ВРАЧ. <…> Покойному 48 лет от роду, рост 168 сантиметров. Невысокий вы у нас вождь, товарищ Киров…* [там же: 14]. Автор в данном случае использует такую речевую стратегию внедрения документа в текст, которая позволяет изменить документальный материал за счет включения его в диалог.

Таким образом, частично основываясь на реальных событиях, произошедших в 1934 г. и позже, Водолазкин вводит в текст пьесы фрагменты документов, что позволяет сделать его более убедительным и соответствующим трагическому началу произведения. Внедрение исторических фактов и жанровых элементов документа поддерживает реалистическую тональность.

Литература:

Водолазкин Е. Г. Музей. М., 2022.

Калита Ксения Иннокентьевна
магистрантка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Литовская драматургия 1945—1955 гг.: формирование соцреалистического метода

Исследование литовской драматургии 1945—1955 гг. позволяет увидеть, что представляла собой национальная литературная традиция под воздействием общесоветского соцреалистического канона. Анализ теоретического наследия главного театроведа Литовской ССР Й. Ланкутиса [Lankutis, 1983: 38] дает возможность сформулировать принципы, ставшие основообразующими для новой литовской драмы первого послевоенного десятилетия. Эти принципы соотносятся с обобщениями современных исследователей соцреалистического канона, таких как Х. Гюнтер [Гюнтер, 2000] и К. Кларк

[Кларк, 2000], что позволяет выделить следующие положения:
1) доминанта социально-политического конфликта: столкновение «старого мира» (буржуазно-кулацкого, эксплуататорского) и «нового мира» (советскости/народности) задает драматическую конструкцию; личные противоречия трактуются как проявление классовой борьбы и реализуют принцип «поляризации ценностей» [Гюнтер, 2000: 9];
2) система контрастных ролей: конфронтация положительных и отрицательных персонажей с резким моральным раскрашиванием; положительный герой функционирует как носитель «коммунистической морали», тогда как отрицательный персонаж репрезентирует образ классового врага, лишенного психологической сложности и подлежащего полной дискредитации;
3) исторический оптимизм: действительность изображается в перспективе революционного развития; трагедии легитимируются «высшей целью», а финал закрепляет торжество исторической справедливости и победу нового социального порядка;
4) национальная почва канона: социальные коллизии сцепляются с крестьянским моральным кодексом (любовь к земле, ценность труда, народный патриотизм), что позволяет адаптировать универсальные соцреалистические модели к локальному культурному контексту;
5) риторико-тезисный стиль: плакатность и декларативность диалога выступают не только «издержкой», но и структурной нормой раннего канона: положительный герой превращается в «вербальную икону» [Кларк, 2000: 570], а его речь — в функцию морально-политической роли.
Таким образом, формирование соцреалистического канона в литовской драматургии 1945—1955 гг. проходит путь от жесткой нормативной схемы (открытая классовая поляризация, архетипизация врага, лозунговая речь) к переходной модели середины 1950-х гг., где канон сохраняет структурный каркас, но конфликт постепенно психологизируется и смещается в сферу семейных и внутренних мотиваций. Национальная специфика проявляется не в отказе от канона, а в его адаптации — через крестьянскую этику земли и труда, этнографическую детализацию и элементы сатирико-бытовой драмы, что подготавливает дальнейшую эволюцию литовской драматургии в сторону психологизма периода «оттепели».

Литература:
Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон / Ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 7—16.
Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон / Ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 569—585.
Lankutis J. Lietuvių tarybinė dramaturgija. Vilnius, 1983.

Костянова Дарья Александровна
студентка 3 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Опыт интеграции киноязыка в пространство театральной сцены (на примере спектаклей «Строитель Сольнес» Е. Закирова, «Тайм-аут» П. Шерешевского, «Школа для дураков» А. Устинова)

Монтаж аттракционов — это прием резкой смены эмоциональных регистров, свободный монтаж «произвольно выбранных <…> воздействий <…> с точной установкой на определенный конечный тематический эффект» [Эйзенштейн, 1964: 271]. Возникнув как театральный эксперимент, эйзенштейновская теория была преимущественно реализована в кинематографе, но сегодня можно говорить о повышенном интересе к ней у театральных

режиссеров.
Так, Е. Закиров, кажется, разделяет позицию Эйзенштейна, утверждающего, что «сделать хороший <…> спектакль — это построить крепкую мюзик-холльную — цирковую программу, исходя от положений взятой в основу пьесы» [там же]. На экспериментальной площадке Закиров поставил «композицию» по пьесе Г. Ибсена с жанровым подзаголовком «личная история». Действие строится по логике монтажных разрывов: последовательность эпизодов нарушается сбоями, которые зритель ощущает за счет света, пульсирующего в эпилептическом ритме, и резкой музыки, что сближает сценическую форму с логикой артхаусного киноальманаха. Возникает полифония голосов: при едином режиссерском замысле каждый актер самостоятельно «режиссирует» собственную историю. В неразъятости драматургической основы и размышлений актеров видится модифицированный эффект Кулешова.
Очевидный знак присутствия кино в спектакле — использование экрана и проектора, сопровождающее действие. Примечателен женский монолог, разворачивающийся на фоне первых эпизодов фильма Б. Фосса «Весь этот джаз». *Идти по проволоке — значит жить, все остальное — ожидание* — слова, которые звучат в этот момент в фильме, в спектакле подавляет музыкальный ряд. Экран воспроизводит трагическое подсознательное, пока не поддающееся вербализации, — травматический опыт героя, которому адресуется монолог. Глухота персонажей друг к другу усугубляется их невосприимчивостью к символически «онемевшему» визуальному ряду.
В спектакле А. Устинова «Школа для дураков» кинопроекция используется, но экран отсутствует — его функцию выполняет актер: именно на него транслируется запись приема у психиатра. Лицо актера скрыто бумажной бабочкой — его герой отчужден от самого себя, он лишь инструмент воспроизведения болезненного эпизода из своей жизни.
Экран может подчинять себе основное внимание зрителя: так это происходит в спектакле П. Шерешевского «Тайм-аут». Действие разворачивается в глубине сцены, что заставляет даже близко сидящего зрителя смотреть на огромный экран, где идет онлайн-трансляция — происходящее уподобляется съемке реалити-шоу. Сценографическое решение отсылает к игровой логике: пространство организовано как лабиринт гипермаркета, где много времени проводит главная героиня. Подобная структура подчеркивает тему блуждания; пространство при этом кажется симуляцией, заставляя зрителя задаваться вопросом, существует ли граница между реальным и медийным.
Безусловно, киноязык придает театру внешнюю эффектность, сближая спектакль с шоу и усиливая воздействие на зрителя. Вместе с тем кинопроекция в рассмотренных постановках не столько выполняет декоративную функцию, сколько выступает носителем самостоятельной семантической нагрузки, реализуясь, как минимум, в трех основных моделях: экран-подсознание, проекция травмы, экран-симуляция. Более того, кинематографизм сцены проявляется и в использовании различных видов монтажа (ассоциативный, ритмический).

Литература:
Эйзенштейн С. М. Избранные произведения. М., 1964.

Мшецян Арус Мхитаровна
студентка 4 курса
Воронежский государственный университет

Судьба актера в рассказах А. П. Чехова 1880-х гг.

Интерес к миру театра и профессии актера возникает у А. П. Чехова еще в самом начале его творческого пути. Об этом свидетельствует не только «Безотцовщина», но и частотность

появления лексем *актер* и *актриса* в рассказах 1880-х гг.: с двух словоупотреблений в 1881 г. до 13 в 1886 г.; в 1887—1891 гг. они почти не встречаются. При этом только недавно начали появляться работы, посвященные этому феномену, в связи с чем в качестве материала для анализа были выбраны произведения Чехова, созданные с 1880 по 1887 г. Было обнаружено 47 таких текстов, которые можно разделить на две группы. В первой (ей и будет преимущественно посвящено наше исследование) речь идет о жизни актеров («Барон», «Mari D'elle», «Панихида», «Пассажир 1-го класса», «Критик» и др.) либо актер является одним из центральных персонажей («Трагик», «После бенефиса», «Актерская гибель», «Первый любовник», «Юбилей» и др.). Причем в одних текстах об актерской жизни рассказывают сами актеры, в других об этом рассуждают люди, не имеющие отношения к искусству. Во второй группе лексема *актер* включена в состав сравнительного оборота и/или служит для характеристики одного из персонажей («Драма на охоте», «Из огня да в полымя», «Средство от запоя» и др.).

В таких значительных для чеховской «актерской» характерологии рассказах, как «Трагик» (1883) и «На кладбище» (1884), повествуется о том, как человек становится актером, и это «преображение» представлено с двух разных точек зрения: мужской и женской. В «Трагике» дочь исправника Маша после нескольких посещений театра влюбляется в одного из актеров, сбегает из дома и венчается с ним. Однако вскоре оказывается, что герой не испытывает к Маше никаких чувств, и даже более того — нередко избивает жену. Тем не менее, Маша все равно остается с ним, начинает актерскую карьеру, хотя амплуа «маленькой графини» не сулит ей никаких перспектив. «На кладбище» рассказывает о безымянном герое, пришедшем на могилу к актеру Мушкину. Его судьба во многом напоминает историю Маши из «Трагика». Он жалуется на Мушкина, который своим искусством выманил его из родительского дома и прельстил артистической суетой, много пообещал, но дал лишь горе и слезы. Обратим внимание, что в облике этого героя повторяется один из элементов одежды, который появляется и в «Трагике», — кривые каблуки. Эта деталь может свидетельствовать о неустойчивом, нестабильном положении ее обладателя и отсылать к одному из ключевых мотивов, сопровождающих образ актера у Чехова, — мотиву пьянства, который мы встречаем в 16 «актерских» текстах писателя. И один из наиболее выразительных примеров — рассказ с характерным названием «Актерская гибель» (1886), в котором поклонником «чего-нибудь горячего» оказывается не только погибающий от пьянства актер Щипцов, но и посещающие его товарищи. На профессию актера «извне», глазами лавочника Андрея Андреича, отца умершей Машутки, мы смотрим в рассказе «Панихида» (1886). В записке на проскомидию он «нарекает» дочь «блудницей», хотя в рассказе не подтверждается такая оценка героя. Более того, ее память защищают даже священнослужители, называя известной артисткой, про которую писали в газетах.

Этот комплекс мотивов, связанных с фигурой актера, мы будем обнаруживать и в более поздних произведениях Чехова («Скучная история», «Чайка», «Вишневый сад» и др.), но в большинстве из них акценты будут смещены на творческую, эстетическую составляющую профессии.

НАПРАВЛЕНИЕ «БУДЕТЛЯНЕ»

СЕКЦИЯ «БУДЕТЛЯНЕ. ГИПОТЕЗА В ФИЛОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ БОИ»

Авилов Андрей Викторович
студент 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Прототип цифрового словаря языка В. В. Маяковского: методология и филологические перспективы

Одной из фундаментальных задач современного литературоведения остается создание словарей языка автора. Такая задача уже неоднократно решалась в отношении значимых литературных фигур — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. М. Шукшина, В. С. Высоцкого. Крайне важной она видится и для современного маяковсковедения. Настоящая работа представляет собой попытку создания первого полноценного цифрового прототипа такого словаря и обозначает перспективы его дальнейшего применения.
В основе нашего подхода лежит гипотеза о том, что язык автора — это не просто сумма наиболее частотных единиц, но строгая система синтагматических и парадигматических отношений. Каждая лексема в персональном дискурсе автора получает семантический сдвиг, определяющий индивидуальность художественного видения творца — той эстетической рамки, которой он пользуется для превращения объектов реальности в элементы художественного мира. Мы предполагаем, что этот сдвиг можно не только зафиксировать как факт, но и измерить математически через косинусное расстояние между векторами лексемы в авторской и нормативной моделях. Словарь при таком подходе становится способом проникнуть в герметичную авторскую логику и инструментально проследить процесс рождения лирического высказывания.
Ключевым нововведением исследования является использование методов цифровой гуманитаристики. Построение чернового варианта словаря осуществляется с помощью векторной модели word2vec, обученной на оцифрованных текстах из полного 13-томного собрания сочинений В. В. Маяковского. Такой подход обеспечивает качественный лексикографический сдвиг: алгоритм выявляет скрытые дистрибутивные закономерности, недоступные ручному анализу. Сопоставление с нормой реализуется через сравнение векторов авторского идиолекта с векторами прагматически нейтральной модели — мы опираемся на инструменты библиотеки Natasha (проект navec), но обучаем модель на материалах 1900—1930 гг. (на базе НКРЯ). Окказионализмы Маяковского, не имеющие аналогов в общем корпусе (OOV-vectors), представляют отдельную сложность для обработки — их семантика восстанавливается через их контекстное окружение. При этом окончательную верификацию результатов выполняет филолог-специалист — цифровые методы лишь выступают фундаментом для экспертных наблюдений.
Предполагаемая практическая значимость проекта выходит за рамки справочного материала. Создание прототипа авторского словаря представляется важным для решения сложных случаев атрибуции. Если классические стилометрические методы (напр., дельта Берроуза), фокусируются на частотности словоупотребления, наша лексикографическая модель акцентирует внимание на семантическом поле каждой единицы авторского словаря. В контексте насыщенной фальсификациями истории авангарда такая модель в перспективе может повысить точность атрибуции благодаря верификации текста на уровне идиолекта. Кроме того, понимание механизмов семантического сдвига в языке Маяковского дает базу для качественного перевода его произведений без потери авторских семантических нюансов.
Итак, прототип словаря Маяковского мыслится нами как актуальный исследовательский инструмент, позволяющий решить сложную комплексную задачу — реконструировать и

проанализировать динамику эстетического переосмысления мира, совершаемого автором через слово.

Кулешова Полина Сергеевна
студентка 2 курса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Лексико-тематический анализ современной детской прозы в жанре хоррор: корпусное исследование

В детский хоррор входят произведения, написанные для детей с целью вызвать испуг, но при этом адаптированные под особенности психики юных читателей: снижение уровня жестокости предполагает отсутствие описания кровавых сцен, в отличие от маркировки 16+. От жанра страшилок эти тексты отличаются тем, что они созданы взрослыми специально для детей и подростков, в то время как страшилки (передающиеся в нескольких изводах истории без автора) причисляют к фольклору.
Целью настоящего исследования является сравнение между собой двух групп текстов: страшных и не-страшных детских произведений и выявление особенностей, благодаря которым авторам удается вызвать страх у детей, а также сравнение эффективности этих особенностей: действительно ли они могу напугать читателя.
Страшные детские произведения выделялись по следующему принципу: они относятся к жанру хоррор; имеют автора; созданы в XXI в. На то, что произведение не является фольклорной страшилкой, указывает и заголовок, в котором отражены реалии современности: «Кошмары станции “Мартышкино”», «Пятница — Game over».
Материалом исследования стал составленный нами корпус детской страшной литературы, который включает более 80 произведений, отобранных из Корпуса русской прозы для детей и юношества XX—XI вв. [Маслинский и др., 2021] и дополнительных онлайн-источников. В отличие от предыдущих исследований зарубежных и отечественных авторов, мы рассматриваем только авторские тексты в жанре хоррор, исключая описанные выше страшилки.
Чтобы понять, насколько различны или схожи между собой средства, которыми писатели пугают детей, мы отдельно рассматриваем особенности исследуемых текстов. В качестве метода исследования использовалось построения списков самых частотных слов, полученных с использованием AntConc. Так, выделяются две группы слов, на примере которых видны особенности страшной литературы. Учитывались слова с наибольшей частотностью, за исключением служебных. В одну группу входят важные для развития действия предметы (*кладбище*, *томагавк*), в другую — антропонимы (*бабушка*, *Дэн*). Используя непривычные для детского восприятия понятия (*кладбище*), писатели закладывают определенный нравственный урок, который должны усвоить дети (слово *бабушка* указывает на необходимость покорности старшим, так как упоминается в связи с игнорированием героями ее советов). Выявление описанных групп стали результатом нашего исследования: они находятся в сознании читателей и запоминаются после прочтения вследствие высокой частотности в рассматриваемых текстах; кроме того, менее привычны для детского сознания, чем те слова, которые принадлежат к другим жанрам. Таким образом, исследование демонстрирует, что страшная литература, в отличие от других жанров детских произведений, является более эффективным дидактическим средством, чем не-страшная литература, потому что писатели воздействуют на детей, используя группы слов, оказывающих специфическое влияние на эмоции читателей.

Литература:
Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л. Корпус русской прозы для детей и юношества //

Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору, 2021. Версия V3. https://doi.org/10.31860/openlit-2021.4-C001 (20.02.2026).

Паладич Мария Александровна
магистрантка 2 курса
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Прагматика путевого текста: анализ травелога Дж. Беттинелли «Brum Brum. 254.000 chilometri in Vespa»

В современном научном дискурсе наблюдается устойчивый интерес к изучению нехудожественных жанров, и особое место среди них занимает травелог. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа жанра травелога с точки зрения прагматики текста, определяющей его воздействие на читателя и коммуникативные стратегии автора. Несмотря на растущую популярность данного жанра, он остается недостаточно изученным в лингвистическом аспекте. Предметом исследования, таким образом, выступают прагматические особенности травелога; материалом — книга Дж. Беттинелли «Brum Brum. 254.000 chilometri in Vespa». Данное произведение было выбрано как один из самых известных итальянских травелогов XXI в. Выбор обусловлен также экстралингвистическими факторами: автор совершил уникальное кругосветное путешествие на скутере, причем выбор транспортного средство — культовой итальянской «Vespa» — имеет особое культурологическое значение. В середине XX в. «Vespa» становится национальным символом Италии, ассоциируясь с национальной идентичностью. В ходе работы над материалом были последовательно реализованы следующие шаги: сплошная выборка релевантных примеров из текста, их перевод на русский язык (книга официально не переведена), а также последующий прагмалингвистический анализ. Проведенный анализ позволил выявить ряд прагматических особенностей травелога Беттинелли. Исследуемое произведение тяготеет к жанру дневниковых записей: повествование организовано от первого лица, а дорожные заметки выполняют функцию первичного «пред-текста». Подобная жанровая специфика определяет такие характеристики повествования, как автобиографичность, субъективность авторского взгляда и фиксация событий по принципу «здесь и сейчас». Дневниковая форма обусловливает и особый характер коммуникации с читателем, создавая эффект доверительного общения. Автор достигает этого посредством открытой демонстрации эмоциональных состояний, включая те, которые традиционно маркированы как «немужские» (детские мечты, боль от расставания): «С кривой усмешкой рву записку и вдруг чувствую сильную боль в желудке, которая заставляет меня ощутить себя старым и никому не нужным» [Bettinelli, 2012: 65]. Важной прагматической характеристикой текста выступает реализация просветительской функции при сохранении жанровой достоверности. Несмотря на выраженный субъективизм, автор сохраняет позицию надежного рассказчика: повествование включает фактологическую информацию об истории, политическом устройстве и культурных особенностях посещаемых стран. Ключевым механизмом репрезентации межкультурного взаимодействия в тексте выступает оппозиция «свой — чужой». Автор активно использует прием отстранения, позволяющий читателю увидеть незнакомые реалии сквозь призму восприятия путешественника. Итак, анализ показал, что прагматические особенности травелога Беттинелли обусловлены синтезом дневниковой субъективности, документальной достоверности и репрезентации оппозиции «свой — чужой». Данное сочетание формирует коммуникативную стратегию, направленную на создание доверительного диалога с читателем и трансляцию достоверного знания об иных культурах, что соответствует жанровому определению травелога и одновременно отражает индивидуально-авторский стиль повествования.

Литература:
Bettinelli G. Brum brum. 254.000 chilometri in Vespa. Milano, 2012.

У Шивэнь
асп.
Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен дацзыбао в арт-дискурсе КНР: текст как визуальный медиум

Эпоха «Культурной революции» (1966—1976) в Китае стала периодом радикальных трансформаций в сфере публичной коммуникации и художественной критики. Традиционные институты арт-медиадискурса подверглись деконструкции, уступив место новым формам взаимодействия власти, художника и аудитории. В этом контексте предметом нашего исследования выступает феномен дацзыбао (рукописных стенгазет с большими иероглифами) как специфический синтетический медиум.
Цель данного исследования заключается в анализе трансформации китайского арт-медиадискурса под влиянием этой радикальной смены носителя информации. Научная новизна работы состоит в рассмотрении дацзыбао не как сугубо политического инструмента, а как синтетической формы коммуникации, трансформировавшей городское пространство в единый текст и изменившей прагматику художественной критики. Материалом исследования послужили номера государственного журнала «Искусство» («美术» / «Meishu») и исторические данные о функционировании уличных стенгазет.
Методологическая база опирается на теорию медиаэкологии, в частности на тезис о том, что средство передачи информации уже является сообщением [McLuhan, 1964], а также на подходы визуальной семиотики. В ходе исследования инструментарий визуальной семиотики применяется для анализа пространственной организации дацзыбао: гипертрофированный масштаб иероглифов, плотность компоновки и агрессивная каллиграфия рассматриваются как невербальные (иконические и индексальные) знаки конструирования властной дистанции, подчиняющие себе вербальный смысл.
Результаты исследования демонстрируют фундаментальный структурный сдвиг в арт-дискурсе КНР исследуемого периода. С точки зрения медиаэкологии, ключевым событием стало вытеснение традиционной текстовой культуры феноменом дацзыбао на фоне того, как толстые журналы перестали быть площадкой для дискуссий, превратившись в инструменты для унификации художественного языка [Andrews, 1994] и трансляции нормативной эстетики [Gao, 2011]. Смена носителя изменила онтологический статус высказывания, переведя текст из объекта индивидуального вдумчивого чтения в объект коллективного созерцания.
Новый формат диктовал визуальную агрессию и упрощение смыслов. Стена как медиум требовала предельной редукции аналитического компонента и использования императивного синтаксиса, превращая художественную критику в орудие прямой политической борьбы. Кроме того, потребление информации через дацзыбао приобрело выраженный перформативный характер. Чтение стало публичным актом и коллективным ритуалом в пространстве города, что сближает данный медиум с театральными и экранными практиками, способствующими вовлечению читателя в идеологический «спектакль».
Таким образом, феномен дацзыбао иллюстрирует ситуацию тотального подчинения содержания медиуму. Текст, вынесенный в публичное пространство и масштабированный до размеров архитектурного объекта, утратил дискурсивную сложность, но обрел мощную визуальную власть, формируя безальтернативную картину мира.

Литература:

Andrews J. F. Painters and Politics in the People's Republic of China, 1949—1979. Berkeley, 1994.

Gao M. Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chinese Art. Cambridge, 2011.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York, 1964.